

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

VIA IN TEMPORE. ИСТОРИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ.

SCIENTIFIC JOURNAL

VIA IN TEMPORE. HISTORY AND POLITICAL SCIENCE

2022. Том 49, № 1

VIA IN TEMPORE. ИСТОРИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ

2022. Том 49, № 1

До 2020 г. журнал издавался под названием «Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология»

Основан в 1995 г. Журнал включен в Перечень ВАК рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук (5.6.1 – Отечественная история, 5.6.2 – Всеобщая история, 5.5.1 – История и теория политики, 5.5.2 – Политические институты, процессы и технологии, 5.5.4 – Международные отношения). Журнал зарегистрирован в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ). С 2020 года издается как электронный журнал. Публикация статей бесплатная.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет».

Издатель: НИУ «БелГУ» Издательский дом «БелГУ». Адрес редакции, издателя: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

Главный редактор серии

О.Н. Полухин, ректор НИУ «БелГУ», доктор политических наук, профессор

Ведущий редактор

В.А. Шаповалов, проректор по качеству и дополнительному образованию НИУ «БелГУ», доктор исторических наук, профессор

Заместители главного редактора:

Н.Н. Болгов, заведующий кафедрой всеобщей истории педагогического института НИУ «БелГУ», доктор исторических наук, профессор

И.Т. Шатохин, профессор кафедры российской истории и документоведения педагогического института НИУ «БелГУ», кандидат исторических наук, доцент

Л.С. Половнева, доцент кафедры российской истории и документоведения педагогического института НИУ «БелГУ», кандидат политических наук

Ответственный секретарь

И.Г. Оноприенко, доцент кафедры российской истории и документоведения педагогического института НИУ «БелГУ», кандидат исторических наук

Члены редколлегии:

М.Г. Абрамзон, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова (Магнитогорск, Россия)

А.Ж. Арутюнян, доктор исторических наук, профессор кафедры всемирной истории Ереванского государственного университета (Ереван, Армения)

С. Атлагиш, доктор политических наук факультета политических наук Белградского государственного университета (Белград, Сербия)
А.В. Глухова, доктор политических наук, заведующий кафедрой социологии и политологии, профессор Воронежского государственного университета (Воронеж, Россия)

А.В. Головнев, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, директор Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук (Москва, Россия)

М. Казански, доктор истории Центра изучения византийской цивилизации (Париж, Франция)

А.В. Коробков, доктор политологии, профессор политологии Университета штата Теннесси (Мерфрисборо, США)

К.Н. Лобанов, доктор политических наук профессор кафедры психологии и педагогики Белгородского юридического института МВД России им. И.Д. Путилина (Белгород, Россия)

М.М. Марасанова, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой рекламы и связей с общественностью Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова (Ярославль, Россия)

Е.А. Молев, доктор исторических наук, профессор кафедры истории древнего мира и классических языков Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород, Россия)

А.В. Перепелицын, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Воронежского государственного педагогического университета (Воронеж, Россия)

С.И. Посохов, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой историографии, источниковедения и археологии Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина (Харьков, Украина)

И.М. Пушкарёва, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук (Москва, Россия)

Х.Р. Туманс, доктор истории, ассоциированный профессор кафедры археологии и истории Латвийского национального университета (Рига, Латвия)

ISSN 2687-0967

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации Эл № ФС 77-77960 от 19 февраля 2020 г.

Выходит 4 раза в год.

Выпускающий редактор Л.П. Котенко. Корректура, компьютерная верстка и оригинал-макет А.Н. Оберемок. Редактор англоязычных текстов Е.В. Литовченко. E-mail: oponrienko@bsu.edu.ru. Гарнитура Times New Roman, Arial Narrow, Impact. Уч.-изд. л. 25,0. Дата выхода 30.03.2022. Оригинал-макет подготовлен отделом объединенной редакции научных журналов НИУ «БелГУ». Адрес: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85.

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

- 5 **Кочергин С.С.**
Ветхозаветный «Кодеш» в текстах книг Бытия и Исхода (Быт. 2:3 – Исх. 19)
- 15 **Писаревский Н.П.**
Археология мифа (историографический аспект)
- 29 **Баранов Д.А.**
«Греки в стране Аполлона»: отображение процесса дорийской и эолийской колонизации Ликии в памятниках эпиграфики, археологии и нарративных свидетельствах
- 44 **Логвинова А.А.**
Ликург: жизнь и деятельность афинского оратора IV в. до н. э. в традиции и византийской рецепции
- 51 **Нефёдкин А.К.**
Ганнибал Барка – теоретик военного дела
- 57 **Кононов В.Ю.**
Тенденции развития зеркал и металлических украшений в контексте этнополитической истории Кубани римского периода
- 64 **Дронова Я.А.**
«Аммоний» – последний диалог в античной традиции
- 70 **Гудков Н.А.**
Тираны Британии: узурпация Константина III
- 81 **Цивилева В.Е., Тюленев В.М.**
Диалог с иудеями в контексте пастырского служения папы Григория I
- 90 **Королькова Н.В.**
Взаимоотношения СССР и США в доктрине национальной безопасности и принципов «распространения демократии» администрации Р. Рейгана

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

- 97 **Кулабухов В.С., Рудюков Д.В.**
Становление и эволюция символики европейского орденового одеяния и ее влияние на развитие элитарной дворянской отечественной культуры
- 112 **Фирсова И.И.**
Григорий Иванович Чертков – создатель военных учебных пособий для русской армии XIX века
- 119 **Козлов К.В., Меньшикова Е.Н.**
Уездные наблюдатели в системе управления церковными школами в епархиях центрального Черноземья в конце XIX – начале XX веков
- 130 **Логина Д.В.**
Велосипед и автомобиль: влияние их изобретения на моду конца XIX – начала XX века
- 141 **Журавлёв С.С., Тимошинова Т.С.**
К вопросу об аграрных мероприятиях на территории Воронежской губернии в период реализации реформы П.А. Столыпина
- 151 **Волков О.И.**
Преобразование Тульского учительского института в первые годы советской власти
- 163 **Морозова А.Ю.**
Была ли платформа «коллективистов» платформой «богдановцев»? К вопросу о степени рецепции и трансформации идей А.А. Богданова в документах внутрипартийной оппозиции в РКП(б) в начале 1920-х годов
- 175 **Пушкаренко Е.А.**
Агитационно-пропагандистское обеспечение вербовки женщин на принудительную работу в Германию с оккупированной территории Белорусской ССР в 1941–1943 гг.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТОЛОГИИ

- 186 **Белашенко Д.А., Шоджонов И.Ф.**
Постсоветское пространство во внешнеполитических приоритетах Украины и Казахстана
- 197 **Солдатенков И.В.**
Политическая идентичность в сети Интернет: проблема концептуализации
- 207 **Казаков М.А., Лысцев М.С.**
Инновационная политика в специфике современной практики политического лидерства Российской Федерации
- 217 **Рыжов И.В., Старкин С.В., Соколов Р.Н.**
Об эволюции российско-абхазских отношений в 1990-е – начале 2000-х годов
- 227 **Медведев И.В.**
Создание договоров в Британском Содружестве и Содружестве Независимых Государств: теория и практика

VIA IN TEMPORE. HISTORY AND POLITICAL SCIENCE

2022. Volume 49, No. 1

Until 2020, the magazine was published with the name «Scientific statements of Belgorod State University. Series: History. Political science»

Founded in 1995. The journal is included into the List of Higher Attestation Commission of peer-reviewed scientific publications where the main scientific results of dissertations for obtaining scientific degrees of a candidate and doctor of science should be published (5.6.1 – Russian History, 5.6.2 – World History, 5.5.1 – History and policy theory, 5.5.2 – Political institutions, processes and technologies, 5.5.4 – International relations). The journal is introduced in Russian Science Citation Index (РИИЛ). Since 2020 it has been published as an electronic journal. Publication of articles is free.

Founder: Federal state autonomous educational establishment of higher education «Belgorod National Research University».

Publisher: Belgorod National Research University «BelSU» Publishing House.

Address of editorial office, publisher: 85 Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia.

EDITORIAL BOARD OF JOURNAL

Editor-in-Chief of the Series

O.N. Poluhin, rector, doctor of political sciences, professor (Belgorod State National Research University)

Commissioning Editor

V.A. Shapovalov, vice-rector on quality and supplementary education, doctor of historical sciences, professor (Belgorod State National Research University)

Deputies of Editor-in-Chief:

N.N. Bolgov, world history department chair, doctor of historical sciences, professor (Belgorod National Research University)

I.T. Shatohin, professor of the Russian history and records management department, candidate of historical sciences, professor (Belgorod National Research University)

L.S. Polovneva, associate professor of the Russian history and records management department, candidate of political sciences (Belgorod National Research University)

Editorial Assistant

I.G. Onoprienko, associate professor of the Russian history and records management department, candidate of historical sciences (Belgorod National Research University)

Members of Editorial Board:

M.G. Abramzon, doctor of historical sciences, professor (Nosov Magnitogorsk State Technical University)

A.Zh. Arutyunyan, doctor of historical sciences, professor (Yerevan State University, Armenia)

S. Atlagich, doctor of political sciences (Belgrade State University, Serbia)

A.V. Glukhova, doctor of political sciences, professor (Voronezh State University)

A.V. Golovnev, doctor of historical sciences; corresponding member of Russian Academy of sciences; Director of the Museum of anthropology and Ethnography Peter the Great (Kunstammer) Russian Academy of Sciences

M. Kazanski, PhD in history (Center for History and Civilization of Byzantium, Paris, France)

A.V. Korobkov, PhD in political science (Middle Tennessee State University, the USA)

K.N. Lobanov, doctor of political sciences, associate professor (Belgorod Juridical Institute of Ministry of Home Affairs of Russia)

M.M. Marasanova, doctor of historical sciences, professor (Yaroslavl state University after P.G. Demidova)

E.A. Molev, doctor of historical sciences, professor (Nizhniy Novgorod State University after N.I. Lobachevskiy)

V.A. Perepelitsyn, doctor of historical sciences, professor (Voronezh State Pedagogical University)

S.I. Posokhov, doctor of historical sciences, professor (Kharkov National University after V.N. Karazin, Ukraine)

I.M. Pushkareva, doctor of historical sciences, leading scientific worker (Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences)

H.R. Tumans, PhD in history (Latvian National University, Riga, Latvia)

ISSN 2687-0967

The journal has been registered at the Federal service for supervision of communications information technology and mass media (Roskomnadzor). Mass media registration certificate ЭЛ № ФС 77-77960 от 19 февраля 2020 г.

Publication frequency: 4 /year

Commissioning Editor L.P. Kotenko. Pag Proofreading, computer imposition A.N. Oberemok. English text editor E.V. Litovchenko. E-mail: onoprienko@bsu.edu.ru. Typeface Times New Roman, Arial Narrow, Impact. Publisher's signature 25,0. Date of publishing: 30.03.2022. Dummy layout is replicated at Publishing House «BelSU» Belgorod National Research University. Address: 85 Pobeda St., Belgorod 308015, Russia

CONTENTS

TOPICAL ISSUES OF WORLD HISTORY

- 5 **Kochergin S.S.**
The Old Testament qdš in the texts of the Books of Genesis and Exodus (Gen. 2:3 – Ex. 19)
- 15 **Pisarevsky N.P.**
Archeology of myth (historiographic aspect)
- 29 **Baranov D.A.**
«Greeks in the land of Apollo»: displaying the process of the Dorian and Aeolian colonization of Lycia in the epigraphy, archeology and narrative sources
- 44 **Logvinova A.A.**
Lycurgus: the life and work of an Athenian orator in the 4th cent. B.C. in tradition and Byzantine reception
- 51 **Nefedkin A.K.**
Hannibal Barca is a military theorist
- 57 **Kononov V.Yu.**
Development trends of mirrors and metal decorations in the context of the ethno-political history of Kuban in the Roman period
- 64 **Dronova A.Ya.**
«Ammonium» – the last dialogue in the Ancient traditon
- 70 **Gudkov N.A.**
The tyrants of Britain: the usurpation of Constantine III
- 81 **Tsivileva V.E., Tyulenev V.M.**
Dialogue with Jews in the context of the pastoral ministry of Pope Gregory I
- 90 **Korolkova N.V.**
Relations of the USSR and the USA in the doctrine of national security and the principles of «distribution of democracy»

TOPICAL ISSUES OF RUSSIAN HISTORY

- 97 **Kulabukhov V.S., Rudjukov D.V.**
The formation and evolution of the symbolism of the European Order attire and its influence on the development of elite noble national culture
- 112 **Firsova I.I.**
Grigory Ivanovich Chertkov as a creator of military manuals for the Russian army of the 19th century
- 119 **Kozlov K.V., Menshikova E.N.**
County supervisors in the management system of church schools in the dioceses of the Central Chernozem region in the late XIX – early XX centuries
- 130 **Loginova D.V.**
Bicycle and car: effect of their invention on the fashion of the late 19th and early 20th centuries
- 141 **Zhuravlev S.S., Timoshinova T.S.**
To the issue of agrarian measures on the territory of the Voronezh province during the implementation of the reform of P.A. Stolypin
- 151 **Volkov O.I.**
The transformation of the Tula teacher's institute in the first years of Soviet power
- 163 **Morozova A.Yu.**
Was the platform of the «collectivists» the platform of the «Bogdanovites»? To the issue of the degree of reception and transformation of Bogdanov's ideas in the documents of the internal party opposition in the RCP(b) in the early 1920s
- 175 **Pushkarenko E.A.**
Agitation and propaganda support for the recruitment of women for forced labor in Germany from the occupied territory of the Byelorussian SSR in 1941–1943

TOPICAL ISSUES OF POLITICAL SCIENCE

- 186 **Belashchenko D.A., Shozhonov I.F.**
Post-Soviet Space in foreign policy priorities of Ukraine and Kazakhstan
- 197 **Soldatenkov I.V.**
Political Identity on the Internet: the problem of conceptualization
- 207 **Kazakov M.A., Lystsev M.S.**
Innovative policy in the specifics of the modern practice of political leadership of the Russian Federation
- 217 **Ryzhov I.V., Starkin S.V., Sokolov R.N.**
Evolution of Russian-Abkhaz relations in the 1990s – early 2000
- 227 **Medvedev I.V.**
Treaty Making in the British Commonwealth and the Commonwealth of Independent States: Theory and Practice

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ TOPICAL ISSUES OF WORLD HISTORY

УДК 394.5+222.1/2

DOI 10.52575/2687-0967-2022-49-1-5-14

Ветхозаветный «Кодеш» в текстах книг Бытия и Исхода (Быт. 2:3 – Исх. 19)

Кочергин С.С.

Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого,
Россия, 300026, г. Тула, просп. Ленина, 125
E-mail: sovaminervi@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена вопросу генезиса и развития представлений о святости в ветхозаветной культуре древних евреев на основе анализа употребления в текстах книг Бытия и Исхода производных древнееврейского корня qdš в контексте сопутствующей культурно-исторической обстановки. Разбираются связанные со святостью события, обычаи, правила поведения и их ближневосточные аналогии, выделяются группы этих представлений, затрагиваются вопросы внутренней градации, hebdomada в проявлениях изучаемого феномена, проблема заклости. Опираясь на положения документальной гипотезы, автор ставит вопрос о необходимости распределения и анализа терминологии qdš в соответствии с источниками J+E+P+D и делает ряд прелиминарных перспективных выводов об особенностях использования терминов в различных местах Пятикнижия.

Ключевые слова: святость, евреи, Ветхий Завет, суббота, Исход, Бытие, теофания

Для цитирования: Кочергин С.С. 2022. Ветхозаветный «Кодеш» в текстах книг Бытия и Исхода (Быт. 2:3 – Исх. 19). Via in tempore. История. Политология. 49 (1): 5–14. DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-1-5-14

The Old Testament qdš in the texts of the Books of Genesis and Exodus (Gen. 2:3 – Ex. 19)

Sergey S. Kochergin

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University,
125 Lenin Ave., Tula 300026, Russia
E-mail: sovaminervi@yandex.ru

Abstract. The article is concerned with the study of the origin and development of the Hebrew concepts of «holiness» based on the use of the terms qdš, qōdeš, qādôš and miqdāš in the Hebrew texts of the Books of Genesis and Exodus in their historical and cultural context. The author points out groups of timing (holidays), spatial (locations), religious and cult (rules of purity, liturgy), applied to people and animals (firstborns), things (menorah), political and legal (state, norms of law) elements. Herewith, various aspects of holiness have an internal gradation, and some of them are subject to the principle of hebdomad. Attention is also focused on the phenomenon of curse and holiness. Also for the first time, the author separately raises the problem of distribution and subsequent analysis of the qdš terminology within the framework of a documentary hypothesis, which allows us to draw a number of preliminary conclusions about what causes the use of the term in a particular occasion from the point of view of the historical situation and some other reasons.

Keywords: holiness, the Jews, The Old Testament, Sabbath, Exodus, Genesis, theophany

For citation: Kochergin S.S. 2022. The Old Testament qdš in the texts of the Books of Genesis and Exodus (Gen. 2:3 – Ex. 19). *Via in tempore. History and political science.* 49 (1): 5–14 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-1-5-14

Введение

Малоизученный вопрос о происхождении и развитии древнееврейских представлений о «святости» можно базировать преимущественно на исследовании случаев употребления в ветхозаветных текстах производных еврейского корня шумеро-аккадского происхождения qdš¹, традиционно связываемого с рассматриваемым понятием, с привлечением того или иного контекста связанных событий и явлений. Оставляя в стороне термины q^cdēšâ и qādēš, ассоциируемые с допленным язычеством и устанавливающие связь с монотеистическим яхвизмом, обратимся к некоторым другим производным «кодеш», а именно qdš (*A concise dictionary of the worlds in the Hebrew Bible* (Strong J.) (STR) STR 6942), qōdeš (STR 6944), qādōš (STR 6918) и miqdāš (STR 4720), появляющимся в исследуемом источнике.

Результаты и их обсуждение

До откровения Моисея (Исх. 3) все эти слова не встречаются, исключая текст Бытия 2:3 (источник P)², где Бог благословил и освятил (qdš) седьмой день, субботу, называемую святой (Исх. 16:23; 20:8, 11; 31:14; 35:2). Это время отделено для святилища и Бога, что аргументируется другими случаями употребления в этом значении (4 Цар. 10:20; Ион. 1:14; Неем. 8:9). Значение «отделить» связано с аккадским qadāšu (очистить для ритуальных целей, посвятить) (*The Assyrian Dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago. Vol. I–XXI* (CAD), CAD XIII, 46), когда все выделенное для Бога должно быть чистым от мирского, профанного, как и суббота. Концепция хебдомада была широко представлена у израильтян. Седьмые дни, несчастливые в Месопотамии, требовали поста, контролировались злыми духами, в это время запрещалось, например, ездить в колеснице, есть вареное мясо, ухаживать за больными, приносить жертвы, издавать законы, развлекаться [Vaux, 1961, p. 475–477; Cassuto, 1997, p. 244]. Пятнадцатый день (полнолуние), посвященный лунным божествам, имел сходное с еврейскими šābat (STR 7673; TDOT XIV, 381: синодальное «почил», отдых от трудов) и šabbāt (STR 7676; TDOT XIV, 387: суббота) название šapattu или šabattu (CAD XVII (1), 449), седьмой день – sebûtu (CAD XV, 206), а день новолуния – arḥu (CAD I (2), 259). В эти дни «успокоения сердца божества» проводились ритуалы умилоствления богов, Энки очищался и совершал омовения (CAD XVII (1), 450). Возможно, древнееврейское понимание субботы было направлено против языческого ближневосточного религиозного календаря. Божественная суббота независима от фаз луны, благословлена и благотворна для человека, в отличие от месопотамского значения, и является частью предопределенного космического порядка [Sarna, 1966, p. 19–21]. Чтобы быть более похожим на Всевышнего, надо отдыхать в седьмой день, как и он [Sailhamer, 1992, p. 96–97]. Также суббота выражает память об Исходе из Египта, освобожденный народ в теократическом смысле должен был служить Яхве. Согласно принципу семичастности, поля не засеивались в седьмой год, а остатками питались «убогие» и

¹ По умолчанию транслитерация древнееврейского дается на основе *Theological Dictionary of the Old Testament. Vol. I–XV* (TDOT) (TDOT XII, XXI) с опорой на конкорданцию Стронга. В качестве цитируемого библейского текста мы используем Синодальный перевод ветхозаветных книг, в качестве оригинального текста *Biblia Hebraica Stuttgartensia*.

² В этом исследовании мы опираемся на теорию документальной гипотезы J-E-P-D-R, изложенную в концепции актуальных работ [Friedman, 2005; Baden, 2009; Baden, 2012; Friedman, 2017; Friedman, 2019].

звери (Исх. 23:10–11); правило субботы применялось к семи категориям людей (вы, ваш сын, ваша дочь, ваш раб, ваша рабыня, ваш скот и ваш гость-пришелец) (Исх. 20:10); рабы-евреи освобождались на седьмой год (Исх. 20:2) и др. Окончательную форму эта семидневная парадигма, венчающаяся субботой, могла обрести уже после вавилонского плена, когда именно соблюдение седьмого дня подчеркивало приверженность евреев Яхве [Yee et al., 2014, p. 92].

Евреи питались манной в пустыне, собирали и ели ее каждый день, не заготавливая, а когда непослушные Моисею создали запасы, в ней завелись черви, и «оно воссмердело» (Исх. 16:20). Но перед святой субботой разрешалось собрать два гомора манны и приготовить заранее другую еду (Исх. 16:23) (P), поскольку в субботу готовить запрещалось (и разводить огонь (Исх. 35:3)), и манна не появлялась (Исх. 16:5, 26). Дольше одного дня она сохранялась только в двух случаях – в течение священного времени или находясь в священном пространстве, «перед ковчегом свидетельства» (Исх. 16:32–34), а позже – в скинии [Propp, 1991, p. 600]. Вероятно, суббота соблюдалась евреями еще задолго до того, как это требование было включено в синайский Декалог (Исх. 20:8, 11) (P)³ с целью дополнительного подтверждения того, что Господь – творец мира [Cassuto, 1997, p. 244]. По утверждению Р. Отто, ссылающегося в сюжете с лестницей Иакова на текст Быт. 28:17 (STR 3372; TDOT VI, 290: yārē³), понятие о святости в первой ветхозаветной книге связано в основном со страхом перед Богом, проявляющимся в некоем полупервобытном нуминозном трепете [Otto, 1936, p. 131] и охваченности божественностью, ассоциируемой с qdš-производными в других ветхозаветных текстах [Mettinger, 1988, p. 154].

В известном пассаже о несгораемом терновом кусте (т. н. «Неопалимой купине») (Исх. 3:1–5; Втор. 33:16), Бог сказал Моисею не подходить к растению и снять обувь, проявляя уважение и покорность, ибо это место – земля святая (qōdeš) (Исх. 3:5) или освященная присутствием святого Бога, приближение к которому есть одна из главных тем книги Исход [Gordon, 1994, p. 92–94]. Термин s^cneh (STR 5572), обозначающий терновый куст, созвучен с названием горы Божьей Хорев⁴, или Синай (STR 5514: siṅau), связываемой с Яхве, и, возможно, с его древним местопребыванием и происхождением. Горой Божьей (а значит, святой) Хорев мог быть для мадианитян [Coogan, 2010, p. 86]⁵, либо названия s^cneh и siṅau были даны в связи с более поздними событиями [Walton et al., 2000, p. 79]⁶. Термин s^cneh был выбран не случайно, как и форма богоприсутствия – ангел, посланник, посредник, поскольку автор (J) мог испытывать дискомфорт при мысли о физическом проявлении Бога, учитывая израильскую традицию, лишавшую последнего его зримого образа [Meuys, 2005, p. 52].

Появление Бога в терновом кусте связано с представлением о деревьях или растениях как символах плодородия и божественного присутствия. Текст Исх. 25:31–40 о семи-свечнике-меноре связывает форму этого светильника с «Неопалимой купиной», объясняя происхождение меноры [Van Seters, 1994, p. 41]. Иосиф Флавий в «Иудейской войне» (VII.5.5) ассоциирует семь светочей меноры с почитанием евреями седмицы и субботы. Символом «святой» богини Ашеры было священное дерево (дуб, или теревинф), связываемое с древом жизни и менорой [Taylor, 1995], с самим Яхве (Быт. 18:1, 13:8, 12:6), оно воплощало в себе эту богиню, символизирующую жизнь вообще [Taylor, 1995; Hadley,

³ Согласно [Friedman, 2005, p. 153], текст Десятизакония (Исх. 20:1–17), за исключением обоснования святости субботы в 20:11 (P), является независимым документом, вставленным компилятором R и не принадлежащим JEPD.

⁴ Название Хорив (STR 2722: ḥōreḥ) связано с термином ḥāraḥ (STR 2717) – «сухой, иссякший, засохший», что кажется соответствующим представлению о «горе в пустыне» [Cassuto, 1997, p. 225].

⁵ Местная протояхвистская традиция могла выйти на уровень общеизраильской [Gressmann, 1913].

⁶ Название Синай может связываться с именем вавилонского бога луны Сина, которому поклонялись на этой горе [Driver, 1911, p. 18–19], о чем в т. ч. есть упоминания, относимые к VI – нач. VII вв. н. э. (Антонин из Плаценции [Gildemeister, 1889, p. 27, 28, 57]).

2000, p. 153], и если Яхве – пламя, то куст, быть может, неразделимая с ним «его Ашера». В египетских «Текстах Гора» в храме Эдфу (III–I вв. до н. э.) этот небесный бог является в виде пламени в цветке лотоса (KRZ VII, 321, 10–12)⁷, символизирующем мать Гора – Изиду. Божественное присутствие часто символизируют огонь и дым (Исх. 13:21–22, 19:16–19, 24:17, 40:38; Лев. 9:24, 10:2), перед которыми не может устоять ничто нечистое, они способны вызывать благоговение и трепет [Houtman, 1993, p. 339]. А позже Моисей приведет к Синаю израильтян, которые будут свидетелями присутствия Бога, явленного огнем (Исх. 19–20).

Впервые появляется в этом сюжете понятие священного пространства и временной святости, связанной с богоприсутствием. Святость места часто связана с употреблением слов «место» (STR 4725: māqôm) (TDOT VIII, 532–544) и «святая земля» (STR 6944; STR 127: ʾadhāmāh) (TDOT I, 88–98). В отличие от языческого понимания, святость не присуща изначально месту или объекту, а возможна лишь по божественной воле и связана с историческим опытом [Sarna, 2011, p. 40]. В пассажах о скинии (Исх. 28) нет упоминания обуви, и, видимо, священники ходили босиком по святым местам и в храме [Propp, 1991, p. 200]. Иисус Навин снимает обувь перед ангелом возле Иерихона, ибо место, где он стоит, свято (Нав. 5:15). Босые ноги могли символизировать в Израиле смирение и аскетизм (2 Цар. 15:30; Ис. 20:2; Иез. 24:17, 23), а сандалии из кожи мертвых животных были физически грязными и ритуально нечистыми, что недопустимо для ʾadhāmāh [Milgrom, 1991, p. 654]. Близость к святому Богу, ангелам, явлениям делает священным прилегающее пространство. Этот обычай позже был принят и у мусульман, имел место у индусов и греков и вообще был характерен для Востока.

В словосочетании «священное собрание» в Исх. 12:16 (P) используется термин qōdeš. Контекст связан с установлением Пасхи, когда Господь заповедует после съедения агнца и смерти египетских первенцев в первый (начало Исхода) и седьмой (по переходу через Красное море) день организовать святое народное собрание, не работая в эти дни (пищу можно готовить) (ср. Лев. 23:4–8; Чис. 28:18, 25), между которыми проходил праздник опресноков. Возможно, как весеннее действо, Пасха первоначально отмечалась израильскими скотоводами, а праздник опресноков – ханаанейскими земледельцами, а затем они соединились в общее празднование [Füglister, 1963, p. 41; Nyatt, 1980, p. 134, 145, 146; Childs, 1974, p. 186–187; Sarna, 2011, p. 94–102; White, 2016, p. 96–99]. Оно могло служить для защиты полукочевых племен от опасностей миграции при смене пастбищ [Rost, 1943]. У Иезекииля (45:21) Пасха поглощает праздник опресноков и превращается в «праздник семидневный».

В Исх. 12:15 в сочетании «уничтожьте квасное» используется термин šābat. Квасному раз в год надо дать «отдохнуть, успокоиться» перед новой закваской. Процессы брожения несовместимы со «святостью» в отличие от противоположной квасному соли (Лев. 2:13), праздник очищает от силы смерти и разложения, от непрерывности времени и ведет к духовному возрождению [Propp, 1991, p. 434]. Пасха в ретроспективном отношении могла выполнять функцию «защиты» (возможный перевод pesaḥ (STR 6453)) от смерти, отгоняя и обманывая злых духов. Смерть пасхального агнца, намазывание крови на части дверного проема как алтаря (священного места, благоприятного для Господа), поедание мяса выполняют функцию заместительной жертвы, заставляя демона поверить, что человек уже умер, к чему и призывал прибегнуть Яхве в ночь убиения первенцев [Propp, 1991, p. 436–438]. Израиль – первенец Божий (Исх. 4:22–23) – был искуплен сполна египетскими перворожденными [Ryken, 2005, p. 370]. Бедствия постигали всех «поедавших» этого первенца (Иер. 2:3).

Исх. 12:16 впервые упоминает святое собрание (позже проходившее при скинии), как имеющее цели религиозного поклонения и созданное по прямому указанию Яхве.

⁷ Edfu Datenbank (Akademie der Wissenschaften zu Göttingen/www.adw-goe.de).

Термин *miq̄rā* (STR 4744), имеющий значение «собрание», может быть прообразом синагогальных собраний [Gray, 1999, p. 97], а также, по всей видимости, соответствует слову *ἐκκλησία* (*ekkleisiā*) – «церковь», т. е. сбор по общему призыву, приглашающий христиан к участию в богослужении в храме [Clarke, 1835, p. 338]. Сочетание *miq̄rā* *q̄deš*, возможно, имеет значение «призыв к святости», но эти дни, когда можно готовить еду, менее святы, чем *šabbāt* [Propp, 1991, p. 404].

В стихах Исх. 13:1–16 (Е) Господь повелевает освящать (*qdš*) (13:2) каждого первенца мужского пола «от человека до скота», т. е. передавать его на служение (приносить в жертву) Богу. На древнем Ближнем Востоке перворожденных детей могли иногда приносить в жертву, обеспечивая плодородие⁸ остальному роду, что было неприемлемо для израильтян. Термин *qdš* в Исх. 13:2 коррелируется с термином *‘ābar* (STR 5674) в Исх. 13:12, имеющим значение «осуществить переход, пересечь», т. е. преодолеть преграду (здесь – перейти к Яхве), также употребляемым в контексте, связанном со сжиганием сыновей («проведением через огонь»), передачей на служение Молоху [Toorn et al., 1999, p. 538–542; Kerr, 2018] или в «пищу» идолам (Втор. 18:10; 4 Цар. 16:3; Иез. 20:31; Лев. 18:21; Иер. 32:35) [Driver, 1911, p. 108]. Вероятно, что одной из сторон посвящения первенцев божеству в монолатрическое время был такой «переход» их через огонь. Текст мог быть составлен для обоснования уже существующей традиции с новым смыслом [Childs, 1974, p. 186–187, 203–204; Meyers, 2005, p. 103]. Этих детей Яхве пощадил и вывел из Египта, и они теперь принадлежат ему [Casuto, 1997, p. 153; Adeyemo, 2010, p. 248], выделены для него и тем самым святы. Предполагался обряд десакрализации – выкуп первенца. Первенцам ослов ломали шею или замещали их ягненком (Исх. 13:13, 15), а позже тоже стали выкупать (Лев. 27:27; Чис. 18:15). То, что младенцев выкупали, как и животных, указывает на их первородную нечистоту и греховность, освящение же было направлено к преодолению этой порочности [Ryken, 2005, p. 372]. В Чис. 18:14–16 цена нечистого животного и человеческого младенца устанавливалась в пять сиклей. Но если первенец проходил посвящение, то становился фактически родовым священником, по крайней мере, до установления закона о левитах [Walvoord, Zuck, 1985, p. 130; Walton et al., 2000, p. 88–89]. Перворожденные обладали особым достоинством в израильском праве (Втор. 20:15–17), освящение усиливало этот факт, благословляя всех последующих детей [Ryken, 2005, p. 371]. Первенцы женского пола в жертву не приносились, как и мужчины, родившиеся после первенцев-женщин, а учитывая, что речь о т. н. «разверзающей ложесна», первый ребенок мужчины от женщины-вдовы, имевшей детей, не подпадал под действие этого закона, но в то же время каждый ребенок мужчины от новой, еще не рожавшей жены, был первенцем [Clarke, 1835, p. 347–348].

Восхваляющая Яхве песнь Моисея и израильтян («Песнь о море») (Исх. 15:1–19) содержит термин *q̄deš* в стихах Исхода 15:11 (J) («величествен святостью») и 15:13 (J) («жилище святости»). Яхве не имеет себе равного в святости между Богами (вероятно, речь о генотеизме ранней израильской религии либо о проявлениях божественности на более низком уровне (ангелы) [Coogan, 2010, p. 103–104]) и ведет израильтян в освященный богоявлениями патриархам (Быт. 18; 28:10–22; 31:13) обетованный Ханаан, где будет его святилище *miqdāš* (Исх. 15:17) (J), гора достояния (возможно, если признать текст датированным царским периодом, это Сион в Иерусалиме [Houtman, 1996, p. 288; Walton et al., 2000, p. 91], или святилище в Силоме [Driver, 1911, p. 139], или вся земля израильская). Там будет жить Израиль, и Яхве будет пребывать с ними, что является его первоначальной целью⁹. Но «жилище святости», очевидно, есть гора Синай, куда Моисей должен при-

⁸ Быт. 22:15–18; Иез. 20:26; см. [Day, 1989]. Также термин *šeger* (STR 7698) используется в тексте Исх. 13:12. («первородное из скота») Вероятно, это метафора плодородия, происходящая от имени древней угаритской богини [Sarna, 1991, p. 67].

⁹ После сорокалетнего скитания по пустыне выжили в основном те перворожденные, которых Яхве спас и выделил для себя, сделав их тем самым «святыми».

вести народ для совершения служения Богу (Исх. 3:12) [Cassuto, 1997, p. 176; Meyers, 2005, p. 121], к чему располагает датировка текста домонархическим периодом [Childs, 1970; Cross, 1997, p. 112–144; Cross, Freedman, 1997, p. 31–33; Leuchter, 2011; Johnstone, 2014, p. 299; Friedman, 2017, p. 35–36]. Тогда *miqdāš* Исх. 15:17 указывает на скинию, и этим термином она называется и далее. Под святостью в Исх. 15:11 понимаются возвышенность, величие, неприступность, составляющие идею верховного Бога [Driver, 1911, p. 136]. Бог так свят, что не может терпеть грех египтян, его праведный гнев восхваляется, война Яхве против Египта священна [Ryken, 2005, p. 408].

Девятнадцатая глава Книги Исхода¹⁰ сообщает, что на пятнадцатый день третьего месяца от начала года (примерно начало июня) [Walvoord, Zuck, 1985, p. 137] израильтяне прибыли в пустыню Синайскую и стали станом у горы Синай¹¹, к которой и вел их Господь (Исх. 3:12). Бог велел Моисею возвестить Израилю, что если будет он соблюдать завет Яхве, то станет «...Моим уделом из всех народов... царством священников и народом святым...» (Исх. 19:5–6) (Е). Священник (STR 3548: *kōhēn*) – древний термин с ближайшими параллелями в угаритском языке (*khnm* – мн. ч. священники), где он встречается вместе с термином *qdšm* (мн. ч. «святые»). Вероятно, восходит к аккадскому «кланяться, поклоняться» [Zerafa, 1970, p. 624]. В Ветхом Завете это жрецы Яхве и других богов, актуализирующие божественное присутствие через различные литургические функции, принося радость, благословение и спасение народу (TDOT VII, 75). Исполняя завет, израильтяне будут близки к Яхве, подобно священникам как посредникам между Богом и людьми, и станут «святыми» (*qādōš*) – чистыми от греха как нарушения закона Божьего [Walvoord, Zuck, 1985, p. 138]. Вероятно, речь о «священных царях» по отношению к другим нациям, посредничестве между Яхве и другими народами [Gordon et al., 1994, p. 106–107; Walton et al., 2000, p. 94]. На древнем Ближнем Востоке имел место феномен освобождения городов или групп населения от власти царя и перехода их под власть божества, посвящению ему, выделению народа или территории в его удел, что и произошло с израильтянами. Они получили священный статус [Walton et al., 2000, p. 94], и будущее израильское государство могло стать подобием теократии [Barton, Muddiman, 2010, p. 111]. Израильское «царство священников» должно было править израильским «народом святым», и такое понимание вероятно, учитывая, что речь идет о времени формирования племенного союза [Moran, 1962; Fohrer, 1963]. Термин *s^cgullâ* (STR 5459; TDOT X, 144–148: «удел») (Исх. 19:5) родственен аккадскому *sikiltum* (CAD XV, 244–245) [Sarna, 2011, p. 130–131], первоначально обозначавшему ценную собственность с исключительным правом владения, но позже в переносном смысле получившему значение «возлюбленный слуга». Израиль – *s^cgullâ* Бога, и Исход 19:6 подчеркивает связь между тем, чтобы быть «возлюбленным слугой», и стремлением к святости [Sarna, 1991, p. 104; Yee et al., 2014, p. 159].

Господь возвещает о своей теофании в присутствии народа (Исх. 19:9), и в течение двух дней Моисей должен «освящать» (*qdš*) его (19:10, 14) (J), а на третий Яхве, сопровождаемый огнем, дымом и грохотом, сойдет на Синай¹². Трансцендентный Яхве не живет на горе, он спускается на нее, тем самым освящая [Cassuto, 1997, p. 230; Ryken, 2005, p. 503; Barton, Muddiman, 2010, p. 111]. Израильтяне должны были вымыть свою одежду (совершить омовение), не прикасаться к женам (Исх. 19:10, 14, 15) и не преступать отмеченной Моисеем черты (Исх. 19:12). Одежда должна была быть восстановлена до первоначального состояния [Meyers, 2005, p. 154] и отремонтирована. В понимании древних жителей Месопотамии, Израиля, Египта и Греции удаление испачканной одежды было

¹⁰ Часть комплекса «Синайская перикопа» (Исх. 19–24). Моисеев завет по форме близок договорам хеттских и месопотамских и др. правителей с их вассалами, при этом являлся уже устоявшейся практикой и для евреев. Процесс теофании имеет сходные параллели [Walvoord, Zuck, 1985, p. 137; Van Seters, 1994, p. 252–270].

¹¹ Точно не ясно, где это место. См. [Driver, 1911, p. 177–191; Walton et al., 2000, p. 93–94].

¹² Этот сюжет обнаруживает параллели с угаритской литературой (KTU) [Smith, 2002, p. 54–57].

равносильно удалению личной нечистоты, надевая чистую одежду, человек становился новым (Быт. 35:2; 2 Цар. 12:20), а передача одежды означала передачу власти (Числ. 20:28) [Rendsburg, 1984; Houtman, 1996, p. 450]. Для женщин нет указаний о подготовке к теофании, но при богоявлении присутствовал весь израильский народ. Приготовление омовением выделяет это событие среди других, а отделение самой горы также означает ее временное освящение (qdš) (Исх. 19:23) (J). Преступивший черту умерщвляется стрелой или избивается камнями (Исх. 19:13), т. е. на расстоянии, чтобы не оскверниться. Нарушитель отдает свою жизнь божеству и опасен для прикосновения, притронувшийся к нему становится «табу» [Driver, 1911, p. 172]. Подготовленный народ и священники (речь о долевитских жрецах, вероятно, перворожденных, либо о будущих служителях культа Яхве [Barton, Muddiman, 2010, p. 111], которым также необходимо освящаться (qdš) при приближении к Яхве (Исх. 19:22) (J)), греховны и не должны пытаться взойти к Господу, дабы он не поразил их. Идея «опасной святости» способствует недопущению осквернения, воровства, мародерства и других преступлений в связанной со святостью сфере [Meyers, 2005, p. 153]. Святое в ряде случаев имеет негативную коннотацию. Заклятым (qdš), например, объявляется урожай от смешанных зерен (Втор. 22:19)¹³ или кадиланицы сожженных сообщников левита Корея (Чис. 16:37–38) (освятились, освященными (qdš)), использованные затем для культовых целей (покрытия жертвенника Яхве). Этот аспект обозначается также в библейском иврите терминами ḥāgam и ḥērem (STR 2763, STR 2764, TDOT V, 180), имеющими значение «откладывать, объявлять священным, осуждать»¹⁴. То, что становится священным в этом смысле, должно быть уничтожено (ср. Исх. 13:13, 15) или ограничено в использовании, и библейские законы святости охватывают оба понимания [Levin, 2011, p. 325], но qdš призван преодолеть пропасть «заклятого», отделяющую священное от профанного [Levin, 2011, p. 333].

Божественная святость опасна при приближении (Лев. 10:1–3; 1 Пар. 13:10; Исх. 33:20) [Childs, 1974, p. 370], определенные телесные состояния создают опасность для человека в ее лице; она излучает силу жизни, но разрушительна для тех, кто приближается близко и не принимает меры предосторожности [Barton, Muddiman, 2010, p. 110–111]. В Исх. 19 для поддержания дистанции Яхве скрывается в облаке, запрещает людям подходить к горе и преступать черту [Ryken, 2005, p. 501–505]. Сопровождение явления святого Яхве огнем, дымом и грохотом было проявлением Божьей силы с тем, чтобы посеять среди людей страх Божий, удерживающий их от греха, отдаляющего от святости [Sailhamer, 1992, p. 282].

В результате приготовлений к богоявлению Синай становится святилищем, в котором проявляется феномен градации святости, т. е. существования ряда зон, совпадающих с планом скинии и, вообще, храма [Jenson, 1992, p. 89–93; Meyers, 2005, p. 154; Coogan, 2010, p. 109; Milgrom, 2016, p. 44–45]. Также Синай-Хорив представляется космической горой – осью мифической связи между божественным и человеческим царствами [Coogan, 2010, p. 106–108]. Вершина горы – это святое святых, куда был открыт доступ только Моисею (Исх. 24:2). Вторая зона на полпути к вершине горы – внешнее святилище, куда могли попасть также Аарон, его сыновья Надав и Авиуд и семьдесят израильских старейшин (Исх. 24:1–2, 9–11, 14). Третья зона – подножие горы, внешний двор, куда допускался остальной народ и долевитские священники (Исх. 19:12, 17, 21, 23–24).

С вершины Синая в облаке Господь возвестил израильтянам Десять заповедей (Исх. 20:2–17 (P); Втор. 5:6–21), являющихся религиозными и моральными требованиями к народу, которые он должен соблюдать из «любви» к Богу (Исх. 20:6) для установления и

¹³ Запрет на смешение разделенного Богом в природе (Втор. 22:9–11; Лев. 19:19) [Levin, 2011, p. 324].

¹⁴ Связаны к аккадским ḥarīmtu. По CAD VI, 101 – «проститутка», или незамужняя женщина, не живущая в доме своего отца, вероятно, невольница, или иеродула, нуждающаяся в экономической независимости. Эта угроза обществу могла восприниматься в качестве табу [Lau, 2016].

поддержания завета, чтобы стать «народом святым», т. е. стремиться к качествам, ассоциируемым со святой природой Бога – нравственной чистоте и безупречному поведению. Заповеди имели прелиминарный характер по отношению к последующим синайским установлениям [Cassuto, 1997, p. 238].

Выводы

Итак, исследуемые тексты книг Бытия и Исхода дают нам представление об отдельных сторонах воззрений древних евреев на феномен святости. Святым может быть время, к которому относят субботу и связанные хебдомадические традиции, а также такие события, упоминаемые в Книге Исхода, как Пасха и праздник опресноков. Во-вторых, речь об освященном божественным присутствием (имеющим различные формы) пространстве (по воле Бога, на время), требующем соблюдения ритуальной чистоты, таком как Синай, Сион, Израиль. Некоторые правила достижения этой чистоты перечисляются. Святым является также богослужение. Терминология «святости» применяется к людям, к народу, к животным и вещам (предметам культа (менора)), передаваемым в божий «удел», как это происходило в праздник Пасхи и далее при освящении первенцев, или в приготовлении народа к принятию Декалога. Это идея вплотную прилегает к мысли о создании теократического государства (которым, вероятно, должен был стать израильский племенной союз), где живет святой народ, управляемый священниками. Акцентируется внимание на опасной святости (заклятости), требующей соблюдения дистанции и уничтожения заклятого. При этом святость очищает от силы смерти и времени, вызывая благоговение и трепет. Святость может быть градуирована, как это можно наблюдать в части приготовления к принятию Завета, или в «Песне о море», или в святости праздников. Многие из традиций имеют более древнее происхождение.

Помимо прочего, как нам кажется, определенный интерес может представлять распределение и анализ терминологии qdš по библейским источникам (J-E-P). Несмотря на то, что в книге Бытия рассматриваются многие вопросы, касающиеся природы Бога, о его святости мы можем только догадываться, а единственная вставка принадлежит сравнительно позднему (конец VIII – нач. VII вв. до н. э.) источнику P жреческого происхождения, что обуславливает данное упоминание. Источник J+E составляет большую часть этой книги и в значительной степени посвящен вопросам, имеющим преимущественно светский, политический и генеалогический характер, поэтому религиозная тема святости здесь не фокусе изложения. В книге Исхода ситуация начинает меняться, затрагиваются религиозные и культовые аспекты, вплоть до конкретных указаний, поэтому уже в рассматриваемой первой половине обращает на себя внимание употребление терминологии qdš авторами всех источников. Однако в рамках данной статьи, будучи ограниченными текстами части Книг Бытия и Исхода, мы можем считать это лишь предварительными выводами с перспективой дальнейшего их дополнения.

References

- Adeyemo T. 2010. Africa Bible Commentary. Grand Rapids, Zondervan, 3462.
Baden J.S. 2009. J, E, and the Redaction of the Pentateuch. Tübingen, Mohr Siebeck, XI+339.
Baden J.S. 2012. The Composition of the Pentateuch: renewing the documentary hypothesis. New Haven, London, Yale University Press, X+378.
Barton J., Muddiman J. 2010. The Pentateuch (The Oxford Bible Commentary). New York, Oxford University Press, X+230.
Cassuto U. 1997. A Commentary on the Book of Exodus. Jerusalem, The Hebrew University Magnes Press, XVI+509.
Childs B.S. 1970. A Traditio-Historical Study of the Reed Sea Tradition. *Vetus Testamentum*, 20 (4): 406–418.

- Childs B.S. 1974. *The Book of Exodus. A Critical, Theological Commentary*. Philadelphia, The Westminster Press, XXVI+659.
- Clarke A. 1835. *The Holy Bible: containing the Old and New Testaments: Volume I*. New York, XVIII+948.
- Coogan M.D. 2010. *The New Oxford Annotated Bible. New Revised Standard Version with The Apocrypha*. New York, Oxford University Press, XXIII+2385.
- Cross F.M. 1997. *Canaanite Myth and Hebrew Epic. Essays in the History of the Religion of Israel*. Cambridge, London, Harvard University Press, XVIII+181.
- Cross F.M., Freedman D.N. 1997. *Studies in Ancient Yahwistic Poetry*. Grand Rapids, Eerdmans, XIV+130.
- Day J. 1989. *Molech: A God of Human Sacrifice in the Old Testament*. Cambridge, IX+115.
- Driver S.R. 1911. *The Book of Exodus (Cambridge Bible for Schools and Colleges)*. Cambridge, LXXII+443.
- Fohrer G. 1963. «Priesterliches Königtum» (Ex. 19, 6). *Theologische Zeitschrift*, 19: 359–362.
- Friedman R.E. 2005. *The Bible with Sources Revealed. A new view into the five books of Moses*. New York, HarperOne, 382.
- Friedman R.E. 2017. *The Exodus: How It Happened and Why It Matters*. New York, HarperOne, 304.
- Friedman R.E. 2019. *Who Wrote the Bible?* New York, Simon & Schuster, XVI+286.
- Füglister N. 1963. *Die Heilsbedeutung des Pascha (Studien zum Alten und Neuen Testamen)*. Munich, Kösel, 309.
- Gildemeister J. 1889. *Antonini Placentini Itinerarium*. Berlin, XXIV+68.
- Gordon J., Wenham J.A., Motyer D.A., Carson R.T. 1994. *New Bible Commentary*. Leicester, 1455.
- Gray J. 1999. *Concise Bible Commentary*. Albany, Ages Software, 991.
- Gressmann H. 1913. *Mose und seine Zeit. Ein Kommentar zu den Mose-Sagen*. Göttingen, Vandenhoeck et Ruprecht, VIII+485.
- Hadley J.M. 2000. *The Cult of Asherah in Ancient Israel and Judah. Evidence for a Hebrew Goddess*. Cambridge, XV+262.
- Houtman C. 1993. *Historical Commentary on the Old Testament. Exodus. Volume I*. Kampen, Kok Publishing House, XIX+554.
- Houtman C. 1996. *Historical Commentary on the Old Testament. Exodus. Volume II*. Kampen, Kok Publishing House, XIV+467.
- Hyatt J.P. 1980. *Exodus (New Century Bible Commentary)*. Grand Rapids, Eerdmans, 351.
- Jenson P.P. 1992. *Graded Holiness. A Key to the Priestly Conception of the World (JSOT 106)*. Sheffield, 281.
- Johnstone W. 2014. *Smyth & Helwys Bible Commentary: Exodus 1–19*, Macon, XXIV+479.
- Kerr R.M. 2018. In Search of the Historical Moloch. In: Kerr R.M., Millier II R., Schmitz Ph.C. «His Word Soars Above Him» *Biblical and North-West Semitic Studies Presented to Professor Charles R. Krahmalkov*. Ann Arbor: 59–80.
- Lau D. 2016. *Prostitution in Mesopotamien*. In: *Prostitution: eine Begleiterin der Menschheit / a companion of mankind*. New York, Peter Lang: 501–517.
- Leuchter M. 2011. *Eisodus as Exodus: The Song of the Sea (Exod 15) Reconsidered*. *Biblica*, 92 (3): 321–346.
- Levine B.A. 2011. *The Language of Holiness: Perceptions of the Sacred in the Hebrew Bible*. In: Levine B.A. *In pursuit of meaning: collected studies of Baruch A. Levine*. Vol. 1: Religion. Wihona Lake, Eisenbrauns: 321–333.
- Mettinger T.N.D. 1988. *In Search of God: The Meaning and Message of the Everlasting Names*. Philadelphia, Fortress Press, XIV+251.
- Meyers C. 2005. *Exodus (NCBC)*. New York, Cambridge University Press, XXIV+311.
- Milgrom J. 1991. *Leviticus 1–16 (AB 3)*. New York, Doubleday, XVIII+1163.
- Milgrom J. 2016. *Studies in Levitical Terminology: The Encroacher and the Levite the Term 'Aboda*. Eugene, Wipf & Stock, 120.
- Moran W.L.S.J. 1962. *A Kingdom of Priests*. In: McKenzie J.L. *The Bible in Current Catholic Thought*. New York: 7–20.
- Otto R. 1936. *The Idea of the Holy: an inquiry into the non-rational factor in the idea of the divine and its relation to the rational*. London, XX+240.

- Propp W.H.C. 1999. Exodus 1–18. A New Translation with Introduction and Commentary (The Anchor Bible). New York, Doubleday, XL+680.
- Rendsburg G.A. 1984. Notes to Genesis XXXV. *Vetus Testamentum*, 34(3): 361–366.
- Rost L. 1943. Weidewechsel und altisraelitischer Festkalender. *Zeitschrift des Deutschen Palästina-Vereins*, 66 (2): 205–216.
- Ryken P.G. 2005. Exodus. Saved for God's Glory. Wheaton, Crossway Books, 1248.
- Sailhamer J.H. 1992. The Pentateuch as Narrative. A Biblical-Theological Commentary. Grand Rapids, Zondervan, XXI+522.
- Sarna N.M. 2011. Exploring Exodus: The Origins of Biblical Israel. New York, Schocken Books, XX+277.
- Sarna N.M. 1991. The JPS Torah Commentary. Exodus. The Traditional Hebrew Text with the new JPS Translation. Commentary by N.M. Sarna. Philadelphia/New York, Jewish Publication Society, XXIV+278.
- Sarna N.M. 1966. Understanding Genesis (Heritage of Biblical Israel). New York, Jewish Theological Seminary of America, XXXIV+271.
- Smith M.S. 2002. The Early History of God. Yahweh and the other deities in Ancient Israel. Grand Rapids, Eerdmans, 289.
- Taylor J.E. 1995: The Asherah, the Menorah and the Sacred Tree. *Journal for the Study of the Old Testament*, 66: 29–54.
- Toorn K. van der, Horst P. W. van der, Becking B. 1999. Dictionary of Deities and Demons in the Bible. Leiden, Boston, Köln, Brill, 960.
- Van Seters J. 1994. The Life of Moses. The Yahwist as Historian in Exodus-Numbers. Louisville, Westminster John Knox Press, XVI+527.
- Vaux R. de. 1961. Ancient Israel: Its Life and Institutions. London, Darton, Longman & Todd, XXIII+592.
- Walton H.J., Matthews V.H., Chavalas M.W. 2000. The IVP Bible Background Commentary. Old Testament, Downers Grove, 833.
- Walvoord J.F., Zuck R.B. 1985. The Bible Knowledge Commentary. An Exposition of the Scriptures by Dallas Seminary Faculty. Old Testament. Colorado Springs, David C. Cook, 1592.
- White T.J., OP. 2016. Exodus (Brazos). Grand Rapids, BrazosPress, 336.
- Yee G.A., Page H.R.J., Coomber M.J.M. 2014. Fortress Commentary on the Bible: The Old Testament and Apocrypha. Minneapolis, Fortress Press, XXIV+118.
- Zerafa P.P. 1970. Il sacerdozio nell'antico Testamento. *Sacra Doctrina*, 60: 621–658.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кочергин Сергей Сергеевич, соискатель кафедры истории и археологии, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, г. Тула, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sergey S. Kochergin, assistant of the Department of History and Archeology, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, Tula, Russia

УДК 94 (398.9); 94(38)

DOI 10.52575/2687-0967-2022-49-1-15-28

Археология мифа (историографический аспект)

Писаревский Н.П.

Воронежский государственный университет,
394006, Россия, г. Воронеж, Университетская пл., 1
E-mail: Pisarevskiy1@rambler.ru

Аннотация. Обращение к древнегреческой мифологии предполагает исследование некоторых вопросов истории изучения и теории мифа, комплекса мифологических представлений древних греков, а также проблемы соотношения религии и мифологии. Рассмотренные нами аспекты исследования мифа в специальной литературе позволяют вывести заключение, согласно которому он представляет собой специфический по своему содержанию, многослойный и многоуровневый, разноаспектный по затрагиваемым сюжетам, развивающийся в пространстве и во времени рассказ-историю или рассказ по истории, который отображает господствующие представления архетипического восприятия действительности в мифопоэтическом сознании.

Ключевые слова: античность, миф, история, мифоистория, маргинальность, трансцендентность, асимметрия

Для цитирования: Писаревский Н.П. 2022. Археология мифа (историографический аспект). Via in tempore. История. Политология. 49 (1): 15–28. DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-1-15-28

Archeology of myth (historiographic aspect)

Nikolay P. Pisarevsky

Voronezh State University,
1 Universitetskaya Sq., Voronezh 394006, Russia,
E-mail: Pisarevskiy1@rambler.ru

Abstract. The appeal to ancient Greek mythology involves the study of some issues of the history of the study and theory of myth, the complex of mythological representations of the ancient Greeks, as well as the problem of the relationship of religion and mythology. The aspects of the study of myth in the special literature considered by us allow us to conclude that it is specific in its content, multi-layered and multi-level, multi-aspect in the affected subjects, developing in space and time, a story-story or a story based on history, which reflects the prevailing ideas of the archetypal perception of reality in the mytho-poetic consciousness. The problem of the relationship between myth and history - one of the most essential problems of historical knowledge - was one of the most demanded at all stages of the development of human society and its science as such. Myth and history, or myth versus history - an alternative that, with the filing of ancient science, turned into a constant companion for the study of the problem in the science of the New and Newest periods of its history.

Keywords: antiquity, myth, history, mythohistory, marginality, transcendence, asymmetry

For citation: Pisarevsky N.P. 2022. Archeology of myth (historiographic aspect). Via in tempore. History and political science. 49 (1): 15–28 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-1-15-28

Введение

Проблема соотношения мифа и истории – одна из самых существенных проблем исторического познания – являлась одной из самых востребованных на всех этапах развития человеческого общества и его науки как таковой [Андреев, 1990, с. 221; Манзура, 1997,

с. 26–46; Сазонова, 2006; Воронцов, 2012, с. 3–93; Клейн, 2014, с. 582–588; Доманина, Харина, 2017, с. 206–209; Finley, 1965, p. 281–302; Stumfohl, 1992, S. 33–46; Buxton, 1994; Heehs, 1994, p. 1–19; Burkert, 1999; Gehrke, 2014; Ben-Yeguda, 2019; Gehrke, 2019]. Истоки первоначального интереса в её разработке восходят к самой античности, характерной особенностью которой как цивилизации выступало рождение исторической мысли [Немировский, 1986, с. 18–19; Немировский, 2000, с. 6, 380].

Результаты и их обсуждение

С самого начала объектом её пристального внимания стал именно миф [Хайдеггер, 2013, с. 118; Цыганков, 2015]. В греческой историографии, как показывает знакомство с трудами её наиболее крупных представителей, историческое время восходит к мифическому периоду, который рассматривался в качестве предыстории того или иного народа. Основные персонажи мифологии были представлены либо общающимися с земными женщинами богами, либо рассматривались в качестве смертных героев, олицетворявших людей предшествовавшей эпохи, которые продолжали время от времени входить в контакт с богами лично [Топров, 1977, с. 13; Токарев, Мелетинский, 1987, с. 14–16]. А события мифологического прошлого, связанные с личностями отцов-эпонимов или отождествляемые с конкретными племенами и этносами древних греков, рассматривались в качестве генеалогических историй, содержащих разнотипные рассказы о далёком прошлом [Немировский, 2004, с. 4; Middleton, 2019]. И хотя в трудах античных философов такая связь, выраженная во взаимоисключающих и диаметрально противоположных оценках, время от времени подвергалась сомнению, мифология, так или иначе, отражала как процессы этно- и политогенеза общества греческих полисов и форм их государственности, так и степень соотношения между собой рационального и иррационального в общественном сознании времён архаики, классики и эпохи эллинизма [Ставицкий, 2002, с. 200–205; Воронцов, 2012, с. 91–95].

Оценки эти не только варьировались, но и подчас носили диаметрально противоположный характер. В частности, Аристотель полагал, что мифы создаются законодателями «для внушения толпе, для соблюдения законов и для выгоды закону» (Arist., VIII, 12, 9. 1074a). Одновременно, если внимательно разобраться в его рассуждениях о многократности изобретения искусств, станет понятным, почему Эвгемер Мессенский, как свидетельствует Диодор Сицилийский, считал, что в мифах заключена как история народов, так и деяния и подвиги героев, предков и т. д. (Diod., I, 4, 6) [Круглов, 2006, с. 363–374]¹⁵.

Миф и история, или миф против истории – альтернатива, которая с подачи античной науки превратилась в постоянную спутницу изучения проблемы в науке Нового и Новейшего периодов её истории¹⁶.

В 1-й пол. XIX в. она легла в основу романтического восприятия мифа, которое, иницируя теорию отражения, рассматривало его как продукт отражённого в мышлении самопонимания человека. Иными словами, результаты понимания мифа человеком и есть его сущность. Такая оценка мифа получила широкое распространение под мощным влия-

¹⁵ Идеи Эвгемера были возрождены в XIX в. Их развивал немецкий ученый О. Каспари. Под его влиянием к этой теории отчасти примкнул и Ф. Буслев. Подобным образом ученый и писатель XX в. Р. Грейвс объяснял мифы Греции. В его интерпретации сюжет похищения Европы Зевсом таит историю набегов эллинов-критян на финикия; осклопление Урана – мифологизация борьбы греков с доэллиническим населением страны. Отзвуки древних битв и духовных потрясений он видит и в гигантомахии, и в историях о борьбе греческих героев с чудовищными тварями. Мифы зарождались якобы в ситуации перехода от матриархальных к патриархальным отношениям. Убийство Персеем Медузы Горгоны, убийство Беллерофонтом ликийской Химеры – отражение победы вторгшихся в Грецию и Малую Азию «в начале II тыс. до н. э. «патриархальных эллинов». См.: [Грейвс, 1992, с. 93, 95–197].

¹⁶ Историографию проблемы см.: [Воронцов, 2012, с. 251–285; Козолупенко, 2012, с. 69–85; Wyatt, 2010, p. 83–91].

нием идей Иоганна Готлиба Фихте, Фридриха Вильгельма Иосифа фон Шеллинга и Георга Вильгельма Фридриха Гегеля. Последний писал: «Сознание человека не только отражает мир, но и творит его... Сознание осваивает мир, во-первых, отражая, во-вторых, творя, преобразая, переосмысливая в соответствии с ранее накопленным опытом» [Архипцев, 1974, с. 55–64].

Самым же важным тезисом, который защищали представители романтического направления был тот, согласно которому «... «миф», как и поэзия, тоже истина, или ее эквивалент, и с истиной научной или исторической он отнюдь не спорит – он дополняет их» [Уэллек, Уоррен, 1978, с. 207]. В этом и заключалось понимание сущности и значения мифа представителями романтического направления [Уэллек, Уоррен, 1978, с. 207; Соболев, 2017, с. 23].

Другой идеей, которая распространялась параллельно, выступала трактовка тезиса о принадлежности мифа и истории друг другу. Первым её высказал Иоганн Якоб Бахофен (1815–1887) [Бахофен, 1996; Bachofen, 1948, S. 10–17]. По его мнению, миф отображает неосознанные закономерности бессознательного, по причине чего невозможно понять ни начала, ни цели происходящего, если не знать мифические, священные истоки этого начала [Бахофен, 1996, с. 221–222]. Поэтому, как полагал основоположник теории матриархата, любое более глубокое познание древности должно начинаться с мифа, прежде чем оно станет утраченным [Бахофен, 1996, с. 221–222; Baumeier, 1960, S. 87].

Данная идея получила дальнейшую разработку в трудах З. Фрейда [Надеждин, 2011; Фрейд, 2016; Freud, 2005, S. 66–78] и К.Г. Юнга [Руткевич, 1999, с. 6; Юнг, 2010; 2017]. Оба определяли мифы символами сновидений, а сущность их рассматривали как результат коллективно-бессознательного отражения окружающей действительности [Morford, Lenardon, Sham, 2011, p. 4]. Из примитивной психологии выводил миф и Б. Малиновский, по мнению которого миф, многогранное и противоречивое явление, представлял собой феномен социального бытия, выражаемого в «переживаемой индивидом реальности» [Малиновский, 1998, с. 86–98; Андреева, 2016, с. 104; Андреева, 2018]. По этой причине миф является источником специфической, предназначенной для соблюдения ритуала информации [Андреева, 2018, с. 79].

Дж. Фрэзер разработал концепцию ритуального объяснения мифа [Андреева, 2018, с. 76–83]. При этом он исходил из популярной в его время обрядовой теории, согласно которой миф есть «примитивная наука». Миф, согласно Дж. Фрэзеру, не объяснял окружающую действительность прямым образом. Он объяснял ритуал, который выполнял основную социальную функцию в примитивном обществе [Андреева, 2017]. При этом мифотворчество он рассматривал вне контекста познания. Отдавая приоритет ритуалу, он отказывался усматривать в мифе исторические реалии, основанные на достоверных данных [Андреева, 2017]. Впрочем, эту позицию учёный не абсолютизировал и вполне допускал обратную трактовку. «Но хотя ... сказания несомненно являются легендарными, всё же вполне возможно и даже вероятно, что многие из них под мифической оболочкой содержат зерно истины» [Фрэзер, 1980, с. 96].

Начало подлинно научного изучения мифа связано с именем основоположника санскритологии Макса Мюллера. По его мнению, все мифы – аллегории и персонифицированные явления природы и общества. При этом миф не существует вне слова. Но не слова вообще, а древнего слова. В этом отношении он есть поздний домысел, паразитирующий на особенностях древнего языка [Мюллер, 1863, с. 1–8]. Вместе с этим учёный понимал (и принимал) идею развития, предпосылая т. н. мифическому периоду в истории человечества ещё два этапа (рождения языка (период образования слов); период образования диалектов) [Мюллер, 1863, с. 12–13]. Этот, третий по счёту, важный с точки зрения развития языка и мысли период он называл «мифопеическим» (мифическим) и считал, что только в его хронологических рамках происходило рождение мифов [Мюллер, 1863, с. 14–15]. Этот период он связывал с процессом перехода от глоттогенеза к этногенезу и потому

рассматривал миф как продукт создания человека на этом этапе его истории [Мюллер, 1863, с. 45–47].

Аналогичный подход использовали и лингвисты, в частности братья Я. и В. Гримм [Гримм, 2018, с. 137; Керашева, 2010]. Они широко использовали лингвистические методы при изучении мифологического сознания и были уверены, что формальная и семантическая реконструкция праязыка позволит пролить свет на глубинные тайны мифа [Ромашко, 2018, с. 13–16]. На таких же позициях трактовки сущности мифа находились и отечественные учёные Ф.И. Буслаев и А.А. Потебня [Воронцов, 2012, с. 91–95; Киндря, 2012, с. 82–87; Новиков, 2018, с. 207].

Таким образом, исследования мифа в науке XVIII–XIX вв. привели не только к формулировке основной задачи, но и способствовали разделению как тенденций, так и основных направлений его разработки на следующем этапе изучения проблемы. Главное же, что объединяло представления учёных на этом этапе, заключалось в представлении о мифе как особом типе мировоззрения, продукте человеческого воображения, присущем преимущественно архаическим культурам. В связи с этим он рассматривался в качестве донаучного, наивного способа объяснения человеком окружающего мира [Марулис, 2018, с. 151].

Такая постановка вопроса, равно как и систематика основных архетипов, лежащих в основе мифа, способствовала оформлению основных направлений изучения мифа и мифологии в европейской науке: мифологической школы братьев Гримм (А. Кун, А.А. Потебня и др.); антропологической или эволюционной школы Э. Тайлора (Э. Лэнг, Г. Спенсер и др.); исторической (кембриджской) школы классической филологии Д. Харрисона (Ф.М. Корнфорд, А.Б. Кук, Г. Марри); французской социологической школы Э. Дюркгейма (Л. Леви-Брюль) и структуралистской школы К. Леви-Стросса¹⁷. Разделение происходило и по принципу определения мифа как застывшей маргинальной традиции (Н.С. Автономова, Р. Барт, А.В. Гулыга, М. Хоркхаймер, Т. Адорно) и эвристического способа познания и преобразования мира (традиция ремифологизации Э.Я. Голосовкера, Э. Кассирера, А.Ф. Лосева, К. Хюбнера, М. Элиаде).

Уровни этого разделения были самыми разными, но они отображали стремление объяснить природу и сущность мифа. Историографически это прослеживается в появлении сциентистской (научоцентрической) теории, роднящей миф и науку по целям, средствам и решаемым задачам. Та же самая тенденция характеризовала генезис неозволюционистских построений и ритуалистической теории, согласно которой миф рассматривался в качестве стенограммы взаимосвязанного с ним ритуала. Наконец, для понимания механизмов происхождения и эволюции мифологических представлений свои интерпретации предложили психоаналитики. Психо-субъективистские теории трактовали миф в качестве естественного порождения человеческой души и этим самым скатывались к давно преодоленным наукой идеям И. Канта [Климов, 2001].

«Эпоха социальных революций и мировых войн» внесла свою лепту в изучение мифологии и мифа. Этому способствовал каскад археологических открытий 2-й пол. XIX – начала XX вв. на Ближнем Востоке, в Малой Азии, островной и Балканской Греции, дополненный прорывными открытиями филологов востоковедов и античников на фоне прогресса в языкознании. Они обусловили применение междисциплинарного подхода и комплексных методов, обусловивших системное восприятие объекта и предмета в исследова-

¹⁷ Достижения лингвистов в сфере фонологии побудили К. Леви-Стросса распространить сугубо формальный подход на всю доисторическую культуру. Выявляя в мифах структурные инварианты, он показал, что мифологическое мышление является логично-образным, а миф представляет собой специфический код, в котором мифические персонажи играют роль знаков. Надо сказать, что К. Леви-Стросс при изучении мифа гипертрофировал роль формального подхода в ущерб семантическому. Он игнорировал специфику мифических, сказочных животных, растений, вещей, предметов, которым свойственны человеческая психика, человеческие способности, язык. См.: [Островский, 2000, с. 31; Ставицкий, 2018, с. 126–140].

нии мифа и мифологии [Исаков, 2019]. Это позволило, объединив положительные инструменты теории познания прошлого, преодолеть восприятие мифа в качестве отображения фантастических образов. Более того, нельзя не заметить появление отображающих сложность мифа как объекта и предмета исследования его трактовок. Одна из них рассматривала мифологическое мировоззрение в качестве совокупности представлений, основанных на эмоциональном восприятии действительности и вере фактам, которые изложены, но не подтверждены и основаны на догадках. Ей противостояла оценка, согласно которой миф – древнее представление о мире и результат его освоения. Существовало и мнение, объединявшее эти два подхода – теория «функциональной асимметрии» Э. Ланга [Ланг, 1901, с. 30].

Впрочем, следует заметить, что представление о фантастическом содержании мифологических данных не было преодолено полностью. Один из крупнейших и выдающихся специалистов в области идеологии античности А.Ф. Лосев писал: «Миф не есть историческое событие как таковое. Легче всего понять историю как ряд фактов, причинно связанных между собою. Для понимания мифа это дает чрезвычайно мало. Факты сами по себе глухи и немые. Факты непонятые даже не суть история. История всегда есть история понятых или понимаемых фактов...» [Лосев, 1991, с. 129]. Именно поэтому учёный призывал разделять обывательское (повседневное) значение термина «миф» от научного [Лосев, 1993, с. 49, 730]. Любое представление человека об окружающей действительности, по его мнению, отличается от неё самой и только в этом смысле оно – мифологично». Таковыми же с его точки зрения выступали представления в науке, искусстве, религии, философии и т. д.

Объединяющим моментом всех перечисленных концепций выступало невнимание к истории как источнику и условию зарождения мифа и генезису мифологии.

Одним из первых, кто применил исторический подход к решению вопроса в отечественной науке, был А.И. Немировский. «Миф, – писал он, – одна из форм истории» [Немировский, 2000, с. 389]. Эта мысль, высказанная выдающимся отечественным историком античности, предопределила современное состояние разработки проблемы в отечественной и зарубежной науке. Иными словами, концепция эвгемеризма, согласно которой миф есть повествование об исторических лицах и исторических событиях, возродилась в новых исторических условиях и на новом этапе развития исследований в области вскрытия закодированных в мифе исторических, географических, социальных и иных реалий далёкого исторического прошлого.

Современные публикации не оставляют сомнений в справедливости высказанной нами оценки. Она сформулирована в обобщающем тезисе, который с известной степенью абсолютизации объявляет миф, науку и религию тремя различными и равноправными явлениями, демаркационная линия между которыми лежит, с одной стороны, в плоскости соотношения веры и знания, а с другой – сходится на принципе отработки «неудобных» с точки зрения изначального образа (теории, догмата) фактов [Козолупенко, 2005; 2007; Крайнов, 2018, с. 236; Ставицкий, 2018, с. 238].

И тем не менее тенденция к выделению следов историчности, объективности и соответствия информации мифов на разных уровнях общественного сознания, этапах исторического развития древних обществ и в контексте отображавшего исторические реалии восприятия человеком окружающей действительности, особенно в науке последнего двадцатилетия, приобрела (как тенденция) необходимую устойчивость. Мифология как систематическое собрание первобытных знаний связывается специалистами с процессами культурно-, лингво- и этногенеза, в ходе развёртывания которых происходит взаимодействие материальных, художественных и духовных ценностей [Вейнберг, 1986; 1993; Финн, 2001, с. 273–274; Шартье, 2011, с. 6 и др.]. Впитавшая в себя результаты освоения мира, она формирует как практический опыт удовлетворения непосредственных материальных потребностей, так и, испытывая влияние групповых интересов, превращает их в важный фактор, определяющий роль и степень фантастического в структуре картины ми-

ра. Существующие взгляды, объясняющие данную закономерность степенью опыта и зрелости освоения мира, не совсем верно отображают существо вопроса. Решение задачи в смысле «чем больше, тем меньше» и наоборот – неверно.

Гораздо ближе к истине мнение тех исследователей, согласно которому в понимании данной проблемы следует учитывать сложившиеся возможности и трудности в объяснении человеком реалий и образов окружающего мира. Одни из них он мог объяснить легко, а объяснение других ставило его в тупик, из которого он находил выход, опираясь на диалектику труда-мышления и свой социальный, приобретённый на данном этапе, опыт. Данное правило работает при сопоставлении двух противоположных концепций. Вспомним взгляды М. Элиаде, согласно которым миф – это не просто конкретная история, но история, которая произошла вне времени, по причине чего она приобрела форму сакральной модели, проецирующей и объединяющей через ритуал трансцендентное прошлое и действительное настоящее [Элиаде, 2010, с. 16, 21–22]. Исследования же конкретных аспектов мифа, в частности географических и в особенности отображённых в эпической поэзии, показали прямую связь представлений, отображённых в литературных текстах с реальной действительностью. Убеждённость Александра Македонского и Г. Шлимана в достоверности свидетельств поэм Гомера в самое последнее время была подтверждена междисциплинарными исследованиями гомеровских ландшафтов в разных уголках Балканской Греции и Эгеиды. В частности, один из специалистов в данной области пришёл к убеждению, согласно которому «эпический миф имеет тесную связь с ландшафтом» [van Wijngaarden, 2011, р. 1–6]. В сочетании с аналогичными заключениями доминирующее положение в оценке данного аспекта получил тезис о способности мифопоэтического мышления отображать разнообразные картины мира, возникавшие в сознании архаического человека [Киндря, 2012, с. 82–87]. При этом определение мира рассматривается во взаимодействии человека и среды или как результат переработки информации о среде и человеке, содержащейся в картине мира [Киндря, 2012, с. 83]. Более того, как полагают отдельные учёные, мифологическое отождествление предполагает трансформацию объекта, которая происходит в конкретном пространстве и времени, поскольку первобытное мышление характеризует симбиоз прошедшего с настоящим [Киндря, 2012, с. 84, 86]. При этом последнее называется основной особенностью восприятия даже мифологического пространства [Пяткова, 2019, с. 26].

В самое последнее время в специальной литературе предложено решение проблемы, которое, отталкиваясь от достижений современной квантовой физики, предлагает рассматривать мифопоэтическое мировосприятие как один из основных типов человеческого мировосприятия, определённым образом структурирующих мир и предписывающих соответствующие правила поведения в этом мире, однако основывающихся на представлении об искривлении пространства и времени, наличии их начал и концов, что позволяет рассматривать их в качестве локальных и частных характеристик, уникальность которых основана на фундаментальных представлениях [Давыдова, 2019].

Такая фундаментальная идея эмпирическим путём была достигнута и высказана Г. Штумфохлем, который на основании исследования мифологических сюжетов о подвигах Геракла пришёл к заключению, согласно которому миф не нужно объяснять, поскольку он относится к области символических форм и даёт укороченный доступ к реальности, но не как религия, поэзия или сказка, а как имеющий отношение к основной и базовой структуре человеческой мысли [Stumfohl, 1992, S. 33–46]. «Миф, цель мифа, – указывал он, – состоит в повествовательном рассказе о прошлом современному поколению, чтобы нынешнее поколение могло усвоить его... Миф может быть понят как истинная история, ложная история, справедливая история, серьёзная история или тривиальная история...» [Stumfohl, 1992, S. 33]. Со ссылкой на П. Мунц он утверждает, что мифы имеют историческое происхождение, каким бы тривиальным ни было действительное событие, перерастающее в метафизическую теорию посредством мифического повествования [Stumfohl,

1992, S. 44]. На этом основании он приходит к заключению о возможности в трактовке мифа говорить о *Мифоистории* с большой буквы [Stumfohl, 1992, S. 44].

Должны быть отмечены и ещё два глубоких замечания автора. По его мнению, неизменность и истинность, на которые имплицитно претендует миф, при всех видоизменениях как в пространстве, так и во времени являются его основным качеством, которое остаётся архетипом или мериллом, с помощью которых оцениваются все другие реальности, поскольку миф устанавливает парадигму. С другой стороны, как полагал учёный, древние исторические воспоминания, закодированные в форме мифа, при всей их фантастической образности и маловероятных сюжетах являются сущностно-историографическими по замыслу [Stumfohl, 1992, S. 37]. Полезно отметить, что автор также придерживается теории современной квантовой физики. В полном соответствии с её постулатами он пишет: «Может быть, полезно предположить, что история и миф, поскольку они затрагивают Память народа, действительно служат остановке, если не обращению вспять её траектории или, как полагают интуитивно, делают это для того, чтобы прошлое, мифическое или историческое, могло быть рассмотрено, пережито и вспомнено в радикальном смысле «возвращения назад» [Stumfohl, 1992, S. 40].

Подведём итоги. В XIX в. возник новый подход к пониманию значения мифа в культурном развитии человечества – миф есть необходимая ступень в развитии сознания (И. Кант, Ф. Шеллинг, Э. Кассирер). В современной науке значение мифа трактуется преимущественно в двух значениях: как совокупность исторических заблуждений человечества и как одно из высших проявлений поэтичности человеческого разума. Такое понимание значения мифа приводит нас к серьёзному выбору подхода к наиболее вероятной интерпретации мифа, так как зачастую миф является единственным источником сведений о древнейших этносах той или иной цивилизации. Мифы – это истории, основанные на традиции. Одни из них в зависимости от выполняемой задачи отражают историческую реальность, другие являются полностью вымышленными [Вуд, 2018]. Но в любом случае они выступают маркером-определителем культурной и этнической идентичности [Ставицкий, 2019]. Последнее выявлено в содержании гомеровских поэм, изучение структуры которых позволило вывести заключение о присутствии в них интереса к истории. На этом основании считается, что «сам факт создания текста поэм на основе более древних эпических преданий свидетельствует о присутствии в сознании грека гомеровской эпохи понимания ценности прошлого для настоящего, а также и самой истории как знания о прошлом, хотя и основанном на мифе» [Лебедева, 2016, с. 220].

Характеризуя сущность мифа и мифологии, следует иметь в виду ещё одно важное обстоятельство. Оно связано с наличием в его структуре самых разных уровней, важнейшими из которых называются сакральный, воображаемый и антропоморфный. В своём переплетении они-то и составляют пространственное измерение его информационных «полей». Древние греки не воспринимали их сразу. На каждом из этапов исторического развития своего общества они усматривали в мифе только один из них, но во всём его взаимодействии как с другими уровнями и их отдельными их элементами, так и в преодолении их. На этом основании специалисты пришли к заключению, согласно которому трёхчастная конструкция структуры мифа не только формирует отложившуюся в нём историческую информацию, но и помимо всего остального (и это особенно важно) выступает инструментом понимания отложившихся в нём способов восприятия и объяснения окружающей действительности [Cole, 2004, p. 67]. «Мифы, – писал в своё время М. Финли, – бесспорно, содержат исторические измерения (конкретные имена, учреждения, факты и объекты). Поэтому самые ранние рассуждения греков о своём прошлом выражены в мифолого-легендарных и генеалогических историях» [Finley, 1965, p. 292].

Таким образом, смысл и сущность мифа нужно выводить из него самого. Миф – повествование, передающее господствующие представления в обществе об истории людей и

их происхождении. Весьма чётко по данному вопросу высказался К. Кереньи: «Миф – это давняя история, некогда пережитая предками и дошедшая до потомков [Кереньи, 2000, с. 271]».

Выводы

Рассмотренные нами аспекты исследования мифа в специальной литературе позволяют вывести заключение, согласно которому он представляет собой специфический по своему содержанию, многослойный и многоуровневый, разноаспектный по затрагиваемым сюжетам, развивающийся в пространстве и во времени рассказ-историю или рассказ по истории, который отображает господствующие представления архетипического восприятия действительности в мифопоэтическом сознании.

Миф – древнейшая форма идентификации, способ прагматико-эмпирического и ассоциативного объяснения окружающей действительности и средство достижения цели по её освоению. В этом смысле миф – иносказательно выраженный социальный опыт и «средство коммуникации».

Соединяя в себе историческую реалию и её художественный образ, а также воплощённые в них (и проистекающие из них) представления, миф создаёт матрицу – мнемон виртуального мира, сущность которого определяется основными элементами его конструкции – диалектикой мнимых и реальных истин. В этом смысле миф, как арсенал и почва, всегда конкретен и историчен. И именно по этой причине для преобладающего большинства древних греков эпохи классики (и не только) мифы были не только арсеналом и почвой, но и древнейшей историей их народа.

Список литературы

- Андреев Ю.В. 1990. Поэзия мифа и проза истории. Л., Наука, 221.
- Андреева В.Н. 2016. Миф как «переживаемая реальность» в концепции Б. Малиновского. В: Царскосельские чтения. Т. 1. № XX: 102–106.
- Андреева Н.С. 2017. Миф как «Словесный слепок» ритуала. В: Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. № 1: 116–121.
- Андреева Н.С. 2018. Магия – ритуал – миф в теориях культуры (Дж. Фрэйзер и Б. Малиновский). Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. № 1: 76–83.
- Архипцев Ф.Т. 1974. Творческая природа человеческого сознания. В: Вопросы философии. № 5: 55–64.
- Бахофен И. 1996. Материнское право. Классики мирового религиоведения. Антология. Т. 1. Сост. и общ. ред. А.Н. Красникова. М., Канон+, 496.
- Вейнберг И.П. 1986. Человек в культуре Древнего Ближнего Востока. М., Наука, 208.
- Вейнберг И.П. 1993. Рождение истории. Историческая мысль на Ближнем Востоке середины I тысячелетия до н. э. М., Наука, 350.
- Воронцов В.А. 2012. Археология мифа и слова. В: Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. № 1: 91–95.
- Воронцов В.А. 2012. Генезис языка, сказки и мифа в контексте антропо-социо-культурогеза. Казань, Яз, 416.
- Вуд М. 2018. Что есть миф. Миф в истории, политике, культуре. В: Сборник материалов I Международной научной междисциплинарной заочной конференции (ноябрь 2017 г., г. Севастополь). Севастополь: Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в г. Севастополе: 37–38.
- Грейвс Р. 1992. Мифы Древней Греции. М., Прогресс, 620.
- Гримм Я. 2018. Германская мифология. Т. 1. М., ЯСК, 926.
- Давыдова М.Ю. 2019. Мифологическое пространство и время. URL: <http://dspace.nbu.v.gov.ua/bitstream/handle/123456789/74334/31Davydova.pdf?sequence=1> (дата обращения 8.06.2019).

- Доманина С.А., Хазина А.В. 2017. История и миф, или миф в истории: из опыта преподавания авторского курса «Сравнительная мифология». В: Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. № 2: 206–209.
- Исаков Е.А. 2019. Миф как феномен социального бытия в философии мифологии XX века. URL: https://lib.herzen.spb.ru/text/isakov_120_91_96.pdf (дата обращения 4.06.2019).
- Керашева Ф.Н. 2010. Братья Гримм в развитии германской мифологии. В: Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. № 3: 21–24.
- Кереньи К. 2000. Элевсин. Архетипический образ матери и дочери. М., Рефл-бук: 271.
- Киндря Н.Я. 2012. Мифопоэтическое мышление как отражение картины мира архаичного человека. В: Грамота. № 8 (22). Ч. II: 82–87.
- Клейн Л.С. 2014. Археологическая песнь о Нибелунгах (Hedeager L. Iron Age myth and materiality: An archaeology of Scandinavia AD 400–1000. London and New York, Routledge, 2011. 287 p.). В: Российский археологический ежегодник. № 4: 582–588.
- Козолупенко Д.П. 2005. Миф на гранях культуры. М., Канон, 212.
- Козолупенко Д.П. 2009. Анализ мифопоэтического мировосприятия. В: Epistemology & Philosophy of Science. № 2, 1–9: 190–197.
- Козолупенко Д.П. 2012. О специфике «древней» или «примитивной» мифологии: поэтический и социально-психологический подходы в изучении мифов. В: Философия и культура. № 8 (56): 69–85.
- Крайнов Г.Н. 2018. Мифы и историческая память. В: Миф в истории, политике, культуре. Вып. 1. Симферополь: 34–37.
- Круглов Е.А. 2006. Культ Аполлона Тельмесского (каролийские истоки эллинистического учения Эвгемера). В: Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. Отв. ред. Э.Д. Фролов. Вып. 5: 363–374.
- Ланг Э. 1901. Мифология. М., Книжное дело, 209.
- Лебедева Ю.И. 2016. Представления древних греков о пространстве и времени по поэмам «Илиада» и «Одиссея». В: Ярославский педагогический вестник. № 4: 216–222.
- Лосев А.Ф. 1991. Философия. Мифология. Культура. М., Политиздат, 525.
- Лосев А.Ф. 1993. Очерки античного символизма и мифологии. М., Мысль, 730.
- Малиновский Б. 1998. Магия, наука, религия. М., Рефл-бук, 304.
- Манзура И.В. 1997. Археология основного мифа. В: Стратум: структуры и катастрофы. Сборник символической индоевропейской истории. СПб.: 26–46.
- Марулис Д. 2018. История определения античной греческой мифологии. В: Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. № 1 (212): 151–162.
- Махинин А.Н. 2018. Этнокультурная идентичность в пространстве мифов и стереотипов. В: Миф в истории, политике, культуре. Севастополь: 48–53.
- Мюллер М. 1863. Сравнительная мифология. М., Тип. Грачева и К°, 122.
- Наеждин Н. 2011. Зигмунд Фрейд. За гранью сознания. М., Майор, 192.
- Немировский А.И. 1986. Клио: У истоков исторической мысли. Воронеж, ВГУ, 350.
- Немировский А.И. 2000. Мифы Древности. Научно-художественная энциклопедия. Эллада. М., Лабиринт, 380.
- Немировский А.И. 2004. Мифы и легенды народов мира. Т. 1. Древняя Греция. М., Литература; Мир книги, 496.
- Новиков М.В. 2018. Концепция мифа Ф.И. Буслаева. В: Ярославский педагогический вестник. № 3: 207–218.
- Островский А.Б. 2000. Обоснование антропологии мышления. В: Леви-Стросс К. Путь масок. М., Республика: 3–18.
- Пяткова Н.Л. 2008. Некоторые особенности восприятия мифологического пространства. В: Вопросы археологии Урала. Вып. 25, 26: 26–29.
- Ромашко С.А. Как мифология стала германской. В: Гримм Я. Германская мифология. Т. 1. М., ЯСК: 7–23.
- Руткевич А.М. 1999. Жизнь и воззрения К.Г. Юнга. В: Юнг К.Г. Архетип и символ. М., Ренессанс: 3–21.
- Сазонова З.Н. 2006 Миф и история: эволюция взаимовлияния. INTER-CULTUR@L-NET. Вып. 5. URL: <http://www.my-luni.ru/journal/clauses/93/> (дата обращения 2.05.2019).

- Ставицкий А.В. 2002. Наука и миф: некоторые проблемы взаимоотношения. В: Культура народов Причерноморья. № 33: 200–205.
- Ставицкий А.В. 2018. Миф в историческом поле культуры: психологический аспект. В: Миф в истории, политике, культуре. Севастополь: 238–240.
- Ставицкий А.В. 2018. Структура мифа по К. Леви-Строссу: опыт несостоятельного. В: Вопросы психолингвистики. № 1 (35): 126–140.
- Токарев С.А., Мелетинский Ю.М. 1987. Мифология. В: Мифы народов мира. Т. 1. М., Советская энциклопедия: 14–16.
- Топоров В.Н. 1977. История и мифы. В: Мифы народов мира. Т. 1. М., Советская энциклопедия: 13–14.
- Уэллек Р., Уоррен О. 1978. Теория литературы. М., Прогресс, 207.
- Финн В.К. 2001. Интеллектуальные системы и общества М., РГГУ, 352.
- Фрейд З. 2016. Психология масс и анализ человеческого Я. М., АСТ, 192.
- Фрэзер Дж. 1980. Золотая ветвь. М., Политиздат, 832.
- Хайдеггер М. 2013. Бытие и время. М., Академический проект, 452.
- Цыганков А.С. 2015. Миф как форма интерпретации истории (социально-философский анализ). Дисс. канд. филос. наук. М., 176.
- Шартье Р. 2006. Письменная культура и общество. М., Новое издательство, 272.
- Элиаде М. 2010. Аспекты мифа. М., Академический проспект, 252.
- Юнг К.Г. 2010. Психология бессознательного. М., Когито-Центр, 180.
- Юнг К.Г. 2017. Человек и его символы. М., Серебряные нити, 448.
- Bachofen J.J. 1948. Der Mythos als Quelle geschichtlicher Erkenntnis. In: Das Mutterrecht. Bd. 2, 1. Basler: 10–17.
- Baumler A. 1960. Bachofens romantische Deutung des Altertums. München, 387.
- Ben-Yehuda N. 2002. Sacrificing Truth: Archaeology and The Myth of Masada. Available at: http://www.bibleinterp.com/articles/ben-yehuda_masada.shtml (accessed 5 May 2019).
- Burkert W. 1999. Antike Mythen in der europäischen Tradition. Tübingen, Attempto, 303.
- Buxton R. 1994. Imaginary Greece, the Contexts of Mythology. Cambridge, UP, 250.
- Cole S.G. 2004. Landscapes, Gender, and Ritual space. The Ancient Greek Experience. Berkeley, XVIII+292.
- Finley M. 1965. Myth, Memory and history. In: History and Theory. Vol. 4 (3): 281–302.
- Freud S. 2005. Massenpsychologie und Ich-Analyse. In: Die Zukunft einer Illusion. Frankfurt-on-Main: 66–78.
- Gehrke H.-J. 2013. Griechische Mythen als Geschichte der Griechen. In: Motive–Formen–Strukturen: 37–64.
- Gehrke H.-J. 2014. Geschichte als Element antiker Kultur: Die Griechen und ihre Geschichte (n). Berlin; Boston, 158.
- Heehs P. Myth, History, and Theory. In: History and Theory. Vol. 33. No. 1: 1–19.
- Middleton G.D. 2002. Mycenaean, Greeks, Archaeology and Myth: Identity and the Uses of Evidence in the Archaeology of Late Bronze Age Greece. In: Eras Journal. Available at: <https://www.monash.edu/arts/philosophical-historical-international-studies/eras/past-editions/edition-three-2002-june/eras-journal-middleton-g-abstract> (accessed 30 April 2019).
- Morford M.P.O., Lenardon R.J., Sham M. 2011. Classical Mythology. Oxford; New York, UP, 841.
- Stumfohl H. 1992. Die Wanderungen des Herakles I + II. In: Almqvaren. No. 22: 33–61.
- van Wijngaarden G.J. 2011. Immaterial landscapes: Homeric geography and the Ionian Islands in Greece. In: Quaternary International. Vol. 30: 1–6.
- Wyatt N. 2010. The Archaeology of Myth. London, 192.

References

- Andreev Yu.V. 1990. Poeziya mifa i proza istorii [Poetry of myth and prose of history]. Leningrad, Nauka, 221 (in Russian).
- Andreeva N.S. 2017. Mif kak «Slovesnyj slepok» ritual [Myth as a «Verbal cast» of the ritual]. In: Vestnik LGU im. A.S. Pushkina [Bulletin of the Leningrad State University named after A.S. Pushkin]. № 1: 116–121 (in Russian).

- Andreeva N.S. 2018. Magiya – ritual – mif v teoriyah kul'tury (Dzh. Frezer i B. Malinovskij) [Magic – ritual – myth in theories of culture (J. Fraser and V. Malinovsky)]. In: Vestnik LGU im. A.S. Pushkina [Bulletin of the Leningrad State University named after A.S. Pushkin]. № 1: 76–83 (in Russian).
- Andreeva V.N. 2016. Mif kak «perezhivaemaya real'nost'» v koncepcii B. Malinovskogo [Myth as «experienced reality» in the concept of V. Malinovsky]. In: Carskosel'skie chteniya [Tsarskoye Selo readings]. T. 1. № XX: 102–106 (in Russian).
- Arhptcev F.T. 1974. Tvorcheskaya priroda chelovecheskogo soznaniya [The creative nature of human consciousness]. In: Voprosy filosofii [Philosophy questions]. № 5: 55–64 (in Russian).
- Bahofen I. 1996. Materinskoe pravo. Klassiki mirovogo religiovedeniya. Antologiya. T. 1. Sost. i obshch. red. A.N. Krasnikova [Maternal law. Classics of world religious studies. Anthology. T. 1. Compilation and general edition A.N. Krasnikov]. Moscow, Kanon+, 496 (in Russian).
- Vejnberg I.P. 1986. CHelovek v kul'ture Drevnego Blizhnego Vostoka [Man in the culture of the Ancient Near East]. Moscow, Nauka, 208 (in Russian).
- Vejnberg I.P. 1993. Rozhdenie istorii. Istoricheskaya mysl' na Blizhnem Vostoke serediny I tysyacheletiya do n. e. [The birth of history. Historical Thought in the Middle East of the Middle and Millennium B. C.]. Moscow, Nauka, 350 (in Russian).
- Voroncov V.A. 2012. Arheologiya mifa i slova [Archeology of myth and word]. In: Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of Kazan State University of Culture and Arts]. № 1: 91–95 (in Russian).
- Voroncov V.A. 2012. Genesis yazyka, skazki i mifa v kontekste antropo-socio-kul'turogeza [Genesis of language, fairy tales and myth in the context of anthropo-socio-cultural genesis]. Kazan', Yaz, 416 (in Russian).
- Vud M. 2018. Chto est' mif. Mif v istorii, politike, kul'ture [That there is a myth. A myth in history, politics, culture]. In: Sbornik materialov I Mezhdunarodnoj nauchnoj mezhdisciplinarnoj zaochnoj konferencii (noyabr' 2017 g., g. Sevastopol') [Collection of materials of the I International scientific interdisciplinary correspondence conference (November 2017, Sevastopol)]. Sevastopol', Filial MGU imeni M.V. Lomonosova v g. Sevastopole: 37–38 (in Russian).
- Grejvs R. 1992. Mify Drevnej Grecii [Ancient Greece myths]. Moscow, Progress, 620 (in Russian).
- Grimm Ya. 2018. Germanskaya mifologiya [Germanic mythology]. T. 1. Moscow, YaSK, 926 (in Russian).
- Davydova M.Yu. 2019. Mifologicheskoe prostranstvo i vremya [Mythological space and time]. Available at: <http://dspace.nbu.gov.ua/bitstream/handle/123456789/74334/31Davydova.pdf?sequence=1> (accessed 8 June 2019) (in Russian).
- Domanina S.A., Hazina A.V. 2017. Istoriya i mif, ili mif v istorii: iz opyta prepodavaniya avtorskogo kursa «Srvnitel'naya mifologiya» [History and myth, or myth in history: from the experience of teaching the author's course «Comparative mythology»]. In: Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo [Bulletin of the Nizhny Novgorod University. named after N.I. Lobachevsky]. № 2: 206–209 (in Russian).
- Isakov E.A. 2019. Mif kak fenomen social'nogo bytiya v filosofii mifologii XX veka [Myth as a phenomenon of social life in the philosophy of mythology of the XXth century]. Available at: https://lib.herzen.spb.ru/text/isakov_120_91_96.pdf (accessed 4 June 2019) (in Russian).
- Kerasheva F.N. 2010. Brat'ya Grimm v razvitii germanskoj mifologii [The brothers Grimm in the development of Germanic mythology]. In: Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Filologiya i iskusstvovedenie [Bulletin of the Adyghe State University. Series 2: Philology and Art Criticism]. № 3: 21–24 (in Russian).
- Keren'i K. 2000. Elevsin. Arhetipicheskij obraz materi i docheri [Eleusis. Archetypal image of mother and daughter]. Moscow, Refl-buk, 271 (in Russian).
- Kindrya N.Ya. 2012. Mifopoeticheskoe myshlenie kak otrazhenie kartiny mira arhaichnogo cheloveka [Mythopoetic thinking as a reflection of the picture of the world of an archaic person]. In: Gramota [Diploma]. № 8 (22). Part. II: 82–87 (in Russian).
- Klejn L.S. 2014. Arheologicheskaya pesn' o Nibelungah (Hedeager L. Iron Age myth and materiality: An archaeology of Scandinavia AD 400–1000. London and New York: Routledge, 2011. 287 p.) [Archaeological Song of the Nibelungs (Hedeager L. Iron Age myth and materiality: An archaeology of Scandinavia AD 400–1000. London and New York: Routledge, 2011. 287 p.)]. In:

- Rossijskij arheologičeskij ezhegodnik [Russian archaeological yearbook]. № 4: 582–588 (in Russian).
- Kozolupenko D.P. 2005. Mif na granyah kul'tury [A myth on the verge of culture]. Moscow, Kanon, 212 (in Russian).
- Kozolupenko D.P. 2009. Analiz mifopoetičeskogo mirovospriyatiya [Analysis of mythopoetic worldview]. In: Epistemology & Philosophy of Science [Epistemology and Philosophy of Science]. № 2, 1–9: 190–197 (in Russian).
- Kozolupenko D.P. 2012. O specifiķe «drevnej» ili «primitivnoj» mifologii: poetičeskij i social'no-psihologičeskij podhody v izučenii mifov [On the specifics of «ancient» or «primitive» mythology: poetic and socio-psychological approaches to the study of myths]. In: Filosofiya i kul'tura [Philosophy and culture]. № 8 (56): 69–85 (in Russian).
- Krajnov G.N. 2018. Mify i istoričeskaya pamyat'. Mif v istorii, politike, kul'ture [Myths and historical memory. Myth in history, politics, culture]. Issue 1. Simferopol': 34–37 (in Russian).
- Kruglov E.A. 2006. Kul't Apollona Tel'messkogo (karo-likijskie istoki ellinističeskogo učenija Evģemera) [The cult of Apollo of Telmes (Caro-Lycian origins of the Hellenistic teachings of Eugeger)]. In: Mnemon. Issledovaniya i publikacii po istorii antičnogo mira. Otv. red. E.D. Frolov [Mnemon. Issledovaniya i publikacii po istorii antičnogo mira. Contributing editor E.D. Frolov]. Issue. 5: 363–374 (in Russian).
- Lang E. 1901. Mifologiya [Mythology]. Moscow, Knizhnoe delo, 209 (in Russian).
- Lebedeva Yu.I. 2016. Predstavleniya drevnih grekov o prostranstve i vremeni po poemam «Iliada» i «Odiseya» [Ancient Greeks' ideas about space and time based on the poems «Iliad» and «Odyssey»]. In: YAroslavskij pedagogičeskij vestnik [Yaroslavl Pedagogical Bulletin]. № 4: 216–222 (in Russian).
- Losev A.F. 1991. Filosofiya. Mifologiya. Kul'tura [Philosophy. Mythology. The culture]. Moscow, Politizdat, 525 (in Russian).
- Losev A.F. 1993. Očerki antičnogo simbolizma i mifologii [Essays on Ancient Symbolism and Mythology]. Moscow, Mysl', 730 (in Russian).
- Ben-Yehuda N. 2002. Sacrificing Truth: Archaeology and The Myth of Masada. Available at: http://www.bibleinterp.com/articles/ben-yehuda_masada.shtml (accessed 5 May 2019).
- Malinovskij B. 1998. Magiya, nauka, religiya [Magic, science, religion]. Moscow: Refl-buk, 304 (in Russian).
- Manzura I.V. 1997. Arheologiya osnovnogo mifa [Archeology of the main myth]. In: Stratum: struktury i katastrofy. Sbornik simbolicheskoj indoevropejskoj istorii [Stratum: Structures and Catastrophes. Collection of Symbolic Indo-European History]. St. Petersburg: 26–46 (in Russian).
- Marulis D. 2018. Istoriya opredeleniya antičnoj grečeskoj mifologii [The history of the definition of ancient Greek mythology]. In: Vestnik Adyģejskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Filologiya i iskusstvovedenie [Bulletin of the Adyģhe State University. Series 2: Philology and Art Criticism]. № 1 (212): 151–162 (in Russian).
- Mahinin A.N. 2018. Etnokul'turnaya identičnost' v prostranstve mifov i stereotipov [Ethnocultural identity in the space of myths and stereotypes]. In: Mif v istorii, politike, kul'ture [Myth in history, politics, culture]. Sevastopol': 48–53 (in Russian).
- Myuller M. 1863. Sravnitel'naya mifologiya [Comparative mythology]. Moscow, Tip. Gracheva i K°, 122 (in Russian).
- Nadezhdin N. 2011. Zigmund Frejd. Za gran'yu soznaniya [Sigmund Freud. Beyond consciousness]. Moscow, Major, 192 (in Russian).
- Nemirovskij A.I. 1986. Klio: U istokov istoričeskoj mysli [Clio: At the Origins of Historical Thought]. Voronezh, VGU, 350 (in Russian).
- Nemirovskij A.I. 2000. Mify Drevnosti. Naučno-hudožestvennaya enciklopediya. Ellada [Ancient Myths. Scientific and artistic encyclopedia. Hellas]. Moscow, Labirint, 380 (in Russian).
- Nemirovskij A.I. 2004. Mify i legendy narodov mira. T. 1. Drevnyaya Greciya [Myths and legends of the peoples of the world. T. 1. Ancient Greece]. Moscow, Literatura; Mir knigi, 496 (in Russian).
- Novikov M.V. 2018. Koncepciya mifa F.I. Buslaeva [The concept of the myth by F.I. Buslaeva]. Yaroslavskij pedagogičeskij vestnik [Yaroslavl Pedagogical Bulletin]. № 3: 207–218 (in Russian).
- Burkert W. 1999. Antike Mythen in der europäischen Tradition. Tübingen, Attempto, 303.

- Ostrovskij A.B. 2000. Obosnovanie antropologii myshleniya [Rationale for the Anthropology of Thinking]. In: Levi-Stros K. Put' masok [Levi-Strauss K. Path of masks]. Moscow, Respublika: 3–18 (in Russian).
- Pyatkova N.L. 2008. Nekotorye osobennosti vospriyatiya mifologicheskogo prostranstva [Some features of the perception of mythological space]. In: Voprosy arheologii Urala [Archeological issues of the Urals]. Issue. 25, 26: 26–29 (in Russian).
- Romashko S.A. Kak mifologiya stala germanskoj [How mythology became Germanic]. In: Grimm Ya. Germanskaya mifologiya. T. 1 [Grimm J. Germanic mythology. T. 1]. Moscow: YaSK: 7–23 (in Russian).
- Rutkevich A.M. 1999. Zhizn' i vozzreniya K.G. Yunga [The life and views of K.G. Jung]. In: Yung K.G. Arhetip i simvol [Jung K.G. Archetype and symbol]. Moscow, Renessans: 3–21 (in Russian).
- Sazonova Z.N. 2006 Mif i istoriya: evolyuciya vzaimovliyaniya. In: INTER-CULTUR@L-NET. Issue 5. Available at: <http://www.my-luni.ru/journal/clauses/93/> (accessed 2 May 2019) (in Russian).
- Buxton R. 1994. Imaginary Greece, the Contexts of Mythology. Cambridge, UP, 250.
- Stavickij A.V. 2002. Nauka i mif: nekotorye problemy vzaimootnosheniya [Science and Myth: Some Relationship Problems]. In: Kul'tura narodov Prichernomor'ya [Culture of the peoples of the Black Sea region]. № 33: 200–205 (in Russian).
- Stavickij A.V. 2018. Mif v istoricheskom pole kul'tury: psihologicheskij aspekt [Myth in the historical field of culture: psychological aspect]. In: Mif v istorii, politike, kul'ture [Myth in history, politics, culture]. Sevastopol': 238–240 (in Russian).
- Stavickij A.V. 2018. Struktura mifa po K. Levi-Strosu: opyt nesostoyatel'nogo [The structure of the myth according to K. Levi-Strauss: the experience of the untenable]. Voprosy psiholingvistiki [Psycholinguistic issues]. № 1 (35): 126–140 (in Russian).
- Tokarev S.A., Meletinskij Yu.M. 1987. Mifologiya [Mythology]. In: Mify narodov mira. T. 1 [Myths of the peoples of the world. T. 1]. Moscow, Sovetskaya enciklopediya: 14–16 (in Russian).
- Toporov V.N. 1977. Istoriya i mify [History and myths]. In: Mify narodov mira. T. 1 [Myths of the peoples of the world. T. 1]. Moscow, Sovetskaya enciklopediya: 13–14 (in Russian).
- Uellek R., Uorren O. 1978. Teoriya literatury [Literary theory]. Moscow, Progress, 207 (in Russian).
- Finn V.K. 2001. Intellekturnye sistemy i obshchestva [Intelligent systems and societies]. Moscow, RGGU, 352 (in Russian).
- Frejd Z. 2016. Psihologiya mass i analiz chelovecheskogo Ya [Psychology of the masses and analysis of the human self]. Moscow, AST, 192 (in Russian).
- Frezer Dzh. 1980. Zolotaya vetv' [Golden bough]. Moscow, Politizdat, 832 (in Russian).
- Hajdegger M. 2013. Bytie i vremya [Being and time]. Moscow, Akademicheskij proekt, 452 (in Russian).
- Cygankov A.S. 2015. Mif kak forma interpretacii istorii (social'no-filosofskij analiz) [Myth as a form of history interpretation (socio-philosophical analysis)]. Dissertation of Cand. Philos. sciences. Moscow, 176 (in Russian).
- Shart'e R. 2006. Pis'mennaya kul'tura i obshchestvo [Written culture and society]. Moscow, Novoe izdatel'stvo, 272 (in Russian).
- Eliade M. 2010. Aspekty mifa [Aspects of the myth]. Moscow, Akademicheskij prospekt, 252 (in Russian).
- Yung K.G. 2010. Psihologiya bessoznatel'nogo [Psychology of the unconscious]. Moscow, Kogito-Centr, 180 (in Russian).
- Yung K.G. 2017. Chelovek i ego simvol [Man and his symbols]. Moscow, Serebryanye niti, 448 (in Russian).
- Bachofen J.J. 1948. Der Mythos als Quelle geschichtlicher Erkenntnis. In: Das Mutterrecht. Bd. 2, 1. Basler: 10–17.
- Baeumler A. 1960. Bachofens romantische Deutung des Altertums. München, 387.
- Ben-Yehuda N. 2002. Sacrificing Truth: Archaeology and The Myth of Masada. Available at: http://www.bibleinterp.com/articles/ben-yehuda_masada.shtml (accessed 5 May 2019).
- Burkert W. 1999. Antike Mythen in der europäischen Tradition. Tübingen, Attempto, 303.
- Buxton R. 1994. Imaginary Greece, the Contexts of Mythology. Cambridge, UP, 250.
- Cole S.G. 2004. Landscapes, Gender, and Ritual space. The Ancient Greek Experience. Berkeley, XVIII+292.
- Finley M. 1965. Myth, Memory and history. In: History and Theory. Vol. 4 (3): 281–302.

- Freud S. 2005. Massenpsychologie und Ich-Analyse. In: Die Zukunft einer Illusion. Frankfurt-on-Main: 66–78.
- Gehrke H.-J. 2013. Griechische Mythen als Geschichte der Griechen. In: Motive–Formen–Strukturen: 37–64.
- Gehrke H.-J. 2014. Geschichte als Element antiker Kultur: Die Griechen und ihre Geschichte (n). Berlin; Boston, 158.
- Heehs P. Myth, History, and Theory. In: History and Theory. Vol. 33. No. 1: 1–19.
- Middleton G.D. 2002. Mycenaean, Greeks, Archaeology and Myth: Identity and the Uses of Evidence in the Archaeology of Late Bronze Age Greece. In: Eras Journal. Available at: <https://www.monash.edu/arts/philosophical-historical-international-studies/eras/past-editions/edition-three-2002-june/eras-journal-middleton-g-abstract> (accessed 30 April 2019).
- Morford M.P.O., Lenardon R.J., Sham M. 2011. Classical Mythology. Oxford; New York, UP, 841.
- Stumfohl H. 1992. Die Wanderungen des Herakles I + II. In: *Almogaren*. No. 22: 33–61.
- van Wijngaarden G.J. 2011. Immaterial landscapes: Homeric geography and the Ionian Islands in Greece. In: *Quaternary International*. Vol. 30: 1–6.
- Wyatt N. 2010. The Archaeology of Myth. London, 192.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Писаревский Николай Петрович, доктор исторических наук, профессор кафедры археологии и истории древнего мира, Воронежский государственный университет, г. Воронеж, Россия

Nikolay P. Pisarevsky, Doctor of Historical Sciences, professor of the Department of Archeology and Ancient History, Voronezh State University, Voronezh, Russia

УДК 94(392)

DOI 10.52575/2687-0967-2022-49-1-29-43

«Греки в стране Аполлона»: отображение процесса дорийской и эолийской колонизации Ликии в памятниках эпиграфики, археологии и нарративных свидетельствах

Баранов Д.А.

Военно-воздушная академия им. проф. Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина (г. Воронеж),
Россия, 394064, г. Воронеж, ул. Старых Большевиков, 54а
E-mail: baranovdmitry2@gmail.com

Аннотация. Исследуется комплекс разновременных нарративных свидетельств греческой традиции, памятников археологии и эпиграфики, касающихся процесса дорийской и эолийской колонизации восточного побережья Ликии. Оспаривается классическое представление о Фаселиде, рассматриваемой в качестве единственной родосской колонии в регионе. В рамках исследования сформулирован тезис о существовании зоны греко-ликийского культурно-исторического синкретизма, которую следует располагать в районе Коридаллы, Гаг и Родиополиса. Особое внимание уделяется характеру и эволюции греко-ликийских культурных и политических взаимодействий в обозначенном регионе.

Ключевые слова: дорийцы, Ликия, Памфилия, Фаселида, греческая колонизация, Родос

Для цитирования: Баранов Д.А. 2022. «Греки в стране Аполлона»: отображение процесса дорийской и эолийской колонизации Ликии в памятниках эпиграфики, археологии и нарративных свидетельствах. *Via in tempore. История. Политология.* 49 (1): 29–43. DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-1-29-43

«Greeks in the land of Apollo»: displaying the process of the Dorian and Aeolian colonization of Lycia in the epigraphy, archeology and narrative sources

Dmitry A. Baranov

Airforce Academy named after prof. N.E. Zhukovsky and Y.A. Gagarin (Voronezh),
54a Staryh Bol'shevikov St., Voronezh 394064, Russia
E-mail: baranovdmitry2@gmail.com

Abstract. The article examines a complex of multi-temporal narrative evidence of the Greek tradition concerning the process of Dorian and Aeolian colonization of the eastern coast of Lycia. The author disputes the classical view of Phaselis, regarded as the only Rhodes colony in the region. The cultural and historical syncretism of the Greeks and Lycians was expressed in the influence of Greek philosophy and elements of art. Relations between the Lycians and Greek colonists were quite complicated and often ended in conflicts. As part of the study, the thesis was formulated about the existence of a zone of Greco-Lycian cultural and historical syncretism, which should be located in the area of Koridalla, Gagae and Rodiapolis. Attempts by the Dorian colonists to gain a foothold on the Lycian coast failed. Particular attention is paid to the nature and evolution of the Greco-Lycian cultural and political interactions in the designated region. It will be especially important to pay attention to the array of relatively fresh evidence of local epigraphic heritage and archeological data concerning the ethnocultural contacts of the Lycians and Pamphiles with the Greek colonists.

Keywords: Dorians, Lycia, Pamphylia, Phaselis, Greek colonization, Rhodes

For citation: Baranov D.A. 2022. «Greeks in the land of Apollo»: displaying the process of the Dorian and Aeolian colonization of Lycia in the epigraphy, archeology and narrative sources. *Via in tempore. History and political science.* 49 (1): 29–43 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-1-29-43

Введение

Упомянув процесс дорийской и эолийской колонизации юго-восточной оконечности ликийского полуострова, нельзя не указать на слабую его изученность в эпиграфическом и археологическом отношении. В нашем распоряжении имеется мало прямой информации, свидетельствующей об эпизодах эолийского колонизационного процесса в памфило-лийском пограничье, а письменные данные о дорийской волне предельно спорадичны. На этом фоне особенно важным будет обратить внимание на массив относительно свежих свидетельств местного эпиграфического наследия и данных археологии, касающихся этнокультурных контактов ликийцев и памфилов с греческими колонистами, осуществлявшими сравнительно неудачные попытки освоения этих регионов. Преимущественно гористый, пересекаемый узкими каньонами участок, примыкающий к Памфилийскому морю (Анатолийский залив), слабо подходил для создания апойкий. С географической точки зрения область в значительной степени изолирована горным массивом Тахта-лы (Солима) и его предгорьями, что образовывало естественный природный барьер между Ликией и равнинными районами Памфилии. Регионы соединялись крайне узкими (1,5–2 метра шириной) дорогами через горные перевалы и ущелья, что создавало дополнительные трудности для заселения региона греками [Saraçoğlu, 1968, s. 463; Jahn, 1970, S. 11–12].

Результаты и их обсуждение

Несмотря на враждебность окружения, греческим колонистам удалось основать несколько поселений, сумевших закрепиться в чуждой культурно-политической среде [Şahin, Adak, 2004, s. 248]. Одной из подобных греческих колоний региона была Фаселида, основание которой традиция относит к 691–690 гг. до н. э. Колония, выведенная жителями родосского Линда, со временем стала богатым центром транзитной торговли, сохранив свою греческую идентичность вплоть до времени римского владычества. Все 77 городских магистратов (в хронологическом диапазоне 250–120 гг. до н. э.), встреченных в надписях и на монетах Фаселиды, носили отчётливо греческие имена [Heipp-Tamer, 1993, S. 124; Adak, 2013, p. 67–68]. Горожане говорили на дорийском диалекте греческого, занесённом с Родоса. Большинство известных городских декретов и посвящений были выдержаны в дорийском диалекте или содержали отчётливые доризмы [Bechtel, 1899, S. 660]. Наиболее раннее свидетельство лингвистического дорийского влияния сохранилось в договоре фаселитян с карийским династом Мавсолом (ТАМ II 1183: имя Гелиоса, а также глагол *καταλαφθήμεν* в дорийской форме) [Wilhelm, 1898, S. 149–162; Hornblower, 1982, p. 122–123; Keen, 1998, p. 238]. Таковыми являются и гораздо более поздние надписи посвящения с акрополя Фаселиды. Отчётливое дорийское звучание содержится в надписи ТАМ II 1185: [Ἀρ]ιστοκράτεια καὶ Νικάρης | ὑπὲρ Ἀθανίωνος τοῦ πατρὸς | δαμιουργήσαντος | ἔστιαι καὶ Ἐρμῆι [Adak, Önen, Şahin, 2005, S. 13–15]. Дорийский след имеется в текстах надписей, упоминающих местные культы Афины Городской (ТАМ II 1184, 4: [Ἀθαναίαι] τῆι Πολιάδι) и Артемиды Китаневриссы в Олимпосе (Ἀρτεμεις Ἀρτέμιδι Κιτανευρίσσαι εὐχάν), располагавшемся в 20 км южнее Фаселиды [Blackman, 1981, p. 139; Adak, 2004, S. 27–51; Adak, Önen, 2004, S. 53]. Наличие формы *εὐχάν* доказывает, что дорийский диалект продолжал использоваться и в период существования Лийского союза [Behrwald, 2000, S. 107–108].

Свидетельства нарративной традиции разнятся относительно характера взаимоотношений родосцев и ликийцев. Пространное сообщение Афиней (VII, 51, 297f), упоминающее ритуал жертвования соленой рыбы ликийскому пастуху Килабру (FHG IV 428), первоначально намекает на довольно мирный характер контактов. Приведя цитату из отрывка «Колофонских летописей» Герофита (FGrHist 786 F 1), Афиней утверждает, что фаселидяне по сей день ежегодно приносят Килабру жертву соленой рыбой, которую тот предпочел ячменной муке, предложенной ему ойкистом Лакием (FHG III 28; VII, 51, 297f). Взамен родосцы получили право основать Фаселиду. Расширенная версия данного айгиологического мифа содержалась в сочинении «Об азиатских городах» Филостефана Киренского. Историк указывает на линдийское происхождение Лакия, пришедшегося братом основателю Гелы Антифему (FHG III 29). По другой версии, Лакий был аргивянином и спутником Мопса, сына Манто, потерпевшим кораблекрушение у Хелидонийского мыса. Выполняя распоряжение Манто и Мопса, Лакий выкупил землю для основания Фаселиды у некоего Калабра, заплатив ему соленой рыбой (VII, 51, 298).

Афиней был уроженцем египетского Навкратиса (Athen., VII, 301b), где располагался Эллений, основанный при непосредственном участии родосцев и фаселитян (Hdt., II, 178–179), что дает основания для доверия его сообщениям об обстоятельствах выведения этой родосской колонии в Ликий. Безусловна и связь Фаселиды с самой ранней греческой торговой колонией в Египте, основанной при фараонах Нехо или Псамметихе и достигшей расцвета при Амасисе. Фаселида была одной из наиболее близких гаваней для транзита товаров из Навкратиса в западном направлении [Blumenthal, 1963, S. 129; Schäfer, 1981, p. 19–20]. Но этот город играл не только роль транзитного пункта. Согласно элфантинской «Повести о премудром Ахикаре», из Фаселиды в Египет ввозились металлы, обработанная древесина, предметы утвари, ароматные масла, шерсть и вино [Briant, Descat, 1998, p. 69–72; Bresson, 2000, p. 68–73; Önen, 2012, p. 209]. Плиний упоминает знаменитые ликийские ели, кедры и платаны, широко использовавшиеся в кораблестроении (Plin., NH, XII, 9; XVI, 137). Кроме того, источник описывает красные лилии из Фаселиды, бывшие вторыми по величине после лаодикийских лилий Антиохии и Сирии и использовавшиеся в парфюмерии (Plin. NH, XXI, 24–25). Фаселитяне наладили и выращивание роз для изготовления особо качественного розового масла, спрос на которое распространился вплоть до Неаполя, Капуи и Пренесты (Athen. Deip., XV, 38; Plin. NH, XIII, 5). Мореплавание и морская торговля стали важнейшим источником дохода для жителей Фаселиды, о чем напоминают характерные имена фаселитян (Ναυσικλῆς, Ναυσικράτης, Ναυσίνικος) и неизменное изображение корабля на монетах. Демосфен утверждает, что купцы-фаселитяне были одними из самых хитрых и торговали с хиосцами, афинянами и жителями Понта Эвксинского. Некий торговец из Фаселиды сдал афинскую собственность (приобретенную под ссуду, заимствованную в Афинах) в качестве материальной гарантии при договоре с хиосским купцом, а затем доставил товары на Хиос в обход Афин, что вызвало неподдельное возмущение оратора, апеллировавшего к афинским судьям (Dem., XXXV, 52–55). Показательно и то, что Хиос имел давние союзнические отношения с Фаселидой (Plut. Cim., 12). Именно по этой причине афиняне существенно ограничивали торговые преференции купцов из Хиоса и Фаселиды (декрет 469–450 гг. до н. э.: IG I². 16+ = Meiggs-Lewis № 31 = IG I³. 10). В частности, предполагались изменения в установленном порядке $\xi\upsilon\mu\beta\omicron\lambda\alpha\iota\omicron\nu$ (или $\delta\acute{\iota}\kappa\alpha\iota \acute{\alpha}\nu\omicron \sigma\upsilon\mu\beta\omicron\lambda\omicron\tilde{\omega}\nu$) с фаселитами (IG I³. 10, 13), обозначенные в строках 6–11, которые следует читать и переводить следующим образом: ὃ τι ἂμ με[v] Αθ[η]νησι ξ[υ]μ[β]όλαιον γένηται [πρὸς Φ]ασηλιτ[ῶ]ν τινα, Αθή[ν]η[σι] τας δίκ[α]ς γίγνεσθαι παρ[ὰ] τῶι πο]λεμάρχωι, καθάπερ Χ[ί]οις, και ἄλλοθι μηδὲ ἄμο («Если какой-либо судебный спор случится в Афинах, касающийся фаселита, в Афинах пусть процесс будет у полемарха, как с хиосцами, и ни в каком другом месте»). Таким образом, афиняне меняли классический принцип *actio sequitur forum rei* (согласно которому тяжба проводилась в соответствии с

гражданством ответчика) на принцип *actio sequitur forum contractus*. Данное обстоятельство можно объяснить особой экономической и стратегической значимостью города (штурм города Кимоном в 470 г. до н. э.: Plut. Cim., 12), названного самым восточным городом афинской торговой и военной активности после заключения Каллиева мира (Isok. Panegyrg., 117; Areopag., 80; Panath., 59; Lyk., 73; Diod., XII, 4, 5; Suda, Lex. s.v. Κίμων) и кампании Кимона против Фаселиды (Plut. Cim., 12).

Вместе с тем в двух рассмотренных версиях основания Фаселиды амальгама мифологии пеленает исторические реалии, которые следует рассматривать диахронно. Мопс выступает основателем Фаселиды и Колофона (Pomp. Mela, I, 70, 78) и сыном критского колониста Ракия (или Аполлона) от прорицательницы Манто (Clem. Strom., I, 134, 4). Ряд источников называет его предводителем ахейцев Калханта (Strab., XIV, 1, 27) правившим в Лидии и ведшим войну с карийцами в районе Клароса и Колофона (Paus., VII, 3, 2). Двинувшись на восток, Мопс завоевал Памфилию (=Мопсопию по: Plin. NH., V, 96: *Pamphylia ante Mopsopia appellata est*), а перейдя Тавр, осел в Киликии, где основал собственное царство [Vanschoonwinkel, 1990, S. 193–194]. Очевидно, что античная традиция награждает легендарного Мопса качествами ойкиста, начавшего колонизационный процесс в юго-западной Анатолии после событий Троянской войны (Herod. De prosodia cath., III, 1, 253; Steph. Byz., Eth. s.v. Γέλα; Athen. Deip., VII, 51) [Blumenthal, 1963, S. 129; Erzen, 1973, S. 394; Leschhorn, 1984, S. 28; Scheer, 1993, S. 182–187; Önen, 2012, p. 206]. Независимо от традиции фаселитян, жители памфилийских городов ссылались на Мопса и Калханта (Сельге: Strab., XII, 7, 3; Малл: Athen., VIII, 346), говоря об основании своих городов. Такая ситуация могла быть вызвана острым желанием памфилийцев повысить свой статус и распространилась на Фаселиду (и Родиаполис, основанный Мопсом и названный им в честь дочери: Theop., FGrHist II, 115, F 103), которую относили то к Памфилии, то к Ликии (Ps.-Skyl., 100; Strab., XIV, 3, 9; Hierocl. Synec., 683, 1: Φασύδες).

На сегодняшний день не обнаружено реальных следов микенской колонизации окрестностей Фаселиды [Önen, 2012, p. 206], но исходя из легенды о Мопсе и Манто (образе женщины-жрицы Аполлона из Клароса, что находился вблизи Колофона) и упоминания жертвоприношения соленой рыбы (связанного с кларосской гидромантией), очевидным образом объединяющих Фаселиду, Кларос и рыбный оракул в ликийской Сура (Афинеи со ссылкой на Полихарма: FHG IV, 479; Athen., VIII, 333d), можно представить наличие длительного периода культово-религиозного переплетения, связующего традиции ликийцев, фаселитян и жителей Памфилии. Рассмотренные обстоятельства намекают и на возможность длительных отношений родосских колонистов с Колофоном. Микенское имя *Mok^wso- (Кнос: De 1381.B; Пилос: Sa 774; «Обвинение Маддуватты»: СТН 147; KUB 14.1 rev. 75: ^mMu-uk-šú-uš с упоминанием похода Аттарисии и Маддуватты против Кипра) могло быть распространенным династическим именем, занесенным из Греции в период ахейской колонизационной волны [Oettinger, 2008]. Оно засвидетельствовано в качестве имени правителя в киликийском царстве Куэ/Хияве надписями из Каратепе (KARATEPE 1 § 57: (Лув./Но.) ma-ra-wa/i (CRUX)pa+ra/i-na-wa/i-tu-u (LITUUS)á-za-ti-wa/i-tà-ia mu-ka-sa-sá-há-’ DOMUS-ní-i (DEUS)TONITRUS-hu-ta-[ti] DEUS-na-ti-há / «И много пусть служат Ацативаде и дому Мукса по воле Тархунта и богов») и Чинекёй (ÇINEKÖY §1: (Лув.) [EGO-mu] wa/i+ra/i-i-[ka-sá x-x-x-x(-x) (INFANS)ni-]mu-wa/i-za-sa [mu-ka]-sa-sa [INFANS.NEPOS-si-sà |hi-ia-wa/i[-ni]-sá[(URBS)] |REX-ti-sa |(DEUS)TONIT[RUS]-hu-t[a-sa ...] / «Я Варайка, [сын X], потомок Мопса, [князь Хиявы], любимец Ваала», [слуга] Тархунта) [Tekoğlu, Lemaire, 2000, p. 968; Hawkins, 2000, p. 56].

Анализ отдельных крупниц исторически достоверных сведений из мифозпических напластований позволяет утверждать, что основание Фаселиды не представлялось столь мирным актом, как о том свидетельствуют сообщения греческих историков, цитируемых Афинеем. На это обстоятельство недвусмысленно намекает «Линдийская храмовая хроника» (со ссылкой на родосского историка конца IV в. до н. э. Ксенагора), упоминающая

дар фаселитян Афине Линдии: «фаселитяне – шлем и кривой меч, на которых написано: фаселитяне от солимов Афине Линдии, под предводительством ойкиста Лакия» (Lind., II 2, C.1, XXIV, 6–10: Φασηλίται κράνη καὶ δρέπανα, ἐφ’ ὧν ἐλεγέγραπτο: «Φασηλίται ἀπὸ Σολύμων τῷ Ἀθαναίαι τῷ Λινδίαι, Λακίου τοῦ οἰκιστῆ ἀγευμένου», <ὦ>ς ἀποφαίνεται Ξεναγόρας ἐν τῷ α τῶς χρονικῆς συντάξις).

В рассмотренном выше отрывке Афиней сообщает, что Мопс отправил Лакия в Фаселиду с дружиной. Правоммерно предположить, что родосские колонисты вступили в военный конфликт с аборигенами ликийцами (солимами), а вовсе не выкупали землю у местного населения. Конфликт с солимами можно объяснить чрезвычайной воинственностью этого народа, что было известно еще Гомеру (II, VI, 184–185). Уже в сцене противоборства родосского вождя Тлеполема и ликийского царя Сарпедона просматриваются корни давней вражды ликийцев с жителями Родоса (II, V, 627). Об этом же факте сообщает и схолиаст (Eust. Schol. ad II., V, 639: «говорят, что всегда ликийцы враждовали с родосцами»). Менандр в «Щите» описывает военный поход в Ликию афинского военачальника и его отряда, руководствовавшегося целью грабежа комовых поселений в долине Ксанфа (Men. Asp., 23–40). Указывается, что афиняне использовали Родос в качестве перевалочного пункта для нападения (Men. Asp., 36–40). Подобный конфликт случился и в 430–429 гг. до н. э. Фукидид описывает неудачный поход военачальника Мелесандра (Thuc., II, 69, 1–2). Афинянин был разбит в битве с ликийским династом Трббеними (согласно «хронике Гарпагидов» на «Столбе надписей из Ксанфа»: TAM I, 44a, 44–45: «xbane: ese: trbbēnimi: tebete: terñ se milasāñtrā:/y Кианеи, когда Трббеними разбил [афинскую] армию и Милесандра с доблестью»).

Согласно «Линдийской храмовой хронике» (со ссылкой на Полизала и Тимокрита), сообщается о более ранних военных предприятиях уроженцев Родоса, упоминая «совершивших с Клеобулом поход в Ликию» (Lind. II 2, C.1, XXIII, 1: τοὶ μετὰ Κλευβούλου στρατεύσαντες εἰς Λυκίαν). По всей видимости, экспедиция, организованная Клеобулом, увенчалась военной победой, о чем свидетельствуют восемь трофейных щитов и венец (2–5: ἀσπίδας ὀκτὼ καὶ τῷ ἀγάλματι στεφάναν χρυσεάν, ὡς ἰστορεῖ Τιμόκριτος ἐν τῷ <v> α τῶς χρονικῆς συντάξις, Πολύζαλος ἐν τῷ δ τῶν ἱστοριῶν), пожертвованный храму Афины Линдии. Примечательно, что в самой Ликийи существовала устойчивая традиция изъятия щитов противников с поля боя в качестве трофеев. Об этом свидетельствуют многочисленные рельефные изображения, украшавшие погребальные камеры столбовых могильников местных династов архаического и классического времени. Военное предприятие, вероятнее всего, носило упреждающий или карательный характер и было направлено против местного населения, агрессивно настроенного по отношению к родосским колонистам. Не исключено и то, что Клеобулу удалось основать новые поселения в пределах восточного побережья полуострова, но говорить о широкомасштабной экспансии вглубь Ликийи не приходится. Историчность обстоятельств походов Лакия и Клеобула косвенно подтверждается Геродотом, упоминающим кинжалы и серповидные мечи ликийцев (Hdt., VII, 92, 1: ἐγχερίδια δὲ καὶ δρέπανα εἶχον), найденные в процессе археологических раскопок [Benda-Weber, 2005, Taf. 55].

Следы родосской колонизации обнаруживаются и дальше на юг от Фаселиды. К VII в. до н. э. относится основание островитянами городов Гаг, Коридаллы и Родиополиса. Три этих города контролировались ликийскими династиями классического времени, о чем свидетельствует местный ликийский монетный чекан. На это же обстоятельство указывает и наличие поблизости типичных погребальных памятников с надписями на ликийском языке. Вернер Тиц и Франк Кольб склонны относить Родиополис к типичным ликийским поселениям династического времени, считая его освоение родосскими греками сравнительно поздним. Процесс родосской колонизации этого района Ликийи они относят ко 2-й половине IV в. до н. э. [Kolb, Tietz, 2001, p. 392–394]. Такой вывод следует из факта появления Родиополиса в ликийских надписях V–IV вв. до н. э., в которых он назван топонимом

мом Wedrēi. С данным утверждением можно поспорить, учитывая то, что уже в сочинении Гекатея мы встречаем прямые указания на освоение обсуждаемого региона родосцами, которое могло начаться, таким образом, не позднее конца архаического времени. Дополнительная информация о происхождении Коридаллы и Гаг содержится у Стефана Византийского и Геродиана, который со ссылкой на Гекатея утверждает, что родосцы участвовали в основании обозначенных местечек (Herod. De prosodia cath., III, 1, 381; FGrHist IA, № 1. Frg. 246: Κορύδαλλα· πόλις Ῥοδίων. Ἐκαταῖος Ἀσία).

«Etymologicum magnum» связывает ликийский город Гаги с родосцами, упоминая важные детали обстоятельств его основания, обнаруживающие во многих аспектах прямую аналогию с обстоятельствами возникновения греческого поселения в Фаселиде [Çevik, Bulut, 2008]. Согласно тексту византийского источника, родосские переселенцы обратились к местному населению с просьбой о выделении им земли для основания собственного поселения. Греки взывали к ликийцам, произнося слова «Γᾶ γᾶ», что в переводе означало «пахотная земля». В честь этого события новое поселение стало носить такое нетипичное имя (Etymologicum magnum, 219, 6–16: Γάγα· Πόλις Λυκίας. Εἴρηται ὅτι Ῥόδιοι, Λυκίους αἰτοῦντες τόπον ἐν ᾧ κατοικήσουσιν, ἐβόων Γᾶ γᾶ, τῇ πατρῴᾳ φωνῇ δωρίζοντες· καὶ ἐντεῦθεν τὸ ὄνομα ἐτέθη τῇ πόλει). Из данного сообщения следует, что ликийцы крайне неохотно шли на контакт с греческими колонистами, не позволяя им свободно селиться вдоль юго-восточного побережья полуострова.

Ранние греко-ликийские контакты осложнялись естественными лингвистическими и этнокультурными трудностями. На своем первоначальном этапе дорийская колониальная экспансия преследовала три очевидные цели: основание сельскохозяйственных апоек, расширение географии транзитной торговли и организацию опорных пунктов для борьбы с прибрежным пиратством, являвшимся одним из ключевых занятий местного населения. На последнее обстоятельство указывает следующий отрывок «Этимологикона», упоминающий некоего родосского стратега Немия, попавшего в затруднительное положение из-за шторма в процессе истребления им киликийских и ликийских пиратов вдоль побережья (Ἦ ὅτι Νέμιος στρατηγῶν Ῥοδίων, καὶ τοὺς Λυκίων καὶ Κιλικῶν ληστεύοντας κατὰ θάλασσαν νικήσας νυκτὸς χειμῶνι περιέλεσε·). Согласно легенде, члены команды увидели землю и принялись выкрикивать дорийскую фразу «Γᾶ γᾶ», спасшись здесь от ненастья (καὶ κινδυνευούσης τῆς νεῶς, τῶν ἐμπλεόντων ἀναβοησάντων τῇ Δωρίδι φωνῇ Γᾶ γᾶ, ἐκ τοῦ ἐπιφθέγματος προσέσχον καὶ ἐσώθησαν) [Çevik, Bulut, 2008].

О присутствии родосцев в пределах восточной окраины равнины Кумлуджа свидетельствует наличие диалектных дорийских форм τότε σᾶμα или τὸ μνᾶμα, обнаруженных в тексте двух греческих эпиграмм в пределах южной части укрепленного стенами периполиона Гаги, защищавшего город со стороны моря еще в классический период. Текст эпиграмм датируется династическим временем (V в. до н. э.), однако содержит вовсе не ликийские, а греческие имена [Adak, Güzelyürek, 2003, s. 111].

Коренные жители Ликии не желали мириться с освоением территории их страны чужаками, что приводило к конфликтам, большинство из которых заканчивалось плачевно для греческих колонистов. Согласно Александру Полигистору, Гаги называли παλαίαν τεῖχος, а сам этот город походил на крайне укрепленную крепость и был важен для сохранения родосского торгового пути из Фаселиды (Steph. Byz., s.v.). Педаний Диоскурид в сочинении «О лекарственных средствах» упоминает ручей рядом с городом, где обнаружены следы богатых месторождений бурого угля (Diosc. De mat. med., V, 128). Плиний отмечает, что шахта и ручей получили название от имени города (Plin. NH., XXXVI, 141) [Hellenkemper, Hild, 2004, S. 541]. Захват Гаг ликийцами произошел в последней четверти V в. до н. э., что подтверждается наличием нового (типично ликийского) монетного чекана, демонстрирующего осьминога с ликийскими литерами Γαγε между щупалец [Carruba, Vismara, 2002, p. 75–88; Önen, 2012, p. 206]. В дальнейшем был покорен и Родиополис, получивший новое ликийское наименование в местных погребальных надписях. Любопытно

и то, что эти тексты засвидетельствовали сохранение культа Афины Городской в форме поклонения богини Малии (TAM I 149, 12; 150, 6–7: *Malija Wedrēñni*), столь характерного для Родиаполиса, Меланиппия и Фаселиды. Смена имени божественного покровителя поселения засвидетельствована не только эпиграфически, но и демонстрируется монетами, аверс которых украшало изображение Малии-Афины.

Мустафа Адак замечает, что греческое население Родиаполиса и Гаг вынуждено было приспособливаться к новой культурно-политической ситуации, что отразилось в копировании потомками греческих колонистов ликийских культурных форм в погребальной архитектуре и культовой практике [Adak, 2007, s. 43]. Этим обстоятельством, очевидно, объясняется наличие в регионе Андызлыташ близ Гаг (*Andızlıtaş*) ликийских форм скальных захоронений представителей местного греческого населения. Турецкий исследователь перечисляет полтора десятка скальных захоронений, принадлежавших ликийской знати в географическом диапазоне от Маркиз Даг (*Markiz Dağı*) на юге до Гюрече Даг (*Görece Dağı*) на севере [Adak, 2007, s. 44]. Скальные гробницы в Гагах были отнесены к более позднему типу скальных захоронений римского времени [Çevik, 2003, p. 97–116]. Наличие гробниц ликийской аристократии показывает, что местные династы должны были закрепить итоги своей экспансии строительством укрепленных опорных пунктов. Такой крепостью могло быть типичное по своему архитектурному облику династическое поселение Эрен Тепе [Şahin, Adak, 2004, s. 254–255]. В районе Асарташ (*Asartaş/Topal Gavur*) располагался небольшой укрепленный форпост (в 3 км к юго-востоку от Эрен Тепе), построенный с очевидной целью закрепления ликийской гегемонии над Гагами, Родиаполисом и Коридаллой (о чем свидетельствует появление ликийских надписей в Коридалле: N 302; Родиаполисе: TAM I, 149–150) [Neumann, 1979, S. 14; Tekoğlu, 2002, p. 107–108].

Интересен этот маленький гарнизонный поселок из-за двух скальных гробниц на восточной и западной части скалы некрополя. Восточная гробница принадлежала эллинизированному ликийцу Аполлонию, сыну Геллафила (SEG XLVIII 1561). Надгробная эпиграмма содержит сведения о том, что Аполлоний руководствовался справедливостью и вел приятную жизнь, предаваясь еде, питью и сексуальным утехам (*Ἀπολλώνιο τὸ μνημα | Τῆδε θανὼν κεῖμαι Ἀπολλώνιος Ἑλλαφίλου παῖς. | Ἦρασάμην δικαίως, ἰδὼν βίον εἶχον ἀεὶ ζῶν, | ἐσθίων καὶ πίνων καὶ παιζῶν. | Ἄλλ' ἴθι χαίρων*). Время появления крепости и захоронений датируют серединой IV в. до н. э., что соответствует экспансии ликийцев Перикла Лимирского [Çelik, 2020, p. 13]. Содержание эпиграммы обнаруживает существенное влияние греческой культурной составляющей на представителей ликийской аристократии, несмотря на возражения Хааке [Wörrle, 1998, S. 77–79; Naake, 2008, S. 288]. Нам здесь видится возможность инфильтрации философии Аристиппа и школы киренаиков. Аристокл сообщает, что Аристипп Младший считал высшим благом достижение «приятной жизни» (*τὸ ἡδέως ζῆν*), понимаемой в качестве суммы удовольствий (Euseb. PE., XIV, 18, 32), что соответствует общей тональности погребальной надписи. Установления киренаиков могли явиться фундаментом для поздней ликийской школы эпикурейца Диогена Эноандского [Gordon, 1996].

В связи с обозначенными фактами, важнейшим следует признать наличие очевидной контактной зоны греко-ликийского соприкосновения, что способствовало росту уровня культурного синкретизма в районе от Коридаллы и Родиаполиса до Гаг и Эрен Тепе. Ликийцы, без сомнения, пытались вытеснить эллинов на самый край восточного побережья полуострова, что приводило к смене периодов мирного сосуществования эпизодами весьма успешной экспансии династов соседней Лимиры. В пятой книге «Стратегем» Полиэн сообщает о попытке длинных кораблей ликийского династа Перикла Лимирского перехватить некоего Харимена Милетянина при его попытке достичь Фаселиды (Strat., V, 42). Известно, что Периклу удалось установить гегемонию его родной Лимиры над территорией всей Ликии, победить персидского военачальника Артембара и взять Тельмесс (FGrHist 70 F 115 № 3 = FGH I, 296, 111). Наличие на юго-востоке Ликии богатых залежей

бурого угля, марганца и хрома были дополнительным стимулом для экспансии Лимиры в этом направлении [Borchhardt, 1993, S. 41; Çevik, Bulut, 2008, p. 2–3]. Фаселида и Тельмесс были крупнейшими транзитными портами и стратегически важными опорными пунктами на востоке и западе Ликии, одновременное обладание которыми давало ликийскому правителю полный экономико-политический контроль над всем полуостровом. А поэтому логичнее всего предположить, что Перикл прибег если не к захвату, то как минимум к попытке блокады дорийских колоний региона [Çelik, 2020, S. 13].

Тесные связи греческого и ликийского населения в «контактной зоне» Коридаллы и Родиополиса находят свое подтверждение и в эпиграфическом материале Лимиры. Захоронение некрополя СН V (рубеж IV–III вв. до н. э.) содержит билингвистическую надпись на греческом и арамейском (TAM I 152 = SEG XLV 1807) о принадлежности захоронения семейству некоего Артима, прадед которого был жителем Коридаллы (Αρτιμ[ας] Αρσαλι---σα 23.---Κορ]υδαλλέως πρόπαπλος -4-5- π[ρ]οκατεσ[κ]εύασατο τὸν τάφου [τοῦτο]ν ἑαυτῶι καὶ τοῖς ἐγγόνοις). Арамейская часть надписи сохранилась лучше ('stwdnh znh 'rtym br 'rzpy 'bd 'hr mn zy m ['rt' z'-ca.35–zy]lh), хотя и не уточняет первоначальное гражданство предков владельца погребения. Понятно лишь, что наличие арамейской части надписи свидетельствует в пользу высокого статуса погребенного и обозначает наличие тесных связей Коридаллы и Лимиры на излете персидского господства в Ликии, а тот факт, что погребенный приходился сыном человеку с именем Аршап(ия), может свидетельствовать в пользу более раннего времени появления надписи [Wörrle, 2012, S. 420].

Со значительной степенью определенности можно утверждать, что и Меланиппий был основан родосскими греками [Zäh, 2003, S. 625–641; Hellenkemper, Hild, 2004, S. 725; Hild, 2004, S. 122–123]. «Stadiasmus Maris Magni» помещает его 60 стадиями (11 км) южнее Гаг и в 30 стадиях (5,5 км) от Хелидонийского мыса (234: Ἀπὸ δὲ τῆς Ἱερᾶς ἄκρας ἐπὶ Μελανίπλην στάδιοι λ'; 235: Ἀπὸ δὲ Μελανίπλης εἰς Γάγας στάδιοι ξ') [Müller, 1855, S. 491]. В отличие от ощущавших на себе существенное ликийское культурно-политическое влияние Родиополиса, Гаг и Коридаллы, этот небольшой городок сумел сохранить греческий облик. Достаточно сказать, что в его окрестностях до сих пор не было найдено следов ликийских захоронений и памятников эпиграфики. Об этом свидетельствует греческое название города и упоминание Меланиппия в качестве πόλις Παμφυλίας (Herod. De prosodia cath., III, 1, 365, 3–4; Steph. Byz., 441, 21–442, 2, s.v. Μελανίπλιον, πόλις Παμφυλίας. Ἐκαταῖος Ἀσία. τινὲς δὲ Λυκίας φασί. τὸ ἔθνικόν Μελανιπλεῶς καὶ Μελανίπλιος). По мнению П. Фрея, важнейшим указанием на сходство происхождения Меланиппия и Фаселиды является наличие здесь культа Афины Городской, что засвидетельствовано в «Постгомерике» Квинта Смирнского. Повествуя о гибели ликийского героя Эриманта, пришедшего к стенам Илиона из Ликии вместе с Главком, поэт упоминает, что «дом его был в Меланиппии горном, святыне Афины, пред самым Массикитом у Хелидонийского мыса» (II., III, 233–234: ναῖε δ' ὃ γ' αἰπεινὸν Μελανίπλιον ἱρὸν Ἀθήνης ἀντία Μασσικύτοιο Χελιδονίης σχεδὸν ἄκρης) [Frei, 1990, p. 1779].

Связи Фаселиды и Меланиппия отражены и в содержании проксенического декрета в честь фаселитянина Аполлония (SEG LVII 1663), чьи действия обеспечили состояние φιλία καὶ συμμαχία с жителями Родоса, что было расценено в качестве значительной политической привилегии и гаранта свободы и автономии (4–8: ὅπως κατασταθῶμεν εἰς τὴν τοῦ δ[η]μου τῶν Ῥοδίων φιλίαν καὶ συμμαχίαν, δι' ἧ κα[ὶ] συνβέβηκεν ἐλευθέρους ἡμᾶς ὄντας ἐν εἰρήνῃ μεθ' ὁμονοίας πολιτεύεσθαι κυριεύ[οντα]ς τῶν ἰδίων). Это обстоятельство позволило Меланиппию сохранить автономию от прямого родосского господства, наступившего в Ликии и Карии вскоре после заключения Апамейского соглашения (188 г. до н. э.). Ганс-Ульрих Вимер полагает, что Родос намеревался установить гегемонию в Ликии по аналогии со своими карийскими владениями, полученными ими в качестве «дарения». С этой целью был назначен специальный военный магистрат (Syll.³ 619 = IG XII, I, 49, 60–63) [Wiemer, 2002, S. 263]. В тексте полисной псефизмы подчеркивается, что стела с ее со-

держанием должна быть установлена на самом видном месте в храме Афины (20–24: ἀ[ναγραφῆ]ναι δὲ καὶ τὸ ψήφισμα τόδε ὑπὸ τῶν [ἐνεσ]τώτων ἀρχόντων εἰς στήλην λιθ[ίνην καὶ] ἀνατεθῆναι ἐν τῷ ἱερῷ τῆς Ἀθη[νᾶς εἰς] τὸν ἐπιφανέστατον τόπον). Чествование фаселитянина и новое обращение к общему культовому покровителю рельефно намекало на длительное культурно-историческое родство Фаселиды и маленького прибрежного полиса, сумевшего отстоять свою внутреннюю автономию и территориальную независимость от Родоса. Озвученные данные практически не оставляют сомнений в том, что Меланиппий некогда был основан выходцами с этого острова [Adak, 2007, S. 43].

Если следы дорийской волны колонизации юго-восточной оконечности Ликии достаточно очевидны, то с локализацией следов деятельности эолийских колонистов возникают существенные затруднения. Тем не менее на присутствие эолийских колоний в районах западного побережья памфило-ликийского приграничья указывают лингвистические свидетельства, обнаруживаемые в анализе местной топонимики [Vanschoonwinkel, 1991, p. 405–421]. Давно замечено, что памфилийский диалект пестрит эолийскими изоглоссами, что явилось результатом длительного культурного обмена между местными коренными общинами (Аспенд, Перге, Силлион) и эолийскими колониями [Brixhe, Tekoğlu, 2000, p. 52]. Арриан сообщает, что эолийские колонисты из Кимы, высадившиеся на месте памфилийского города Сиде (Ps.-Syll., 101: Κυμαίων ἀποικία), забыли родной язык, но стали говорить на некоторой смеси местного варварского диалекта и греческого (Arr. Anab., I, 26, 4) [Nollé, 1993, S. 148–150].

В своем «Перипле обитаемого моря» Псевдо-Скилл перечисляет ряд полисов, носящих греческие названия, находящие прямую корреляцию с топонимикой эолийского происхождения (Ps.-Syll., 100: «И если пройдешь от моря в глубь [будет] полис Фаселида с гаванью она же [и] залив и полис Идир, остров Лирнатея, Ольбия, Магид и река Катарракт, полис Перга и святилище Артемиды» / Καὶ ἐὰν προέλθῃς ἀπὸ θαλάττης ἀνώτερον, ἔστι Φασηλὶς πόλις καὶ λιμὴν (ἔστι δὲ τοῦτο κόλπος) καὶ Ἴδυρος πόλις, νῆσος Λυρνάτεια, Ὀλβία, Μάγυδος καὶ ποταμὸς Καταρράκτης, Πέργη πόλις καὶ ἱερὸν Ἀρτέμιδος). Псевдо-Скилл относит перечисленные города к территории Ликии. Страбон уточняет, что началом Памфилии является Ольбия. Географ сообщает, что «между Фаселидой и Атталией, как говорят, виднеются Фива и Лирнесс, потому что, по сообщению Каллисфена, троянские киликийцы частично бежали из Фиванской равнины в Памфилию» (Strab. XIV, 4, 1: φασὶ δ' ἐν τῷ μεταξὺ Φασήλιδος καὶ Ἀτταλείας δεῖκνυσθαι Θήβην τε καὶ Λυρνησσόν, ἐκλεσόντων ἐκ τοῦ Θήβης πεδίου τῶν Τρωικῶν Κιλικῶν εἰς τὴν Πамφυλίαν ἐκ μέρους, ὡς εἴρηκε Καλλισθένης). Несколькими отрывками ниже Страбон уточняет, что между киликийцами Трояды и их собратьями за Тавром есть прямая взаимосвязь, указывая на некоторые одноименные местности (Strab., XIV, 5, 21: ὥσπερ ἐν τῇ Παμφυλίᾳ Θήβην καὶ Λυρνησσόν). Плиний Старший упоминает эти городки, относя их к территории Памфилии (Plin. NH., V, 96: реки Эвримедон, протекающей мимо Аспенда, и Катарракт, рядом с которым находится Лирнесс: также города Ольбия и Фаселида, последние на этом побережье (*Amnes Eurymedon, iuxta Apendum fluens, Catarractes, iuxta quem Lyrnesus et Olbia ultimaque eius orae Phaselis*)).

Курций Руф ошибочно называет Фиву и Лирнесс в числе городов Киликии, вторя Страбону, сетует на их нынешний чудовищный упадок (Curt., III, 4, 10: *monstrabantur urbium sedes, Lyrnesi et Thebes*). Александр Полигистор тем не менее был склонен считать Лирнесс ликийским городом (Steph. Byz., 423, s.v. Λυρνάτεια: χερρόνησος καὶ χωρίον Λυκίας. Ἀλέξανδρος ἐν δευτέρῳ περὶ Λυκίας. τὸ ἔθνικὸν Λυρνάτιεύς, ὡς Οἰχαλία Οἰχαλιεύς. Ἀρκάδιος δὲ διὰ τῆς εἰ διφθόγγου).

Наиболее пространное сообщение, подтверждающее эолийскую природу происхождения Фивы и Лирнесса, мы находим у Страбона (Strab., XIII, 1, 61), указавшего на эпизод длительной вражды за крайне плодородную «Фиванскую равнину», возникшей между мисийцами и лидийцами. Ниже географ замечает, что к противоборству подключились греки из Эолиды и с Лесбоса, заселившие эту местность. В этом же отрывке Страбон

сообщает о том, что Лирнесс являлся природной крепостью, но пребывает ныне в упадке. Сообщение чрезвычайно любопытно и наличием ценнейшего указания на расстояния между этими полисами, что упрощает процесс их идентификации.

Другим городом, имевшим прямую историко-культурную взаимосвязь с Фаселидой, был Тенедос. Местоположение этого незначительного полиса соотносится с современными руинами Арапсую на западной оконечности городской черты Анталыи. В античной традиции нет полной определенности относительно его географической принадлежности. Различные авторы относят его то к Ликийи, то называют в числе полисов соседней Памфилии (Steph. Byz., s.v. Τένεδος: ἔστι καὶ πόλις Τένεδος πρὸς τῇ Λυκίᾳ. Ἀπολλόδωρος δὲ Παμφυλίας αὐτὴν εἶναι φησι). Европейские путешественники рубежа XIX–XX вв. неверно идентифицировали Тенедос, перепутав его с Ольбией [Şahin, 2001, s. 146–148]. Ими не были учтены все античные письменные свидетельства о его географическом расположении [Spratt, Forbes, 1847, p. 214–215; Paribeni, Romanelli, 1914, p. 71; Bean, 1968, p. 84–87; Çevik, 1994, p. 89–102]. Подробное географическое описание местоположения Тенедоса упомянуто в «Stadiasmus Maris Magni» [Müller, 1855, S. 490]. Источник III века н. э. идентифицирует его в качестве местечка, находившегося двадцатью стадиями западнее Атталей (224: Ἀπὸ Ἀτταλείας ἐπὶ χωρίον Τένεδον στάδιοι κ'). Останки небольшого урбанизированного ядра эллинистического, римского и византийского времени сохраняются в наши дни южнее местного университетского городка. До нашего времени дошли незначительные свидетельства, указывающие на существование симполитии между Тенедосом и Фаселидой. Данный факт засвидетельствован надписью, найденной в 7 км от руин Арапсую (JHS 34, 1914, p. 32, № 48: Ἐρμάις δις Μ[ο]λέυς Φα(σηλίτης) | ἀπὸ π[ό]λε[ω]ς [Τ]ενέδου | κατεσ[κεύασε]ν τῆ[ν] | σωματοθήκην ἑαυτ- | ὦ καὶ τῆ γυναίκε μου | Δημητρία Καρποῦ | ἑαυτοῖς μόνοις). Заметим, что текстом надписи Тенедос называется полисом, а ведущую позицию в симполитии, вероятнее всего, занимала Фаселида [Ormerod, Robinson, 1914, p. 32; Hellenkemper, Hild, 2004, S. 877].

Упомянутые нами отношения симполитии между Фаселидой и Тенедосом должны были коснуться и другого небольшого городка памфило-ликийского пограничья, рассмотренного нами выше и названного античными источниками под именем Лирнесс или Лирна. Полис располагался на древнейшем пути из Фаселиды в Атталейю (225: Ἀπὸ Τενέδου εἰς Λύρναντα χωρίον στάδιοι ξ' | 226: Ἀπὸ Λύρναντος εἰς Φάσηλιν στάδιοι ρο'). Лирнесс должен был располагаться в 60 стадиях (11 км) к югу от Тенедоса, что совпадает с руинами Хайытлыгёль (Hayıtlıgöl/Çam Dağı) в 4 км от совр. Бельдиби. Здесь располагалось поселение в 30–40 построек с элементами укреплений в восточной части (двухэтажная башня) и поздним булевтерием или храмом (зафиксировано наличие псевдоизодомных блоков), где и был обнаружен текст договора между Фаселидой и Тенедосом [Adak, Güzelyürek, 2005, S. 91–93]. Близость поселения к острову Лирнатейя (совр. Sıçan Adası), служившему укрепленным военно-морским форпостом, приводила к частой топо-гидронимической путанице (со ссылкой на Гекатея: Steph. Byz., 418, s.v. Λιρνύτεια· πόλις Παμφυλίας. Ἐκαταῖος Ἀσίᾳ. τὸ ἐθνικὸν Λιρνυττειεύς; Ps.-Skyl., 100: νῆσος Λυρνάτεια). В римское время остров назывался Аттелебуца (Ptol., V, 5, 9; Plin. NH., V, 131) [Adak, 2007, s. 46].

Учитывая упоминание Страбонам того обстоятельства, что Фива от Адрамиттия находится в 60 стадиях (11 км), а Лирнесс – в 88 стадиях (16 км) в противоположную сторону (Strab., XIII, 1, 61), следовало бы соотнести месторасположения Фивы с руинами холма Резбурну Тепе на равнине Гёйнюк (Göynük). К римско-византийскому времени местечко было заброшено, а отсутствие строительного раствора в останках построек говорит в пользу существования поселения в классическое и эллинистическое время. Северный и восточный склоны холма демонстрируют следы интенсивного террасирования. Несмотря на очевидность такого географического расположения, имеются и иные варианты расположения этих поселений (Фива – Paşa Dağı; Лирнесс – Ala Dağ) [Adak, 2007, s. 46–47].

Расположению Фивы и Лирнесса посвящены комментарии Евстафия к Дионисию Периегету и к отрывку «Илиады» с соответствующими географическими указаниями (Eust. Schol. ad Dion. Perieg., 367: Μέσον δὲ Φασήλιδος καὶ Ἀτταλείας Θήβη πόλις καὶ Λυρνησσός, ὁμώνυμοι ταῖς Τρωϊκαῖς; Eust. Schol. ad II., II, 690–691: ἐπανελήφθη γὰρ ἡ Λυρνησσός, ἵνα συμπαρατεθῆ ταύτη καὶ ἡ τῆς, ὡς προεγράφη, Ἀτραμυτηνῆς Θήβης ἄλωσις, περὶ ὧν, εἰ καὶ προερρέθη, ἀλλὰ κάκεῖνο εἰδέναι οὐ περιττόν, ὅτι οὐ μόνον Ἀτραμυτηνὴ Θήβη, ἀλλὰ καὶ ἐν Παμφυλίᾳ. οὕτω δὲ καὶ Λυρνησσός. Φησὶ γοῦν ὁ Γεωγράφος, ὅτι πόλις Ἀττάλεια, ἐπώνυμος τοῦ κτίσαντος Φιλαδέλφου. δείκνυται δὲ μέσον Φασήλιδος καὶ Ἀτταλείας Θήβη καὶ Λυρνησσός Τρωϊκῶν ἀνδρῶν ἐκεῖ ἐκλεσόντων). Сохранился и монетный материал Фивы, свидетельствующий о существовании поселения уже не позднее V–IV вв. до н. э. [Stauber, 1996, S. 100–101]. Наличие «Фиванской равнины», обильная эолийская топонимика и изоглоссы в памфилийском, свидетельства античной традиции об инфильтрации эолийских колонистов наглядно показывают, что территории между Кемером и Анталией подвергались активной эолийской колонизации [Brixhe, Tekoğlu, 2000, p. 52–53].

Попытки дорийцев и эолийцев закрепиться на большой памфилийской равнине и юго-восточном побережье Ликии оказались в итоге провальными. Урбанистическое ядро всех основанных ими поселений подвергалось существенному этнокультурному влиянию и военному давлению со стороны коренных народов региона, что приводило к скоротечной маргинализации греческих апоекий или существенно препятствовали их росту и развитию [Şahin, 2001, p. 165–166]. О том, что анклав местного населения были достаточно сильны для активного сопротивления попыткам греческой колонизации, свидетельствует упоминание Перги уже в хеттских текстах. Согласно Бронзовой табличке (13 § 8): «если царь Хаттусы... завладеет страной Парха с помощью армии, то она также будет принадлежать князю Тархунтассы» [Beckman, 1999, p. 115]. Парха клинописных источников соответствует городу Перге, самому важному греческому городу в пределах Памфилии в I тыс. до н. э. Хотя независимость Пархи может быть связана с активностью племен лукка, упоминание в клинописных источниках народов Хиявы в связи с Луккой не позволяет исключить того, что греческая колонизация Пархи/Перги была начата ахейцами еще в бронзовом веке. Микенская керамика засвидетельствована на акрополе Перги [Niemeier, 2008, S. 298].

Хронологические рамки греческой колонизации Ликии крайне условны. Наиболее выверенной верхней хронологической планкой следует считать дату основания Фаселиды (691–690 до н. э.). Находки керамики VIII в. до н. э. близ Родиаполиса и Гаг указывает на возможность более раннего основания этих поселений, предшествовавшего традиционной датировке прибытия греческих колонистов. Этимология топонима Гаги (лик.-лув. Gahe-huhha) намекает на некоторую вероятность существования хетто-лувийского анклава в регионе. Гаги, Родиаполис и Коридалла могли находиться в союзных отношениях (или варианте симполитии), что находит косвенное подтверждение у Плиния, перечисляющего эти города совместно (Plin. NH., V, 28, 100) [Çevik, Bulut, 2008, p. 3–4]. Данный «треугольник» формирует контуры греко-ликийской контактной зоны региона (рис. 1).

Выводы

Неизвестно, были ли волны эолийской и дорийской колонизации одновременны друг другу или одна предшествовала другой. Кажется маловероятным, что находившиеся севернее Фаселиды эолийские колонии (Лирнесс, Фива и Тенедос) были основаны ранее опорной дорийской колонии. Этолийские греки не упустили бы возможность основать собственную апойкию в районе Тахталы-Даг, учитывая стратегические преимущества расположения Фаселиды. С другой стороны, следует иметь в виду, что Фаселида была центром транзитной морской торговли, тогда как эолийские колонии традиционно специализировались на сельском хозяйстве [Adak, 2007, s. 47]. Для этого рода деятельности

идеально подходили местности вокруг Лирнесса и Фивы, располагавшиеся в километре от моря, но обладавшие пригодными для возделывания культур средиземноморской триады аграрными ресурсами, на горных склонах и в аллювиальных долинах. Вполне вероятно, что движущей силой эолийской колонизации (учитывая сообщение Арриана: *Арг. Анаб.*, I, 26, 4) могла выступить Кима Эолийская. Переселенцы, не сумев закрепиться в Сиде, были вынуждены довольствоваться небольшими сельскохозяйственными апоикиями в прибрежной зоне памфило-ликийского приграничья [Nollé, 1993, S. 46].

Рис. 1. Карта восточного побережья Ликии
Fig. 1. East coast of Lycia

References

- Adak M., Güzelyürek C. 2003. Reiseführer Olympos Çıralı Adrasan. Istanbul, Günışığı Turizm Yayıncılık, 168.
- Adak M. 2004. Lokalisierung von Olympos und Korykos in Ostlykien. *Gephyra*, 1: 27–51.
- Adak M., Önen N. 2004. Neue Inschriften aus Olympos und seinem Territorium I. *Gephyra*, 1: 53–65.
- Adak M., Önen N.T., Şahin S., 2005. Neue Inschriften aus Phaselis I. *Gephyra*, 2: 1–20.
- Adak M., Güzelyürek C. 2005. Beldibi von der Steinzeit bis heute. Istanbul, Beldibi Belediyesi Kultur Yayinlari, 143.
- Adak M. 2007. Die dorische und äolische Kolonisation des lykisch-pamphyliischen Grenzraumes im Lichte der Epigraphik und der historischen Geographie. *Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften*, 354: 41–50.
- Adak M. 2013. Names, Ethnicity and Acculturation in the Pamphylian-Lycian Borderland. In: *Personal Names in Ancient Anatolia*. Oxford, University Press: 63–78.
- Bean G.E. 1968. *Turkey's Southern Shore – An Archaeological Guide*. London, E. Benn, 188.
- Bechtel F. 1899. *Sammlung der griechischen Dialektinschriften III/1*. Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht, 690.
- Beckman G. 1999. *Hittite Diplomatic Texts. Second Edition*. Atlanta, GA, Scholars Press, 244.
- Behrwald R. *Der Lykische Bund: Untersuchungen zu Geschichte und Verfassung*. Bonn, Habelt, 269.
- Benda-Weber I. 2005. Lykier und Karer: zwei autochthone Ethnien Kleinasien zwischen Orient und Okzident. Bonn, Habelt, 436.
- Blackman D.J. 1981. The Inscriptions. In: *Phaselis. Beiträge zur Topographie und Geschichte der Stadt und ihrer Häfen*. Tübingen, Wasmuth, 181.
- Blumenthal E. 1963. Die altgriechische Siedlungskolonisation im Mittelmeerraum unter besonderer Berücksichtigung der Südküste Kleinasien. Tübingen, Im Selbstverlag des Geographischen Institutes der Universität Tübingen, 182.
- Borchhardt J. 1993. *Die Steine von Zemuri: Archaeologische Forschungen an den verborgenen Wassern von Limyra*. Wien, Phoibos Verlag, 160.
- Bresson A. 2000. *La cité marchande*. Bordeaux, Ausonius, 343.
- Briant P., Descat R. 1998. Un registre douanier de la satrapie d'Égypte à l'époque achéménide. Le commerce en Égypte ancienne. Le Caire, Institut français d'archéologie orientale: 59–104.
- Brixhe C., Tekoğlu R. 2000. *Corpus des inscriptions dialectales de pamphylie supplément V*. *Kadmos*, 39 (1–2): 1–56.
- Çelik A. 2020. Likya Beyi Perikle ve Dönemine (MÖ 390/380-360) İlişkin Bazı Öneriler. *Belleten*, 84 (299): 1–20.
- Çevik N. 1994. The Localization of Olbia on the Gulf of Pamphylia. *Lykia*, 1: 89–102.
- Çevik N. 2003. The rock-cut tombs of Etenna and the rock-cut tomb tradition in southern Anatolia. *Anatolian studies*, 53: 97–116.
- Çevik N., Bulut S. 2008. The rediscovery of GAGAE/«GAXE» in the south-east corner of Lycia. New finds from the total surface surveys. *Adalya*, 11: 63–98.
- Erzen A. 1973. Das Besiedlungsproblem Pamphyliens im Altertum. *Archäologischer Anzeiger*, 3: 388–401.
- Frei P. 1990. Die Götterkulte Lykiens in der Kaiserzeit. In: *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt (Teil II, Band 18/3)*. Berlin; New York: 1729–1864.
- van Gelder H. 1900. *Geschichte der alter Rhodier*. Den Haag M. Nijhoff, 532.
- Gordon P. 1996. *Epicurus in Lycia: The Second-Century World of Diogenes of Oenoanda*. Ann Arbor, University of Michigan Press, 140.
- Haake M. 2008. Die patchwork– Repräsentation eines lykischen Dynasten: Apollonios, Sohn des Hellaphilos, und das Grab vom Asartaş Tepesi. In: *Vom Euphrat bis zum Bosporos*. Bonn, Habelt: 277–296.
- Hawkins J.D. 2000. *Corpus of Hieroglyphic Luwian Inscriptions. Volume I. Part I, II: Texts; Part III: Plates*. Berlin–New York, W. de Gruyter, 360.
- Heipp-Tamer Chr., 1993. Die Münzprägung der lykischen Stadt Phaselis in griechischer Zeit. *Saarbrücker Studien zur Archäologie und Alten Geschichte 6*. Saarbrücken, Saarbrücker Druckerei und Vlg., 182.
- Hellenkemper H., Hild F. 2004. *Tabula Imperii Byzantini 8: Lykien und Pamphylien*. Wien, Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1015.
- Hild F. 2004. Komai in Lykien. *Gephyra*, 1: 119–126.

- Hornblower S. 1982. Mausolus. Oxford, Clarendon Press, 398.
- Kolb F. Tietz W. 2001. Zagaba: Münzprägung und politische Geographie in Zentrallykien, Chiron, 31: 347–416.
- Leschhorn W. 1984. Gründer der Stadt. Studien zu einem politisch religiösen Phänomen der griechischen Geschichte. Stuttgart, F. Steiner, 436.
- Müller K. 1855. Geographi Graeci Minores I. Paris, Firmin Didot, 650.
- Neumann G. 1979. Neufunde lykischer Inschriften seit 1901. Wien, VÖAW, 58.
- Niemeier W.-D. 2008. Hattusas Beziehungen zu West-Kleinasien und dem mykenischen Griechenland (Ahhiyawa). In: Hattuša-Boğazköy: Das Hethiterreich im Spannungsfeld des Alten Orients. Wiesbaden, Harrassowitz: 291–349.
- Nollé J. 1993. Side im Altertum I. Geschichte und Zeugnisse I. Geographie, Geschichte, Testimonia, griechische und lateinische Inschriften. Bonn, Habelt, 355.
- Oettinger N. 2008. The Seer Mopsus (Muksas) as a Historical Figure. In: Anatolian Interfaces: Hittites, Greeks, and Their Neighbors in Ancient Anatolia. Oxford, Oxbow: 63–66.
- Önen N.T. 2012. Ideas Concerning the Historical Identity and the Connections of the City of Phaselis an Eastern Mediterranean Port. Mediterranean Journal of Humanities, II/1: 205–212.
- Ormerod H.A., Robinson E.S.G., 1914. Inscriptions from Lycia. Journal of Hellenic Studies, 34: 1–35.
- Paribeni R., Romanelli R. 1914. Studi e ricerche archeologiche nell'Anatolia meridionale. Monumenti Antichi, 23: 5–274.
- Şahin S. 2001. Olbia und einige andere Küstenorte bei Kemer in Westpamphylien. Epigraphica Anatolica, 33: 145–167.
- Şahin S. Adak M. 2004. Stadiasmus Patarensis. Ein zweiter Vorbericht über das claudische Straßenbauprogramm in Lykien. In: Siedlung und Verkehr im römischen Reich. Römerstraßen zwischen Herrschaftssicherung und Landschaftsprägung. Akten des Internationalen Kolloquiums zu Ehren von H. E. Herzig (Bern 2001). Bern, P. Lang: 227–262.
- Saraçoğlu H. 1968. Akdeniz Bölgesi. Istanbul, MEB Yayınları, 638.
- Schäfer J. 1981. Phaselis. Beiträge zur Topographie und Geschichte der Stadt und ihrer Häfen. Tübingen, Wasmuth, 181.
- Scheer S. 1993. Mythische Vorväter. Zur Bedeutung griechischer Heroenmythen im Selbstverständnis kleinasiatischer Städte. München, Maris, 369.
- Spratt T.A.B., Forbes E. 1847. Travels in Lycia, Milyas, and the Cibyratis I. London, S. & J. Bentley, Wilson and Fley, 302.
- Stauber J. 1996. Lokalisierung Homerischer Ortsnamen in der Bucht von Edremit mit Neuer Lokalisierung von Thebe und Lyrnessos. Araştırma Sonuçları Toplantısı, 14: 94–109.
- Tekoğlu R., Lemaire A. 2000. La Bilingue Royale Louvito-Phénicien de Çineköy. Comptes Rendus de L'Académie des Inscriptions: 961–1006.
- Tekoğlu R. 2002. Three new Lycian inscriptions from Tlos and Asartaş. Die Sprache, 43 (1): 104–114.
- Jahn G. 1970. Die Beydağları. Studien zur Höhengliederung einer südwestanatolischen Gebirgslandschaft. Giessen, Schmitz Gießen, 165.
- Vanschoonwinkel J. 1990. Mopsus: legends et réalité. Hethitica, 10: 195–211.
- Vanschoonwinkel J. 1991. L'Égée et la Méditerranée orientale à la fin du deuxième millénaire: témoignages archéologiques et sources écrites, Louvain-La-Neuve, Département d'archéologie et d'histoire de l'art Collège Erasme, 589.
- Wiemer H.-U. 2002. Krieg, Handel und Piraterie. Untersuchungen zur Geschichte des hellenistischen Rhodos. Berlin, Akademie Verlag, 416.
- Wilhelm A. 1898. Ein Vertrag des Maussollos mit den Phaseliten. Jahreshefte des österreichischen archaologischen Institutes, 1: 149–162.
- Wörrle M. 1998. Leben und Sterben wie ein Fürst. Überlegungen zu den Inschriften eines neuen Dynastengrabes in Lykien. Chiron, 28: 77–84.
- Wörrle M. 2012. H II. Die griechischen Sepulkralinschriften von Limyra. In: Limyra: Studien zu Kunst und Epigraphik in den Nekropolen der Antike. Wien, Phoibos Verlag: 411–457.
- Zäh A. 2003. Der Hafentort Melanippe (Hagios Stephanos) im östlichen Lykien. In: EYKOΣMIA. Studi miscellanei per il 75o di Vincenzo Poggi S.J. Catanzaro, Rubbettino, 664.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Баранов Дмитрий Александрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, ВУНЦ «Военно-воздушная академия им. проф. Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина», г. Воронеж, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Dmitry A. Baranov, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of Airforce Academy named after prof. N.E. Zhukovsky and Y.A. Gagarin, Voronezh, Russia

УДК 94(3)
DOI 10.52575/2687-0967-2022-49-1-44-50

Ликург: жизнь и деятельность афинского оратора IV в. до н. э. в традиции и византийской рецепции

Логвинова А.А.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д.85
Email: aleksandra.kostyukovich@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается афинский государственный деятель и оратор Ликург (ок. 396 – 323 до н. э.), который в течение двенадцати лет управлял финансами Афин. Ликург, ставивший своей специальной целью предавать суду всех казнокрадов и изменников, не мог не быть оратором. Древние знали пятнадцать его речей, в том числе две, сказанные в оправдание его финансовой политики. Сохранилась из них только речь против Леократа, бежавшего после битвы при Херонее. Для исследования он интересен тем, что в свое время являлся прекрасным управленцем и законодателем. Ликург наиболее полно выражал традиционные концепции и ценности афинской демократии, прежде всего убеждение в необходимости господства Афин над эллинским миром и их праве на это. Его заслуги по вооружению и украшению города подробно изложены в народном декрете 307 г. до н. э. При Ликурге издается ряд законов, регулирующих финансовую сторону религиозных празднеств, в частности закон о финансировании Малых Панафинейских игр. Также особенно интересно упоминание о Ликурге в «Мириобиблионе» Фотия – кодекс 268 (Photius, Myriobiblion. Codex), в котором описывается его жизнь, дается оценка его деятельности по прошествии более чем тысячи лет.

Ключевые слова: Ликург Афинский, Фотий Константинопольский, Мириобиблион кодекс 268, речь против Леократа

Для цитирования: Логвинова А.А. 2022. Ликург: жизнь и деятельность афинского оратора IV в. до н. э. в традиции и византийской рецепции. *Via in tempore. История. Политология.* 49 (1): 44–50. DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-1-44-50

Lycurgus: the life and work of an Athenian orator in the 4th cent. B.C. in tradition and Byzantine reception

Alexandra A. Logvinova

Belgorod National Research University,
85 Pobeda St., Belgorod 308015, Russia
Email: aleksandra.kostyukovich@mail.ru

Abstract. The article deals with the Athenian statesman and orator Lycurgus c. 396–323 B. C., who for twelve years managed the finances of Athens. Lycurgus, whose special aim was to bring all embezzlers and traitors to justice, could not but be an orator. The ancients knew fifteen of his speeches, including two in defense of his financial policies. Only the speech against Leocrates, who fled after the Battle of Heron, has been preserved. For research, it is interesting that at one time he was an excellent manager and legislator. Lycurgus most fully expressed the traditional concepts and values of Athenian democracy, especially the belief in the need for Athens to rule over the Hellenic world and their right to do so. His services in arming and decorating the city are detailed in a popular decree of 307 BC. Under Lycurgus, a number of laws were issued regulating the financial side of religious festivals, in particular the law on the financing of the Small Panathenaic Games. Also interesting is the mention of Lycurgus in the «Myriobiblion» of Photius – Codex 268, which describes his life, gives an assessment of his activities.

Keywords: Lycurgus of Athens, Photius of Constantinople, Myriobiblion codex 268, speech against Leocrates

For citation: Logvinova A.A. 2022. Lycurgus: the life and work of an Athenian orator in the 4th cent. B.C. in tradition and Byzantine reception. *Via in tempore. History and political science.* 49 (1): 44–50 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-1-44-50

Введение

Во время политической борьбы в Афинах в IV в. до н. э. можно проследить радикальное изменение демократии от самого начала до конца существования независимых полисов. Здесь мы рассмотрим конкретный период с 338 по 323 гг. до н. э. в истории Афин. Этот период считается относительно спокойным на протяжении развития города. Полис посылал различные посольства македонскому царю, и даже во время выступления царя Агиса в Спарте, и когда обострялись конфликты, Афины сохраняли спокойствие, несмотря на то, что народное собрание – ἐκκλησία (эκклесия) – призывало воспользоваться кризисом в Спарте [Фролов, 1983]. В историографии исследователи отмечают разностороннюю и активную политическую деятельность в городе. Хорошо изучены реформы в Афинах этого периода: происходило укрепление экономики, выростала роль финансовой деятельности [Маринович, 2007, с. 70–71]. Со временем экономика в полисе станет играть немаловажную роль, и тем самым усилится влияние финансовых магистратур, появятся новые должности, новые лица, например, Ликург восстановит финансы города после сражения при Херонее [Андреев, 1979, с. 8–15].

Результаты и их обсуждение

Ликург, сын Ликофрона, родился около 390 г. до н. э. Происходил из округа Бутады, являлся учеником Платона и Исократ. Принадлежал верхушке афинского общества [Davies, 1971, p. 348–350].

В трудах по истории классической Греции оценки Ликурга весьма скромны. На данный момент можно обратиться к книге Ф. Дюрбаха «Оратор Ликург» [Durrbach, 1890]. Помимо названной книги, сведения о Ликурге можно найти в известном труде Ф. Бласса [Blass, 1893], в вводных статьях к изданию речей Ликурга [Burt, 1954], в статье энциклопедии Паули-Виссова [Kunst, 1927].

К сожалению, нет современных фундаментальных исследований о личности Ликурга. Возрождение интереса к этому деятелю появляется в работах Ф. Митчела «Афины в век Александра» [Mitchel, 1965] и «Ликурговы Афины: 338–322» [Mitchel, 1970]. В центре изучения стоит Ликург как личность, описывается его деятельность, политическая программа и т. д. Также появляется небольшой очерк в диссертации Уильямса «Об Афинах времени олигархии Фокиона и тирании Деметрия Фалерского» [Williams, 1982, p. 3–18]. Работа Вилля «Афины и Александр» выделяет главу для Ликурга [Will, 1983]. Среди прочих работ – С. Хамфрис «Ликург и Бутад: афинский аристократ», статья К. Моссе «Афинянин Ликург: человек прошлого или предшественник будущего?» [Mosse, 1989].

Источники, из которых можно узнать о Ликурге, – это его собственные речи. До нашего времени дошла «Речь против Леократа», из которой видно, какое отношение у Ликурга к народу, предательству и патриотизму. Также его биография встречается в «Жизнеописаниях десяти ораторов», которые приписывают Плутарху, и надписях, например, декрете Стратокла, точнее, афинском постановлении в честь Ликурга, датированном 307/6 г. до н. э. Псевдо-Плутарх, вероятнее всего, восходит к Цецилию (I в. до н. э.), который почерпнул основные сведения из биографии Ликурга, написанной после его смерти учеником Исократом Филиском и носившей панегирический характер [Humphreys, 1985]. Поми-

мо надписи, декрет Стратокла сохранился в рукописной копии, сделанной сыном Ликурга (Pseudo-Plutarchus, Vitae decem oratorum).

Кроме того, краткий обзор и характеристика деятельности Ликурга встречается в «Мириобиблионе» Фотия, патриарха Константинопольского, в кодексе 268 (Myriobiblion. Cod. 268).

Согласно данным источников, Ликург, вероятнее всего, принадлежал к старой формации аристократии афинского общества.

Как известно, Ликургу пришлось приложить немало усилий, чтобы стать хорошим оратором. Его интересовала больше внутренняя политика, чем внешняя. Но тем не менее есть упоминания, где принимал участие в посольстве в Пелопоннес с целью отвлечь пелопоннесские государства от Филиппа (343 г. до н. э.). Позже, ближе к последнему периоду его жизни, деятельностью Ликурга станет управление афинскими финансами. В этой должности он проработает 12 лет [Хабихт, 1999, с. 16].

Политика Ликурга проявляется в мерах, направленных против всякого рода злоупотреблений, и в законах против роскоши. Эти меры носили не только финансовый характер, но имели своей целью возрождение определенного единства гражданского коллектива. Из жизни полиса старательно изгонялось все, что могло напомнить о разнице между богачами и бедняками. Внешние знаки богатства, дразнящие бедняков и вызывавшие их недовольство, осуждались Ликургом.

Имея хорошее положение и достаток, Ликург жил скромно, о чем свидетельствует очерк Фотия: «...Он никогда не имел другого платья (кроме того), которое носил и зимой, и летом. Обычно он ходил босиком и едва ли имел обувь, которая полагалась при его имуществе. Природа отказала ему в таланте красиво говорить на площади; но он исправлял это тяжелой, напряженной работой днем и ночью (над тем), что он должен был сказать. Овчина с подушкой на полу его комнаты служила ему постелью. Делал он это для того, чтобы с неудобной постели более охотно подниматься и возобновлять работу» (Myriobiblion. Cod. 268).

Оценка социально-политическим взглядам Ликурга дается довольно однозначно. Многие отмечают его враждебность к Македонии, но в то же время акцентируют внимание на консерватизме Ликурга. Несмотря на то, что он предстает перед нами как радикальный политик, в то же время он проявляет себя и как умеренный демократ. В равной мере исследователи отмечают патриотизм Ликурга и смысл осуществляемой под его руководством программы обновления Афин видят прежде всего в подготовке к сопротивлению Македонии.

По оценке Босворта, Ликург усиленно и заботливо развивал патриотические чувства афинян как своего рода утешение в обстановке относительного бессилия, психологическое дополнение к своей программе вооружения. Как показал моральный климат во время Ламийской войны, эта программа полностью себе оправдала [Bosworth, 1988, p. 215].

Религиозная политика Ликурга была очень активна. Восстанавливались храмы, возрождались древние культы. Так, например, успешно было завершено строительство храма Аполлона Отеческого на агоре, были изготовлены золотые статуи Ники, золотая и серебряная утварь для торжественных процессий. Ликург издает ряд законов, регулирующих финансовую сторону религиозных празднеств, в частности о финансировании Панафинейских игр. Немаловажной была деятельность в сфере строительства, которая соответствовала старым перикловым традициям. В Ликее реконструируется гимнасий и сооружается палестра, ведутся работы на агоре, завершается строительство театра Диониса у подножия Акрополя, во время празднования Великих Панафиней в 330 г. до н. э. был освящен стадион, перестраивается и расширяется место заседаний экклесии на Пниксе. По словам биографа Ликурга, он украсил весь город многочисленными постройками (Ps.-Plut. Vit. 10 or. 841d).

В политике Ликурга значительное место занимает развитие торговли. Возвышается роль Пирейского порта. Торговые пути охранялись от пиратов, также предпринимались

меры по привлечению иностранцев, прежде всего купцов. Сохранился декрет, в котором указано, что по предложению Ликурга купцы из кипрского города Китиона получили в Афинах право владения участком земли для возведения на нем святилища Афродиты [Bosworth, 1988, p. 215].

Благодаря сохранившейся речи Ликурга против Леократа нам удастся понять, что вся его социальная и экономическая политика – это отражение его общих идей. В его мировоззрении важным остаётся понятие «демократия». Демократия упоминается как государственный строй в Афинах, который пытаются свергнуть со стороны Македонии (Lysurg. In Leocr. Fragm.). Все эти мероприятия – политические, социальные и экономические – вдохновлялись его более общими идеями. Описываются разные события, которые должны были сохранить демократию. Вся политическая концепция Ликурга основывалась на афинской демократии, на праве Афин на гегемонию в Греции. Более отчетливо это прослеживается в исторической части речи против Леократа, во время описания битвы при Саламине. Кроме того, перед нами встает еще один облик Ликурга – не просто моралиста, исповедующего определенные этические нормы, но человека, озабоченного моральным обликом подрастающего поколения и имеющего определенные представления о его воспитании [Mossé, 1989].

«Своими услугами и редкими качествами он внушил столько любви афинянам и почитания его личности, что, когда Александр потребовал доставить Ликурга к себе в числе других ораторов, народ отказал ему» (Mugriobiblion. Cod. 268).

Ликург прожил всю жизнь в великом уважении афинян, его праведность была настолько хорошо известна, что мнение Ликурга учитывалось в пользу лиц, за которых он высказывался. После его смерти в 324 г. до н. э. в Афинах была воздвигнута статуя, а его наследникам по особому постановлению были даны почетные привилегии. Список законов, проведенных Ликургом, был установлен на Акрополе [Humphreys, 1965, p. 225–220].

Деятельность Ликурга не была забыта и после его смерти. Он почитался и был включен в «Канон 10 аттических ораторов», составленный в эпоху эллинизма (II в. до н. э.), куда включили наиболее выдающихся афинских ораторов V–III вв. до н. э., на основе произведений которых осуществлялась подготовка в риторике [Соболевский, Грабарь-Пассек, Петровский, 1955, с. 234].

В римскую эпоху появился вышеупомянутый трактат «Жизнеописания десяти ораторов», описывающий полностью его биографию. Причем там же дана родословная Ликурга, а затем его потомков, что показывает, что вплоть до римского времени ее сохраняли и чтити (Ps.-Plut. Vit. 10 or. 843 a-e).

В Византии IX в. с жизнью и творчеством Ликурга был знаком константинопольский патриарх Фотий, которому были доступны и произведения афинского оратора (Mugriobiblion. Cod. 268). Он включил его в свой главный труд «Мириобиблион» («Множество книг», другое название – «Библиотека»). Интерес к античным писателям был одной из важных черт Македонского возрождения в Византии, когда античную и христианскую культуру стремились сочетать в едином культурном синтезе [Ревко-Линардато, 2015].

Сам патриарх поместил Ликурга в «Мириобиблионе» среди описания речей 10 ораторов, которые уже прочитал (Mugriobiblion. Cod. 259–268). Расположение авторов речей у Фотия отличается от того, которые даны в «Жизнеописании десяти ораторов». В римском трактате Псевдо-Плутарха порядок следующий: Антифон – Андокид – Лисий – Исократ – Исей – Эсхин – Ликург – Демосфен – Гиперид – Динарх (Ps.-Plut. Vit. 10 or.). У Фотия такой порядок: Антифон – Исократ – Андокид – Лисий – Исей – Эсхин – Демосфен – Гиперид – Динарх – Ликург (Mugriobiblion. Cod. 259–268).

Антифон жил в V в. до н. э., был современником Сократа и Горгия. Он написал около 60 речей, из которых только 35 без сомнений относят к нему, по остальным споры. Фотий эти речи читал, находя в них точность, силу и изобретательность. Также этот ритор считался первым автором судебной речи (Mugriobiblion. Cod. 259). Исократ жил в V–IV вв.

до н. э., был учеником Продика и Горгия и учителем Демосфена. Фотий прочитал 60 речей под его именем, хотя не вызывает вопросов по его авторству 25 речей (Myriobiblion. Cod. 260). Андокид жил в V–IV вв. до н. э., был современником Сократа. Фотию были доступны 4 его речи, которые он отмечает как написанные простым, но убедительным и привлекательным языком, без всяких украшательств (Myriobiblion. Cod. 261). Лисий также жил в V–IV вв. до н. э., застал эпоху 30 тиранов в Афинах (404–403 гг. до н. э.), а в старости застал молодого Демосфена. Фотий указывает, что ему приписывают 325 речей, но всего 233 точно, остальные предположительно. Патриарх отмечает их необычайную простоту, силу и краткость, а также чистоту, элегантность и цветистость (Myriobiblion. Cod. 262). Исей жил в V–IV вв. до н. э. и был учеником Лисия. У него было 60 речей, но подлинность подтверждалась только у 50. В стилистике он подражал Лисию настолько хорошо, что стиль учителя и ученика слабо отличим, но он стал употреблять фигуры. Первым внес речи в политику, был учителем Демосфена (Myriobiblion. Cod. 263). Эсхин жил в IV в. до н. э. и был антагонистом Демосфена, современником македонского царя Филиппа II. Фотий знал 3 его речи и 9 писем. Он отмечает чистоту, спокойствие и текучесть стиля, а также высочайшую четкость рассуждений (Myriobiblion. Cod. 264). Демосфен жил в IV в. до н. э., был современником Эскина, Филиппа II, а также учеником Исея. Фотий прочитал все его речи, 65 из которых точно определяли как принадлежащие ему. Фотий рассматривает речи Демосфена как лишённые недостатков, отмечая как характерные черты его стиля гармонию, равновесие, энергичность и воинственность, а также много рассуждает о том, как Демосфен достиг такого мастерства и исправил свои природные недостатки (Myriobiblion. Cod. 265). Гиперид жил в IV в. до н. э. и был современником Демосфена. Фотий читал 77 речей под его именем, только 55 из которых точно приписаны оратору. Его стиль был настолько превосходен, что некоторые речи Гиперида приписывали Демосфену (Myriobiblion. Cod. 266). Динарх жил в IV–III вв. до н. э. Был младшим современником Гиперида и Демосфена, жил при Александре Македонском. За образец в речах он взял речи Демосфена, он продавал свои речи для судебной защиты, готовя их на заказ. Фотий читал 64 его речи, большинство критиков приписывают ему эти речи. Описанием Динарха Фотий подводит итог прочитанным им 9 ораторам (Myriobiblion. Cod. 267).

В отличие от римского трактата, где ораторы расположены примерно в хронологической последовательности своей жизни, у Фотия аттические риторы размещены по мере прочтения их речей, поэтому наблюдаются некоторые хронологические нарушения в последовательности.

Особняком стоит Ликург Афинский, речи которого Фотий, очевидно, не успел прочитать. Но он знает, что их 15, и они считаются им слабее, чем у других ораторов. Тем не менее Фотий не мог проигнорировать этого оратора, заменив характеристику речей описанием впечатляющей биографии Ликурга и его деятельности на гражданской службе в Афинах, во много более сокращенно пересказывающей содержание «Жизнеописания десяти ораторов» относительно Ликурга (Myriobiblion. Cod. 268; Ps.-Plut. Vit. 10 or. 841–844).

В данном отрывке видно, что информация о Ликурге, а также его речи сохранялись и переписывались вплоть до IX в., причем сам Фотий имел возможность читать его речи, название которых дано во множественном числе (λόγους), что показывает их наличие в это время, а не только речи «Против Леократа», как в настоящее время.

Фотий высоко ценит биографию и деятельность Ликурга, которая была актуальна и для византийского общества и его ценностей. Именно поэтому он включил и Ликурга в «Мириобиблион», хотя не читал его речей – этот античный автор считался патриархом настолько важным, чтоб рекомендовать его для прочтения своим современникам, а также завершал блок по 10 аттическим ораторам в сборнике.

Основную информацию о Ликурге патриарх мог брать из «Жизнеописания десяти ораторов», хотя он и не указывает этот трактат в списке прочитанных книг в «Мириобиблионе».

Выводы

Таким образом, Ликург был выдающимся афинским деятелем позднеклассической эпохи и входил в канон аттических ораторов, он выражался энергично и говорил свободно то, что думал, навел надлежащий порядок в городе и был автором нескольких законов.

Память о нем достаточно надежно сохранялась не только в античном мире в эллинистическую и римскую эпохи, но и в византийской рецепции IX в. у патриарха Фотия в «Мириобиблионе».

Список литературы

- Андреев Ю.В. 1979. Античный полис и восточные города-государства. В: Античный полис. № 5. Под ред. Э.Д. Фролова. Ленинград, ЛГУ: 8–27.
- Глускина Л.М., Прушакевич Т.В. (изд.). 1962. Псевдо-Плутарх. Жизнеописания десяти ораторов. Гиперид; Ликург; Эсхин. В: Вестник древней истории. № 4 (82): 189–249.
- Маринович Л.П. 2007. Античная и современная демократия: новые подходы к сопоставлению. М., КДУ, 212.
- Ревко-Линардато П.С. 2015. Рецепция античности в эпоху Македонского возрождения. В: Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. № 1–1 (51): 166–168.
- Соболевский С.И., Грабарь-Пассек М.Е., Петровский Ф.А. (изд.). 1955. История греческой литературы. В 3 т. Т. II. М., АН СССР: 309.
- Фролов Э.Д. 1983. Политические лидеры афинской демократии (Опыт типологической характеристики). В: Политические деятели античности, средневековья и Нового времени. Ленинград, ЛГУ: 6–22.
- Хабихт Х. 1999. Афины. История города в эллинистическую эпоху. М., Ладомир, 416.
- Bekker I. (ed.). 1824. Photii Bibliotheca. Berolini: typis et impensis G. Reimeri, 581.
- Blass F. 1890. Die attische Beredsamkeit. Abt. 3. Abschn. 1. Leipzig, Druck und Verlag von B.G. Teubner, 564.
- Bosworth A.B. 1988. Conquest and Empire. The Reign of Alexander the Great. Cambridge, Cambridge University Press, 330.
- Burt P. (ed.). 1954. Minor Attic Orators in two volumes. Vol. II, with an English Translation. Cambridge, Ma, Harvard University Press, 620.
- Davies J.K. 1971. Athenian Propertied Families. 600–300 B. C. Oxford, Clarendon Press, 706.
- Durrbach F. (ed.). 2003. Lycurgue. Contre Léocrate. Fragments. Texte établi et traduit. 4e tirage. Paris, Les Belles Lettre, 183.
- Durrbach F. 1890. L'Orateur Lycurgue. Paris, Nabu press, 192.
- Humphreys S. 1985. Lycurgus of Butadae: an Athenian Aristocrat. In: The Craft of the Ancient Historian. Essays in Honor of Chester G. Starr. Ed. by J.W. Eadie and J. Ober. Lanham, Univ. press of America: 199–252.
- Kunst. 1927. Lykurgos. In: Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Band XIII, 2. Lokroi-Lysimachides: 2433–2466.
- Mitchel F.W. 1965. Athens in the Age of Alexander. In: Greece and Rome. Vol. 12: 18–204.
- Mitchel F.W. 1970. Lykourgan Athens: 338–322 B. C. Cincinnati, University of Cincinnati, 52.
- Mossé C. 1989. Lycurgue l'Athénien: l'homme du passé ou précurseur de l'avenir? In: Quaderni di Storia. Vol. 30: 25–36.
- Will W. 1983. Athen und Alexander. Untersuchungen zur Geschichte der Stadt von 338 bis 322 v. Chr. München, C.H. Beck, 175.
- Williams J.M. 1982. Athens without Democracy: the Oligarchy of Phocion and the Tyranny of Demetrius of Phalerum, 322–307 B. C. Dissertation PhD. New Haven, Yale University, 267.

References

- Andreev Yu.V. 1979. Antichnyj polis i vostochnye goroda-gosudarstva [Antique polis and eastern city-states]. In: Antichnyj polis [Antique polis]. № 5. Ed. E.D. Frolov. Leningrad, Izd-vo Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta: 8–27 (in Russian).

- Gluskina L.M., Prushkevich T.V. (ed.). 1962. Pseudo-Plutarch. Zhizneopisaniya desyati oratorov. Giperid; Likurg; Eskhin [Pseudo-Plutarch. Biographies of ten speakers. Hyperide; Lycurgus; Aeschines.]. In: Vestnik drevnej istorii [Ancient History Herald]. № 4 (82): 189–249 (in Russian).
- Marinovich L.P. 2007. Antichnaya i sovremennaya demokratiya: novye podhody k sopostavleniyu [Ancient and modern democracy: new approaches to comparison]. Moscow, KDU, 212 (in Russian).
- Revko-Linardato P.S. 2015. Recepciya antichnosti v epohu Makedonskogo Vozrozhdeniya [Reception of antiquity during the Macedonian Renaissance]. In: Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvedenie. Voprosy teorii i praktiki [Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice]. № 1–1 (51): 166–168 (in Russian).
- Sobolevskij S.I., Grabar'-Passek M.E., Petrovskij F.A. (ed.). 1955. Istoriya grecheskoj literatury [History of Greek Literature]. In 3 t. T. II. Moscow, AN SSSR: 309 (in Russian).
- Frolov E.D. 1983. Politicheskie lidery afinskoj demokratii (Opyt tipologicheskoy harakteristiki) [Political Leaders of Athenian Democracy (Experience of Typological Characterization)]. In: Politicheskie deyateli antichnosti, srednevekov'ya i Novogo vremeni [Political figures of antiquity, the Middle Ages and modern times]. Leningrad, Izd-vo Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta: 6–22 (in Russian).
- Habiht H. 1999. Afiny. Istoriya goroda v ellinisticheskuyu epohu [Athens. History of the city in the Hellenistic era]. Moscow, Ladimir, 416 (in Russian).
- Bekker I. (ed.). 1824. Photii Bibliotheca. Berolini, typis et impensis G. Reimeri, 581.
- Blass F. 1890. Die attische Beredsamkeit. Abt. 3. Abschn. 1. Leipzig, Druck und Verlag von B.G. Teubner, 564.
- Bosworth A.B. 1988. Conquest and Empire. The Reign of Alexander the Great. Cambridge, Cambridge University Press, 330.
- Burt P. (ed.). 1954. Minor Attic Orators in two volumes. Vol. II, with an English Translation. Cambridge, Ma, Harvard University Press, 620.
- Davies J.K. 1971. Athenian Propertied Families. 600–300 B. C. Oxford, Clarendon Press, 706.
- Durrbach F. (ed.). 2003. Lycurgue. Contre Léocrate. Fragments. Texte établi et traduit. 4e tirage. Paris, Les Belles Lettre, 183.
- Durrbach F. 1890. L'Orateur Lycurgue. Paris, Nabu press, 192.
- Humphreys S. 1985. Lycurgus of Butadae: an Athenian Aristocrat. In: The Craft of the Ancient Historian. Essays in Honor of Chester G. Starr. Ed. by J.W. Eadie and J. Ober. Lanham, Univ. press of America: 199–252.
- Kunst. 1927. Lykurgos. In: Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Band XIII, 2. Lokroi-Lysimachides: 2433–2466.
- Mitchel F.W. 1965. Athens in the Age of Alexander. In: Greece and Rome. Vol. 12: 18–204.
- Mitchel F.W. 1970. Lykourgan Athens: 338–322 B. C. Cincinnati: University of Cincinnati, 52.
- Mossé C. 1989. Lycurgue l'Athénien: l'homme du passé ou précurseur de l'avenir? In: Quaderni di Storia. Vol. 30: 25–36.
- Will W. 1983. Athen und Alexander. Untersuchungen zur Geschichte der Stadt von 338 bis 322 v. Chr. München, C.H. Beck, 175.
- Williams J.M. 1982. Athens without Democracy: the Oligarchy of Phocion and the Tyranny of Demetrius of Phalerum, 322–307 B. C. Dissertation PhD. New Haven, Yale University, 267.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Логвинова Александра Александровна, аспирант кафедры всеобщей истории, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexandra A. Logvinova, Postgraduate Student, Department of World History, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

УДК 929.7

DOI 10.52575/2687-0967-2022-49-1-51-56

Ганнибал Барка – теоретик военного дела

Нефёдкин А.К.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015 г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: alexknef68@gmail.com

Аннотация. В титуле «Тактики» Никифора Урана (ок. 950 – после 1007) среди источников этого труда упомянуто сочинение Ганнибала. Скорее всего, это сочинение Ганнибала по жанру могло быть обычной для опытного полководца стратегикой, или навмахией, или даже полиоркетикой. Все данные темы присутствуют в «Тактике» Никифора Урана. У пожилого Ганнибала в изгнании (186–183 гг. до н. э.) не было достаточно времени для составления обширного труда, скорее всего, это было довольно короткое сочинение, может быть, даже в форме письма. Сам Уран вполне мог познакомиться с этим редким произведением Ганнибала, когда он был секретарем императора Василия II Болгаробойцы (976–1025 гг.) в Константинополе и мог пользоваться государственными книгохранилищами (ранее 980–997 гг.).

Ключевые слова: военная теория древности, Ганнибал, Никифор Уран

Для цитирования: Нефёдкин А.К. 2022. Ганнибал Барка – теоретик военного дела. Via in tempore. История. Политология. 49 (1): 51–56. DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-1-51-56

Hannibal Barca is a military theorist

Alexander K. Nefedkin

Belgorod National Research University,
85 Pobeda St., Belgorod 308015, Russia
E-mail: alexknef68@gmail.com

Abstract. In the title «Tactics» by Nicephorus Uranus (ca. 950 to after 1007), a work of Hannibal is mentioned among the various sources of Uranus' book. Probably, this Hannibal's work could be the strategy of an experienced general or naumachia, or even poliorcetica according to the subjects. All these topics are «Tactics» by Nicephorus Uranus. Elderly Hannibal in his exile (186–183 B. C.) did not have enough time to compose an extensive work, it is probably was a short work, perhaps even in the form of a letter. Uranus may have become acquainted with this rare Hannibal's essay when he was secretary to the Emperor Basil II Porphyrogenitus (976–1025) in Constantinople and could use the state archives (before 980 to 997). Along with Alexander the Great, Julius Caesar, Frederick the Great and Napoleon, Hannibal is considered as one of the best military leaders in European history. Since it is clear that the elderly Hannibal in exile did not have enough time to compose an extensive work, then most likely it was a rather short essay, maybe even in the form of a letter.

Keywords: ancient military theory, Hannibal, Nicephorus Uranus

For citation: Nefedkin A.K. 2022. Hannibal Barca is a military theorist. Via in tempore. History and political science. 49 (1): 51–56 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-1-51-56

Введение

Наряду с Александром Македонским, Юлием Цезарем, Фридрихом Великим и Наполеоном Ганнибал считается одним из лучших полководцев в европейской истории. Сам Ганнибал согласно опыту и мастерству на первое место из военачальников ставил Пирра, на второе –

Сципиона Африканского Старшего, а на третье – самого себя (Plut. Pyrrh., 8,2) или, по другой более распространенной версии, лучшим стратегом он считал Александра Македонского, вторым – Пирра, а третьим себя, хотя, если бы он не был побежден Сципионом, то считал бы себя лучшим (Liv., XXXV, 14, 5–11; Plut. Tit., 21, 3–4; App. Syr., 2, 10; ср.: Lucian. Dialog. Morit., 12).

Результаты и их обсуждение

Ганнибал (247–183 гг. до н. э.) происходил из знатной карфагенской семьи и, соответственно, должен был получить неплохое образование, о котором, впрочем, нам почти ничего не известно [Кораблев, 1981, с. 9, 30–31, 35; Циркин, 1987, с. 135–136]. С девятилетнего возраста он находился в лагере отца Гамилькара Барки в Испании (Polyb., III, 11, 5–7; Liv., XXXV, 19, 3–6; Nep., 23, 2, 3–6; App. Han., 1, 3), что могло осложнять традиционное воспитание, но благоприятствовало получению индивидуального образования, как гражданского, так и военного. Сатирик Лукиан вкладывает в уста Ганнибала заявление о том, что тот не получил классического греческого образования, но выучился хорошо говорить по-гречески (Lucian. Dialog. Morit., 12, 2–3). Вообще же пуниец обладал недюжинными лингвистическими способностями, «ведь он знал многие наречия и в частности наречие латинов» (Zonara, VIII, 24 (411D)).

Тут следует учесть, что во 2-й четверти IV в. до н. э. карфагенский совет вынес постановление о том, чтобы пунийцы не учили греческого языка вообще во избежание сношений с потенциальным врагом (Just., XX, 5, 12–13). Однако похоже данное решение не исполнялось или позднее утратило силу, поскольку активное международное культурное и экономическое взаимодействие требовало этого знания [Кораблев, 1981, с. 47; Циркин, 1987, с. 136–137]. Корнелий Непот в биографии полководца прямо сообщает, что историк Сосил обучал Ганнибала греческой словесности (Nep., 23, 13, 3: atque hoc Sosylo Hannibal litterarum Graecarum usus est doctore). Ведь известно, что в походах пуниец сопровождали два греческих историка, Силен и Сосил (Nep., 23, 13, 3). Силен из Каллатиды написал «Греческую историю» с подробным жизнеописанием Ганнибала (Cicer. De div., I, 49), а Сосил из Лакедемона – «Историю о Ганнибале» в семи книгах (Diod., XXVI, 4).

Вегетий в «Эпитоме военного дела» сообщает о том, что «Ганнибал, намереваясь напасть на Италию, расспрашивал лакедемонского наставника армии (Lacedaemonium doctorem quaesivit armorum), увещеваниями которого он уничтожил столько консулов и такие легионы, уступая им численностью и силами» (Veget. Epit., III, praef.). В общем, получается, что уже в Испании Ганнибал имел какого-то военного советника из Спарты, который затем был сопровождал его в Италии, что перекликается с деятельностью того же Сосила [Перевалов, 2010, с. 36].

Получив неплохое образование и познав на практике военное дело, Ганнибал стал не только великим полководцем, но еще и в известной мере литератором. Как считается, он занялся литературным трудом в последние годы жизни, в изгнании в Вифинии (186–183 гг. до н. э.) [Лансель, 2002, с. 324; Габелко, 2005, с. 277, прим. 351]. Тот же Корнелий Непот в заключении биографии Ганнибала заметил: «Притом этот великий муж, занятый великими войнами, уделил некоторое время литературе. Ведь существует несколько его книг, составленных на греческом языке, среди которых – “К родосцам о деяниях Гн. Манлия Вольсона в Азии”» (Nep., 23, 13, 2: atque hic tantus vir tantisque bellis districtus non nihil temporis tribuit litteris. namque aliquot eius libri sunt, Graeco sermone confecti, in eis ad Rhodios de Cn. Manlii Volsonis in Asia rebus gestis).

К сожалению, Непот указывает лишь одно сочинение Ганнибала, которое он, как можно понять, считал наиболее интересным с точки зрения римской истории или же которое он единственно знал по названию. Как считается, это произведение, обращенное к бывшим противникам и союзникам Рима родосцам, являлось по существу политическим памфлетом, в котором представлялись бесчинства римлян во время похода Гн. Манлия Вольсона против галатов в 189 г. до н. э. [Лансель, 2002, с. 323]. Папирусное «Письмо Ганнибала к афинянам», в котором

делается намек на выступление греков против римлян после поражения последних при Каннах, считается подделкой, написанной в 1-й пол. 180-х гг. до н. э. [Лансель, 2002, с. 323–324]. Однако в древности и оно вполне могло считаться истинным сочинением полководца.

К этим двум сочинениям, одному аутентичному и другому приписанному, можно добавить и еще одно произведение Ганнибала, упоминание о котором мы найдем в титуле «Тактики» Никифора Урана в константинопольском кодексе (codex Constantinopolitanus, 36; XIV в.), где читаем: «“Тактика” или же “Стратегия” из Арриана, Элиана, Пелопса, Полиэна, Оносандра (sic!), Алкивиада, Артаксеркса, Сириана, Ганнибала, Плутарха, Александра, Диодора, Диона, Полибия, Гераклита, Маврикия, Никифора и некоторых других, собранная с большой тщательностью магистром Никифором Ураном от многих, как было сказано, историков» [Dain, 1937, p. 13, 90].

О самом авторе «Тактики» известно, что магистр Никифор Уран (ок. 950 – после 1007) был императорским секретарем, а позднее – дукой Антиохии (в 999 – между 1007 и 1011 г.). Его литературное наследие, кроме «Тактики», составили две поэмы, два жития и 50 личных писем [Dargouzés, 1991, p. 129–131; Trombley, 1997, p. 267–269]. Эта «Тактика» – последний обширный компилятивный труд (178 глав) византийской военной науки, по существу, энциклопедия военного дела, написанная в 1000-е гг. [Мохов, 2011, с. 41–49; McGeer, 1991, p. 131, 138; McGeer, 1995, p. 79; Trombley, 1997, p. 261–264].

Если рассмотреть данный список источников трактата Урана, то он выглядит так:

- 1) «Тактическое искусство» Арриана (время Адриана (117–138 гг.) – *Arr. Tact.*, 44, 3);
 - 2) «Теоретическая тактика» Элиана (время того же Адриана, как указано во введении к трактату (фактически – эпоха Траяна, 98–117 гг.), – *Ael. Tact.*, прооет., 1); обе работы по жанру – тактики – описание организации и маневров войск¹⁸;
 - 3) Пелопс (?);
 - 4) «Стратегемы» Полиэна (обращены к императорам Марку Аврелию и Луцию Веру (161 г.) – *Polyaen. Strat.*, прооет., 1); по жанру – стратегемы – военные хитрости;
 - 5) «Стратегикос» Оносандра (обращена к Кв. Веранию Непоту, консулу 49 г. н. э., – *Onos.*, прооет., 1); по жанру – стратегика – наставление военачальникам;
 - 6) Алкивиад (?);
 - 7) Артаксеркс (военное сочинение, написанное для первого сасанидского царя Ардашира I, 224–240 гг.), по жанру – стратегика;
 - 8) компендий Сириана Магистра (VI–IX вв.), не сохранившийся полностью, но реконструированный по кускам; по жанру – стратегика;
 - 9) Ганнибал;
 - 10) моралист Плутарх Херонейский (ок. 46 – ок. 125 гг.);
 - 11) Александр (?);
 - 12) историк Диодор Сицилийский (I в. до н. э.), написавший «Историческую библиотеку» в сорока книгах;
 - 13) «Римская история» Диона Кассия (ок. 155 – после 230 гг.);
 - 14) «Всеобщая история» и / или «Тактика» Полибия (ок. 200 – ок. 120 гг. до н. э.);
 - 15) Гераклит (?);
 - 16) «Стратегикон» Маврикия (рубеж VI–VII вв.), по жанру – стратегика;
 - 17) «Стратегика» императора Никифора II Фоки (963–969 гг.), по жанру – стратегики.
- Еще известный французский текстолог Альфон Ден (1896–1964) заметил, что под именем Ганнибала имеется в виду именно великий полководец древности, который сочинял свои военные мемуары по-гречески [Dain, 1937, p. 90, n. 1]. Если приложить имеющиеся у нас данные, то список построен в определенной тематико-хронологической последовательности. Сочинение Ганнибала (№ 9) стоит между трактатами Артаксеркса (№ 7), Сириана Магистра (№ 8) и сочинениями Плутарха (№ 10) и Диодора (№ 12), т. е. между стратегиками и истори-

¹⁸ Подробнее см.: [Нефёдкин, 2010, с. 17].

ческими произведениями. Следовательно, и произведение Ганнибала могло принадлежать либо к жанру стратегик, либо к истории. Поэтому вряд ли упомянутые два письма к родосцам и афинянам можно рассматривать в качестве произведений данного жанра.

Сам Уран в нескольких пассажах своей «Тактики» рассказывает о Ганнибале на основании «Выдержек из Полиэна» (Excerpta Polyaei), восходящих к несохранившейся части шестой книги «Стратегем»: взятие города (гл. 123, 12; Excerpta Polyaei., 58, 5), погребение павшего римского полководца (гл. 127, 7; Excerpta Polyaei., 4, 9), битва при Каннах (гл. 141; Excerpta Polyaei., 19, 4), бой при Казилине (гл. 148, 2; Excerpta Polyaei., 25, 4), использование быков (гл. 164, 6; Excerpta Polyaei., 46, 10). Однако первоисточники этих сообщений за их краткостью остаются неопределенными. Скорее всего, это некие исторические сочинения, а не сочинение собственно Ганнибала.

Судя по тому, что Элиан в «Тактической теории» и следующий за ним в «Тактическом искусстве» Арриан не называют среди своих основных источников какую-либо работу Ганнибала (Ael. Tact., 1, 2; Arr. Tact., 1, 1), то последний был автором не тактики, а работы другого жанра. Нам, по крайней мере, известно, что даже в изгнании Ганнибал не чуждался греческой военной теории. В 195 г. до н. э., прослушав в Эфесе лекцию схолаха перипатетической философской школы Формиона, посвященную обязанностям полководца и вообще военному делу (*de imperatoris officio et de omni re militari*) и продлившуюся несколько часов, Ганнибал охарактеризовал оратора как сумасшедшего старика (Cicero. *De orat.*, II, 75–76). Главной же мыслью этой лекции было заявление о том, что «только мудрость присуща полководцу» (Stob. *Anthol.*, IV, 13, 58) [Brink, 1941, Sp. 540]. Вероятно, с этой идеей в первую очередь и не смог согласиться Ганнибал.

Естественно, Ганнибал разбирался в военной теории эллинистической эпохи и вполне мог в изгнании в пику таким теоретикам сочинить некий трактат или даже некое письмо на военную тему. На выбор сюжета могла повлиять и деятельность самого полководца в изгнании, его интересы и проблемы, стоящие перед ним в то время.

После прибытия к селевкидскому царю Антиоху III в Эфес в 195 г. до н. э. Ганнибал стал военным советником монарха и перед Сирийской войной выдвигал широкие стратегические планы (Nep., 23, 8, 3; Arr. *Syr.*, 2, 7–9; 3, 13–14). В 190 г. до н. э. он был навархом в сироккилийском флоте Антиоха, который потерпел поражение от родосцев у Сиды в Памфилии (Nep., 23, 8, 4; Liv., XXXVII, 23–24; Arr. *Syr.*, 5, 22; 6, 28; Flor., II, 8, 12= I, 24, 12). Позднее Ганнибал перебирается в Армению, где руководит возведением города Артаксаты в верхнем течении Аракса (Strab., XI, 14, 6; Plut. *Lucul.*, 31, 3–4). Затем полководец перебрался в Вифинию и во время Первой вифинской войны (186–183 гг. до н. э.) руководил флотом царя Пруссия I, разбив с помощью стратегемы пергамский флот во главе с царем Эвменом II (184 г. до н. э.) (Nep., 23, 10–11; Front. *Strat.*, IV, 7, 10; Just., XXXII, 4, 6–7). Участвовал он и в строительстве новой столицы государства Прусы Олимпийской (Plin. *Nat. hist.*, V, (43), 148).

Выводы

В изгнании интересы Ганнибала продолжали концентрироваться на стратегическом планировании кампаний, а также на морском военном деле и на градостроительстве. Скорее всего, сочинение Ганнибала, упомянутое Никифором, затрагивало какой-то из данных сюжетов. По жанру это могла быть и обычная для опытного полководца стратегика, и навмахия, и даже полиоркетика или рассмотрение фортификационных проблем. Все данные темы присутствуют и в «Тактике» Никифора Урана¹⁹, который и использовал это сочинение пунийца. Поскольку ясно, что у пожилого Ганнибала в изгнании не было достаточно времени для составления обширного труда, то, скорее всего, это было довольно короткое сочинение, может быть, даже в форме письма. А поскольку в схолии к введению «Тактики» Льва VI (886–912 гг.), где указа-

¹⁹ Стратегика – *passim*; война на море – гл. 119–123; полиоркетика и антиполоркетика – гл. 170–171 [Dain, 1937, p. 19–37].

ны восемь источников этой работы, семь из которых совпадают со списком Урана, не упоминается имя Ганнибала [Dennis, 2010, p. 6, ll. 56–57], то явно сочинение пунийца не было сколько-нибудь распространено в то время, тем более что оно более нигде не упоминается. Сам же Уран вполне мог познакомиться с этим редким произведением Ганнибала, когда он был секретарем императора Василия II Болгаробойцы (976–1025 гг.) в Константинополе и мог пользоваться государственными книгохранилищами (ранее 980–997 гг.).

Список литературы

- Габелко О.А. 2005: История Вифинского царства. (Studia classica). СПб., Гуманитарная академия, 576.
- Кораблев И.Ш. 1981: Ганнибал. 2-е изд. М., Наука, 359.
- Лансель С. 2002: Ганнибал. Пер. Е.В. Головиной (Жизнь замечательных людей. Вып. 821). М., Молодая гвардия, 356.
- Мохов А.С. 2011: «Хозяин Востока» магистр Никифор Уран. Уральский исторический вестник. № 3 (32), 41–49.
- Нефёдкин А.К. 2010: Античные тактики и «Тактическое искусство» Флавия Арриана. Арриан. Тактическое искусство. Пер. А.К. Нефёдкин. (Fontes scripti antiqui). СПб., Факультет филологии и искусств СПбГУ; Нестор-История, 17–29.
- Перевалов С.М. 2010: Тактические трактаты Флавия Арриана: Тактическое искусство; Диспозиция против аланов (Древнейшие источники по истории Восточной Европы). М., Памятники исторической мысли, 384.
- Циркин Ю.Б. 1987: Карфаген и его культура (Культура народов Востока: Материалы и исследования). М., Наука, 285.
- Brink K.O. 1941: Phormion. 8. Pauly's Real-Encyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft. Hbbd. 39, Sp. 540.
- Dain A. 1937: La «Tactique» de Nicéphore Ouranos. Paris, Les Belles Lettres, 148.
- Darrouzès J. 1960: Épistoliers byzantins du Xe siècle. Paris, Institut français d'études byzantines, 430.
- Dennis G. (ed.). 2010: The Taktika of Leo VI. Text, Translation, and Commentary by G. Dennis. Washington: Dumbarton Oaks, 690.
- Freckeisen A. 1893. Cornelii Nepotis vitae. Post C. Halmium recognovit A. Fleckeisen. Lipsiae, B.G. Teubnerus, 118.
- Köchly H., Rüstow W. 1855. Griechische Kriegsschriftsteller. Tl. II. Abt. 1–2. Leipzig, W. Engelmann, 554.
- Lang C. 1885. Flavii Vegeti Renati epitoma rei militaris. Lipsiae, B.G. Teubnerus, 256.
- Macleod V.D. 1925. Lucian. Dialogi mortuorum. In: Lucian. Vol. VII. Cambridge (Mass.), Cambridge University Press, 2–174.
- McGeer E. 1991: Tradition and Reality in the «Taktika» of Nikephoros Ouranos. Dumbarton Oaks Papers. Vol. 45, 129–140.
- McGeer E. 1995: Sowing the Dragon's Teeth: Byzantine Warfare in the Tenth Century. (Dumbarton Oaks Studies. 33). Washington, Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 405.
- Melber I. 1887. Excerpta Polyaei. In: Woelfflin (ed). Polyaei strategematon libri octo. Lipsiae, B.G. Teubnerus, 427–504.
- Mendelssohn L. 1912. Hannibalic War. In: Appian's Roman History. Vol. I. London, W. Heinemann; Cambridge, Harvard University Press, 303–400.
- Trombley F. 1997: The Taktika of Nikephoros Ouranos and Military Encyclopaedism. In: P. Binkley (ed.). Pre-Modern Encyclopaedic Texts: Proceedings of the Second COMERS Congress, Groningen, 1–4 July 1996. Leiden, Brill, 261–274.
- Viereck P., Roos A.G., Gabba E. 1962. Appiani Syriaca. In: Appiani historia Romana. Vol. I. Lipsiae, B.G. Teubnerus, 352–418.

References

- Gabelko O.A. 2005: Istoriya Vifinskogo carstva [History of Bythinian kingdom] (Studia classica). St. Peterburg, Gumanitarnaya akademiya, 576.
- Korablev I.S. 1981: Gannibal [Hannibal]. Moskva, Nauka, 359.

- Lansel' S. 2002: Gannibal [Hannibal]. Per. E.V. Golovinoj (Zhizn' zamechatel'nyh lyudej. Vyp. 821). M., Molodaya gvardiya, 356.
- Mokhov A.S. 2011: «Hozyain Vostoka» magistr Nikifor Uran [«Master of Orient»: Magister Niciphorus Uranus]. Ural'skij istoricheskij vestnik, № 3 (32), 41–49.
- Nefyodkin A.K. 2010: Antichnye taktiki i «Takticheskoe iskusstvo» Flaviya Arriana [Ancient Tactics and «Art of Tactics» by Flavius Arrianus]. In: Arrian. Takticheskoe iskusstvo. Per. A.K. Nefyodkin (Fontes scripti antiqui). St. Peterburg, Fakul'tet filologii i iskusstv SPbGU; Nestor-Istoriya, 17–29.
- Perevalov S.M. 2010: Takticheskie traktaty Flaviya Arriana: Takticheskoe iskusstvo; Dispoziciya protiv alanov [Tactical Treatises by Flavius Arrianus]. Drevnejshie istochniki po istorii Vostochnoj Evropy. Moskva, Pamyatniki istoricheskoy mysli, 384.
- Tsirkin Yu.B. 1987: Karfagen i ego kul'tura (Kul'tura narodov Vostoka: Materialy i issledovaniya) [Carthage and its culture (Culture of the peoples of the East: Materials and research)]. M., Nauka, 285.
- Brink K.O. 1941: Phormion. 8. Pauly's Real-Encyclopädie der klassischen Altertumwissenschaft. Hbbd. 39, Sp. 540.
- Dain A. 1937: La «Tactique» de Nicéphore Ouranos. Paris, Les Belles Lettres, 148.
- Darrouzès J. 1960: Épistoliers byzantins du Xe siècle. Paris, Institut français d'études byzantines, 430.
- Dennis G. (ed.). 2010: The Taktika of Leo VI. Text, Translation, and Commentary by G. Dennis. Washington: Dumbarton Oaks, 690.
- Freckeisen A. 1893. Cornelii Nepotis vitae. Post C. Halmium recognovit A. Fleckeisen. Lipsiae, B.G. Teubnerus, 118.
- Köchly H., Rüstow W. 1855. Griechische Kriegsschriftsteller. Tl. II. Abt. 1–2. Leipzig, W. Engelmann, 554.
- Lang C. 1885. Flavii Vegeti Renati epitoma rei militaris. Lipsiae, B.G. Teubnerus, 256.
- Macleod V.D. 1925. Lucian. Dialogi mortuorum. In: Lucian. Vol. VII. Cambridge (Mass.), Cambridge University Press, 2–174.
- McGeer E. 1991: Tradition and Reality in the «Taktika» of Nikephoros Ouranos. Dumbarton Oaks Papers. Vol. 45, 129–140.
- McGeer E. 1995: Sowing the Dragon's Teeth: Byzantine Warfare in the Tenth Century. (Dumbarton Oaks Studies. 33). Washington, Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 405.
- Melber I. 1887. Excerpta Polyaei. In: Woelfflin (ed). Polyaei strategematon libri octo. Lipsiae, B.G. Teubnerus, 427–504.
- Mendelssohn L. 1912. Hannibalic War. In: Appian's Roman History. Vol. I. London, W. Heinemann; Cambridge, Harvard University Press, 303–400.
- Trombley F. 1997: The Taktika of Nikephoros Ouranos and Military Encyclopaedism. In: P. Binkley (ed.). Pre-Modern Encyclopaedic Texts: Proceedings of the Second COMERS Congress, Groningen, 1–4 July 1996. Leiden, Brill, 261–274.
- Viereck P., Roos A.G., Gabba E. 1962. Appiani Syriaca. In: Appiani historia Romana. Vol. I. Lipsiae, B.G. Teubnerus, 352–418.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Нефедкин Александр Константинович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, НИЛ исторической антропологии НИУ «БелГУ», г. Белгород, научный редактор, журнал Para Bellum, г. Санкт-Петербург, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexander K. Nefedkin, Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher of Research Laboratory of Historical Anthropology, Belgorod National Research University, Belgorod, science editor of Para Bellum journal, St. Petersburg, Russia

УДК 94(395.2)

DOI 10.52575/2687-0967-2022-49-1-57-63

Тенденции развития зеркал и металлических украшений в контексте этнополитической истории Кубани римского периода

Кононов В.Ю.

ООО «Крымский региональный центр археологических исследований»,
2095017, Респ. Крым, г. Симферополь, ул. Фрунзе, д. 15 Г
E-mail: kononov1978@mail.ru

Аннотация. В статье исследуется проблема развития зеркал и украшений в сармато-меотских погребениях на Кубани в римский период. Показана связь между эволюцией украшений и историческим, а также этнополитическим развитием Кубани. Проанализированы особенности формы, строения и материала зеркал, браслетов, височных колец, серег, перстней, гривен и других украшений у сарматов и меотов в римский период. Грунтовые погребальные захоронения преобладали над подкурганными, но в то же время захоронения в курганах зачастую продолжали быть более богатыми как захоронения социальной верхушки племен на Кубани. Установлена связь украшений с социально-политическим развитием региона. Рассмотрены основные тенденции социально-политического устройства и определены связи с Боспорским государством и другими племенами. Выявлены причины гибели сарматских и меотских поселений в III веке.

Ключевые слова: меоты, сарматы, Прикубанье, поздняя античность, Боспор, украшения

Для цитирования: Кононов В.Ю. 2022. Тенденции развития зеркал и металлических украшений в контексте этнополитической истории Кубани римского периода. *Via in tempore. История. Политология.* 49 (1): 57–63. DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-1-57-63

Development trends of mirrors and metal decorations in the context of the ethno-political history of Kuban in the Roman period

Valery Yu. Kononov

LLC «Crimean Regional Center for Archaeological Research»,
15 G Frunze St., Simferopol 2095017, Resp. of Crimea
E-mail: kononov1978@mail.ru

Annotation. The article examines the problem of the development of mirrors and decorations in the Sarmatian-Meotian burials in the Kuban in the Roman period. The connection between the evolution of jewelry and the historical, as well as ethno-political development of the Kuban is shown. The features of the shape, structure and material of mirrors, bracelets, temple rings, earrings, finger rings, torcs and other adornments of the Sarmatians and Meots in Roman period are analyzed. Meotian ground burial burials prevailed over the Sarmatian burial mounds, but at the same time, the Sarmatian burials continued to be richer, like the burials of the social elite of the tribes in the Kuban. Their connection with the socio-political development of the region has been established. The main tendencies of the socio-political structure are considered and the links with the Bosphorus state and other tribes are determined. The reasons for the death of Sarmatian and Meotian settlements in the 3rd century are revealed.

Keywords: Meots, Sarmatians, Kuban region, Late Antiquity, Bosphorus, decorations, mirrors

For citation: Kononov V.Yu. 2022. Development trends of mirrors and metal decorations in the context of the Ethno-political history of Kuban in the roman period. *Via in tempore. History and political science.* 49 (1): 57–63 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-1-57-63

Введение

Изучение зеркал и металлических украшений является необходимым звеном реконструкции этнокультурной и этнополитической истории племен Кубани. В соответствии с типологическими и хронологическими схемами прослеживается эволюция форм зеркал и металлических украшений, в которой можно выделить несколько периодов. Выделяемые на основе археологического материала периоды отличаются не только сменой форм зеркал и украшений, но и конкретным историческим содержанием.

Одним из важнейших является римский период (I–III вв.), в который происходит резкая смена этнополитической обстановки на Кубани, вытеснение сармато-меотских племен новыми переселенцами, в частности готами.

На основании этого наиболее целесообразным является рассмотрение особенностей изучаемых категорий вещей в римское время в свете этнополитической истории племен Кубани, так как это позволит выявить причины смены моды и замены одних типов вещей на другие, а также определить характерные для этого периода наборы украшений и их сочетание с зеркалами.

Результаты и их обсуждение

Римский период I–III вв. характеризуется складыванием общих для проживавших на Кубани племён меотов и сарматов типов зеркал и украшений.

Анализ зеркал и украшений из сарматских курганов Закубанья и меотских грунтовых могильников этого времени позволяет говорить о синкретичности культуры, в которой в равной степени представлены как меотские, так и сарматские элементы. Это, по мнению И.И. Марченко, свидетельствует об образовании новой этнической общности на основе меотских и сарматских племен, входивших в сиракский союз, характеризующейся не только синкретичностью материальной и духовной культуры, но и общностью территории проживания и принадлежности к одному культурно-хозяйственному типу [Марченко, 1996, с. 135]. Процессы межэтнической интеграции нашли свое отражение и в материальной культуре.

Различные типы зеркал, существовавшие в меотских и сарматских памятниках Кубани на предыдущих этапах [Скрипкин, 1990, с. 92], сменяются на один тип – зеркал-подвесок с боковой ручкой [Бобринский, 1901, с. 68–73; Хазанов, 1963, с. 58–67]. Исключением, пожалуй, являются простые кованые зеркала и литые зеркала с ручкой-штырем и валиком, украшенным углубленными фасетками, однако и они исчезают из погребальных памятников к концу I в. н. э. [Онайко, 1966, с. 18–33; Абрамова, 1971, с. 121–132].

Господство одного типа, отличающегося разнообразием вариантов (выделяется 4 варианта), не сказалось на общем количестве зеркал этого периода – они составляют 41 % от общего числа учтенных.

При анализе встречаемости зеркал и украшений, бытовавших в этот период, нами изучено 34 комплекса (8 сарматских и 26 меотских), содержащих зеркала, которые сочетаются:

* зеркало + гривна – 2 комплекса (6 %), столь низкий процент объясняется тем, что зеркала преимущественно встречаются в женских погребениях, а гривны этого периода, как правило, происходят из мужских погребений воинов-всадников;

* зеркало + браслет – 12 комплексов (35 %);

* зеркало + серьги – 13 комплексов (38 %);

*зеркало + перстень (кольцо) – 11 комплексов (32 %).

В I–III вв. отмечается дальнейшее увеличение количества форм браслетов в меото-сарматской среде, начавшееся в конце предыдущего периода [Эрлих, 2007, с. 157–158]. Браслеты, бытовавшие в это время в меото-сарматских памятниках, составляют 30 % и представлены следующими типами:

– проволочные с вертикально обрубленными концами, появившиеся в памятниках предшествующего периода и просуществовавшие до конца II в.;

– проволочные с расширенными концами;

- проволочные с заостренными концами;
- проволочные с шпильками на концах;
- с перевитыми концами;
- проволочные с заостренными расплюснутыми концами;
- с лопаточковидными концами: этот тип браслетов широко известен в грунтовых погребениях рядового населения меотских городищ, а в подкурганых сарматских погребениях I – начала III вв. не встречен;

Необходимо также отметить существование преимущественно в сарматских памятниках золотых браслетов с фигурными концами, которые датируются I в. до н. э. – I в. н. э. или первой половиной I в. н. э., и, по всей видимости, продолжающих традиции одаривания сарматских вождей претендентами на боспорский престол, что было характерно и для предыдущего периода. Так, их появление в сарматской среде можно связать с приходом к власти на Боспоре царя Аспурга (8–38 гг.), имевшего, по мнению ряда исследователей, местные (сарматские) корни [Гайдукевич, 1949, с. 324; Марченко, 1996, с. 130].

При анализе взаимовстречаемости зеркал и украшений, бытовавших в этот период, нами изучено 33 комплекса (7 сарматских и 26 меотских), содержащих браслеты, которые сочетаются:

- * браслет + зеркало – 10 комплексов (30 %);
- * браслет + гривна – 4 комплекса (13 %);
- * браслет + серьги – 11 комплексов (33 %);
- * браслет + перстень – 11 комплексов (33 %)

При этом были выявлены следующие количественные характеристики браслетов по комплексам: по одному в 29 комплексах (87 %), по два – в 4 комплексах (13 %).

В меото-сарматской среде широко распространяются простые формы серег – колечки с заостренными концами, наиболее ранние экземпляры которых появились в предыдущий период [Левашева, 1967, с. 13]. С начала I в. н. э. появляются серьги, один конец которых заострен, другой служил замочком и был оформлен либо как петелька, либо как спиралька.

Наряду с простыми формами серег в это время существуют и более сложные – в виде конусов с высокой, округло изогнутой дужкой, свернутых из проволоки; узкой пластинки и серег с полусферической подвеской, украшенной шариками зерни [Петренко, 1978, с. 21–40]. Серьги этого периода составляют 38 % от общего числа учтенных.

При анализе взаимовстречаемости зеркал и украшений, бытовавших в этот период, нами изучен 41 комплекс (3 сарматских и 38 меотских) с серьгами, которые сочетаются:

- * серьги + зеркало – 13 комплексов (31 %);
- * серьги + гривна – 1 комплекс (3 %);
- * серьги + браслет – 11 комплексов (28 %);
- * серьги + перстень (кольцо) – 15 комплексов (36 %).

При этом были выявлены следующие количественные характеристики серег по комплексам: по одной в 19 комплексах (46 %), по две – в 20 комплексах (48 %), по три – в 2 комплексах (6 %).

В погребальных памятниках Кубани I – начала III вв. по сравнению с предыдущими периодами отмечается всплеск в распространении перстней и колец – на этот отрезок времени приходится 71 % (от общего числа учтенных), что объясняется изменением политической обстановки в Прикубанье: во-первых, с приходом к власти на Боспоре царя Аспурга происходит восстановление отношений варварских племен с Азиатским Боспором, выразившееся в резком увеличении импортов в грунтовых могильниках, начиная с рубежа н. э. [Марченко, 1996, с. 130]; во-вторых, с установлением господства аланского союза племен в южнорусских степях во 2-й пол. I в. н. э. складывается спокойная политическая обстановка, способствовавшая налаживанию торговых и культурных связей на обширной территории.

Перстни и кольца этого периода представлены следующими формами:

- простые проволочные колечки в один или несколько оборотов;

- колечки с валиком на внешней поверхности;
- проволочные колечки с перевитыми концами или оформленными в виде петельки;
- широкие пластинчатые колечки;
- перстни с витым щитком;
- перстни с полусферической вставкой из цветного стекла;
- перстни со щитком в виде шарика;
- литые перстни с округлым щитком и каменной вставкой с гравированным рисунком.

При анализе взаимовстречаемости зеркал и украшений, бытовавших в этот период, нами изучено 34 комплекса (3 сарматских и 31 меотский) с перстнями и кольцами, которые сочетаются:

- * перстень (кольцо) + зеркало – 11 комплексов (32 %);
- * перстень (кольцо) + браслет – 11 комплексов (32 %);
- * перстень (кольцо) + гривна – 1 комплекс (2 %);
- * перстень (кольцо) + серьги – 15 комплексов (44 %).

При этом были выявлены следующие количественные характеристики перстней и колец по комплексам: по одному в 28 комплексах (82 %), по два – в 5 комплексах (15 %), по три – в 1 комплексе (3 %).

Для этого этапа характерно завершение формирования как в меотской, так и в сарматской среде профессиональных воинов-всадников. Данный факт нашел свое отражение в появлении курганов «Золотого кладбища», и прослойки катафрактариив в меотском обществе. Их погребения, в отличие от погребений рядовых общинников, выделяются богатством инвентаря. Большинство умерших были похоронены с дорогими украшениями – гривнами, браслетами, перстнями. В курганах «Золотого кладбища» эти различия прослеживаются наиболее четко, что указывает на принадлежность к определенной социальной прослойке, выходцев из знатных родов, составляющих военную аристократию, которая, как сообщают античные авторы, вербовались из представителей верхушки общества (Tacitus, *Historia*²⁰. I. 79; Justinus, *Trogi Pompei Historiarum Philippicarum epitoma*²¹. XII. 2, 3, XXII. 5, 83). Однако этот факт нельзя понимать буквально, так как катафрактарии насчитывали значительное количество воинов, и все они не могли состоять исключительно из аристократии.

Вероятно, состав войска был неоднороден. Оно могло состоять не только из сарматской аристократии, но и из дружинников, завербованных в меотской среде. Данный факт подтверждается существованием на меотских грунтовых могильниках (у хутора Городского, городища Спорное и др.) первых веков н. э. погребений воинов-всадников.

Отличительной категорией украшений этой социальной группы становятся гривны, которые, как особое украшение, наглядно указывают на принадлежность к данной прослойке общества [Фехнер, 1967, с. 55; Петренко, 1978, с. 41; Козенкова, 1982, с. 46]. Причем для катафрактариив, чьи погребения обнаружены на грунтовых могильниках, характерны более простые формы гривен, зачастую изготовленные из серебра или бронзы, что, скорее всего, говорит о более низком положении этой части всадников в военно-политическом объединении.

Гривны этого периода составляют 46 % от общего числа учтенных и представлены простыми формами, отличающиеся оформлением концов и моделировкой поверхности:

- простые проволочные с вертикально обрубленными или слегка расширенными концами;
- проволочные с концами крючочками;
- проволочные с гладкой или витой поверхностью с концами в виде петли и крючочка;
- проволочные с гладкой или витой поверхностью, состоящие из двух половинок, оканчивающихся петельками;

²⁰ Tacitus, *Historia* – Тацит, «История».

²¹ Justinus, *Trogi Pompei Historiarum Philippicarum epitoma* – Юстин, «Епитома истории Филиппа Помпея Трога».

– пластинчатые с отверстиями на концах для нашивания на кожаную основу.

При анализе взаимовстречаемости зеркал и украшений, бытовавших в этот период, нами изучено 9 комплексов (2 сарматских и 7 меотских) с гривнами, которые сочетаются в 2 комплексах с зеркалами (22 %), в 5 – с браслетами (55 %), в 2 – с серьгами (22 %), в 1 – с перстнем (1 %).

При этом практически во всех комплексах гривны представлены единичными экземплярами, за исключением погребения у хутора Городского (комплекс № 32), где встречены два экземпляра, один был надет на шею погребенного, другой лежал на тазе.

«Золотое кладбище», как и большинство меотских могильников и городищ, прекращает свое существование к началу III в. [Гущина, Засецкая, 1994]. Объяснение этому можно найти в исторических событиях, происходивших в Северном Причерноморье и на Северо-Западном Кавказе. Так, по мнению И.С. Каменецкого, гибель меотских городищ связана с агрессивными действиями готов [Каменецкий, 1989, с. 240]. Н.Е. Берлизов связывает прекращение существования меотской культуры и отток сарматов из Прикубанья с карательной экспедицией Савромата II Боспорского в 193 г. [Берлизов, 1999, с. 11]. Прекращение функционирования «Золотого кладбища», по мнению И.И. Гущиной и И.П. Засецкой, связано с изменением политики Рима в Северном Причерноморье, вызванной борьбой с варварами на дунайских границах, в результате чего военное объединение, созданное Римом на Кубани, на которое он опирался в своей политике на северо-востоке, распалось, лишившись содержания [Гущина, Засецкая, 1992, с. 65].

Выводы

Таким образом, римский период I–III вв. на Кубани характеризуется смешением сарматской военной знати и меотского населения, что нашло отражение в общности погребального инвентаря, а именно зеркал и украшений, в сарматских и меотских захоронениях этого времени. Происходит синкретизм и унификация обеих культур. В это время также восстанавливаются связи с Боспором, что отражается в обилии и усложнении формы зеркал и украшений (браслеты, серьги, перстни, кольца) в захоронениях. Меотские грунтовые погребальные захоронения преобладали над сарматскими курганными, но в то же время сарматские продолжали быть более богатыми как захоронения социальной верхушки племен на Кубани. В это время браслеты становятся более разнообразными и сложными по форме по сравнению с предыдущими периодами, что могло указывать на их происхождение из боспорских ремесленных мастерских; кроме того, в погребениях увеличивается количество серёг, перстней и колец, также показывающее боспорско-кубанские экономические связи, а также связи с другими племенами, в частности Северного Кавказа, и формирование аланского союза племён. Браслеты также могли быть частью обменных даров между боспорскими царями и сарматскими вождями, указывая на усиление военных союзов. Новым явлением римского периода стало появление в меотских захоронениях военного инвентаря и гривен, указывающее на привлечение меотского населения на военную службу и повышение в социальной иерархии, также отражающие унификационные тенденции – среди меотов выделяется особая прослойка конников-катафрактариев.

В III в. в связи со сложной социально-политической обстановкой Рим отводит свои военные силы на Дунай, фактически оставляя своих союзников в Крыму и Прикубанье один на один с готской угрозой. Это приводит к уничтожению меотских городищ на Кубани, а также оттоком сарматских племён из региона. Гибель поселений также могла быть связана с войнами с Боспором.

Список литературы

Абрамова М.П. 1971. Зеркала горных районов Северного Кавказа в первые века нашей эры. В: История и культура Восточной Европы по археологическим данным. М., Советская Россия: 121–132.

- Берлизов Н.Е. 1999. О периодизации меотской культуры Прикубанья. Региональные исследования по отечественной истории и культуре. Вып. 1. Краснодар: 3–17.
- Бобринский А.А. 1901. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы. В 3 т. Т. III. СПб., тип. М.М. Стасюлевича, 174.
- Веселовский Н.И. 1905. Курганы Кубанской области в период римского владычества на северном Кавказе. Труды XII Археологического съезда в Харькове в 1902 году. Т. 1. М.: 341–373.
- Гайдукевич В.Ф. 1949. Боспорское царство. М.-Л., Изд-во АН СССР, 592.
- Гущина И.И., Засецкая И.П. 1992. К вопросу о хронологии и происхождении «Золотого кладбища» в Прикубанье. Проблемы хронологии сарматской культуры. Саратов, СГУ: 45–67.
- Гущина И.И., Засецкая И.П. 1994. «Золотое кладбище» римской эпохи в Прикубанье. СПб., Фарн, 172.
- Каменецкий И.С. 1989. Меоты и другие племена Северо-Западного Кавказа в VII веке до н. э. – III век н. э. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., Наука: 224–252.
- Козенкова В.И. 1982. Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры (восточный вариант). В: Свод археологических источников. Вып. В 2–5. М., Наука, 177.
- Левашова В.П. 1967. Височные кольца. Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. Труды Государственного исторического музея. Вып. 43, М.: 7–55.
- Марченко И.И. 1996. Сираки Кубани. Краснодар, Кубанский государственный университет, 336.
- Недошивина Н.Г. 1967. Перстни. Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. Труды Государственного исторического музея. Вып. 43. М.: 253–275.
- Онайко Н.А. 1966. Античный импорт в Приднепровье и Побужье в VII–V веках до н. э. Свод археологических источников. Вып. Д 1–27. М., Наука, 117.
- Петренко В.Г. 1978. Украшения Скифии VII–III веков до н. э. Свод археологических источников. Вып. Д 4–5. М., Наука, 144.
- Скрипкин А.С. 1990. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов, Саратовский государственный университет, 303.
- Фехнер М.В. 1967. Шейные гривны. В: Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. Труды Государственного исторического музея. Вып. 43. М.: 55–88.
- Хазанов А.М. 1963. Генезис сарматских бронзовых зеркал. Советская археология. № 4: 58–71.
- Эрлих В.Р. 2007. Северо-Западный Кавказ в начале железного века: протомеотская группа памятников. М., Наука, 430.
- Jeep Ju. (ed.). 1859. Iustinus. Trogi Pompei Historiarum Philippicarum epitoma. Lipsiae, in Aedibus V.G. Teubneri, 494.
- Simcox W.H. (ed.). 1875. Cornelii Taciti Historiae. The History of Tacitus. Books I, II. London, Rivingstons, 300.

References

- Abramova M.P. 1971. Zerkala gornyh rajonov Severnogo Kavkaza v pervye veka nashej ery [Mirrors of the mountainous regions of the North Caucasus in the first centuries of our era]. Istorija i kul'tura Vostochnoj Evropy po arheologicheskim dannym [History and culture of Eastern Europe according to archaeological data]. Moscow, Sovetskaya Rossiya: 121–132 (in Russian).
- Berlizov N.E. 1999. O periodizacii meotskoj kul'tury Prikuban'ja [On the periodization of the Meotian culture of Kubanian region]. Regional'nye issledovaniya po otechestvennoj istorii i kul'ture [Regional Studies in Russian History and Culture]. Issue 1. Krasnodar: 3–17 (in Russian).
- Bobrinskij A.A. 1901. Kurgany i sluchajnye arheologicheskie nahodki bliz mestechka Smely [Mounds and random archaeological finds near the town of Smela]. In 3 t. T. III. St. Petersburg, tip. M.M. Stasyulevicha, 174 (in Russian).
- Erlih V.R. 2007. Severo-Zapadnyj Kavkaz v nachale zheleznoego veka: protomeotskaya gruppa pamjatnikov [Northwestern Caucasus at the beginning of the Iron Age: Protomeotic group of monuments]. Moscow, Nauka, 430 (in Russian).
- Fekhner M.V. 1967. Shejnye grivny [Neck torcs]. Ocherki po istorii russkoj derevni X–XIII vv. Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya [Essays on the history of the Russian village of the 10–13 centuries. Proceedings of the State Historical Museum]. Issue 43. Moscow: 55–88.
- Gajdukevich V.F. 1949. Bosporskoe carstvo [Bosporus Empire]. Moscow-Leningrad, Izd-vo AN SSSR, 592 (in Russian).

- Gushchina I.I., Zaseckaya I.P. 1992. K voprosu o hronologii i proiskhozhdenii «Zolotogo kladbishcha» v Prikuban'e [On the question of the chronology and origin of the «Golden Cemetery» in Kubanian region]. Problemy hronologii sarmatskoj kul'tury [Problems of the chronology of the Sarmatian culture]. Saratov, Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta: 45–67 (in Russian).
- Gushchina I.I., Zaseckaya I.P. 1994. «Zolotoe kladbishche» rimskoj epohi v Prikuban'e [«Golden cemetery» of the Roman era in the Kubanian region]. St. Petersburg, Farn, 172 (in Russian).
- Hazanov A.M. 1963. Genezis sarmatskih bronzovyh zerkal [Genesis of Sarmatian bronze mirrors]. Sovetskaya arheologiya [Soviet archeology]. № 4: 58–71 (in Russian).
- Ieep Iu. (ed.). 1859. Iustinus. Trogi Pompei Historiarum Philippicarum epitoma. Lipsiae, in Aedibus B.G. Teubneri, 494.
- Kameneckij I.S. 1989. Meoty i drugie plemena Severo-Zapadnogo Kavkaza v VII veke do n. e. – III vek n. e. [Meots and other tribes of the Northwestern Caucasus in the 7 century B. C. – 3 century A. D.]. Stepi evropejskoj chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremya [Steppes of the European part of the USSR in the Scythian-Sarmatian time]. Moscow, Nauka: 224–252 (in Russian).
- Kozenkova V.I. 1982. Tipologiya i hronologicheskaya klassifikaciya predmetov kobanskoj kul'tury (vostochnyj variant) [Typology and chronological classification of objects of Koban culture (oriental version)]. Svod arheologicheskikh istochnikov [Collection of archaeological sources]. Issue B 2–5. Moscow, Nauka, 177 (in Russian).
- Levashova V.P. 1967. Visochnye kol'ca [Temple rings]. Oчерки po istorii russkoj derevni X–XIII vv. Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya [Essays on the history of the Russian village of the 10–13 centuries. Proceedings of the State Historical Museum]. Issue 43, Moscow: 7–55 (in Russian).
- Marchenko I.I. 1996. Siraki Kubani [Siraks of Kuban]. Krasnodar, Kubanskij gosudarstvennyj universitet, 336 (in Russian).
- Nedoshivina N.G. 1967. Perstni [Finger rings]. Oчерки po istorii russkoj derevni X–XIII vv. Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya [Essays on the history of the Russian village of the 10–13 centuries. Proceedings of the State Historical Museum]. Issue 43. M.: 253–275 (in Russian).
- Onajko N.A. 1966. Antichnyj import v Pridneprov'e i Pobuzh'e v VII–V vekah do n. e. [Antique imports to the Dnieper and Bug region in the 7–5 centuries B. C.] Svod arheologicheskikh istochnikov [Collection of archaeological sources]. Issue D 1–27. Moscow, Nauka, 117 (in Russian).
- Petrenko V.G. 1978. Ukrasheniya Skifii VII–III vekov do n. e. [Decorations of Scythia 7–3 centuries BC]. Svod arheologicheskikh istochnikov [Collection of archaeological sources]. Issue D 4–5. Moscow, Nauka, 144 (in Russian).
- Simcox W.H. (ed.). 1875. Cornelii Taciti Historiae. The History of Tacitus. Books I, II. London, Rivingstons, 300.
- Skripkin A.S. 1990. Aziatskaya Sarmatiya. Problemy hronologii i ee istoricheskij aspekt [Asian Sarmatia. Problems of chronology and its historical aspect]. Saratov, Saratovskij gosudarstvennyj universitet, 303 (in Russian).
- Veselovskij N.I. 1905. Kurgany Kubanskoj oblasti v period rimskogo vladychestva na severnom Kavkaze [Mounds of the Kuban region during the period of Roman rule in the North Caucasus]. Trudy XII Arheologicheskogo s"ezda v Har'kove v 1902 godu [Proceedings of the 12th Archaeological Congress in Kharkov in 1902]. T. 1. Moscow: 341–373 (in Russian).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Кононов Валерий Юрьевич, старший научный сотрудник, ООО «Крымский региональный центр археологических исследований», г. Симферополь, Россия

Valery Yu. Kononov, Senior Scientific Researcher of «Crimean Regional Center for Archaeological Research» Resp. of Crimea, Simferopol, Russia

УДК 504.53.052
DOI 10.52575/2687-0967-2022-49-1-64-69

«Аммоний» – последний диалог в античной традиции

Дронова Я.А.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015 г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: 803014@bsu.edu.ru

Аннотация. Статья посвящена важнейшему памятнику позднеантичной литературы – работе Захарии (Схоластика) Ритора «Аммоний». Это сочинение представляет собой полемический христианский труд, составленный в классической античной форме диалога и является крупным и серьезным произведением, написанным против неоплатоников. Со стороны газской школы было написано всего три таких полемических произведения: «Феофраст» Энея Газского, «Аммоний» Захарии (Схоластика) Ритора и фрагмент «Опровержение Прокла» известного ритора Газской школы Прокопия. В отечественной историографии данные произведения изучено слабо. Кроме того, они не опубликованы на русском языке. В своей работе мы остановимся только на анализе «Аммония» и постараемся доказать, что данный полемический труд является последним в античном стиле диалогом (конец V в.).

Ключевые слова: Ранняя Византия, Газа, «Аммоний», Захария Ритор, полемика, христианство, неоплатонизм

Для цитирования: Дронова Я.А. 2022. «Аммоний» – последний диалог в античной традиции. *Via in tempore. История. Политология.* 49 (1): 64–69. DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-1-64-69

«Ammonium» – the last dialogue in the Ancient traditon

Yana A. Dronova

Belgorod National Research University,
85 Pobedy St., Belgorod 308015, Russia
E-mail: 803014@bsu.edu.ru

Abstract. The article is devoted to the most important monument of Late Antique literature – the work of Zacharias (Scholastic) Rhetorician «Ammonius». This work is a polemical Christian work, composed in the classical ancient form of dialogue and is a large and serious work written against the neo-Platonists. On the part of the Gazan school, only three such polemical works were written: «Theophrastus» by Aeneas of Gazan, «Ammonius» by Zacharias (Scholasticus) the Rhetorician, and the fragment «refutation of Proclus» by the famous rhetorician of the Gazan school, Procopius. In Russian historiography, this work is poorly studied. In addition, these works are not published in Russian. In our work, we will focus only on the analysis of «Ammonium», and try to prove that this polemical work is the last dialogue in the ancient style. Zachariah's dialogue also demonstrates the Christian appropriation of Hellenic thought, typical of the Gaza school. Zachariah's philosophical dialogue is a work that should equally be seen as a product of the interaction of his ascetic and sophistic surroundings.

Keywords: Early Byzantium, Gaza, Ammonius, Zacharias the Rhetorician, controversy, Christianity, Neoplatonism

For citation: Dronova A.Ya. 2022. «Ammonium» – the last dialogue in the ancient traditon. *Via in tempore. History and political science.* 49 (1): 64–69 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-1-64-69

Введение

В конце V и начале VI в. школа риторики в Газе, которая была ответвлением великой Александрийской школы, достигла расцвета во главе с выдающимися христианскими учеными, получившими платоновское образование [Rappava, 1985, p. 32]. В это время из этой школы вышли два выдающихся философа: Эней, ученик Иерокла, и Захария, ученик Аммония, который провел мало времени в Газе, но был погружен в Александрийскую школу. Оба они демонстрируют типичное для школы Газы присвоение христианством эллинской мысли. Однако ни один из них не представляет аргументов в христианских терминах, а скорее каждый рассуждает, используя платонические принципы. Диалоги Энея «Феофраст» и «Аммоний» Захарии, являясь уже христианскими, по форме замыкают великую традицию платоновского диалога.

Объекты и методы исследования

Объектом нашего исследования является философский диалог Захарии (Ритора) Схоластика «Аммоний». В процессе исследования проблемы нами был использован историко-сравнительный метод, позволяющий сравнить и проанализировать литературное наследие двух авторов – «Феофраст» Энея Газского и «Аммоний» Захарии (Ритора) Схоластика. На основе сравнительного анализа мы смогли установить разницу между двумя работами как продукт их расходящихся целей. Историко-сравнительный метод позволил доказать, что «Аммоний» является в своем роде последним в античном стиле диалогом.

Результаты и их обсуждение

Философский диалог Захарии – это работа, которую в равной степени следует рассматривать как продукт взаимодействия его аскетического и софистического окружения [Champion, 2006]. Свой труд «Аммоний» или «О сотворении мира» Захария, как считают многие исследователи, почти наверняка написал под влиянием диалога Энея Газского [Positano, 1962, p. 5]. В тексте дважды встречаются цитаты «одного из мудрейших мужей» (т. е. Энея), и иногда воспроизводятся отрывки из «Феофраста», но без указания авторства.

В историографии уже было убедительно показано, что взаимодействие Захарии с «Феофрастом» Энея выходит за рамки простого восполнения пробелов. Там, где изложение Энея запутано, двусмысленно или рискует оскорбить ортодоксию, Захария, беря тот же материал, спокойно исправляет и разъясняет его. В качестве примера можно привести строки из Аммония [Amm. II, 1176–1220]. Здесь ученик «В» поднимает вопрос, почему Бог не сделал космос бессмертным с самого начала, вместо того чтобы преобразовать его в конце времени. Та же трудность возникает и в «Феофрасте» при невнятной аргументации. Эней должен объяснить, почему люди не получили бессмертие, но на самом деле он останавливается на том, как «разумные существа» пали, и они превратились в мятежников. Захария же в этом вопросе не оставляет сомнений: В Amm. I. 1198 он добавляет «то есть человеческие существа», чтобы объяснить «разумные существа» Энея (которые могли относиться либо к ангелам, либо к человеческим душам).

Вопрос, имеющий большое значение для нашего понимания истории неоплатонизма, заключается в том, насколько верно Захария излагает собственные идеи Аммония. Очевидно, что какая-то часть того, что Захария вкладывает в уста Аммония, отражает действительные взгляды философа. Основной тезис, против которого выступает Захария, это утверждение неоплатоников о том, что «Мир со-вечен Богу». Некоторые исследователи считают, что настоящий Аммоний не мог поддерживать данный тезис, а тем более защищать эту точку зрения [Chartue, 2010]. Неоплатоники в вопросе о взаимоотношении мира с Богом-творцом, ссылаясь впоследствии на Прокла, четко разграничивают понимание вечности: вневременного вечного существования божества и бесконечного продолжения мира [Verrycken, 2001, p. 241].

Этот и несколько других примеров некоторые исследователи приводят для обоснования своей точки зрения о том, что «Аммоний» здесь все же просто персонаж, а не реальная личность [Nissen, 1940, p. 15]. Однако аргументы, встречающиеся в трудах ученика Аммония Асклепия, свидетельствуют об обратном [Dillon, Russell, Gertz, 2014, p. 98].

В своем диалоге Захария сознательно вводит реально живших философов и толкует библейские отрывки, чтобы оправдать точку зрения Энея. Эдвард Уоттс убедительно объясняет разницу между работами Энея и Захарии как продукт их расходящихся целей. С одной стороны, «Феофраст» был более традиционным диалогом, который Эней мог распространять среди коллег, в том числе и в Александрии [Sorabji, 2003]. С другой стороны, работа Захарии, которая не выдерживала никакой критики в отношении изображения языческих философов, стремилась «пересмотреть динамику интеллектуальной власти в Александрийских школах», чтобы снизить влияние язычников, которые оставались еще могущественными, вероятно, потому, что он оставался в контексте с филопонами в Александрии и надеялся этим диалогом подорвать авторитет, которым еще пользовались ведущие языческие философы города [Gallicet, p. 137–167].

Некоторые исследователи предположили, что текст «Аммония» был позже пересмотрен и что диалог с Гессием был вставлен позднее, поскольку он не упоминается во введении или заключении. Хотя такая редакция не может быть исключена, предлагаемые аргументы довольно шатки [Watts, 2005, p. 453].

Обратимся к теме и структуре диалога Захарии. «Аммоний» состоит из четырех бесед: первая с Аммонием, вторая с Гессием и еще две с Аммонием. Каждая беседа начинается введением и заканчивается заключением. Аммоний начинается с буквы «А», короткого обмена мнениями между студентами-юристами в Берите, которые когда-то учились в Александрии у влиятельного неоплатоника Аммония. Затем один из студентов предлагает рассказать о серии коротких бесед, которые он имел с Аммонием и которые размышляют о ненадежности его учения о вечности мира [Amm. 357–360].

Введение в диалог [Amm. I. 6–91] содержит, подобно диалогам Платона [Minniti-Colonna, 1973, p. 46–48], предшествующий рассказ о встрече с бывшим учеником Аммония. Аммоний представлен там в начале своей карьеры: не так давно он прибыл из Афин в Александрию [Blank, 2012, p. 654]. Кроме того, Захария подчеркивает опасность, которую представляет Аммоний как язычник: он очень искусен в отвлечении молодых от Бога и истины. Замечание это весьма интересно, потому что указывает на то, что христиане вполне могли под влиянием языческого философа отойти от христианской веры. Опасность, создаваемая философией Аммония, суммируется далее в учении о вечности мира. Захария предлагает своему собеседнику пересказать ему разговор на эту тему, который он сам провел за год до этого с Аммонием [Minniti-Colonna, 1973, p. 24].

Таким образом, в первой части своей работы [Amm. I. 92–350] Захария рассказывает о споре, который, по его утверждению, имел с Аммонием. Из этого спора Захария выходит победителем, а Аммоний проигравшим. По словам Захарии, его христианские доводы убедили бы даже многих слушателей-язычников, присутствовавших на его дискуссии во время обучения у Аммония [Amm. I. 351–361].

Среди языческих учеников Аммония есть еще один, а именно Гессий, который считает, что у него есть больше аргументов для вечности мира, чем у его учителя [Amm. I. 365–366]. Вторая часть диалога [Amm. I. 351–937] повествует о якобы имевшем место на следующий день разговоре между Гессием и Захарией. Разговор на этот раз происходит в Мусее, а не в Школе. Но участь ученика вряд ли лучше, чем участь учителя: Гессий тоже (вполне предсказуемо) сокрушен аргументацией Захарии [Merlan, 1968, p. 193–203].

Нет оснований предполагать, что текст «Аммония» совершенно не историчен. Захария представляет Гессия как врача; это согласуется с тем, что мы знаем об этом интеллектуале из Дамаска [Verrycken, 2001, p. 242]. Это прекрасно иллюстрирует тот факт, что

обычному профессиональному образованию (медицине, юриспруденции, в случае Гессия и Захарии) предшествовало изучение философии.

В третьей части произведения [Amm. II. 938–1093] Захария снова беседует с самим Аммонием. На этот раз поводом для дискуссии стала лекция по этике Аристотеля [Amm. II. 1108]. Аммоний утверждал, что между Платоном и Аристотелем нет противоречия по данной теме. Данное утверждение давало Захарии возможность возразить и настоять на том, что Аристотель отвергает идеи Платона, а также не соглашается с ним в других отношениях [Obertello, 2007, p. 173–189]. Но отсюда непонятно, каким образом Аммоний возвращается к теме вечности космоса и «как ни в чем не бывало», – говорит Захария, – повторяет свое утверждение о том, что космос вечен. Захария начинает противоречить, на этот раз более резко. Аммоний хранит молчание и через некоторое время приказывает своим ученикам уйти, очевидно, боясь, что Захария убедит их, как говорит нам сам Захария. Это весьма странный пассаж. Можно предположить, что в какой-то момент Аммоний просто сказал, что время занятия закончилось, и дал всем разрешение уйти, которым многие воспользовались. Но он также сказал, что готов продолжить обсуждение с Захарией, и любой желающий может остаться. В любом случае, когда Захария продолжает, Аммоний уступает, пытается увернуться и, наконец, сдается и объявляет себя побежденным [Amm. II. 1113, 1116] [Tempelis, 1998].

Четвертая часть «Аммония» очень коротка [Amm. II. 1094–1136] и содержит дискуссию между Аммонием и Захарией о Святой Троице. В конце этого раздела Аммоний приходит к выводу, что в Троице есть три различные ипостаси, но одна сущность. Этот вывод весьма приветствуется аудиторией. Аммоний ответил на это саркастической улыбкой; он покраснел и больше ничего не сказал на эту тему.

Затем следует новая беседа между Захарием и молодым христианином [Amm. II. 1137–1524], в которой пересматривается ряд вопросов, касающихся христианского учения о сотворении и конце мира, а также о судьбе человека. Окончание этой последней части [Amm. II. 1502–1523] состоит из молитвы, обращенной к Святой Троице.

Теперь попробуем структурировать сведения, которые дает нам Захария. Что касается доводов, которые Захария приписывает Гессию, то К. Веррикен [Verriken, p. 249] считает их свидетельствами мысли Аммония. Действительно, Гессий представлен как самый важный ученик Аммония [Dillon, Russell, Gertz, 2014, p. 98]; Захария говорит о нем, что он считает себя способным внести в обсуждение вечности мира больше, чем сам Аммоний [Dillon, Russell, Gertz, 2014, p. 101]. Это означает не то, что его аргументы выходят за рамки философии Аммония, а то, что в первом обсуждении Аммоний, по мнению Захарии, не полностью исчерпал потенциал собственной философии.

Анализ «Аммония» Захарии позволяет убедиться в том, что философия Аммония – языческий неоплатонизм. Даже в том, во многих отношениях искаженном его представлении, которое дает Захария, он резко отличается от христианской философии самого автора. И, конечно, не похоже, чтобы Захария воспринимал его как что-то близкое к христианству.

Действительно, сказать, что мир вечен, для Захарии равносильно сказать, что сам мир есть Бог, а не тварь [Amm. I. 4–5]. С христианской точки зрения Аммоний согласен, что есть два Бога. Поэтому неудивительно, что Иоанн Филопон, когда в 529 г. захотел напасть на неоплатонизм своего учителя, выбрал проблему вечности мира в качестве поля битвы [Klitenic, 2013, p. 146]. Для христианства десакрализация мира необходима. Если мир вечен, то Бог не волен творить его, тогда как божественная благодать противоположна необходимости [Amm. I. 735–754]. Таким образом, учение об эманации Аммония никоим образом не представляет собой перехода к христианской философии Захарии [Merlan, 1968].

Если же некоторые историки античной философии продолжают рассматривать мысль Аммония как форму (нео-)платонизма, близкую к христианству, то они руковод-

ствуются бессознательным желанием видеть христианство логическим и неизбежным завершением истории греческой философии [Watts 2006, p. 153–164]. С такой точки зрения «Аммоний» представил бы момент, когда греческая философия максимально сблизилась и даже частично, так сказать, обратилась бы в христианскую истину [Charrue, 2009].

Что касается идей философа Аммония, то его теизм и интерпретация богословия Аристотеля составляли бы два главных элемента этого сближения, в то время как, например, его вера в вечность мира свидетельствовала бы о том, как трудно ему было полностью освободиться от своего неоплатонического наследия. Таким образом, со стороны александрийского неоплатонизма произошло бы спонтанное движение в сторону христианства [Nissen, 1940]. Издав в 529 г. свое сочинение «Aeternitate mundi contra Proclum», Иоанн Филопон только завершил бы этот процесс: он превратил бы гибридную переходную метафизику Аммония во вполне христианскую философию [Gallicet, 1978a, p. 273].

Однако «Аммоний» Захарии при внимательном рассмотрении показывает, что такая преемственность между александрийским неоплатонизмом и христианским учением о сотворении мира является продуктом ошибочного понимания истории александрийской философии в этот период [Westerink, 1962, p. 10]. Тезис о вечности мира – не единственное и не последнее великое препятствие, принципиально отделяющее идеи Аммония от христианства. Они, напротив, являются частью неоплатонической системы, которая полностью сохранила свое нехристианское доктринальное единство [Sorabji, 2005].

Выводы

Таким образом, «Феофраст» Энея и «Аммоний» Захарии как два полемических труда не просто имеют много общего между собой, но представляют собой последовательную традицию полемических произведений Газского «филиала» Александрийской школы [Blank, 2012]. Но при этом каждое сочинение является уникальным, отражает характер автора, имеет своеобразие стиля. Литературное наследие школы ранневизантийской Газы ставит ее представителей в один ряд со знаменитыми софистами и христианскими богословами Константинополя, Александрии, Антиохии и других интеллектуальных центров империи.

Сочинение «Аммоний» Захарии, иначе известное как «О сотворении мира», опубликованное в начале 490-х гг. и пересмотренное в начале 520-х годов, является последним по форме античным диалогом, но по сути – уже христианским сочинением. Попытки усмотреть в нем сближение неоплатонизма (в виде идей Аммония философа) с христианством или даже переход одного в другое не имеют оснований.

Благодарности

Автор выражает глубокую благодарность научному руководителю, доктору исторических наук, профессору Болгову Н.Н.

References

- Rapava M. 1982. Traditions et innovations dans l'école néo-platonicienne d'Alexandrie: Ammonius Hermias et David l'Invincible. *Bedi Kartlisa* 40. P.: 216–227.
- Aeneas of Gaza. 1962. *Epistole*. Ed. by L.M. Positano. *Collana di studi greci* 19. Napoli, Libreria scientifica editrice, 132.
- Charrue J.M. 2010. *De l'être et du monde: Ammonius, Plotin, Proclus*, Paris, Klincksieck, 200.
- Verrycken K. 2001. La métaphysique d'Ammonius chez Zacharie de Mytilène. *Revue des sciences philosophiques et théologiques*. Paris. № 85: 241–266.
- Nissen Th. 1940. Eine christliche Polemik gegen Julians Rede auf den König Helios. *Byzantinische Zeitschrift*. Berlin. № 40: 15–22.
- Dillon J., Russell D., Gertz S. 2014. *Aeneas of Gaza. Theophrastus with Zacharias of Mytilene Ammonius*. London, Bloomsbury, 180.

- Sorabji R. 2003. Sordid deals and divine names in Ammonius' Alexandria. *Neoplatonism and Society*. Cardiff, 245.
- Gallicet E. 1978. Per una rilettura del Teofrasto di Enea di Gaza e dell' Ammonio di Zacaria Scolastico (Parte II). *Atti della Accademia delle Scienze di Torino*. 112: 137–167.
- Watts E. 2006. Creating the ascetic and sophistic melange: Zacharias Scholasticus and the intellectual influence of Aeneas of Gaza and John Rufus. Vol. 18, Number 1: *Palestinian Christianity*: 153–164.
- Colonna M.M. 1973. *Zacaria Scolastico, Ammonia: Introdutione, testo critico, traduzione, commentario*. Napoli, Ed., 222.
- Blank D. 2012. Ammonius Hermeiou and his School in Lloyd Gerson. *The Cambridge History of Philosophy in Late Antiquity*. Cambridge, UP: 654–666.
- Merlan P. 1968. Ammonius Hermiae, Zacharias Scholasticus and Boethius. *Greek, Roman, and Byzantine Studies*. Vol. 9: 193–203.
- Obertello L. 2007. Proclus, Ammonius of Hermias and Zachariah Scholasticus: The Search after Eternity and the Meaning of Creation. *Divine Creation in Ancient, Medieval and Early Modern Thought*. Leiden, Brill: 173–189.
- Klitenic W.S. 2013. Another Link in the Golden Chain: Aeneas of Gaza and Zacharias Scholasticus on Plotinus Enn. 4.3. *Greek, Roman, and Byzantine Studies*. 53: 146–155.
- Champion M.W. 2006. *Zacharias Scholasticus' Ammonius*. MA Thesis University of Melbourne: 298.
- Tempelis E. 1998. *The School of Ammonius, son of Hermias, on Knowledge of the Divine*. Athens, Parnassos Literary Society, 184.
- Watts E. 2005. Winning the Intracommunal Dialogues: Zacharias Scholasticus' Life of Severus'. *Journal of Early Christian Studies*. 13: 437–464.
- Gallicet E. 1978. La risurrezione dei morti in Enea di Gaza e in Zacaria Scolastico. *Augustinianum*. 18: 273–278.
- Westerink L.G. 1962. *The Alexandria School since Hermias. Anonymous Prolegomena to Platonic Philosophy*. Introd., text, transl. by L.G. Westerink. Amsterdam: X–XIII.
- Sorabji R. 2005. *The Philosophy of the Commentators 200–600 AD. A Sourcebook*. Vol. 1–3. L.; Ithaca (N. Y.), 456.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Дронова Яна Алексеевна, аспирант кафедры всеобщей истории. Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yana A. Dronova, Postgraduate Student, Department of World History, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

УДК 94(37).08
DOI 10.52575/2687-0967-2022-49-1-70-80

Тираны Британии: узурпация Константина III

Гудков Н.А.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: gudkovnikita1996@mail.ru

Аннотация. В данной статье рассматривается период позднеримской узурпации Константина III. Автор приходит к выводу, что череда узурпаций конца IV – начала V вв., кульминацией которых стало восстание Константина III, является неизбежным следствием кризиса легитимности императорской власти, неспособности представителей законной власти обеспечить безопасность на огромных пространствах Западной Римской империи. Широкий масштаб восстания, охвативший Британию, Галлию и Испанию, был обусловлен рядом внутривластных и внешнеполитических факторов, к которым можно отнести вторжение готов, ослабление границ и гарнизонов, отделявших «римский мир» от мира «варваров», а также слабость политической власти императора Гонория.

Ключевые слова: узурпация, власть, император, Константин III, Стилихон, Гонорий, империя

Для цитирования: Гудков Н.А. 2022. Тираны Британии: узурпация Константина III. Via in tempore. История. Политология. 49 (1): 70–80. DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-1-70-80

The tyrants of Britain: the usurpation of Constantine III

Nikita A. Gudkov

Belgorod National Research University,
85 Pobeda St., Belgorod 308015, Russia
E-mail: gudkovnikita1996@mail.ru

Abstract. This article examines the period of usurpation of Constantine III. The author comes to conclusion that a series of usurpations at the end of the 4th - beginning of the 5th century is an inevitable consequence of the crisis of the legitimacy of the imperial power, the inability of representatives of the legitimate government to ensure security in large areas of the Western Roman Empire. The wide scale of the uprising that swept Britain, Gaul, and Spain was due to a number of domestic and foreign political factors, which include the invasion of the Goths, the weakening of the borders and garrisons, separating the «Roman world» from the world of the «barbarians», as well as the weak political power of Emperor Honorius. The war with the Goths forced Stilicho to withdraw part of the troops from the border of the Rhine, which allowed the barbarian tribes to begin an invasion of Gaul. The government in Ravenna was unable to provide military assistance to the provinces due to the Gothic threat, which led to the emergence of usurpers. The threat posed by the usurpers was much more important to Honorius than the invasion of the barbarians, so he was forced to make concessions to the barbarians in order to be able to suppress the uprisings.

Keywords: usurpation, power, emperor, Constantine III, Stilicho, Honorius, empire

For citation: Gudkov N.A. 2022. The tyrants of Britain: the usurpation of Constantine III. Via in tempore. History and political science. 49 (1): 70–80 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-1-70-80

Введение

Прежде чем перейти к событиям периода узурпации Константина III, необходимо оценить общий военно-политический контекст дел в Британии – очаге будущих узурпаций. Так, еще в IV в. Британия находилась в постоянном напряжении, вызванном устойчивой угрозой со стороны варварских племен пиктов, скоттов, а также германцев-англосаксов. В 360-е гг. произошло опустошительное вторжение варваров на территорию Британии. Аммиан Марцеллин так описывает события тех лет: «Британия вследствие восстания варваров оказалась в страшной опасности... В это время пикты, а также весьма воинственный народ аттакоты и скотты бродили повсюду и производили грабежи, а в приморских областях Галлии франки и соседние с ними саксы там, куда только могли прорваться с суши или моря, производили грабежи и пожары, забирали людей в плен, убивали и все опустошали» (Amm. Marc. XVII. 8.4).

Несмотря на то, что военачальник Флавий Феодосий сумел остановить вторжение в Британию, «разбил и изгнал разные племена, которые нагло нападали на римские области, сознавая свою безнаказанность... восстановил города и крепости, которые пострадали от многочисленных бедствий, и обеспечил им безопасность на продолжительное время в будущем» (Ibid. XVIII. 3.1), спокойствия в Британии больше не было.

В 383 г. Британия уже не первый раз за римскую историю (с 287 по 407 год – 8 узурпаторов) становится местом очередного восстания [Медведев, 2011, с. 74]. Британские легионы, недовольные политикой императора Грациана, который, как повествует Аврелий Виктор, брал на службу варваров и «даже выступал (в народе) в варварском одеянии, чем вызвал к себе ненависть среди солдат» (Aug. Vic. Epit. de caes. 47.6), провозгласили императором Магна Максима. Узурпатор Магн Максим, отправившись в Галлию воевать против императора Грациана, увел с территории Британии ряд легионов, которые после его поражения в 388 г. обратно уже не вернулись. Как указывает в своем сочинении Гильда Премудрый: «Британия лишилась всей ее армии, ее военных припасов, ее правителей, хоть и жестоких, и ее доблестных юношей, которые последовали за упомянутым тираном... Лишенная армии и военной поддержки, Британия оказалась совершенно незащитной перед нашествиями скоттов и пиктов» (Gil. De excidio Britannicae. 25).

Уход римских легионов во время узурпации Магна Максима стал важным прецедентом, и постепенно войска Рима и дальше покидали Британию. Когда началась война с вестготами, римский военачальник Стилихон вызвал часть легионов с Рейнской границы, а также один из легионов Британии, который обратно уже не вернулся.

При этом давление варварских племен, как свидетельствует Гильда Премудрый, только нарастало: «Она (Британия)... оказалась открыта нападению двух крайне жестоких чужеземных народов, скоттов с северо-запада и пиктов с севера, и много лет продолжались в ней плач и стенания» (Ibid. 67).

Результаты и их обсуждение

В условиях, когда римские войска в Британии были сильно ослаблены, а правительство в Равенне было занято войной с готами, воины II и IV легиона провозгласили императором некоего Марка, который, однако, был быстро убит (Olymp. Hist. 12.2). То же самое случилось и с провозглашённым императором узурпатором Грацианом, правившим менее 4 месяцев [Freeman, 1886, p. 55]. Известный историк и археолог Эндрю Бёрли отмечает, что эти узурпаторы, скорее всего, были командирами расположенных в Британии легионов [Birley, 2005, p. 454].

После этого впервые появляется упоминание о Константине, власть которому солдаты отдали, как сообщает Созомен, исходя из его «имперского» имени: «в той мысли, что, нося такое имя, он прочно утвердит власть свою. Кажется, по этой же причине поставляли они и других тиранов» (Soz. Ecc. hist. XI. 3).

О происхождении Константина практически ничего неизвестно, кроме того, что он занимал невысокие должности в армии. Павел Орозий сообщает, что Константин принадлежал к «самой низкой категории солдат», и что «лишь только достигнув власти, он направляется в Галлию» (Oros. Hist. adv. Pag. VII. 40.2). Действительно, мы практически ничего не знаем о пребывании Константина в Британии. У Зосима читаем: «Константин завладел всей верховной властью и, переправившись из Британии, достиг провинций, расположенных по другую сторону Альп, где он правил как император» (Zos. V. 27.2). Созомен сообщает: «Константин из Британии переправился в Болонию» (Soz. Ecc. hist. XI. 4).

Игнорирование источниками деятельности Константина в Британии после восстания подводит нас к вопросу о причинах ряда узурпаций 406–407 гг. в Британии. Большинство историков в качестве основного мотива, помимо неспособности центрального правительства обеспечить защиту Британии, называют массовое вторжение варварских племен вандалов, аланов и свевов в Галлию через Рейн 31 декабря 406 г. [Birley, 2005, p. 455]. Как аргументированно показывает американский исследователь позднеантичного периода Питер Хизер, наиболее вероятной причиной, вызвавшей вторжение, был очередной этап продвижения орд гуннов в Европу [Хизер, 2016, с. 258].

Из совокупного свидетельства источников мы можем сделать вывод, что императорская власть в лице Стилихона и равеннского правительства не могла ничего сделать, чтобы остановить вандалов, аланов и свевов от проникновения в Галлию, потому что была слишком занята борьбой с готами. Стоит отметить, что ряд историков, в частности современный американский историк Майкл Куликовски, не согласен с традиционной датой перехода варварами Рейна и, перенося ее на год раньше (405 год), аргументирует это тем, что в таком случае становится понятна неспособность Стилихона и его войск отразить нападение в Галлии, так как Стилихон был занят войной с готами Радагайса в Италии [Kulikowski, 2000, p. 326]. Так или иначе, вывод о том, что северо-западные границы империи по Рейну были ослаблены из-за перетягивания части войск на войну с готами, является общепринятым.

Варварские племена, пересекшие Рейн в районе Майнца, не встречая серьезного сопротивления, начали продвигаться вглубь Галлии, опустошая и разоряя римские провинции на своем пути. Насчет их маршрута в науке нет общепринятой точки зрения, однако по степени разрушений, причиненных этим вторжением, есть свидетельства современников. Так, по выражению епископа Ориенция, завоеватели превратили Галлию в огромный «погребальный костер» (Orient. Common. II, 184).

Безусловно, вторжение варваров в Галлию и ряд узурпаций в Британии, в том числе узурпация Константина, имеют определенную связь. Зосим пишет: «Они (варвары) продвигались с таким кровопролитием и творили такие ужасы, что даже войска в Британии, которые тоже были укомплектованы варварами, под угрозой нападения выбрали себе узурпаторов – Марка, Грациана, а затем – Константина» (Zos. VI. 3.1) Вопрос заключается лишь в хронологии событий. Так, известный английский историк Эдвард Томпсон прямо утверждал, что продвижение варваров к Ла-Маншу вызвало панику в Британии и побудило легионеров действовать самостоятельно, избрав собственного императора, способного экстренно защитить остров [Томпсон, 2003, с. 21]. Данную точку зрения косвенно подтверждают и источники, сосредоточившие свое повествование на событиях перехода Константина в Галлию. Однако в этом случае мы должны согласиться с тем, что Константин для защиты Британии избрал атакующую тактику и решил перенести театр боевых действий непосредственно в Галлию.

Но с позицией, согласно которой вторжение варваров стало главной причиной, побудившей британские легионы на восстание, согласны не все. В частности, Эндрю Бёрли в своем исследовании делает кропотливый разбор хронологии восстания на основе сохранившихся источников, соотнося полученные результаты со временем предполагаемого вторжения варваров в Галлию. Основной вывод, который был получен, заключается в том,

что узурпации в Британии начались раньше 31 декабря 406 г., следовательно, это вторжение не могло быть причиной более раннего факта – узурпации. Однако это противоречие снимается, если принять позицию таких историков, как Ф. Пашу и М. Куликовски, которые на основании «Новой истории» Зосима делают вывод, что вторжение 31 декабря 406 г. было вторым наступлением варваров в Галлию. Первое же вторжение связано с остатками армии Радагайса, разбитой Стилихоном. Эти отряды сумели пересечь Альпы и разорить Трансальпийские провинции. Именно это, по мнению исследователей, и стало причиной страха жителей Британии и почвой для узурпации [Paschoud, 1989, p. 115]. Так или иначе, бесспорно, что скованное готами равеннское правительство и армия Стилихона не имели возможности обеспечить защиту более отдаленным территориям, таким как Британия. Более того, оно не смогло помочь и Галлии, которую опустошали варвары. В итоге, вне зависимости от точной даты перехода варварами Рейна, можно сделать вполне обоснованный вывод, что узурпация императорской власти в Британии была очевидным следствием необходимости обеспечения собственной безопасности. Это положение подкрепляется и тем удивительным фактом, что Константин, переправившись в Галлию, не встретил практически никакого сопротивления от представителей «имперских властей» и буквально за несколько месяцев подчинил огромные пространства Галлии и Британии. Более того, исследователь узурпации Константина III Джон Дринкуотер в своем труде отмечает, что Галлия и Испания подчинились власти Константина практически сразу после его высадки в Булони, что говорит о реальности и масштабе угрозы, исходящей от варваров, и надеждах местного населения на защиту от узурпатора [Drinkwater, 1998, p. 269].

Константин, как сообщает Созомен, действовал решительно. Переправившись в Булонь, он очень быстро «склонил на свою сторону войска, стоявшие в Галлии и Аквитании, подчинил своей власти туземцев до гор, отделяющих Италию от Галлии и называющихся у римлян Коттийскими Альпами» (Soz. Ecc. hist. XI. 5). Римляне под командованием Константина сумели разбить и оттеснить варваров, что дало возможность выставить гарнизоны в Альпах с целью сдерживать набеги. Также, как сообщает Зосим, Константин сумел восстановить оборону на Рейне (Zos. VI. 3.3). Майкл Грант указывает также на то, что Константин основал монетные дворы в Арле (своей столице), Лугдуне и Тревирах [Грант, 1998].

Однако следует понимать, что Константин не мог полностью очистить Галлию от варваров, которые к этому моменту, по свидетельству Павла Орозия, уже «доходят до самых Пиренеев, остановленные на время их преградой, они растекаются по ближайшим провинциям» (Oros. Hist. adv. Pag. VII. 40.3). Но в то же время Константин, по-видимому, блокировал большую часть интервентов в северных районах [Голдсуорти, 2014, с. 474]. С рядом варварских племен были заключены соглашения и договоры [Грант, 1998]. По сути, Константин контролировал лишь небольшую полосу от Ла-Манша до Северо-Восточной Галлии. Так, ирландский историк Джон Бьюри предположил, что владения Константина состояли из длинной и довольно узкой полосы восточной Галлии, от Ла-Манша до Средиземного моря, включая город Мозель, а также через некоторое время Константин завладел Арлем – наиболее крупным и процветающим городом Галлии [Bury, 1923, p. 189].

Стремительное развитие событий и первоначальные успехи Константина III в Галлии моментально отразились на политической ситуации в Италии и не на шутку испугали Равеннский двор. Гонорий отправил войска под командованием гота Сара из Италии для борьбы с узурпатором [Elton, 1999]. Когда войска Сара пересекли Альпы, он встретился с отрядами Константина и разбил их. Два военачальника Константина – Юстиниан и Небиогаст, были убиты, а войска Сара осадили Валенцию [Birley, 2005, p. 460]. Однако прибывшие подкрепления Константина под начальством Эдобиха и Геронтия вынудили его

отступить через Альпы обратно в Италию, где он вынужден был оставить всю добычу и трофеи багаудам, контролировавшим перевалы (Zos. VI. 2.4).

В связи с угрозой, исходящей от Константина, готский вождь Аларих решил воспользоваться ситуацией и повел армию готов в Италию, требуя четыре тысячи фунтов золота, угрожая новым готским вторжением. Для Стилихона и правительства в Равенне Константин представлялся, будучи мятежником, посягающим на императорскую корону, более опасным, чем варвары. Поэтому сенат согласился выплатить эти огромные деньги, чтобы развязать себе руки для борьбы с узурпатором. Более того, у Стилихона был план использовать готов Алариха для борьбы с Константином в Галлии [Хизер, 2011, с. 343].

По мнению ряда исследователей, у Константина III приблизительно в этот период были явно выражены династические амбиции. Так, английский историк Эдуард Фримен отметил, что у Константина было два сына, носящих имена династии Флавиев – Констант и Юлиан [Freeman, 1886, p. 55]. После отступления Сара из Галлии, сын Константина Констант, который, по сообщению Орозия, был монахом, был провозглашен цезарем (Oros. Hist. adv. Pag. VII. 40.7). Второй сын Юлиан был возведен в ранг нобилиссима (Olymp. Hist. 12.7).

К лету 408 г. римские войска были собраны в Италии для подготовки второго вторжения в Галлию с целью свержения узурпатора. Соглашение с готами было достигнуто, и у равеннского правительства на время были развязаны руки. Константин понимал, что Испания является родиной династии Феодосия, где правят лояльные к Гонорию его родственники, которые могут нанести удар с территории этой провинции, и в таком случае войска Константина окажутся в клещах. Поэтому он решил нанести превентивный удар по Испании. Повод не заставил себя ждать (Zos. VI. 2.5).

Родственники Гонория из династии Феодосия – Дидим и Верениан – подняли восстание [Bury, 1923, p. 190]. Назначенный цезарем Констант совместно с военачальником Геронтием был отправлен в Испанию, где, по сообщению Созомена, «эти последние, прежде ссорившиеся между собою, во время опасности соединились и, набрав войско из земледельцев и рабов, общими силами дали битву в Лузитании и истребили множество воинов, посланных от тирана с повелением захватить их» (Soz. Ecc. hist. XI. 5). Однако Констант сумел подавить сопротивление и пленить Дидима и Верениана, после чего разместил свою штаб-квартиру в Цезареавгусте [Грант, 1998]. Орозий указывает, что в войске Константа было много варваров – «гонориаков», лишь недавно ставших федератами, которые стали охранять перевалы в Пиренеях (Oros. Hist. adv. Pag. VII. 40.7).

Вскоре Констант уехал в Арль к своему отцу, оставив жену в Цезареавгусте. Оборону и управление территорией Испании осуществлял *magister militum* Геронтий. Однако защита перевалов в Пиренеях после уничтожения отрядов Дидима и Верениана, которые, как сообщает Орозий, выполняли функцию их охраны (Ibid. Hist. adv. Pag. VII. 40.8), окончательно ослабла, что дало возможность варварам к 409 г. прорвать оборону и вторгнуться на территорию Испании [Elton, 1999].

Следует заметить, что 409 год выдался в целом для Западной Римской империи очень непростым как для Гонория, так и для узурпатора Константина III. Равеннский двор погряз в интригах против Стилихона. Весомая часть политической элиты была недовольна соглашательской политикой Стилихона в отношении Алариха, его даже называли предателем римских интересов, который стремится возвести в ранг императора своего сына [Голдсуорти, 2014, с. 474]. Вследствие этих интриг в собранной для борьбы с Константином в Тицине армии вспыхнул мятеж, за которым последовала казнь Стилихона. Произшедшая за этими событиями чистка в армии и погромы среди готов-поселенцев, воевавших на стороне Рима, заставили многих готов перейти на сторону Алариха (Zos. V. 35.5). Вышел из подчинения Гонория и военачальник Сар, который также был готом. В итоге положение законного императора стало более чем шатким.

Пользуясь неразберихой, Аларих начал свой очередной поход на Рим, разрушая все крепости и города на своем пути (Ibid. V. 37.4). В этот момент узурпатор Константин сделал удачную попытку придать легитимности своей власти. В Равенну было направлено посольство, целью которого стало официальное признание Константина III в качестве третьего законного августа [Freeman, 1886, p. 69]. Как сообщает Зосим: «Узурпатор Константин отправил евнухов к Гонорию просить извинений за присвоенную им корону, сказав, однако, что он не отдаст ее на волю легитимных выборов, так как она дана ему волей солдат» (Ibid. VI. 43.1).

Незадолго до этого сын Константина Констант был провозглашен августом (Ibid. VI. 13.1). Большинство историков сходится во мнении, что указанные выше «извинения» были определенной формой речи, так как Гонорий был слишком слаб в момент угрозы готов и не мог не признать Константина, который в 409 г. находился на пике своего могущества, контролируя Британию, часть Галлии и Испании [Kulikowski, 2000, p. 337]. Сыграло свою роль и то, что в плену у Константина находились родственники Гонория – Дидим и Верениан, которые, к слову, были убиты еще до возвращения посольства (Ibid. V. 43.2). К тому же, как предположил историк Джон Бьюри, в обмен на признание своего статуса Константин обещал Гонорию военную помощь против готов [Bury, 1923, p. 191].

В данной ситуации Константин решился на достаточно авантюрный шаг, а именно: пересечь Альпы и направиться во главе войск в Италию. Касательно дальнейшего похода Константина в Италию существуют полярные точки зрения. Часть исследователей считает, что Константин стремился оказать Гонорию военную помощь, согласно достигнутым договоренностям [Freeman, 1886, p. 71]. Другие ученые видят в его походе лишь попытку присоединить Италию к своим владениям и стать августом всего запада империи [Kulikowski, 2000, p. 339]. Как отмечает Бьюри, то, что Константин развернул свои войска после казни магистра конницы Аллобиха, говорит в пользу теории существования заговора с целью свержения Гонория [Bury, 1923, p. 192].

Однако приблизительно в это же время у Константина возникает ряд серьезных проблем в Британии и Испании. Пока он был в Италии, некоторые из племен вандалов прорвали оборону Константина на Рейне и, сжигая и грабя на своем пути города и деревни, достигли Пиренеев, где уже находилось определенное количество варваров [Elton, 1999]. Это спровоцировало кризис в Испании. Magister militum Геронтий, оставленный Константином для управления этими территориями, поднимает мятеж и провозглашает императором своего клиента (Greg. Hist. Franc. II. 9), а по некоторым данным – сына Максима, императором [Kulikowski, 2000, p. 337].

Причиной бунта, по свидетельству Зосима, являлось недовольство испанских легионов тем, что охрана перевалов в Пиренейских Альпах была поручена варварам-гонориакам. Из-за беспокойствия в провинции Константин отправил Константа обратно в Испанию, где он должен был, по-видимому, отстранить Геронтия от командования. Последний же, «обозлившись на Константа... разбил его воинов и побуждал варваров в Галлии восстать против Константина» (Zos. VI. 5.2). Провозглашенный августом Максим обосновался в Тарраконе, где начал чеканку монет с изображением трех августов – его самого, а также императоров в Константинополе и Равенне [Грант, 1998]. Таким образом, в начале 410 г. было шесть императоров в различных частях Империи. Помимо Гонория и его племянника Феодосия, Аттал был провозглашен в Риме, Константин и Констант в Арле, Максим в Тарраконе.

Очередной виток гражданской войны позволил варварам пересечь перевалы и начать вторжение в Испанию, предположительно в декабре 409 г. [Kulikowski, 2000, p. 337]. По свидетельству Идация, «варвары, вторгшиеся в Испанию, убивали и опустошали страну (Hud. Chron. 46) ... Когда варвары буйствовали и свирепствовали в Испаниях, в не меньшей степени злой болезнью тиранический надзиратель расхищал силы и средства в горо-

дах и истощал войско» (Ibid. 48). Очевидно, под «тираническим надзирателем» подразумевается Максим и Геронтий.

От вторжения варваров, по свидетельству Зосима, пострадала также и Британия. Поэтому оставленные без войск, ушедших с Константином в Галлию, британцы были вынуждены обеспечить собственную безопасность своими силами, провозгласив своего рода самоуправление (Zos. VI. 5.3). Также от Константина отложились территории Арморики и ряд галльских провинций, которые, «изгнав римских чиновников, установили такое правление, которое хотели сами» (Ibid. VI. 5.3). В Британии защиту организовали высшие городские слои и вспомогательные отряды, которые оставались на этой территории.

В условиях распада империи Константина III Геронтий решил действовать быстро. Его войска вторглись в Галлию, прежде чем Константин и Констант успели подготовиться к обороне. Геронтий сумел заключить союз с рядом варварских племен, которые были блокированы Константином на севере Галлии в Бельгике еще в 407 г., и начал с ними совместное наступление [Kulikowski, 2000, p. 337]. К слову, политика заключения союза с варварскими племенами была очень распространенной среди узурпаторов, в частности, активно заключал союзы с варварами Магн Максим [Ярцев, Рябцева, 2020, с. 54].

О периоде борьбы между Геронтием и Константом в источниках сохранились лишь отрывочные сведения, однако, по предположению Майкла Куликовски, в конце 409 г. на юге Галлии происходили боевые действия между армией Геронтия и армией Константа, в которой последний потерпел поражение и был вынужден отступить в Арль – столицу Константина III [Kulikowski, 2000, p. 339].

К этому моменту из Италии вернулся сам Константин с войском. В сложившейся непростой ситуации Константин отправил одного из своих полководцев варварского происхождения Эдобиха за Рейн, чтобы он набрал солдат среди племен алеманнов и франков, а Констант с войском был отправлен на защиту Вьенны (Soz. Eсс. hist. XIII. 3). Но с каждым днем положение Константина становилось все более шатким. Геронтий сумел разбить армию Константа, захватил Виенну и казнил самого Константа [Kulikowski, 2000, p. 340]. Следующим шагом Геронтия стала осада Арля, в котором укрылся Константин. Как сообщает Эдуард Гиббон, стены Арля не выдержали бы долгой осады, но Константин ждал подмоги со стороны Эдобиха, который сумел нанять наемников и двигался во главе войска к Арлю [Гиббон, 2013, с. 365]. Однако Геронтию не суждено было победить своего бывшего патрона, так как император Гонорий, получивший сведения о восстаниях в землях Константина и отпадении от его владений ряда территорий, отправил против узурпаторов войско во главе с полководцами Констанцием и Ульфилой (Olymp. Hist. 16.3). Стоит отметить, что эта экспедиция стала возможна только со смертью Алариха и ослабления в связи с этим готской угрозы [Bury, 1923, p. 192].

Перейдя Альпы, войско Констанция стремительно достигло Арля [Borm, 2018. S. 69]. Геронтий был застигнут врасплох, и его армия обратилось в бегство, многие солдаты переходили на сторону императорских войск (Soz. Eсс. hist. XIII. 6). Констанций не стал преследовать разрозненные остатки армии Геронтия, а продолжил осаду Арля, справедливо видя в Константине главную угрозу для законной императорской власти в Равенне. Геронтий позже был убит своими же людьми, а узурпатор Максим бежал к варварам [Matthews, 1975, p. 312]. Осада Арля к этому моменту затянулась уже на четыре месяца, когда к городу подошло пестрое по составу войско франка Эдобиха [Freeman, 1886, p. 72]. Однако это мало что изменило. Военачальники Гонория в решающей битве у Арля с помощью военной хитрости сумели разбить войско Эдобиха, а сам он был убит [Matthews, 1975, p. 312].

Последнюю надежду Константин возлагал на войска, охранявшие границу с Рейном. Но когда пришли известия о том, что они отказались его поддержать и выдвинули своего претендента на трон – узурпатора Иовина, его дело было окончательно проиграно [Гиббон, 2013, с. 366]. Понимая, что все кончено, Константин снял с себя императорские ин-

сигнии и «бросился в храм, где был рукоположен в священники, причем ему клятвенно обещали спасение» (Olymp. Hist. 16.5). После этого ворота Арля были открыты и город сдался. Пленных Константина и его сына Юлиана отправили в Равенну, но, несмотря на заверения в сохранении их жизни, недалеко от Равенны они были казнены в сентябре 411 г. Историки сходятся во мнении о том, что Гонорий, памятуя о казненных Константином Дидиме и Верениане – родственниках Гонория, оплатил ему той же монетой [Грант, 1998]. В дальнейшем готы под руководством нового вождя Атаульфа разбили узурпатора Иовина, и на короткое время над Западной Римской империей воцарилась власть одного законного императора – Гонория.

Выводы

Таким образом, узурпация Константина III является знаковым и во-многом переломным моментом в истории Западной Римской империи. Можно с уверенностью сказать, что та империя, которая была до 406 г., т. е. до начала узурпации, существенно видоизменилась. Действительно, последствия узурпации были катастрофическими. В территориальном отношении Империя потеряла Британию, большую часть Испании и Галлии, где единоличная римская власть уже никогда не была восстановлена.

После подавления узурпаторов Константина и Константа, Геронтия и Максима, а также несколько позже Иовина и Себастиана, римская власть перестала быть абсолютной. Несмотря на то, что узурпаторы были побеждены и никто не бросал вызов императорской короне, на территории, ранее подконтрольной Риму, начинается процесс образования варварских королевств – вестготов, вандалов, севов, и т. д., что позволяет говорить об утрате центральным имперским правительством подавляющего влияния в целом ряде провинций.

Прямым последствием узурпации стало ослабление финансовой мощи Западной Римской империи. Можно сказать, что с 406–407 гг. огромные развитые в экономическом отношении территории перестали платить налоги центральному правительству, вследствие подчинения узурпаторам, а позже – варварским вождям. Более того, ущерб, вызванный постоянными войнами, на землях, оставшихся под контролем Равенны, в частности Италии, был настолько велик, что Гонорий в 412 г. был вынужден уменьшить налоги в 5 раз, а позже, с 418 г., в 7 раз [Хизер, 2011, с. 378].

Стоит отметить и то, что косвенным последствием узурпации Константина было дальнейшее падение авторитета императорской власти. С 405 по 411 г. в империи было 7 узурпаторов, которые находили себе поддержку как среди армии, так и среди местного населения. Причину этого процесса лучше всего осмыслил Эдуард Гиббон: «В такую пору, когда существовало общее убеждение, что едва ли не каждый из жителей империи превосходил своими личными достоинствами монархов, достигавших престола лишь благодаря случайным преимуществам своего происхождения, беспрестанно появлялись новые узурпаторы, не обращавшие никакого внимания на то, какая печальная участь постигла их предшественников» [Гиббон, 2013, с. 366].

Безусловно, Константин III является довольно успешным узурпатором на фоне многих других мятежников, от которых у нас остались в лучшем случае лишь их имена. Константин на пике своего могущества в конце 409 г. действительно претендовал на то, чтобы стать единоличным правителем Западной Римской империи. Провозглашение его, а позже и его сына Константа августом сформировало реальную возможность произвести смену императорской династии. Это осознавалось всеми – от императора Гонория до самого обычного человека, так как в римской истории аналогичных прецедентов было немало. Можно вспомнить хотя бы путь к власти Константина I, ставшего «великим» из обычного «узурпатора». Именно в этом и заключается параноидальный страх императоров перед узурпаторами разного масштаба. Даже варвары – люди другой цивилизации, в большей или меньшей степени интегрированные в римский мир, представлялись второстепенной

угрозой по сравнению с узурпаторами. Ведь последние претендовали на самый ценный ресурс – императорскую власть, когда требования варваров находились не в политической плоскости (тот же Приск Аттал использовался готами всего лишь как еще один рычаг давления на Равенну и вряд ли воспринимался как реальная замена на императорский трон).

Постоянство узурпации на территории Западной Римской империи являлось прямым отражением кризиса политической власти императоров, их неспособностью из-за целого ряда факторов обеспечить населению безопасность и защищенность. Следствием этого стала утрата армией и населением целого ряда провинций, надежд на императора в Равенне и его помощи в деле защиты от разнообразных угроз, которых в это беспокойное время становилось все больше. Все это создавало благоприятную почву для локальных узурпаторов, которые обещали навести порядок и организовать защиту «здесь и сейчас», не надеясь на помощь императора, порой находящегося очень далеко. В итоге можно говорить о дрящемся, но однонаправленном процессе утраты реальной политической власти западноримскими императорами с самого начала разделения Римской империи на Западную и Восточную, то есть с периода правления Гонория (395–423 гг.).

Список литературы

- Болгов Н.Н. (изд.). 2010. Зосим. Новая история. Пер., комм., указ. Белгород, БелГУ, 344.
- Гаспаров М.Л., Савукова В.Д. (изд.). 1987. Григорий Турский. История франков. Пер. с лат., примеч. М., Наука, 474.
- Гиббон Э. 2013. История упадка и разрушения Римской империи. Т. 3. Пер. с англ. В. Неведомского. М., Public Domain, 488.
- Голдсуорти А. 2014. Падение Запада. Медленная смерть Римской империи. Пер. с англ. А.В. Короленкова, Е.А. Семенов. М., АСТ, 733.
- Грант М. 1998. Римские императоры. Электронная книга. URL: <http://ancientrome.ru/imp/const3.htm> (дата обращения: 20 августа 2021).
- Корсунский А.Р., Гюнтер Р. 1984. Упадок и гибель Западной Римской империи и возникновение германских королевств (до середины VI в.). М., МГУ, 256.
- Лукомский Л.Ю. (изд.). 1994. Аммиан Марцелин. Римская история. СПб., Алетейя, 558.
- Медведев А.В. 2011. Англосаксонское завоевание Британии и становление государственности в раннесредневековой Англии. Дисс. ... канд. ист. наук. Воронеж, 243.
- Скржинская Е.Ч., Шувалов П.В. (изд.). 2017. Олимпиодор Фиванский. История. СПб., Алетейя, 238.
- Соколов В.С., Высокий В.С. (изд.). 1963. Аврелий Виктор. О Цезарях. В: Вестник древней истории. 4: 227–257.
- Томпсон Э.А. 2003. Римляне и варвары. Падение Западной империи. Пер. с англ. Т.О. Пономаревой; под ред. М.Е. Килуновской. СПб., Ювента, 288.
- Тюленев В.М. (изд.). 2004. Павел Орозий. История против язычников. Книги I–VII. Пер. с лат., вступ. ст., коммент. и указатель. СПб., Издательство Олега Абышко, 544.
- Фишер. 1851. Созомен. Церковная история. М., тип. Фишера, 451.
- Хизер П. 2011. Падение Римской империи. Пер. с англ. А.В. Короленкова и Е.А. Семенов. М., АСТ; Астрель, 795.
- Хизер П. 2016. Великие завоевания варваров. Падение Рима и рождение Европы. Пер. с англ. С.В. Чепелевского, Г.Ю. Чепелевской. М., Центрполиграф, 830.
- Циркин Ю.Б. (изд.). 2006. Идаций. Хроника Епископа. В: Античные и средневековые источники по истории Испании. СПб., СПбГУ. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Idatius/frametext1.htm> (дата обращения: 22 августа 2021).
- Ярцев С.Н., Рябцева М.Л. 2020. Особенности внешней политики императора Магна Максима в 383–387 гг. В: Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Гуманитарные науки. № 10: 50–54.
- Birley A. 2005. The Roman government of Britain. Oxford, Oxford University Press, 460.
- Borm H. 2018. Westrom Von Honorius bis Justinian. Stuttgart, Kohlhammer, 251.

- Bury J. 1923. History of the later Roman Empire: from the death of Theodosius I to the death of Justinian (A. D. 395 to A. D. 565). Vol. I. London, Macmillan, 542.
- Drinkwater J.F. 1998. The usurpers Constantine III (407–411) and Jovinus (411–413). In: *Britannia* (29): 269–298.
- Elton H. 1999. Constantine III (407–411 A. D.). An Online Encyclopedia of Roman Emperors. URL: <http://www.roman-emperors.org/westemp5.htm#Note> (дата обращения: 21 августа 2021).
- Freeman E.A. 1886. The Tyrants of Britain, Gaul and Spain, A. D. 406–411. In: *The English Historical Review*. Vol. 1, No. 1. Jan.: 53–85.
- Kulikowski M. 2000. Barbarians in Gaul, Usurpers in Britain. In: *Britannia* (31): 325–345.
- Mattews J. 1975. Western Aristocracies and Imperial Court A. D. 364–425. Oxford, Clarendon Press, 427.
- Paschoud F. 1986. *Zoſime: Histoire nouvelle III, I (Livre V)*. Paris. Les Belles lettres, 128.
- Paschoud F. 1989. *Zoſime: Histoire nouvelle III, 2 (Livre VI et index)*. Paris, Les Belles lettres, 135.
- Tobin M. 1945. Text and Translation. *Orientalia Communitaria: A Commentary with an Introduction and Translation*. Washington, Catholic University of America Press, 143.
- Winterbottom M. (ed.). 1978. *Gildas. The Ruin of Britain*. Chichester. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus/Gildas/frametext.htm> (дата обращения: 19 августа 2021).

References

- Bolgov N.N. (ed.). 2010. *Zosim. Novaya istoriya [New History]*. Tr., comm., points. Belgorod, BelGU, 344 (in Russian).
- Gasparov M.L., Savukova V.D. (ed.). 1987. *Grigorij Turskij. Istoriya frankov [Gregory of Tours. History of Franks]*. Tr. from Lat., notes. Moscow, Nauka, 474 (in Russian).
- Gibbon E. 2013. *Istoriya upadka i razrusheniya Rimskoj imperii [History of the Decline and Fall of the Roman Empire]*. T. 3. Tr. with Engl. V. Nevedomskiy. Moscow, Public Domain, 488 (in Russian).
- Goldsuorti A. 2014. *Padenie Zapada. Medlennaya smert' Rimskoj imperii [The Fall of the West. The slow death of the Roman Empire]*. Tr. from Engl. A.V. Korolenkov, E.A. Semenova. Moscow, AST, 733 (in Russian).
- Grant M. 1998. *Rimskie imperatory. Elektronnaya kniga*. Available at: <http://ancientrome.ru/imp/const3.htm> (accessed: 20 August 2021).
- Korsunskij A.R., Gyunter R. 1984. *Upadok i gibel' Zapadnoj Rimskoj imperii, i vzniknovenie germanskih korolevstv (do serediny VI v.) [Decline and death of the Western Roman Empire, and the emergence of Germanic kingdoms (until the middle of the 6th century)]*. Moscow, MGU, 256 (in Russian).
- Lukomskij L.Yu. (izd.). 1994. *Ammian Marcellin. Rimskaya istoriya [Ammianus Marcellinus. Roman history]*. Saint-Petersburg, Aletejya, 558 (in Russian).
- Medvedev A.V. 2011. *Anglosaksonskoe zavoevanie Britanii i stanovlenie gosudarstvennosti v rannesrednevekovoj Anglii [Anglo-Saxon conquest of Britain and the formation of statehood in early medieval England]*. Diss. ... kand. hist. sciences. Voronezh, 243 (in Russian).
- Skrzhinskaya E.Ch., Shuvalov P.V. (ed.). 2017. *Olimpiodor Fivanskij. Istoriya [Olympiodorus of Thebes. History]*. Saint-Petersburg, Aletejya, 238 (in Russian).
- Sokolov V.S., Vysokij V.S. (ed.). 1963. *Avrelij Viktor. O Cezaryah [Aurelius Victor. About the Caesars]*. In: *Vestnik drevnej istorii [Bulletin of Ancient History]*. № 4: 227–257 (in Russian).
- Tompson E.A. 2003. *Rimlyane i varvary. Padenie Zapadnoj imperii [Romans and Barbarians. Fall of the Western Empire]*. Tr. from Engl. T.O. Ponomareva; ed. M.E. Kilunovskaya. Saint-Petersburg, Yuventa, 288 (in Russian).
- Tyulenev V.M. (ed.). 2004. *Pavel Orozij. Istoriya protiv yazychnikov. Knigi I–VII [Paulus Orosius. History against the Gentiles. Books I–VII]*. Tr. from Lat., intr. article, comm. and points. Saint-Petersburg, Izdatel'stvo Olega Abyshko, 544 (in Russian).
- Fisher. 1851. *Sozomen. Cerkovnaya istoriya [Sozomen. Church history]*. Moscow, tip. Fishera, 451 (in Russian).
- Hizer P. 2011. *Padenie Rimskoj imperii [The Fall of the Roman Empire]*. Tr. from Engl. A.V. Korolenkov and E.A. Semenova. Moscow, AST; Astrel', 795 (in Russian).

- Hizer P. 2016. Velikie zavoevaniya varvarov. Padenie Rima i rozhdenie Evropy [The Great Conquests of the Barbarians. The fall of Rome and the birth of Europe]. Tr. from Engl. S.V. Chepelevskiy, G.Yu. СНепеlevskaya. Moscow, Centrpoligraf, 830 (in Russian).
- Cirkin Yu.B. (ed.). 2006. Idacij. Hronika Episkopa [Hidatius. Chronicle of the Bishop]. In: Antichnye i srednevekovye istochniki po istorii Ispanii [Ancient and Medieval Sources on the History of Spain]. Saint-Petersburg, SPbGU. Available at: <http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Idatius/frametext1.htm> (accessed: 22 August 2021) (in Russian).
- Yarcev S.N., Ryabceva M.L. 2020. Osobennosti vneshnej politiki imperatora Magna Maksima v 383–387 gg. [Features of the foreign policy of Emperor Magna Maximus in 383–387]. In: Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Gumanitarnye nauki [Modern science: topical problems of theory and practice. Humanitarian sciences]. № 10: 50–54 (in Russian).
- Birley A. 2005. The Roman government of Britain. Oxford, Oxford University Press, 460.
- Borm H. 2018. Westrom Von Honorius bis Justinian. Stuttgart, Kohlhammer, 251.
- Bury J. 1923. History of the later Roman Empire: from the death of Theodosius I to the death of Justinian (A. D. 395 to A. D. 565). Vol. I. London, Macmillan, 542.
- Drinkwater J.F. 1998. The usurpers Constantine III (407–411) and Jovinus (411–413). In: Britannia (29): 269–298.
- Elton H. 1999. Constantine III (407–411 A. D.). An Online Encyclopedia of Roman Emperors. Available at: <http://www.roman-emperors.org/westemp5.htm#Note> (accessed: 21 August 2021).
- Freeman E.A. 1886. The Tyrants of Britain, Gaul and Spain, A. D. 406–411. In: The English Historical Review. Vol. 1, No. 1. Jan.: 53–85.
- Kulikowski M. 2000. Barbarians in Gaul, Usurpers in Britain. In: Britania (31): 325–345.
- Matthews J. 1975. Western Aristocracies and Imperial Court A. D. 364–425. Oxford, Clarendon Press, 427.
- Paschoud F. 1986. Zošime: Histoire nouvelle III, I (Livre V). Paris, Les Belles lettres, 128.
- Paschoud F. 1989. Zošime: Histoire nouvelle III, 2 (Livre VI et index). Paris, Les Belles lettres, 135.
- Tobin M. 1945. Text and Translation. Orientii Commonitorium: A Commentary with an Introduction and Translation. Washington, Catholic University of America Press, 143.
- Winterbottom M. (ed.). 1978. Gildas. The Ruin of Britain. Chichester. Available at: <http://www.vostlit.info/Texts/rus/Gildas/frametext.htm> (accessed: 19 August 2021).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Гудков Никита Алексеевич, аспирант кафедры всеобщей истории, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

Nikita A. Gudkov, postgraduate of the Department of World History, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

УДК 94(450)014

DOI 10.52575/2687-0967-2022-49-1-81-89

Диалог с иудеями в контексте папского служения папы Григория I

Цивилева В.Е., Тюленев В.М.

Ивановский государственный университет,
Россия, 153025, Ивановская область, г. Иваново, ул. Ермака, д. 39
E-mail: valentinatsivileva@mail.ru, tyulenev.vl@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с отношениями между христианами и иудеями преимущественно в Италии времен понтификата Григория I Двоеслова. На материале писем папы Григория показано, что понтифик в отношениях с иудеями стремился добиться соблюдения законов как со стороны власти и христиан, так и со стороны самих иудеев. Силой своего авторитета он защищал синагоги от их стихийного захвата, а также право иудеев на отправление религиозного культа, в то же время боролся с попытками иудеев держать рабов из числа христиан и вести ими торговлю. Доказывается, что сравнительно толерантная позиция папы Григория продиктована стремлением сохранить внутренний мир перед лицом внешней угрозы.

Ключевые слова. Григорий I Двоеслов, Италия, иудеи, межконфессиональные отношения, конфликт, кодекс Феодосия

Для цитирования: Цивилева В.Е., Тюленев В.М. 2022. Диалог с иудеями в контексте папского служения папы Григория I. *Via in tempore. История. Политология.* 49 (1): 81–89. DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-1-81-89

Dialogue with Jews in the context of the pastoral ministry of Pope Gregory I

Valentina E. Tsivileva, Vladimir M. Tyulenev

Ivanovo State University,
39 Ermaka St., Ivanovo153025, Ivanovo region, Russia
E-mail: valentinatsivileva@mail.ru

Abstract. The article deals with issues connected to the relations between Christians and Jews mainly in Italy during the pontificate of Gregory I the Great. Based on the material of Pope Gregory's letters, it is shown that the pontiff, in his relations with the Jews, sought to ensure compliance with the laws both on the part of the authorities and Christians, and on the part of the Jews. By the power of his authority, he defended synagogues from their spontaneous seizure, as well as the right of Jews to practice religious worship, at the same time he fought against attempts by Jews to keep Christian slaves and trade them. It is proved that the relatively tolerant position of Pope Gregory is dictated by the desire to preserve internal peace in the face of external threats. It is obvious that Grigory, as a writer, belonged to the literary tradition formed long before him, for which anti-Jewish rhetoric was a necessary part of building a Christian identity. In our article, we would like to confine ourselves mainly to Italy during the pontificate of Grigory the Great.

Keywords: Gregory I the Great, Italy, the Jews, interfaith relations, conflict, the Code of Theodosius

For citation: Tsivileva V.E., Tyulenev V.M. 2022. Dialogue with Jews in the context of the pastoral ministry Of pope Gregory I. *Via in tempore. History and political science.* 49 (1): 81–89 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-1-81-89

Введение

К числу вопросов, постоянно привлекающих внимание исследователей поздней Античности, принадлежат вопросы межконфессиональных и межкультурных отношений в Средиземноморском мире в период активной христианизации и трансформации Империи. Численный рост верующих во Христа к V в. как на востоке, так и на западе римского мира превратил носителей иных, кроме христианских, религиозных взглядов в явное меньшинство, судьба которого и его взаимодействие с христианской властью (как светской, так и духовной) не может не вызывать интереса историков. Безусловно, особое место в истории этого взаимодействия занимают отношения христиан и иудеев, положение которых стало заметно меняться, по крайней мере, со времен Феодосия I, о чем свидетельствует ряд принятых в конце IV – начале V в. законов, ущемлявших как правовое, так и имущественное положение иудеев (CTh. 16.8.16, 404 год; 16.8.26, 423 год; CTh. 16.9.2, 399 год; 16.9.4, 417 год; 16.9.5, 423 год и др.). Очевидно, положение иудейской общины и отдельных иудеев зависело от конкретной ситуации и/или политики того или иного светского правителя, либо духовного лидера. Если Теодорих Великий в начале VI в., ограничивая иудеев в правах, не допускал излишней конфронтации между христианским большинством и иудейским меньшинством (Anon. Val. II, 14, 82), так же, как и Аларих II (484–507 гг.), воспринимавший иудеев в качестве подданных с теми же правами и обязанностями, что и христиане [Thompson, 1969, p. 53], то рвение Севера, епископа меноркского, напротив, привело в нач. V в. к обострению ситуации на острове и насильственному обращению иудеев [Цивилева, 2020]. Хорошо известна антииудейская политика Юстиниана [Brewer, 2005; Parkes, 1961, p. 246–255] и вестготского короля Реккареда (586–601 гг.) [Katz, 1937, p. 11–12; Elukin, 2007, p. 38]. Не ставя перед собой цели полностью осветить отношения между христианами и иудеями в период поздней Античности, мы в своей статье хотели бы ограничиться преимущественно Италией времен понтификата Григория Двоеслова (590–604 гг.) и рассмотреть эти отношения, ориентируясь на его письма, а также проанализировать политику самого римского предстоятеля в отношении иудеев.

Объект и методы исследования

Очевидно, что Григорий Двоеслов как писатель принадлежал к сформированной задолго до него литературной традиции, для которой антииудейская риторика была необходимой частью выстраивания христианской идентичности. Как и другие учителя Церкви, Григорий и в «Моралиях», и толкованиях на Евангелия, пусть и без особого пыла, уступая многим своим предшественникам в страстности, не уставал тем не менее обвинять иудеев в неверии, духовной слепоте, предательстве Христа [Cohen, 2015, p. 239]. Однако его письма, несущие не столько отвлеченный, сколько практический характер, способны показать более или менее реальную политику, проводимую папой, увидеть в Григории человека, принимающего решения на основе целесообразности и трезвого расчета. По существу, письма Григория – единственное его сочинение, кроме «Диалогов», в котором можно встретить реальных, а не литературных иудеев [Cohen, 2015, p. 230], а потому по ним можно судить о более или менее реальном отношении понтифика к евреям, которое практически не обременено литературной топикой. В этой связи мы в своей статье ставим в центр внимания не популярную в современной исторической науке дихотомию «свой – чужой» и не стремимся увидеть взгляд Григория-христианина на иудеев и их мир, а скорее ориентируемся на методологические подходы новой социальной истории.

Результаты и их обсуждение

В условиях лангобардского завоевания при неэффективном управлении равеннского экзарха, чье озлобление, по словам Григория Двоеслова, «превзошло мечи лангобардов» (*Greg. Ep. V, 40*), именно епископ Рима оказался тем человеком, которому зачастую при-

ходилось решать вопросы войны и мира, обороны, снабжения, а также разрешать конфликты гражданско-правового характера. Влияние понтифика выходило далеко за пределы его полномочий: он обменивался посланиями с королями и церковными деятелями в землях франков, вестготов, лангобардов, давал им советы и наставления не только относительно дел духовных, но и светских; поддерживал постоянный контакт и иногда вступал в конфликт с византийскими властями, принимал активное участие в миссионерской деятельности. Как показывает история с возвращением изгнанных епископов Януария и Стефана, он считал себя вправе вмешиваться в судьбу кафедр даже далекой Испании, по крайней мере той ее части, которая контролировалась византийским наместником [Марей, 2017]. Тем не менее бóльшая часть переписки²² Григория посвящена решению насущных проблем в италийских землях, особенно в Южной Италии и на Сицилии. Поэтому та картина, которую мы попытаемся воссоздать, характеризует, в первую очередь, обстановку в «византийской» Италии рубежа VI–VII вв.

Разрешению противоречий, возникавших в результате общения иудеев и христиан, посвящено 26 из почти 857 писем Григория Двоеслова. Сама доля этих посланий в общей эпистолярной коллекции папы свидетельствует скорее в пользу того, что отношения с иудеями находились на периферии внимания Григория [Cohen, 2015, p. 235]. Тем не менее эти послания предоставляют нам уникальную информацию о взаимоотношениях иудеев и христиан в Италии конца VI и начала VII в. [Savino, 2019, p. 15], а также позволяют узнать, какую позицию занимал римский понтифик, пытаясь разрешать возникавшие межконфессиональные конфликты. Анализ посланий Григория, в которых он так или иначе касается судеб евреев и иудеев (два эти понятия он использует в качестве синонимов, не отделяя, как правило, этническую характеристику от конфессиональной), позволяет увидеть, что его внимание было сосредоточено на трех основных сюжетах. Во-первых, он защищал свободное отправление культа в синагогах и собственность иудеев на места религиозного служения; во-вторых, всеми силами боролся с практикой использования иудеями рабов из числа христиан, в том числе с практикой торговли ими; наконец, в-третьих, заботился об обращении иудеев в христианство, всеми силами препятствуя при этом иудейскому прозелитизму [Savino, 2019, p. 16].

Право исповедовать свою религию и иметь собственные места поклонения, гарантированное евреям еще во времена Феодосия I (CTh. 16.8.9, 393 год) и закрепленное тремя законами Феодосия II в 423 г. (CTh. 16.8.25.1; 16.8.26; 16.8.27), в целом было подтверждено Юстинианом I, который, хотя и запретил строительство новых синагог, однако же разрешал использование существующих и гарантировал их полную защиту (CJ. 1.9.18; 1.9.14). Из писем папы Григория мы узнаем, что в некоторых городах Средней и Южной Италии местное население с трудом мирилось с необходимостью иметь по соседству синагоги и нередко в своем неприятии мест иудейского культа находило поддержку в лице местных епископов (а может быть, и провоцировалось ими). В марте 591 г., по сути, в самом начале своего понтификата Григорию пришлось разрешать конфликт, вспыхнувший в Террачине (*Greg. Ep. I, 34*). Некий Иосиф обратился к Григорию с жалобой, что иудеи дважды были изгнаны с мест, в которых они собирались для своих празднеств (*ad celebrandas festivitates*). Для решения вопроса папа обратился к Петру, епископу города, предписав ему не препятствовать иудеям отправлять свой культ. Это было не только требованием закона, но и, по мнению папы, важным шагом по обращению иудеев. В конце послания он не случайно обратил внимание своего адресата на то, что мягкость и радушие (*mansuetudo et benignitas*) скорее приведут к единству веры (*ad unitatem fidei*), чем строгость и суровость.

²² Об эпистолографии позднеантичного латинского Запада см. [Литовченко, 2021; Collecting..., 2015; Late Antique ... 2016; Trapp, 2003; Ancient Letters, 2007].

Письма Григория показывают, что ему не раз приходилось увещевать своих адресатов, сдерживать их излишнее рвение в деле обращения иудеев. Считая, что обратиться к истинной вере можно только добротой и увещеваниями, он подчеркивал, что иудеи, обращенные угрозами и страхом, не будут истинно верующими. Так, в очередной раз отвечая на жалобу иудеев о насильственном крещении, Григорий писал: «... я опасаюсь, что это намерение [крестить иудеев], если оно не будет подкреплено надлежащим исполнением [заповедей] Священного Писания, либо не будет иметь никакого полезного результата, либо даже (не дай того Бог) приведет к последующей гибели душ, которые мы хотим спасти. Ибо, если кто-то приходит к купели крещения не сладостью проповеди, но принуждением, то возвращается к своему прежнему суеверию и умирает тем хуже от того, что был рожден заново» (*Greg. Ep. I, 45*).

Впрочем, усилия Григория по разрешению конфликта в Террачине не достигли желаемого результата. Уже через полгода иудеи этого города вновь были изгнаны из синагоги. В сентябре 591 г. он пишет уже епископам Бакауду и Агнеллу, которые в тот момент спасались в Террачине от лангобардов, и вновь по поводу синагоги (*Greg. Ep. II, 6*). Судя по посланию, причиной для очередного напряжения между иудеями и христианами стало пение иудеев, которое доносилось из синагоги до расположенной неподалеку от нее церкви. Григорию пришлось согласиться на то, чтобы синагога была перенесена, но осталась внутри города (*intra ipsum castellum*), с тем, чтобы иудеи могли беспрепятственно собираться и совершать свои обряды. При этом важна ссылка Григория в завершении письма на то, что это право иудеев отправлять свой культ установлено римскими законами, как установлен, впрочем, и запрет иудеям владеть рабами-христианами (*eis tamen Christiana mancipia habere non liceat*).

Нечто похожее спустя несколько лет произошло и в Панорме, иудеи которого пожаловались Григорию через римских иудеев на то, что их синагога с прилегающими территориями была захвачена епископом. Григорий в июне 598 г. обратился за разъяснениями к епископу Виктору (*Greg. Ep. VIII, 25*), напомнив ему, что иудеям позволено не более того, что устанавливает закон, но при этом им не должна чиниться никакая несправедливость. Он предписал епископу разрешить конфликт, избрав судей с каждой из сторон, а если не удастся прийти к согласию по поводу синагоги и смежных зданий, то обратиться уже к нему самому. Но, как и в предыдущем случае, вмешательство папы не привело к установлению мира. В октябре 598 г. Григорий написал письмо уже дефенсору Панорма Фантину (*Greg. Ep. IX, 38*). Из послания известно, что епископ Виктор не только отнял синагогу, но и освятил ее, несмотря на призыв папы решить дело судом. На этот раз уже не могло быть речи о возвращении бывшей синагоги иудейской общине, ибо это противоречило законам [Savino, 2019, p. 21]. Единственное, что мог требовать папа, – выплаты иудеям денежной компенсации, чтобы не казалось, будто иудеи терпят несправедливость (*Greg. Ep. IX, 38*).

На следующий год к Григорию обратились с жалобой иудеи, прибывшие из Каралиса (совр. Кальяри на Сардинии), суть которой сводилась к тому, что новообращенный из иудеев по имени Петр в Пасху захватил синагогу, принес в нее крест и изображение Богородицы и Спасителя, а также одежды, в которых крестился. В своем письме к епископу Януарию (*Greg. Ep. IX, 195*) Григорий потребовал удалить из синагоги образа и крест и вернуть иудеям все, что было украдено, ссылаясь на закон, согласно которому иудеям «не позволено строить новых синагог, но позволено сохранять старые». И в очередной раз Григорий вынужден был напоминать (на этот раз Януарию), что посредством такого рвения к вере, которое проявил Петр, можно только навредить, нежели помочь в деле обращения иудеев.

По всей видимости, попытки воспрепятствовать иудеям в отправлении их религии и прямые издевки над их верой не были редкостью в Италии и прилегающих к ней землях. Известны жалобы 602 г. неаполитанских иудеев на то, что христиане мешают проводить иудейские торжества. Григорий в письме местному епископу Пасхазию (*Greg. Ep. XIII, 15*) вынужден был напомнить, что такими способами нельзя привлекать иудеев к истин-

ной вере: «Те, кто с чистым намерением желает привести к истинной вере людей, чуждых христианской религии, должны стремиться к доброте, а не к суровости... почему мы должны устанавливать правила для иудеев относительно того, как они должны соблюдать свои церемонии, если мы не можем таким образом привлечь их? Поэтому мы должны действовать так, чтобы, будучи скорее взываемы разумом и добротой, они захотели следовать за нами, а не бежать от нас» (перевод Е.С. Марей) [Григорий Великий, 2020, с. 849].

Однако, вставая на сторону иудеев в конфликтах с христианами, Григорий к традиционным доводам добавляет еще один, вызванный конкретными политическими сложностями. В письме к Януарию он призывает епископа укреплять союз в городе между иудеями и христианами ввиду нависшей лангобардской угрозы (*Greg. Ep. IX, 195*). Не исключено, что именно политический прагматизм Григория оказался важнейшей причиной его толерантного отношения к иудеям [Savino, 2019, p. 17].

Мы можем констатировать, что позиция Григория по отношению к иудеям, чем бы она ни определялась, его ли внутренним стремлением к соблюдению римских законов или внешними факторами, выгодно отличалась от позиции Амвросия Медиоланского, в свое время защищавшего от имперских властей епископа Каллиника после сожжения синагоги [McLynn, 1994, p. 301].

Очевидно, противясь захвату синагог, случаи которого могли грозить разрушением внутреннего мира, останавливая насильственное обращение иудеев в христианство, папа Григорий вовсе не оставлял надежд на христианизацию иудеев, и не только посредством слов проповеди. В качестве мотива для принятия новой веры могло быть использовано, по мнению Григория, материальное поощрение [Cohen, 2015, p. 234]. Обращаясь к субдиакону Петру, управлявшему землями на Сицилии, где находилась большая часть папских владений, Григорий предлагает снизить налоги для тех иудеев, которые работают на церковных землях и хотят принять крещение: «так как многие из иудеев живут в поместьях церкви, я желаю, чтобы, если кто-нибудь из них захочет стать христианином, им было отпущено немало из их платежей с тем, чтобы и другие, побуждаемые этим благом, могли быть движимы таким же желанием» (*Greg. Ep. II, 38*). В другом письме также в отношении Сицилии Григорий предлагает тем иудеям, которые не хотят принять крещение, налоговые послабления, и, признавая в этом случае слабость веры таких новообращенных, Григорий высказывает тем не менее надежду на то, что «хотя сами они пришли с малой верой, но те, кто могут родиться от них, будут крещены с большей верой: таким образом, мы приобретаем либо их, либо их детей» (*Greg. Ep. V, 7*). Надо полагать, что подобная мотивация могла быть действительна прежде всего в отношении зависимой и малообеспеченной части иудейской общины и вряд ли имела какое-то значение для состоятельных иудеев [Cohen, 2016, p. 336].

Политика евангелизации иудеев, очевидно, имела некоторые успехи. Григорий не раз упоминает о крестившихся иудеях (*Greg. Ep. I, 69; VIII, 21; VIII, 23; IX, 195*). Одним из вариантов приобщения к христианству могли выступать смешанные браки, которые были возможны только при условии крещения одного из брачующихся, поскольку браки между христианами и иудеями были запрещены (CTh. 3.7.2; 9.7.5). Об одном из таких браков Григорий пишет в письме названному выше субдиакону Петру, упоминая, что христианин по имени Кирияк взял в жены иудейку Иоанну, которая после обручения приняла крещение, и поскольку она стала терпеть притеснения, папа просит Петра принять необходимые меры по прекращению этого (*Greg. Ep. I, 69*).

Одна из главных проблем, возникавших в отношениях между иудеями и христианами, над разрешением которой приходилось трудиться Григорию, была связана с рабами-христианами, находившимися в собственности у иудеев [Katz, 1933, p. 128]. Владеть рабами из числа христиан иудеям было запрещено Кодексом Феодосия (CTh. 16.9.2, 399 год; 16.9.4, 417 год; 16.9.5, 423 год). Но, судя по тому, что этот запрет в законах повторялся из раза в раз, практика редко находила примирение с юридической нормой; письма же Григория свидетельствуют о том, что ситуация мало изменилась в лучшую сторону за полтора-два столетия.

В мае 593 г. Григорий направил письмо претору Сицилии Либертину, обвинив его в бездействии на фоне того, как некий Наса, «величайший преступник из иудеев», воздвиг на острове жертвенник в честь блаженного Илии и «кощунственным оболещением соблазнил многих христиан поклоняться там», но, самое важное, он приобрел множество рабов-христиан (*Greg. Ep. III, 37*). Григорий приказал Либертину убедиться в истинности обвинений и, если данные подтвердятся, наказать преступника самым суровым образом, в том числе используя телесные наказания (*corporaliter vindicare*). Что же касается купленных Насой рабов, то они должны были получить свободу в соответствии с предписаниями закона (*ad libertatem iuxta legum praecepta*). Следует обратить внимание не только на стремление папы проверить полученную им информацию, но и на то, что обвинение Насы крайне персонально; папа и в этом, и в других письмах даже не пытается переложить вину с конкретного иудея на весь народ [Cohen, 2015, p. 235], что, в принципе, можно было бы ожидать, учитывая традиции антииудейской литературы.

В сентябре того же года Григорий, упрекая в письме епископа каралитанского Януария, недостаточно усердствовавшего в исполнении пастырского служения, обвинил его в бездействии, в результате которого случилось так, что «рабы и рабыни из числа иудеев, бежавшие, движимые верой в церковь, были возвращены неверующим хозяевам или за них отдавался выкуп». В этой связи Григорий предписывает епископу: «мы увещеваем тебя, чтобы ты ни в коем случае не позволял этому дурному обычаю продолжаться... но независимо от того, был ли [раб] христианином раньше или крещен теперь, пусть он будет поддержан в своих притязаниях на свободу» (*Greg. Ep. IV, 9*), следуя законам Юстиниана, которые отрицали какую-либо компенсацию иудеям за потерю раба [Cohen, 2016, p. 330–331].

В своем письме, которое датируется маем 594 г., Григорий высказывает Венанцию, епископу Луны в Этрурии, свое недоумение по поводу того, что некие иудеи в этом городе владели рабами-христианами, а епископ бездействует: «до нас дошли слухи о том, что рабы из числа христиан содержатся в рабстве у иудеев, живущих в городе Луна; и это обстоятельство показалось нам еще более оскорбительным из-за вашей терпимости к этому...» (*Greg. Ep. IV, 21*). Григорий предписал, чтобы, в соответствии с благочестивейшими предписаниями закона (*secundum piissimarum legum tramitem*), ни один иудей не владел христианином как рабом. В то же время, став лично свободными, такие христиане могли продолжать работать на земле иудеев в качестве колонов, чтобы не прерывалась хозяйственная деятельность (*Greg. Ep. IV, 21*), что, по всей видимости, было немаловажно для разоряемой постоянными войнами Италии [Cohen, 2016, p. 330–331].

Самое, пожалуй, известное письмо, в котором Григорий затрагивает вопрос о работорговле, осуществляемой иудеями, адресовано неаполитанскому епископу Фортунату (*Greg. Ep. IX, 104, 1*), которое датируется февралем 599 г. Суть письма сводится к тому, что некие иудеи торговали в Неаполе рабами, приобретенными в Галлии; в числе их оказались и христиане, что вызвало обеспокоенность Фортуната, который, судя по всему, этих рабов конфисковал, в чем получил поддержку со стороны Григория. Однако после этого купцы обратились с жалобой к папе на решение епископа; по крайней мере, Григорий пишет о визите к нему еврея Василия вместе с другими иудеями (*Basilio Hebraeo cum aliis Iudaeis veniento*). Из беседы с ними папа узнал, что эти торговцы людьми действовали не по своей инициативе, а купили рабов по поручению каких-то чиновников (*a diversis iudicibus reipublicae*), и вышло так, что христиане были приобретены вместе с язычниками. В итоге, чтобы не нарушать ни закона, ни коммерческих интересов, папа предписал, чтобы рабы из числа христиан были либо переданы заказчикам (*mandatoribus*), как только те появятся, либо в течение сорока дней проданы христианам.

Также Григорию приходилось вмешиваться в ситуацию, когда хозяева-иудеи пытались продать своих рабов-иудеев или язычников после заявления теми о желании принять крещение. Подобные сделки были незаконны, так как уже после этого объявления рабы должны были признаваться свободными (*Greg. Ep. VI, 29*). Активная борьба с торговлей

рабами-христианами велась Григорием и за пределами Италии. В частности, через своих представителей он пытался освободить (выкупить) христиан из-под власти иудеев на территории, контролируемой вестготами (*Greg. Ep. VII, 21*). Также он прямо адресовал вопрос королеве франков Брунгильде, почему она допускает владение рабами-христианами на своей земле, и призвал искоренить «зло этого беззакония из... королевства» (*Greg. Ep. IX, 213*). Ту же просьбу он обратил к франкским королям Теодоберту и Теодориху (*Greg. Ep. IX, 215*).

Разумеется, не следует думать, что взаимоотношения иудеев и христиан, особенно священнослужителей, сводились к прямой или скрытой конфронтации. Кроме приведенных выше примеров, свидетельствующих о том, что местные епископы порой не против были смотреть сквозь пальцы на нарушения закона со стороны иудеев, вспомним еще об одном показательном случае, описанном Григорием в письме субдиакону Антемию, управляющему папскими владениями в Кампании (*Greg. Ep. I, 66*). Из послания видно, что клирики Венафро, «движимые жаждой наживы и забыв о грядущем суде», продали некоему иудею священные сосуды и элементы церковного облачения. Григорий тщательно перечисляет: две серебряные чаши, два венца с дельфинами, лилии из других венцов, большой плащ (*pallea maiora*) и шесть малых. Узнав о случившемся, Григорий велел вернуть собственность церкви, а клирикам покаяться.

Заключение

Эта и другие истории убеждают нас в том, что, живя бок о бок с иудеями, среди которых были и землевладельцы, и торговцы, и простые земледельцы, и рабы, христиане неизбежно вступали с ними в повседневное общение, в том числе заключили браки, христианское же духовенство нередко закрывало глаза на нарушения закона или само нарушало закон вместе с иудеями. Иудеи выстраивали свою жизнь, подчиняясь местной христианской власти, и в случае нарушения своих прав искали справедливость, обращаясь в том числе непосредственно к Григорию. Многие его послания являются реакцией на подобные жалобы иудеев, которые или сами прибывали в Рим с дарами для епископа, или просили о заступничестве через знакомых, или сообщали о своих проблемах в письмах. Сами апелляции иудеев к Григорию служат свидетельством их понимания существовавшей иерархии в христианском обществе [Elukin, 2007, p. 31]. Кажущаяся уверенность, с которой они вели переговоры, должно быть, проистекала из их чувства безопасности, из понимания того, как принимаются решения в их локальных мирах [Elukin, 2007, p. 41–42]. Но важно и другое. Все обращения иудеев к римскому епископу, судя по всему, тщательно рассматривались, инициировались и проводились необходимые расследования. Григорий стремился принимать законные решения, по крайней мере, постоянные его отсылки к закону призваны были показать его поборником справедливости.

Мы должны понимать, что, действуя в реальной обстановке, в условиях внешней угрозы со стороны лангобардов, Григорий в своем отношении к иудейским общинам должен был проявлять себя в качестве трезвого политика, принимающего рациональные, направленные на поддержание порядка и внутреннего мира решения [Katz, 1933, p. 115]. Потому-то мы, скорее всего, и не встречаем в его письмах тех топосов, которые характерны для антииудейской церковной литературы.

Список литературы

- Григорий Великий. 2020. Сардинские письма. Вступительная статья, перевод с латинского и комментарий Е.С. Марей. Вестник древней истории. 3: 827–859.
- Литовченко Е.В. 2021. Позднеантичная эпистолография в контексте медиализации и культурного континуитета на латинском Западе (IV–VI вв.). Автореф. докт. дисс. Белгород, 51.

- Марей Е.С. 2017. «Законы римлян» и их применение в Испании в начале VII в. по данным писем Григория Великого. Электронный научно-образовательный журнал «История». 8. Вып. 6 (60) [Электронный ресурс]. URL: <https://arxiv.gaugn.ru/s207987840001908-7-1/> (дата обращения: 29.06.2021).
- Цивилева В.Е. 2020. Иудеи на позднеантичном Западе: случай на Менорке. Вестник Ивановского государственного университета. Гуманитарные науки. 4: 91–98.
- Ancient Letters: Classical and Late Antique Epistolography. 2007. Oxford, UP, 373.
- Brewer C. 2005. The Status of the Jews in Roman Legislation: the Reign of Justinian 527–565 CE. European Judaism: A Journal for the New Europe. 38(2): 127–139.
- Cohen R.L. 2016. El subordinado que subordina. Poseedores judíos de esclavos cristianos en el Registrum epistularum de Gregorio Magno. Gerión. 34: 325–349.
- Cohen R.L. 2015. Theological Anti-Judaism in Gregory the Great. Sefarad. 75. 5: 225–252.
- Collecting Early Christian Letters. From the Apostle Paul to Late Antiquity. 2015. Cambridge, UP, 276.
- Elukin J. 2007. Living together, living apart: rethinking Jewish-Christian relations in the Middle Ages. Princeton University Press, 208.
- Gregorii I Papae Registrum Epistolarum. T. I. Libri I–VII. 1891. Eds. P. Ewald et L.M. Hartmann. In.: MGH Epp. 1. Berlin, 490.
- Gregorii I Papae Registrum Epistolarum. T. II. Libri VIII–XIV. 1899. Ed. L.M. Hartmann. In.: MGH Epp. 2. Berlin, 608.
- Katz S. 1937. Jews in the Visigothic and Frankish Kingdoms of Spain and Gaul. The Mediaeval Academy of America, Cambridge, Massachusetts, 182.
- Katz S. 1933. Pope Gregory the Great and the Jews. The Jewish Quarterly Review. 24. 2: 113–136.
- Late Antique Letter Collection. A Critical Introduction and Reference Guide. 2016. Oakland, 488.
- McLynn N.B. 1994. Ambrose of Milan: Church and Court in a Christian Capital. Berkeley, 436.
- Parkes J. 1961. The conflict of the church and the synagogue: A study in the origins of antisemitism. Cleveland and New York. The Jewish publication society of America, Philadelphia, 434.
- Savino E. 2019. Gli ebrei in Italia meridionale nell'epistolario di Gregorio Magno. Sefer yuhasin. Review for the History of the Jews in South Italy, 7: 15–33.
- Thompson E.A. 1969. The Goths in Spain. Oxford, 358.
- Trapp M.B. 2003. Greek and Latin Letters: An Anthology with a Translation. Cambridge, UP, 348.

References

- Grigorij Velikij. 2020. Sardinskie pis'ma [Sardinian letters]. Vstupitel'naja stat'ja, perevod s latinskogo i kommentarij E.S. Marej. In: Vestnik drevnej istorii [Journal of Ancient History]. 3: 827–859.
- Litovchenko E.V. 2021. Pozdneantichnaja jepistolografija v kontekste medievalizacii i kul'turnogo kontinuiteta na latinskom Zapade (IV–VI vv.) [Late Antique Epistolography in the Context of Mediavalization and Cultural Continuity in the Latin West (IV–VI centuries).]. Avtoref. dokt. diss. Belgorod, 51.
- Marej E.S. 2017. «Zakony rimljan» i ih primenenie v Ispanii v nachale VII v. po dannym pisem Grigorija Velikogo [«Laws of the Romans» and their application in the beginning of the 7th century Spain according to the Letters of Gregory the Great]. Jelektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal «Istorija». 8. Vyp. 6 (60) [Jelektronnyj resurs]. URL: <https://arxiv.gaugn.ru/s207987840001908-7-1/> (data obrashhenija: 29.06.2021).
- Civileva V.E. 2020. Iudei na pozdneantichnom Zapade: sluchaj na Menorke [Jews in the Late Antique West: The Case of Minorca]. In: Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki [Ivanovo State University Bulletin. Series «The Humanities»]. 4: 91–98.
- Ancient Letters: Classical and Late Antique Epistolography. 2007. Oxford, UP, 373.
- Brewer C. 2005. The Status of the Jews in Roman Legislation: the Reign of Justinian 527–565 CE. European Judaism: A Journal for the New Europe. 38(2): 127–139.
- Cohen R.L. 2016. El subordinado que subordina. Poseedores judíos de esclavos cristianos en el Registrum epistularum de Gregorio Magno. Gerión. 34: 325–349.
- Cohen R.L. 2015. Theological Anti-Judaism in Gregory the Great. Sefarad. 75. 5: 225–252.
- Collecting Early Christian Letters. From the Apostle Paul to Late Antiquity. 2015. Cambridge, UP, 276.
- Elukin J. 2007. Living together, living apart: rethinking Jewish-Christian relations in the Middle Ages. Princeton University Press, 208.

- Gregorii I Papae Registrum Epistolarum. T. I. Libri I–VII. 1891. Eds. P. Ewald et L.M. Hartmann. In.: MGH Epp. 1. Berlin, 490.
- Gregorii I Papae Registrum Epistolarum. T. II. Libri VIII–XIV. 1899. Ed. L.M. Hartmann. In.: MGH Epp. 2. Berlin, 608.
- Katz S. 1937. Jews in the Visigothic and Frankish Kingdoms of Spain and Gaul. The Mediaeval Academy of America, Cambridge, Massachusetts, 182.
- Katz S. 1933. Pope Gregory the Great and the Jews. The Jewish Quarterly Review. 24. 2: 113–136.
- Late Antique Letter Collection. A Critical Introduction and Reference Guide. 2016. Oakland, 488.
- McLynn N.B. 1994. Ambrose of Milan: Church and Court in a Christian Capital. Berkeley, 436.
- Parkes J. 1961. The conflict of the church and the synagogue: A study in the origins of antisemitism. Cleveland and New York. The Jewish publication society of America, Philadelphia, 434.
- Savino E. 2019. Gli ebrei in Italia meridionale nell'epistolario di Gregorio Magno. Sefer yuhasin. Review for the History of the Jews in South Italy, 7: 15–33.
- Thompson E.A. 1969. The Goths in Spain. Oxford, 358.
- Trapp M.B. 2003. Greek and Latin Letters: An Anthology with a Translation. Cambridge, UP, 348.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Цивилева Валентина Евгеньевна – магистрант исторического факультета, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия

Valentina E. Tsivileva, Student of the History Faculty of Ivanovo State University, Ivanovo, Russia

Тюленев Владимир Михайлович – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия

Vladimir M. Tyulenev, Doctor of History, Professor of the Department of General History and International Relations, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia

УДК 9(73)
DOI 10.52575/2687-0967-2022-49-1-90-96

Взаимоотношения СССР и США в доктрине национальной безопасности и принципов «распространения демократии» администрации Р. Рейгана

Королькова Н.В.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: nat.korolkova@list.ru

Аннотация. В статье рассмотрено применение стратегии США по «распространению демократии» в рамках доктрины национальной безопасности администрации Р. Рейгана. Показана инверсия между милитаристским и «мягким» составляющими данной стратегии. Рональд Рейган рассматривал внешнеполитическую деятельность США в русле мессианской концепции, согласно которой США были призваны быть нацией-спасительницей и бороться со злом во всем мире. Региональные конфликты Рейган считал порожденными извне, из-за происков коммунистического режима СССР, который считал главным мировым злом, с которым нужно бороться и очищать мир от него. В советско-американских отношениях в 1980-е годы наблюдалась жесткая конфронтация, в результате которой СССР потерпел поражение в «холодной войне».

Ключевые слова: распространение демократии, холодная война, противостояние СССР и США, международные отношения, локальные конфликты, Рейган

Для цитирования: Королькова Н.В. 2022. Взаимоотношения СССР и США в доктрине национальной безопасности и принципов «распространения демократии» администрации Р. Рейгана. *Via in tempore. История. Политология.* 49 (1): 90–96. DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-1-90-96

Relations of the USSR and the USA in the doctrine of national security and the principles of «distribution of democracy»

Natalia V. Korolkova

Belgorod National Research University,
85 Pobeda St., Belgorod 308015, Russia
E-mail: nat.korolkova@list.ru

Abstract. The article examines the application of the US strategy of «spreading democracy» within the framework of the national security doctrine of the Reagan administration. The inversion between the militaristic and «soft» components of this strategy is shown. Ronald Reagan viewed US foreign policy in line with the messianic concept, according to which the United States was called to be a savior nation and fight evil around the world. Reagan considered regional conflicts to be generated from the outside, because of the intrigues of the communist regime of the USSR, which he considered the main world evil, with which it was necessary to fight and cleanse the world of it. In the Soviet-American relations in the 1980s, there was a tough confrontation, as a result of which the USSR was defeated in the Cold War.

Keywords: spread of democracy, cold war, confrontation between the USSR and the USA, international relations, local conflicts, Reagan

For citation: Korolkova N.V. 2022. Relations of the USSR and the USA in the doctrine of national security and the principles of «distribution of democracy». *Via in tempore. History and political science.* 49 (1): 90–96 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-1-90-96

Введение

Вторая половина XX в. была новым периодом для США, который стремился выйти на ведущие роли в мировой политике и добиться глобального влияния во всех регионах земного шара. Несмотря на наличие различных идеологий, господствующей в демократическом мире стала американская точка зрения. Экспансия США проводилась на основе политики «распространения демократии», подаваемой как привлечение и интеграция более отсталых стран в мировую экономику, что также обеспечивало и экономическое лидерство США. Важными аспектами этой политики было установление собственного влияния, контроль над источниками сырья и дешевой рабочей силой, а также борьба с СССР и социалистической системой.

Результаты и их обсуждение

Президентские выборы 1980 года закончились убедительной победой республиканца Рональда Рейгана. Это стало переломным моментом внешней политики США, когда система «разрядки» международных отношений с СССР (1960-е – начало 1970-х гг.) сменилась открытой конфронтацией с Советами. Кроме того, произошел отход от «реалполитик», основным проводником которой был 5-й госсекретарь Генри Киссинджер, к открытой политике мессианства и возрождение мессианской роли США в мире [Хворостяный, 2006, с. 49–55].

Рейган в своих выступлениях представлял Соединенные Штаты в качестве оплота и главного защитника свободы от тоталитаризма, напрямую апеллируя к таким понятиям как «божественный промысел» и «провидение». В одном из выступлений 40-й президент США привел цитату Папы римского Пия XII: «В руки Америки Бог отдал страждущее человечество» [Weekly Compilation of Presidential Documents, 1981, p. 562]. В одном из радиообращений Рейган высказал предположение, что сам Господь разместил богатый американский континент между двумя океанами, чтобы поддерживать любовь к вере, свободе и миру во всем мире [Weekly Compilation of Presidential Documents, 1982b, p. 1521].

Члены неоконсервативного лагеря в США выступили сторонниками идеи американской «миссии» на Земном шаре. Заместитель директора радиостанции «Голос Америки» С. Кропси считал, что США обладает уникальной в мире ролью морального лидера и призваны защищать добро по всему миру [Cropsey, 1983, p. 31]. А. Шлезингер подчеркивал, что внешняя политика 1980-х годов предполагала отказ от подхода, основанного на национальных интересах, как было при основании Соединенных Штатов; теперь она базировалась на идеологической составляющей об американской нации-спасительнице мира [Шлезингер, 1992, с. 83]. В итоге США представляли как бесконечно добродетельное государство, противостоящее козням бесконечно порочного СССР – корня мирового зла. По словам Рейгана, Советский Союз был «сосредоточием зла в современном мире». Это привело к тому, что советско-американские отношения в американской идеологии приобрели форму борьбы сил добра с силами зла, правды и лжи, света и тьмы. Рейган подчеркивал образ США как силы, которая самим Богом и Священным писанием призвана бороться со всем злом в мире, а СССР представал в образе мирового преступника, способного на любое зло, ложь, обман и козни [Шлезингер, 1992, с. 84].

Американский публицист, политолог и литературный критик Норман Подгорец считал, что в истоках конфликта между США и СССР лежат основополагающие философские, идеологические, социально-политические различия. По мнению автора, СССР выступал в роли тоталитарного антипода светлой и демократической Америке, наподобие нацистской Германии второй половины XX в., наращивая военную мощь и экономическую экспансию по всему миру, так что с ним было необходимо бороться всеми методами [Подгорец, 1981, с. 39–40]. Политолог указывал, что после окончания Второй мировой войны главной угрозой человечеству стал коммунизм [Подгорец, 1981, с. 41].

Цель внешней политики Рональда Рейгана – установление демократических режимов по всему миру или хотя бы приближение этого дня, чтобы все страны стали счастливыми и процветающими, а соответственно, надо свергнуть колосс в виде СССР [Weekly Compilation of Presidential Documents, 1982a, p. 1457]. По факту такой курс обозначал пересмотр ялтинско-потсдамской системы международных отношений, установленной после Второй мировой войны. Теперь в руководстве США не признавали зон и сфер влияния СССР в мире и изменяли подход к конфликтам внутри социалистического лагеря и региональным конфликтам.

В основе концепции внешней политики администрации Рейгана лежала идея о том, что противостояние демократической западноевропейской системы и советской социалистической (коммунизм) неизбежно. Именно закулисные действия СССР стали преподноситься как главный фактор всех региональных конфликтов на земном шаре, чтобы вбить клин между государствами и породить режимы, которые были направлены против собственных народов и против всех остальных [Weekly Compilation of Presidential Documents, 1985, p. 1294].

В итоге все противники СССР и союзных ему режимов воспринимались как носители идей свободы и независимости, которых надо было поддерживать. Также воспринимались и афганские моджахеды, которые оказывали сопротивление «порабощению» Советами в борьбе за свободу Афганистана. СССР же своей политикой изолировал себя от мирового сообщества, объединившегося против него [Weekly Compilation of Presidential Documents, 1983, p. 1748].

В то же время, популяризируя демократические режимы, США большую роль в своей международной политике и разрешении региональных конфликтов отводили и военной силе. Она рассматривалась как неотъемлемая часть эффективной дипломатии [Белевцева, 2013, с. 49–56]. Начало данной политики идёт к первому президентскому сроку Рональда Рейгана, когда распространение демократии военными методами считалось нормой. В январе 1983 г. было обнародовано решение президента № 77, сущность которого состояла в принципах наращивания способностей правительства Соединённых Штатов способствовать распространению демократических режимов [Management of Public Diplomacy Relative to National Security, 1983].

Эта политика президента была поддержана в 1983 году Сенатом, принявшим в марте этого года резолюцию № 15, носившую название «Мир посредством силы». Такая же резолюция под № 83 была принята и Конгрессом США. Данная стратегия нашла воплощение в платформе «Национальная стратегия мира посредством силы», разработчиками которой выступили правый консерваторы [A Strategy For Peace Through Strength, 1984]. Данная доктрина использовалась США в решении региональных конфликтов не только в 1980-е годы, но и в последующие времена. Ведущие американские политологии Дж. Киркпатрик и А. Джерсон идеологически обосновывали доктрину Рейгана, связывая вмешательство США в внутривнутриполитические дела стран третьего мира с защитой прав человека и национальными американскими интересами. Таким образом обосновывалась легитимность этого вмешательства [Henkin, 1991, p. 20]. Аналогичной точки зрения придерживался идеолог У. Хан и его сторонники, в частности по политике вмешательства в дела южноамериканских государств [Hahn, 1987].

Также американские идеологи считали, что насущной целью Соединённых Штатов является борьба с коммунистическими режимами по всему миру во всех их проявлениях, из-за чего следует оказывать военную помощь самым разнообразным «борцам за свободу», являющимся противниками этих режимов. Также это предполагало превосходство военно-морских сил США и всего «свободного мира» в океанах для охраны коммуникаций, доставки грузов и т. д. [A Strategy For Peace Through Strength, 1984]. Это предполагало давление и на западноевропейских союзников, которые должны были разделять эту доктрину.

25 октября 1985 года состоялась юбилейная 40-я сессия Генассамблея ООН, где США выдвинули свой план по урегулированию всех местных конфликтов. Он предполагал, что все страны-участницы конфликтов должны стремиться вернуться в «семью свободных народов», в итоге чего США не будет вспоминать прошлые разногласия и политические режимы этих стран, но при условии, что там установится демократическая система и защита прав человека [Weekly Compilation of Presidential Documents, 1985].

Во второй половине 1980-х годов ситуация на международной арене благоприятно изменилась в пользу США, что способствовало укреплению стратегии распространения демократии и ее более успешной реализации.

Региональная политика США во второй половине 80-х гг. в формате борьбы за свободу во всём мире против тоталитарных режимов была изложена в послании Рональда Рейгана конгрессу в марте 1986 г. и получила развитие в представленных конгрессу в январе 1987 и 1988 гг. докладах «Стратегия национальной безопасности США» [Weekly Compilation of Presidential Documents, 1986, p. 356–364; The National Security Strategy of the United States, 1988]. В данной стратегии предполагалось активное использование «мягкой силы» для решения региональных конфликтов, дабы повернуть вспять продвижение коммунистических режимов в этих странах – создавался привлекательный образ «демократического государства», способствуя усилению влияния Соединенных Штатов в той или иной стране [A Strategy For Peace Through Strength, 1984, p. 72].

Важную роль в этой стратегии играла пропаганда западных либеральных ценностей, преимуществ рыночной экономики, антиподом чего выступала советская система. Образ СССР был идеологическим пугалом, призванным очернить его экономическую модель и показать ужасы коммунистического режима. Он эксплуатировался многими американскими политиками. Важнейшими трансляторами этой идеологии были радиостанции «Голос Америки», «Свобода», «Свободная Европа» [Белевцева, 2013, с. 49–56].

В то же время претензии США на защиту демократии и свобод по всему миру декларативно вне государственных интересов на самом деле защищала именно национальные интересы США. США урегулировал конфликты именно в своих интересах, устанавливая в странах свое влияние, применял силу против тех стран, которые отказывались от американских условий урегулирования. Даже сам Рейган заявлял, что, если национальные интересы Соединенных Штатов будут находиться под угрозой, США не будет пассивно за этим наблюдать и бездействовать. Слова о «руководящей позиции» США в мире отражены в ежегодном послании Конгрессу «О положении страны», которое было сделано 27 января 1987 года [Weekly Compilation of Presidential Documents, 1987].

Во внешней политике США придерживались манихейской позиции борьбы добра и зла. Если региональная страна противостояла коммунистической идеологии, США помещали её на сторону «сил света», а те, которые склонялись к социалистической модели, относились к «силам тьмы». Все конфликты, которые могли нарушить текущее положение вещей, воспринимались как происки коммунистов и следствие мирового социалистического заговора [Keglye, Wittkopf, 1983, p. 227–228]. По мнению Рейгана, именно «рука Советов» возбуждала все конфликты и беспорядки в мире, и если бы не было Советского Союза, то планета жила бы в мире и гармонии без войн и раздоров [Smith, 1980, p. 172].

Глобальным дестабилизирующим фактором, согласно рейгановской концепции, было военное превосходство советского оружия, которое США и его союзникам было необходимо преодолеть. Это была приоритетная задача, так как по словам Рейгана, военное преобладание Советского Союза несло прямую угрозу и национальным интересам США, и демократическим ценностям и свободе во всем мире. Планета не могла быть в спокойствии, пока таковая ситуация наличествовала. В таком мире нет смысла существовать. Вследствие этого США всячески оправдывали наращивание своих военных сил, объясняя это ответом на нарастание военной мощи Советов и стремлением предотвратить Третью мировую войну [The official Ronald Reagan Quote Book, 1980, p. 201–208].

Практическая реализация политики администрации Рейгана предполагала два способа решения конфликтов: 1) применение «мягкой силы»; 2) силовое вмешательство. Президент считал, что любая дипломатия без поддержки оружием является пустой болтовней [Reagan, 1986, p. 1–8]. Именно поэтому США, чтобы поддерживать так называемые «демократические силы», то есть своих союзников в региональных конфликтах, поставляли вооружение и спонсировали деньгами и оппозицию в Афганистане («моджахеды»), военное движение УНИТА в Анголе, «контрас» в Никарагуа, режимы Сианука и Сон Санна в Камбодже. Даже неважно было, насколько сами эти силы соответствовали образу «демократии» в реальности, главное была их антикоммунистическая позиция. Также США не ослабляли военное присутствие в Южной Корее, дабы обеспечить безопасность от неожиданного удара со стороны КНДР, взяли под военный контроль Персидский залив, обеспечивая свое присутствие на Ближнем Востоке [Белевцева, 2013, с. 49–56].

В конце 1980-х гг. из-за ослабления позиций СССР и перестроечного курса М. Горбачева на «новое мышление» во внешней политике США стали чаще использовать политику «мягкой», а не «грубой» силы. Это стратегия основывалась на продвижении идей демократии. В решении региональных конфликтов США теперь стремились обеспечить примирение сторон, вывод иностранных войск из стран и распространение американской идеологии и образа жизни с установлением демократического режима. В обществе предполагался компромисс, терпимость и распространение демократических идей. Эти тезисы были озвучены президентом США в 1985 г. на очередной Генассамблее ООН [Reagan, 1988, p. 16–17].

По итогам своего президентства в 1988 г. Рейган заявлял, что, благодаря усилиям США и американской военной помощи, такие страны, как Камбоджа, Афганистан и Ангола получили новую надежду на свободу, мир и демократию. Белый дом смог взять под контроль «проблемные регионы» и там урегулировать конфликты. Было подорвано влияние Советов в этих странах, что не дало распространиться дальше «заразе» коммунизма, а также ослабить связи Советского Союза со своими партнерами в странах третьего мира [The official Ronald Reagan Quote Book, 1980, p. 201–208].

Выводы

В целом именно внешней политике сдерживания коммунизма со стороны США президент Рейган приписывал кризис социалистической системы, запущенный переговорный процесс между СССР и США, закончившийся развалом СССР и падением социалистического лагеря. Это было объявлено триумфом американской внешнеполитической доктрины и дипломатии, хотя на самом деле крах социалистической системы предопределили более глубокие причины, а не только силовое и дипломатическое давление США. Однако именно Рональд Рейган вошел в историю как президент США, выигравший «холодную войну», нанеся тотальное поражение СССР.

Список литературы

- Белевцева С.Н. 2013. Реализация американской стратегии «распространения демократии» посредством урегулирования региональных конфликтов в период второго президентского срока Р. Рейгана. В: Известия Саратовского ун-та. Новая серия. Сер. История. Международные отношения. Т. 13, вып. 3: 49–56.
- Подгорец Н. 1981. Будущая опасность. В: Комментарий. № 4 (апрель): 39–56.
- Хворостяный А.А. 2006. Советско-американские отношения в доктрине национальной безопасности администрации Р. Рейгана. В: Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. № 4 (136): 49–55.
- Шлезингер А. 1992. Циклы американской истории. М., Прогресс, 643.
- A Strategy for Peace Through Strength. Virginia: The American Security Council Foundation, 1984.

- Cropsey S. 1983. Why America Needs a Strong Voice Abroad. In: *The Latter*. The Institute for Contemporary Studies (ICS). Jan. – April: 30–42.
- Hahn F. 1987. *Central America and the Reagan Doctrine*. Lanham, Md.: University Press of America, 318.
- Henkin L. (ed.). 1991. *Right v. Might: International Law and the Use of Force*. New York, Council on Foreign Relations Press, 400.
- Kegley Ch.W. Jr., Wittkopf E.R. 1983. Beyond Consensus: The Domestic Context of American Foreign Policy. In: *International Journal*. Vol. 38, No. 1: 77–106.
- Management of Public Diplomacy Relative to National Security (NSC-NSDD-77). Washington: The White House, Jan. 14, 1983.
- Reagan R. 1982. Radio Address to the Nation. April. 3. In: *Weekly Compilation of Presidential Documents*. Vol. 24. № 39: 1–2.
- Reagan R. 1986. Freedom, Regional Security and Global Peace. Message to the Congress. March 14. In: *United State Department of State. Bureau of Public Affairs*. № 143: 1–8.
- Reagan R. 1988. Written Responses to Questions Submitted by Southeast Asian News Organization. May 23. In: *Weekly Compilation of Presidential Documents*. Vol. 24. № 21: 16–17.
- Smith H. 1980. Reagan: What Kind of World Leader? In: *New York Times Magazine*. Nov. 16: 172–184.
- The National Security Strategy of the United States. Washington: The White House, 1988.
- The official Ronald Wilson Reagan quote book. St. Louis Park, Min.: Chain-Pinkham Books, 1980.
- Weekly Compilation of Presidential Documents*. Vol. 18. № 45. Washington: U.S.G.P.O., 1982a.
- Weekly Compilation of Presidential Documents*. Vol. 18. № 47. Washington: U.S.G.P.O., 1982b.
- Weekly Compilation of Presidential Documents*. Vol. 21. № 43. Washington: U.S.G.P.O., 1985.
- Weekly Compilation of Presidential Documents*. Vol. 22. № 11. Washington: U.S.G.P.O., 1986.
- Weekly Compilation of Presidential Documents*. Vol. 23. № 4. Washington: U.S.G.P.O., 1987.
- Weekly Compilation of Presidential Documents*. Vol. 17. № 22. Washington: U.S.G.P.O., 1981.

References

- Belevceva S.N. 2013. Realizaciya amerikanskoj strategii «rasprostraneniya demokratii» posredstvom uregulirovaniya regional'nyh konfliktov v period vtorogo prezidentskogo sroka R. Rejgana [Implementation of the American strategy of «spreading democracy» through the settlement of regional conflicts during the second presidential term of R. Reagan]. In: *Izvestiya Saratovskogo un-ta. Novaya seriya. Ser. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya* [News of Saratov University. New seria. Ser. History. International relationships]. T. 13, issue 3: 49–56 (in Russian).
- Podgoretz N. 1981. Buduschaya opastnost [The future danger]. In: *Kommentariy*. [Commentary]. № 4 (April): 39–56 (in Russian).
- Hvorostyanyj A.A. 2006. Sovetsko-amerikanskije otnosheniya v doktrine nacional'noj bezopasnosti administracii R. Rejgana [Soviet-American relations in the national security doctrine of the R. Reagan administration]. In: *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Severo-Kavkazskij region. Obshchestvennye nauki* [News of higher educational institutions. North Caucasian region. Social Sciences]. № 4 (136): 49–55 (in Russian).
- Shlezinger A. 1992. *Tsikly amerikanskoj istorii* [Cycles of American History]. Moscow, Progress, 634 (in Russian).
- A Strategy for Peace Through Strength*. Virginia: The American Security Council Foundation, 1984.
- Cropsey S. 1983. Why America Needs a Strong Voice Abroad. In: *The Latter*. The Institute for Contemporary Studies (ICS). Jan. – April: 30–42.
- Hahn F. 1987. *Central America and the Reagan Doctrine*. Lanham, Md.: University Press of America, 318.
- Henkin L. (ed.). 1991. *Right v. Might: International Law and the Use of Force*. New York, Council on Foreign Relations Press, 400.
- Kegley Ch.W. Jr., Wittkopf E.R. 1983. Beyond Consensus: The Domestic Context of American Foreign Policy. In: *International Journal*. Vol. 38, No. 1: 77–106.
- Management of Public Diplomacy Relative to National Security (NSC-NSDD-77). Washington: The White House, Jan. 14, 1983.
- Reagan R. 1982. Radio Address to the Nation. April. 3. In: *Weekly Compilation of Presidential Documents*. Vol. 24. № 39: 1–2.

- Reagan R. 1986. Freedom, Regional Security and Global Peace. Message to the Congress. March 14. In: United State Department of State. Bureau of Public Affairs. № 143: 1–8.
- Reagan R. 1988. Written Responses to Questions Submitted by Southeast Asian News Organization. May 23. In: Weekly Compilation of Presidential Documents. Vol. 24. 21: 16–17.
- Smith H. 1980. Reagan: What Kind of World Leader? In: New York Times Magazine. Nov. 16: 172–184.
- The National Security Strategy of the United States. Washington: The White House, 1988.
- The official Ronald Wilson Reagan quote book. St. Louis Park, Min.: Chain-Pinkham Books, 1980.
- Weekly Compilation of Presidential Documents. Vol. 18. № 45. Washington: U.S.G.P.O., 1982a.
- Weekly Compilation of Presidential Documents. Vol. 18. № 47. Washington: U.S.G.P.O., 1982b.
- Weekly Compilation of Presidential Documents. Vol. 21. № 43. Washington: U.S.G.P. O., 1985.
- Weekly Compilation of Presidential Documents. Vol. 22. № 11. Washington: U.S.G.P.O., 1986.
- Weekly Compilation of Presidential Documents. Vol. 23. № 4. Washington: U.S.G.P.O., 1987.
- Weekly Compilation of Presidential Documents. Vol. 17. № 22. Washington: U.S.G.P.O., 1981.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Королькова Наталья Валентиновна, аспирант, ассистент кафедры всеобщей истории, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

Natalia V. Korolkova, Postgraduate Student, Department of World History, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ TOPICAL ISSUES OF RUSSIAN HISTORY

УДК 930.85

DOI 10.52575/2687-0967-2022-49-1-97-111

Становление и эволюция символики европейского орденового одеяния и ее влияние на развитие элитарной дворянской отечественной культуры

Кулабухов В.С., Рудюков Д.В.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, Белгородская обл., г. Белгород, улица Победы, 85, корп. 12
E-mail: 1316650@bsu.edu.ru

Аннотация. Статус кавалера ордена означал как приобщение к широкому кругу привилегированного дворянства, так и, в первую очередь, новый виток в развитии системы представлений о роли дворянства в государственной политике на различных ее уровнях. Внешние и внутренние особенности статуса кавалера были наполнены совершенно различными символично-семантическими связями с предыдущими историческими периодами, его правовым статусом и их культурно-политическим значением. Соответственно, символично-семантические особенности развития орденовых инсигний (в частности орденового одеяния) развивались различным образом на протяжении всего процесса своей эволюции и в разной степени взаимодействовали с теми или иными аспектами политической и элитарной культуры. В данной статье рассмотрено символическое значение и эволюция орденового одеяния, постепенная потеря его значения как орденовой инсигнии и его значение как культурного феномена в отечественной истории и по отношению к элитарной дворянской культуре.

Ключевые слова: орден, кавалеры, история культуры, дворянство, дворянская культура, Возрождение, Средние века, Новое время, Франция, рыцарский орден, одеяние, инсигния

Благодарности: работа выполнена при поддержке Государственного музея-заповедника «Царицыно» и благодаря неоценимой помощи искусствоведа, кандидата искусствоведения, доцента МГИК и коллекционера М.М. Тренихина, научного сотрудника Государственного музея-заповедника «Царицыно».

Для цитирования: Кулабухов В.С., Рудюков Д.В. 2022. Становление и эволюция символики европейского орденового одеяния и ее влияние на развитие элитарной дворянской отечественной культуры. *Via in tempore. История. Политология.* 49 (1): 97–111. DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-1-97-111

The formation and evolution of the symbolism of the European Order attire and its influence on the development of elite noble national culture

Vladimir S. Kulabukhov, Denis V. Rudjukov

Belgorod National Research University,
85, Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia
E-mail: 1316650@bsu.edu.ru

Abstract. The status of order cavalier meant both inclusion in a wide range of privileged nobility, and, first of all, a new round in the development of the system of ideas about the role of the nobility in state

policy at its various levels. The external and internal features of the status of the cavalier were filled with completely different symbolic and semantic connections with previous historical periods, its legal status and their cultural and political significance. Accordingly, the symbolic and semantic features of the development of order insignia (in particular, order attire) developed in different ways throughout the entire process of their evolution and interacted to varying degrees with certain aspects of political and elite culture. This article discusses the process of becoming, the symbolic meaning and evolution of the order attire and its gradual loss as an order insignia and its significance as a cultural phenomenon by the Russian history and by the elite noble culture of 18-19th century.

Keywords: order, cavaliers, cultural history, nobility, noble culture, Renaissance, Middle Ages, Modern times, France, knightly order, attire, insignia

Acknowledgements: The work is carried out with the support of the State Museum-Reserve «Tsaritsyno» and thanks to the invaluable help of an art critic, candidate of art history, associate professor of the Moscow State Institute of Cinematography and collector M.M. Trenikhin, researcher at the Tsaritsyno State Museum-Reserve.

For citation: Kulabukhov V.S., Rudjukov D.V. 2022. The formation and evolution of the symbolism of the European Order attire and its influence on the development of elite noble national culture. *Via in tempore. History and political science.* 49 (1): 97–111 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-1-97-111

Введение

Актуальность тематики данного исследования обуславливается необходимостью системного изучения процессов эволюции классических орденских инсигний. В связи с недостаточной изученностью вопросов, связанных с систематизацией и междисциплинарной спецификой фалеристических исследований, в исторической науке в целом существует огромный пробел в понимании роли наград в жизни России на протяжении всей ее истории. Особого внимания заслуживает период активных событий и преобразований, связанных с изменением политического мышления и модели государственного строительства в европейских странах, в том числе и в нашей стране – XVII–XVIII вв. Так как наградное дело как отрасль исторического знания является довольно обширной, имеет смысл изучить его отдельные аспекты и установить их связь с соответствующими сферами жизни общества и государства в их единстве. В данном случае проблема исследования заключается в отсутствии доказанной логической связи между: а) фактическими сведениями о развитии орденского одеяния как символично-семантического компонента деятельности ордена как организации; б) социально-политическим положением орденских кавалеров и их статусом; и в) уровнем развития элитарной культуры и ее ролью в жизни общества.

Логика изучения истории орденского одеяния кавалеров предполагает синхронно-хронологическое исследование в рамках истории рыцарских, дворянских и военных орденов, т. к. объектом рассмотрения является один из визуально-смысловых атрибутов принадлежности к обособленной группе людей с особым социально-правовым статусом, собственными целями и задачами. Так, орденское одеяние можно рассматривать с точки зрения данного аспекта поэтапно, уделяя внимание на каждом из этапов становлению отдельного комплекса значимых символов орденской корпорации. Рассмотрим историю формирования визуальных символов орденских корпораций с момента зарождения рыцарского движения в общих его чертах и до момента их логического и легитимного оформления в качестве обязательного элемента элитарной культуры.

Прежде всего, стоит подчеркнуть, что орден как организация – это условно замкнутая военно-религиозная или узкая социально-политическая система, организованная с определенными целями и задачами с учетом комплекса заранее разработанных и обязательных принципов.

Объекты и методы исследования

Как уже было отмечено выше, важную роль в исследовании связи между историческим ходом эволюции того или иного компонента ордена и процессами социально-политической истории государства играет хронологический метод, выраженный в последовательном рассмотрении особенностей развития орденского одеяния. Диахронный метод был выражен при разделении истории эволюции орденской корпоративной структуры для выполнения задач данного исследования на три периода – рыцарские, дворянские, военные. Для оформления выводов был задействован гибрид историко-системного и сравнительного методов, что обуславливается необходимостью сопоставления особенностей европейских и российских принципов ведения наградного дела относительно роли орденского одеяния в дворянской культуре и восприятию наградных знаков в политическом мышлении в тот или иной период, выделенный по признаку, упомянутому выше.

Обзор фактических сведений о мировой истории орденского одеяния

Первым известным орденом в его классическом значении привилегированной рыцарско-религиозной организации является Мальтийский орден (орден госпитальеров Святого Иоанна Иерусалимского), основанный в 1048 году и функционирующий до наших дней. Изначально он был организован как христианская монашеская организация, на которую были возложены функции по заботе о раненых пилигримах и рыцарях и их лечении на Святой земле (в регионе Иерусалим и близлежащей округе). Однако в период Крестовых походов организации была предоставлена вооруженная охрана, которая очень быстро начала оказывать влияние на деятельность монахов и постепенно слилась с ними. За 14 лет (1099–1113 гг.) монашеский орден госпитальеров получил репутацию защитников христианской (узко говоря – католической) веры на Востоке, которая и была официально закреплена в булле Папы Римского Пасхалия II 15 февраля 1113 года в форме суверенитета ордена и его имущества, приобретенного «любым законным путем» или в качестве подарка от светских властей [Демурже, 2008, с. 108].

Спустя 7 лет первый Великий магистр ордена Раймонд де Пюи (1083–1160, получил титул в 1113 году) разработал «Правила блистательного Раймонда де Пюи», утвержденные Папой Каликстом II в 1123 году. «Конституция брата Раймонда» (как гласило самоназвание документа, в котором Раймонд де Пюи именовал себя Смотрителем Иерусалимской больницы) утверждала очень аскетичные нормы поведения братьев ордена и регламентировала, пожалуй, полностью все аспекты жизни монахов-госпитальеров – от трех постулатов (целомудрие, послушание, бедность) до деталей проповеднических миссий и разрешения брачных споров между монахами. Этот документ нельзя назвать статутом ордена госпитальеров в современном значении этого слова, скорее его можно охарактеризовать как классический устав монашеского объединения с благотворительными целями. Стоит отметить, что жестко порицалась частная собственность (если монах оставлял завещание насчет своего имущества, что был обязан сделать при его наличии, в отношении него применялись строжайшие и позорнейшие наказания, после которых на провинившегося налагался бессрочный строгий пост), что отчасти характеризует черты их сходства с коммунистической идеологией. Особого внимания требует отношение ордена к одежде монахов.

На раннем этапе развития орденской атрибутики, позволяющей идентифицировать членов организации госпитальеров, не существовало как таковой. Вместо нее существовал ряд разрозненных правил в одежде и быту:

1) было запрещено носить ярко окрашенную одежду (типа драс-изамбруна – ориг. «dras. ysambruns» (старофр.) от старофр. des dras – монах, Isambrun, иск. – ysambruns, от стар. нем. верхнегерм. – asun «железный») – шерстяная ткань железного или темно-коричневого цвета для изготовления мужской одежды в XII–XIII веках [Larousse, 1898, с. 26–28] и галембруна (желто-коричневая ткань, названная по одноименной деревне в округе Лаунак в области

Верхняя Гаронна, на юго-западе Окситании во Франции) [Pottier, 1953, с. 432–433]), меха животных или фустиан (ориг. – fustaines, фустиан – futaine à poil, русск. – бумазая, плотная мягкая хлопковая ткань саржевого плетения с ворсом или начесом, право на производство которой к XII веку принадлежало только определенным гильдиям Европы, например, цеху Пьетро ди Преда в Милане или Бар-сюр-Аубе во Франции) – п. 8 Правил;

2) на груди предписано на сутанах и мантиях носить крестное знамение. Не уточняется, какой именно крест наносить на одежду – п. 19 [Lagleder, 1983].

История происхождения Мальтийского креста ордена госпитальеров или креста ордена Святого Иоанна Иерусалимского весьма проста и в то же время загадочна. По официальной версии, абсолютное большинство из числа монахов-госпитальеров составляли выходцы из города Амальфи в Южной Италии, символом которого был восьмиконечный крест, собранный в центре. Выбирая эмблему для Иерусалимского госпиталя, братья выбрали эмблему своего родного города, которую затем, предположительно, нанесли на свои рясы и сутаны в качестве опознавательного знака при передвижении по городу. В пользу этой версии говорит наличие подобных крестов в эмблемах других рыцарских католических орденов (например, орден рыцарей Креста с Красной Звездой, основанный святой чешкой Агнессой Премысл, но в составе которого было много выходцев из Южной Италии и Южной Франции) [Орешкина, 2015, с. 2].

Тевтонский орден (Ordo Teutonicus или Deutscher Orden – Немецкий орден), основанный в 1190 году, представляет собой направление внутри движения иоаннитов-госпитальеров. История ордена настолько таинственна и искусственно запутана, что из его символики и знаков орденской принадлежности историки знают только о возможности ношения монахами белых плащей или белых кафтанов с нанесенным на них черным латинским крестом. Униформа габсбургских «тевтонов» состояла из белого мундира с глухим черным воротником и черными обшлагами; надевавшегося поверх мундира белого супервеста с нашитым на груди черным лапчатым орденским крестом с серебряной каймой; белых брюк, заправленных в высокие черные сапоги с золотыми шпорами; надевавшегося поверх мундира белого плаща-пелерины с черным, окаймленным серебром, лапчатым орденским крестом на левом плече, скрепленного на груди. Позже великим магистрам ордена было разрешено на их гербах наносить золотой иерусалимский (сложный) крест. Но в классическом смысле инсигний ордена у тевтонцев не существовало. Присутствовали, однако, шесть различных классов для членов ордена: братьев рыцарей, братьев священников, прочих (anderen) братьев, полубратьев, служащих ордена, сестер ордена, и, наконец, фамильяриев – светских людей [Perlbach, 1890, с. 3–4]. Больше ни о каких знаках различия источники не упоминают.

Тем самым этап развития одежд членов духовно-рыцарских религиозных орденов Европы дал впоследствии одну из значимых орденских инсигний – кавалерское одеяние, которое происходит прямо от плащей, кафтанов и сутан монахов-госпитальеров и других монахов-рыцарей, которые наносили символы своих объединений на простые одежды. Позже эти одежды начали производиться из более дорогих тканей, а суровые и однотонные монашеские облачения начали украшаться отдельными значками, нашивками и другими декоративными элементами.

Из российских орденов первым был учрежден Орден Святого Апостола Андрея Первозванного (1698 год, высочайшей волей царя Петра Алексеевича). Он одновременно восстанавливал традиции замкнутой орденской организации и учреждал новые принципы награждения, отличные от сугубо светских орденов Европы, учрежденных после победы протестантского движения в целях расширения именно светского влияния монарха на дворянство и общество в целом. Касательно орденского одеяния, оно приобретает не столь значимое значение, как прежде, и становится одной из торжественных орденских инсигний.

Самое раннее упоминание и описание орденских одежд кавалеров российского ордена святого апостола Андрея Первозванного встречается в донесениях английского посланника К. Рондо от 6 декабря 1731 года, в котором он повествует о празднествах по случаю дня па-

мяти Св. Андрея Первозванного. При этом он приводит информацию, что на тот момент времени орден был учрежден «лет тридцать тому назад... Петром Великим», а «...кавалеры ордена в первый раз явились в одежде и цветах, ордену присвоенных...» [Рондо, 1889, с. 401].

Описание первого появления кавалеров включает обширное и детальное описание их внешнего вида в течение всех праздничных дней. Так, К. Рондо говорит следующее: «Все кавалеры ордена в первый раз явились в одежде и цветах, ордену присвоенных, что было очень красиво: верхнее платье их с узкими рукавами сшито из золотой материи; его украшают небольшие отвороты с рядом пуговиц до пояса, и только две складки с боков; жилет серебряной материи, панталоны такой же материи как верхнее платье, чулки белые шелковые, башмаки черного бархата с завязками из белых лент; перевязи для шпага, надетые поверх платья, золотые, а эфесы или золотые, или по крайней мере прекрасно позолоченные; на шее повязаны небольшие, короткие галстуки, завязанные или застегнутые сзади; манжеты кружевные; плащи или мантии, очень длинные, далеко – приблизительно на ярд – спадающие на пол, зеленого бархата с полосками из серебряной материи. На левой стороне мантии звезда ордена. Мантия у воротника повязана на груди узлом из красивого золотого шнура, висящего спереди до колен, с концами, украшенными прекрасными золотыми кистями. На воротник мантии или плаща надета цепь ордена, составленная из русского герба, Андреевского креста и шифра Императрицы. На всех кавалерах были парики в буклях и небольшие шапочки черного бархата с тремя стоячими перьями: двумя белыми и одним красным» [Рондо, 1889, с. 401–403].

В деталях орденское одеяние кавалеров высшего российского ордена различалось и изменялось до момента окончательного законодательного утверждения ордена Св. Апостола Андрея Первозванного Павлом I в качестве первой (высшей) степени единого Российского Кавалерского ордена в 1797 году, о чем говорит содержание «Кавалерского свитка» А. Иванчикова, выпущенного в 1794 году, за три года до орденской реформы Павла I [Иванчиков, 1794, с. 3–4]. При этом в эпоху дворцовых переворотов и позднее кавалеры ордена были обязаны облачаться в орденские наряды в день орденского праздника – в данном случае, 30 ноября, в день памяти святого патрона (покровителя) ордена, и только в рамках праздничных мероприятий, которые проходили главным образом в палатах императора и в соборе Св. Андрея на Васильевском острове в г. Санкт-Петербург, который был построен на средства кавалеров ордена Св. Андрея и функционирует в наши дни, правда, утратив в 1917 году свое значение орденской церкви.

Возвращаясь к орденским одеждам кавалеров, следует отметить, что европейские и российские императоры не отличались особой изобретательностью в дизайне кавалерских нарядов. Так, например, кавалерам габсбургского Ордена Золотого Руна было предписано в обычные дни носить орден на шейной златотканной ленте, а в торжественные – на облачении из нижнего глазетового [Беловинский, 2007, с. 128] платья и надетой сверху алой бархатной мантии (талар [Кареев, 1894, с. 533]), подбитой белым атласом, каймой из белого беличьего меха и краями, обшитыми золотом [Кареев, 1894, с. 631]. Глазет – от фр. *glace* – блестящий – разновидность парчи, ткань с шелковой основой и металлическим утком серебряного цвета. Существовали различные виды глазета, для высоких европейских особ использовался тонкий лионский глазет с основой из расплющенной серебряной проволоки, для одежд чиновников – более дешевые, на хлопчатобумажной основе [Кирсанова, 1989, с. 69]. Талар – старинная форма платья католического духовенства, позже – одежда протестантских пасторов и судей. С XVII века носился светскими служителями (судьями и чиновниками) только с беффхеном – белым нагрудником из двух ниспадающих лент в форме плоского банта. В орденских одеждах беффхен заменялся орденской цепью или шейной лентой с орденом [Кареев, 1894, с. 631]. В дополнение полагались бархатные шляпы фиолетового цвета в знак принадлежности ордена к ведению императорской власти Священной Римской империи [Иванчиков, 1794, с. 9–10].

В том же 1797 году Павел I регламентировал порядок проведения орденских праздников и особых придворных церемоний. Так, для официалов и кавалеров Российского кавалерского ордена (орденов Св. Апостола Андрея Первозванного, Св. великомуч. Екате-

рины, Св. благовер. Кн. Александра Невского и Св. Анны) были определены особые орденские одеяния, объединенные общими смысловыми частями (наличие государственного герба и др.). К началу XIX века тенденция усиления государственного регулирования наградной политики и ее искусственной централизации в руках монарха как фактического верховного начальника (гроссмейстера) российских орденов создала возможность для переориентирования интересов кавалерских корпораций со своей политической роли на культурное и эстетическое оформление собственного социального положения статуса. Так, парадные портреты начинают писаться либо в рыцарской манере эпохи возрождения, либо в военном мундире изображаемой персоны, либо в орденом облачении и с атрибутами того ордена, к которому представлен кавалер (например, портрет президента Академии художеств графа А.С. Строганова, выполненный в 1814 г., на котором граф был представлен в одеянии кавалера ордена Св. Апостола Андрея Первозванного).

В российской наградной практике орденом одеянию уделялось особое внимание, что было связано с его изначальным внедрением в дворянскую культуру с целью ускорения интеграции европейского стиля и придворных традиций.

Одеяние кавалеров ордена Св. Апостола Андрея Первозванного и порядок его ношения были впервые регламентированы Петром Великим в проекте статута ордена от 1720 года. Тогда орденом одеяние было представлено: а) длинной зеленой бархатной епанчей с подкладкой из белой тафты с серебряным глазетовым воротником-крагеном и серебряными шнурками с кистями. С левой стороны на епанчу нашивалась увеличенная копия орденом звезды; б) рубахой-супервестом из серебряного глазета с золотым галуном и такой же бахромой и нашитым на груди крестом Св. Апостола Андрея Первозванного; в) черной бархатной шляпой с бело-красными перьями и косым Андреевским крестом из узкой голубой ленты.

Одеяние дам ордена Св. Великомученицы Екатерины включало в себя: а) рубаху-далматику из серебряного глазета, вышитую золотом, с золотыми шнурками и кистями; б) зеленую бархатную шлейф-накидку, размер которой зависит от положения дамы. Так, для великих княгинь и княжон полагались длинные шлейфы; в) зеленую бархатную шляпу с драгоценными украшениями и серебряной вышивкой; г) для императрицы полагалась зеленая бархатная епанча с пышным горностаевым воротником.

Для кавалеров ордена Св. Благоверного князя Александра Невского было предписано одеяние из: а) длинной епанчи красного бархата с подкладкой из белой тафты и серебряным глазетовым крагеном и шитой увеличенной орденом звездой на левой стороне; б) супервест и шляпа аналогичны порядку ордена Св. Апостола Андрея Первозванного, за исключением креста, который в данном случае нашивался красной лентой, в цвет орденом знака.

Кавалеры ордена Св. Анны носили: а) епанчу из красного бархата, подложенную тафтой соломенного цвета, с золотым глазетовым крагеном, шнурками, кистями и нашитой справа увеличенной орденом звездой. Для кавалеров низших степеней полагались короткие епанчи; б) супервест кавалеров был подобен ордену Св. Апостола Андрея Первозванного, однако он полагался только обладателям I ст.; в) красную бархатную шляпу с бело-красными перьями и нашитым крестом ордена.

Особо отличалось одеяние кавалеров Св. Великомученика и Победоносца Георгия, называемое «особым кавалерственным одеянием». В него входил оранжевый бархатный супервест, обшитый золотой бахромой, с черными широкими бархатными крестами спереди и сзади. При этом кавалерам ордена позволялось носить военный мундир в отставке.

Кавалерам орденов Св. Равноапостольного князя Владимира, Белого Орла и Св. Станислава (всех степеней) специального церемониального одеяния не полагалось. По закону 1797 г., дополненному в 1830-е гг., официалы орденов также имели торжественные одеяния и знаки отличия. Канцлер орденов и чиновники Капитула Орденов в качестве обычной официальной одежды с декабря 1829 г. имели гражданские мундиры темно-зеленого сукна с голубыми бархатными воротниками и обшлагами, с серебряным шитьем

особого узора и белыми пуговицами с изображением звезды высшего ордена Андрея Первозванного [Шепелев, 1991, с. 40–49].

В 1855 г. велась работа по пересмотру одеяний кавалеров и официалов. В частности, предполагалось ввести их для герольдов всех орденов без исключения, тем самым систематизировав положения об орденских одеждах и официальных мероприятиях для кавалеров всего Российского кавалерского ордена [Пчелов, 2005, с. 80–86]. Масштабная геральдическая реформа барона Б.В. Кене в том числе предполагала преобразование внешнего облика государственных служащих и орденских кавалеров как членов орденских корпораций Капитула императорских орденов [Прокопьев, 2016, с. 47–51]. То есть это стало бы одним из мероприятий по завершению грандиозной орденской реформы, начатой Павлом I в день его императорской коронации 5 апреля 1797 года для создания государственной наградной системы, подчиненной интересам России во внутренней и внешней политике.

Периоды структурного развития орденских корпораций и их влияние на эволюцию орденских одеяний

К концу XVII века в европейской, а к 1760-м гг. – в российской наградной практике появляется новая категория орденов – военные. Данная группа орденских знаков и наград обладает несколькими негласными и неписаными отличиями от обычных, собственно, царских, королевских и императорских орденов. Нами были, в частности, выделены следующие:

– данные ордена используют в качестве статута и законодательной основы своей деятельности соответствующий указ короля или императора, при этом статут не выделяется в качестве самостоятельного документа, а включается в общую законодательную базу, наряду с другими правовыми актами;

– военный орден представляет собой не консолидированную организацию, а знак отличия за заслуги перед государством, следовательно, он выполняет лишь поощрительную и вознаградительную функцию;

– кавалеры военного ордена, в силу его массовости и отсутствия необходимости в замкнутой организации, освобождены от обязанности собираться в торжественные дни узким кругом кавалеров в соответствующих одеждах. Сами эти одеяния и торжественные инсигнии для них не присущи.

Такое упрощение и, одновременно, возведение военных орденов в приоритетное положение по отношению к светским может быть связано с несколькими причинами:

1) количество войн к середине XVII века увеличилось кратно в связи с необходимостью выстраивания новой модели международных отношений и исчерпанием средств мирного урегулирования новых сословных и глобальных политических проблем;

2) уже имеющееся наличие в военном (а равно и дворянском) сословии утвержденной форменной парадной одежды в виде мундира и его элементов, носящих, отчасти, ту же функцию, что и орденские инсигнии, право на ношение каждой из которых присуждается кавалеру с присвоением каждого отдельного ордена или его степени;

3) в условиях военного времени необходимость поощрения боевых заслуг ставится выше, чем помпезность придворных ассамблей, участники которых являются исключительно государственными либо придворными деятелями.

Орден Почетного легиона – это почетная организация, объединяющая в себе ограниченное число кавалеров одноименного высшего национального ордена Французской республики (Авторское определение, составленное на основании статей R1-R7 Кодекса Почетного легиона, военной медали и Национального ордена «За заслуги» – прим. авт.). Членство в организации Ордена Почетного легиона предусматривает последовательное получение всех степеней ордена, начиная с кавалера и заканчивая «гранд-круа». Будучи учрежден как высшая награда «новой Франции», свободной от буржуазности предыдущего периода, орден Почетного легиона должен был стать символом обновленных страны и

общества, которые освобождались от пережитков прошлого, коим были также и орденское одеяние, и роскошные дворянские собрания, наряды и украшения [Wattel, 2009]. Также одновременно и логично были отменены роскошные одеяния всех кавалеров всех орденов предыдущих эпох истории Франции на ее территории.

Рассматривая путь эволюции орденских одеяний как одной из инсигний кавалеров высоких наград, мы обнаружили некоторые тенденции в изменении набора инсигний, в том числе и некоторую закономерность между наличием у ордена традиции проводить собрания и его функциональным назначением. Их мы отобразили в таблице 1.

Таблица 1

Наличие орденских инсигний у изучаемых наград Европы и Российской Империи
 The presence of order insignia in the studied awards of Europe and the Russian Empire

Название награды (страна и год осн.)	Инсигнии					Наличие степеней	Принцип последов. награжд.	Наличие орд. организации
	Знак	Лента	Звезда	Цепь	Одеяние			
Религиозные (духовно-рыцарские) ордена								
Орден госпитальеров (Орден св. Иоанна Крестителя) (Ватикан 1099)	+	-	-	-	+	+	(у монаха-госпиталера)	+
Орден тамплиеров (бедных рыцарей Христа) (Ватикан, 1119)	+	-	-	-	+	+		+
Тевтонский орден (Ватикан, позже – Пруссия и Германия, 1190)	+	-	-	-	+	+		+
Орден Дракона (Венгрия, 1408)	+	-	+	-	+	+	(кольцо)	+
Светские (национальные) ордена								
Орден Св. Апостола Андрея Первозванного (Россия, 1698)	+	+	+	+	+	-		+
Орден Св. Великом. Екатерины (Россия, 1713)	+	+	+	-	+	+		+
Св. равноап. кн. Владимира (Россия, 1782)	+	+	+	-	-	+		+
Орден Св. Благов. Кн. Александра Невского (Россия, 1725)	+	+	+	-	+	-		+
Орден Св. Анны (Россия, 1797)	+	+	+	-	+	+		+
Орден Почетного легиона (Франция, 1802)	+	+	+	+	-	+		+
Орден Св. Станислава (Россия, 1831)	+	+	+	-	-	+		-
Орден Белого Орла (Россия – с 1831)	+	+	+	- (была, но упразднена)	-	-		+
Орден Св. Иоанна Иерус. (Россия, 1798)	+	+	+	+	+	+		+
Орден Британской империи (Великобритания, 1917)	+	+	+	+	+	+		+
Военные ордена								
Орден Марии Терезии (Австрия, 1757)	+	+	+	-	-	+		-

Окончание табл. 1

Кор. Венгерский орден Св. Стефана (Венгрия, 1764)	+	+	+	+	-	+	-	-
Воен. орден Св. Великом. и Победон. Георгия (Россия, 1769)	+	+	+	-	-	+	+	+

Тем самым изменение политических интересов и ценностных ориентиров в политической жизни стран Европы и России к середине XVIII века обусловило появление массовых форм почетного награждения за заслуги перед Отечеством, выраженном в подкатегории военных орденов. Их массовость обеспечивалась: 1) наличием 3–4 степеней, которые различались как по уровню предоставляемых привилегий, так и по числу и качеству исполнения инсигний; 2) гораздо более широким кругом охвата, что смягчало явные признаки социального неравенства по принципу «перед пулей все равны»; 3) отсутствием «организационного взноса» от кавалеров, что многократно увеличивало доступность награды и ее популярность в средних и низших рядах армии и флота, а также стимулировало благородный порыв и усиливало военно-патриотический дух населения. Соответственно, активизация внешнеполитической деятельности, сопряженная одновременно с расширением военного и дипломатического влияния в самых горячих очагах геополитической напряженности в XVIII веке и с применением различных методов усиления патриотического и боевого духа у разных слоев населения, положительно действовала на формирование и поддержание имиджа власти, взявшей в XVIII веке курс на «просвещенную монархию», а позже – на защиту единой русской нации и государственных интересов.

Роль орденских одеяний в формировании дворянской придворной культуры Европы и Российской империи

Говоря об эволюции орденского одеяния, мы не можем не затронуть проблему развития данной инсигнии в условиях российской наградной системы с точки зрения их роли в системе социальных отношений. Следует отметить, что в отечественных музейных коллекциях экспонаты данной категории являются крайне малочисленными, следовательно, исследователи не имеют возможности анализа костюмов с точки зрения их материальной ценности, степени сохранности и качества исполнения. В то же время происходят социальные изменения, обусловленные масштабными политическими преобразованиями и естественной эволюцией дворянства, отказывающегося от внешней помпезности и визуальных эффектов, сопровождающих их светскую жизнь, в пользу традиций родовой наследственности и старшинства династии. Так, В.С. Кулабухов, анализируя эволюцию ценностных представлений дворянства в XIX веке, говорит о том, что «титуты в исследуемый период постепенно утрачивали свою первоначальную феодальную природу и начинали приобретать просто знаки почетного отличия» [Кулабухов, 2008].

Рассматривая подробно данный тезис, мы сопоставили данные о стоимости создания орденских одеяний (которые, кроме того, не возвращались в Капитул, в отличие от других орденских знаков т. н. комплекта) и данные о количестве кавалеров. Так, количество новых кавалеров ордена Св. Благоверного князя Александра Невского при Екатерине I – 65 человек за 2 года (32,5 в год), при Анне Иоанновне – 53 человека за 10 лет (5,3 в год), при Елизавете Петровне – 184 человека за 20 лет (9,2 в год), при Екатерине II – 259 человек за 34 года (7,6 в год), при Павле I – 138 человек за 4 года (34,5 в год), при Александре I – 337 человек за 25 лет (13,48 в год), при Николае I – 517 человек за 30 лет (17,2 в год). Тем самым частота новых награждений выросла, но при этом кавалеры, получившие орден при прежних правителях, также расходовали достаточно значительные средства на содержание своего «комплекта» инсигний (от 30 до 180 рублей в год, включая ювелирный уход, починку, замену камней, пошив одеяния).

И со временем необходимость в пышных церемониях, число участников которых может достигать нескольких сотен человек без учета штата прислуги на орденских праздниках, теряет свой смысл и число приглашенных на такие мероприятия ограничивают. Также количество мероприятий в кавалерские дни ограничивается литургическими богослужениями в орденской церкви для приглашенных кавалеров старших степеней, молебном для всех остальных кавалеров и светской частью из императорского приема и совместной трапезы. В связи с этим отпадает необходимость в дальнейшем развитии орденских одеяний в российской наградной практике, и они негласно заменяются практикой употребления наградных знаков на парадных мундирах, что и отмечается в тенденции изображения кавалеров на парадных портретах.

Также можно было бы добавить, что ценностные ориентиры дворянства, меняющиеся параллельно протеканию социальных и политических изменений в институтах общества и государства, были в большей своей части связаны с обесцениванием наград с точки зрения их политической и идеологической функций, которые сводятся к минимуму. Так, А.А. Плансон в своей работе, посвященной развитию ценностных общественно-политических ориентиров российского дворянства в пореформенный период (после 1861 года), выражает искреннюю досаду в связи с признаками бюрократической массовости, которые начинают быть присущи большинству российских орденов. Он объясняет это тем, что «ордена должны быть даваемы только за особые заслуги, а не по 12–15 орденов в губернии ежегодно». Тем самым рассчитанная выше частотность награждений орденами среди дворян приводит нас к выводу об обесценивании наград и потере смысла в роскошных и дорогостоящих орденских мероприятиях. На первый план начинают выходить более аскетичные военные ордена, актуальность которых периодически повышается на протяжении второй половины XVIII – XIX вв. По отношению к дворянским орденам начинает формироваться новая ценностная система, предполагающая сочетание признаков «древности» рода с их действительными заслугами на государственном и военном поприще. Относительно предметов роскоши, присущих повседневной жизни орденских кавалеров, в правление мистически настроенного Александра I (1801–1825) и аскетичного Николая I (1825–1855) возник вопрос о сокращении расходов на содержание штата придворных.

Данную проблему применительно к нашей теме исследования отчасти помогли решить шитые орденские звезды, которые наносились на одежду повседневного кроя с целью замены парадного комплекта наград для удобства носки и с целью бережливого отношения к наградному знаку. Так как шитая орденская звезда выполняла те же функции, как и оригинальная орденская звезда, но была гораздо дешевле в исполнении (зарплата золотошвей в год составляла 80–150 рублей, в то время как ювелир получал эту сумму только за один экземпляр драгоценного варианта орденской звезды), то их наличие на парадном мундире или камзоле позволяет относить последние к категории орденских одеяний, так как они могут выступать в качестве символично-семантического компонента ордена. Кроме того, такие орденские одеяния можно отнести к подкатегории второстепенных, так как мундиры и камзолы были предназначены, в первую очередь, не для участия в торжественных орденских праздниках, а для ведения повседневной придворной жизни, следовательно, шитая орденская звезда может быть отнесена к разряду вспомогательных элементов ордена, заменяющих основные по тем или иным веским причинам.

В данном случае при анализе природы шитых орденских звезд, ставящих одежду, на которую они были нанесены, к категории орденских, мы обнаружили довольно-таки широкий и насыщенный пласт информации и сведений об их поставщиках к императорскому двору и Капитулу. Так, С. Левин впервые ввел в науку фамилии поставщиков Капитула Российского кавалерского ордена – золотошвей и золотых дел мастеров, украшавших парадные мундиры и одежды (см. таблицу) [Левин, 2008, с. 122]. В их качественно-количественном составе, анализ которого за период 1799–1825 гг. представлен в таблице 2, мы можем отметить количественное преобладание дворянских предприятий-

поставщиков Капитула, в том числе шитых орденских звезд и одеяний (68 % от объема поставок шитых орденских звезд за анализируемый период). Это говорит о тенденции к сохранению консервативного подхода формирования круга поставщиков как императорского двора, так и Капитула, являющегося «предметом личного ведения» императора.

Таблица 2

Количество шитых звезд от поставщиков Капитула за 1799–1825 гг. (за исключением 1818 года, данные по которому отсутствуют [Левин, 2008, с. 122]). Злтшв. – золотошвейка
The number of sewn stars from the suppliers of the Chapter for 1799–1825 (with the exception of 1818, for which no data are available). Zltshv. – gold seamstress

	Св. Андрея Первозванного	Св. Екате- рины	Св. Александра Невского	Св. Георгия	Св. Вла- димира	Св. Анны	Итого
Злтшв. Журавлева (1799)	12	22	-	-	-	-	34
Злтшв. Либерши (1799)	10	2	14	-	-	-	26
СПб купец Дмит- риев (1800–1809)	61	3	24	-	30	120	238
Злтшв. Полушкина (1801–1802, 1805)	-	4	13	-	-	16	33
Воспит. дом (1802–1809, 1811–1817, 1824)	11	5	22	-	-	91	129
МСК купец Мику- лин (1802, 1810–1821)	-	-	-	-	-	6	6
СПб купец Бармин (1805–1807)	-	-	-	-	7	3	10
Тит. сов. Черны- шев с женой (с 1808 по 1825)	69	-	216	60	312	614	1277 68%
Злтшв. Шперлинг (1810–1811)	-	3	12	-	24	75	114
Всего поставлено в Капитул	163	39	301	60	373	925	1861

Также среди малочисленных поставщиков Капитула – Гостиный двор (1812 год – 1 шитая звезда ордена Св. Андрея Первозванного). Однако это не отменяет все также сохраняющейся тенденции к сохранению стабильно высокого количества предметов роскоши и знаков отличия кавалеров российских орденов в первой половине XIX века.

Результаты и их обсуждение

Подведем итог проведенного разностороннего анализа пути и особенностей эволюции орденских одеяний как одной из важнейших инсигний, по которым можно сделать также вывод и о общих чертах культурно-политической эволюции европейского и российского дворянского общества в XI–XIX вв. Таким образом, орденские одеяния как полноценные фалеристические инсигнии с культурно-политической точки зрения были характерны для высокого европейского общества в эпоху Возрождения (XIV–XVI вв.). До этого в Средневековье орденские одежды представляли собой лишь один из опознавательных знаков, говорящих о принадлежности их носителя к духовно-рыцарскому ордену, если возникала необходимость их различения или другой идентификации. В эпоху Нового времени (XVI–XVIII вв.) орденские одеяния приобрели ярко выраженный характер атрибута пом-

пезной и вычурной дворянской культуры. Тогда же начинается разрыв светской и религиозной культуры, и ордена вместе с их инсигниями оформляются как символы принадлежности к высокому обществу, а именно к дворянству. В этот период происходит также разделение на национальные (их кавалеры относились к числу государственных и придворных деятелей) и военные (были массовыми и вручались за конкретные боевые заслуги) ордена.

С точки зрения влияния эволюции орденского одеяния на дворянскую культуру Европы в XI–XIX вв., общественное сознание претерпело значительные изменения. Так, мы можем видеть, как монашеские одежды, являющиеся изначально символом аскетичности, жертвенной бедности и христианской самоотверженности рыцарей во имя всех нуждающихся, преобразовались в символ роскоши и стали знаком принадлежности к высшим дворянским и придворным кругам, в среде которых создавались и функционировали орденские организации. Уже позднее с окончательной потерей влияния католической церкви на государственную политику появились военные ордена, которые уже были лишены, ввиду их непрактичности и невозможности для массового использования, орденского кавалерского одеяния как такового. И уже ввиду практичности и массовости орденские одеяния к середине XIX века стали представлять собой пережиток эпохи и второстепенный знак дворянской культуры, исчезание которого из европейской практики совпало с началом буржуазного национально-освободительного движения народов Европы (1840–1910-е гг.).

Заключение

Исходя из результатов исследования, мы можем сделать вывод о том, что орденские знаки необходимо рассматривать как символично-семантический комплекс, выполняющий ряд важных идеологических, культурных, социальных и политических функций, среди которых необходимо отметить следующие:

1) основная, социальная – поощрение заслуг и выделение отличившихся представителей общества, чье поведение и поступки могут служить образцом для других, радеющих за Отечество;

2) политическая – консолидация талантливых и грамотных государственных и военных деятелей вокруг особы монарха-правителя по признаку их выделения с помощью внешних знаков отличия, особых церемониалов и организационных традиций, связанных со статусом кавалера;

3) идеологическая – создание возвышенного внутривнутриполитического и международного имиджа государства, представляемого особой монарха в отношениях с другими государствами (концепция «государство – это я», в России – формула «православие, самодержавие, народность»);

4) культурно-нравственная (ценностно-ориентирующая) – формирование имиджа наградного знака как символа славы и доблести, воплощение его как индикатора культурного развития народа и государства, а также отражение религиозного компонента внутренней политики и народной культуры;

5) организующая (консолидирующая) – собрание вокруг монаршей особы наиболее способных и достойных деятелей с целью поддержки государственной деятельности. Данная функция была актуальна для XII–XVII вв. в Европе и до конца XVIII в. в России.

Данные функции важно упомянуть, так как они в большей своей части оказали влияние на ход эволюции некоторых орденских инсигний и обусловили их влияние на культурные и политические детерминанты внутренней политики и международных отношений европейских стран и в частности России.

Орденское одеяние косвенно, как и любая другая орденская инсигния, выступала в двух своих качествах: а) с одной стороны, с точки зрения его рассмотрения как символично-семантического компонента орденской корпорации при дворе, они оказывали важное влияние на формирование положительного имиджа абсолютного монарха среди предста-

вителей его социальной опоры – дворянства и в международных отношениях с позиции силы; б) с другой стороны, с точки зрения изучения орденского одеяния и торжественных церемониальных нарядов вообще как элемента элитарной (до XX века – дворянской) культуры, их анализ с применением междисциплинарных методов исторического исследования позволяет сделать вывод об их индикаторной функции.

По отношению к элитарной дворянской культуре процесс развития орденского одеяния неминуемо взаимодействует с тенденциями во всем привилегированном сословии, независимо от страны в изучаемом периоде. Данный тезис обуславливается исключительной ролью феодалов и позже дворянства в государственном управлении и всех сферах политики. В связи с этим вовлечение достойных представителей привилегированного сословия в государственную деятельность и облечение это в роскошную визуальную оболочку не только повышало статус монархической власти, но и в качестве обратной связи на протяжении всей истории политического мышления формировало ценностные ориентиры дворянства как социальной базы монархической и любой другой централизованной формы власти. Это говорит о том, что комплексное изучение качественно-количественных характеристик орденского одеяния и других наградных инсигний в их ретроспективе и взаимосвязи с другими аспектами функционирования института монархической власти позволит лучше понять факторы взаимовлияния политического, экономического, социального, культурного и прочих сфер жизнедеятельности общества и государства.

Список литературы

- Амелехина С.А. 2003. Культурно-историческая эволюция формы и символики церемониальных костюмов при Российском императорском дворе XVIII – XIX вв.: автореф. дис. ... к. и. н. М., РГГУ, 34 с.
- Бантыш-Каменский Д.Н. 1814. Историческое собрание списков кавалерам четырех российских императорских орденов. М., В типографии Н.С. Всеволожского, 336 с.
- Беловинский Л.В. 2007. Иллюстрированный энциклопедический историко-бытовой словарь русского народа. XVIII – начало XIX в. М., Эксмо, 784 с.
- Данилов А.Ю., 2002. Российская фалеристика: учебное пособие. Ярославль, Яросл. гос. ун-т., 123 с.
- Демурже А. 2008. *Pie postulatio voluntatis* (Пасхалий II). Рыцари Христа. Военно-монашеские ордены в средние века, XI–XVI вв. М., Евразия, 542 с.
- Замысловский Е.Е. 1892. Исторический очерк российских орденов и сборник основных орденских статутов. СПб.
- Иванчиков А.И. 1794. Кавалерский свиток, в коем показаны все Ордена в Европе, причины и время их учреждения, знаки и торжественные одежды. СПб., Тип. А.И. Богдановича, 37 с.
- Кареев Н.И. 1894. Золотого Руна орден. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, СПб., Типо-литография И.А. Ефрона, XIIа: 631.
- Кареев Н.И. 1901. Талар. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., Типография Акц. Общ. «Издательское дело», XXXIIа: 533.
- Кирсанова Р.М. 1989. Глазет. Розовая ксандрейка и драдедамовый платок: Костюм – вещь и образ в русской литературе XIX в. М., Книга, 286 с.
- Кирсанова Р.М. 1995. Епанча. Костюм в русской художественной культуре XVIII – первой половины XX вв.: Опыт энциклопедии. М., Большая Российская энциклопедия, 383 с.
- Кулабухов В.С. 2008. Кастовость дворянства в системе пореформенной эволюции. Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». 6: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/6/Kulabukhov/>
- Левин С. 2008. Поставщики Капитула Российского кавалерского ордена. Антиквариат, предметы искусства и коллекционирования, 63: 122.
- Орешкина М.А. 2015. Проекция рыцарских Орденов на современность. Научный журнал КубГАУ, 111: 1–12.
- Постникова-Лосева М.М. 1983. Золотое и серебряное дело XV–XX вв. М., Наука. 375 с.
- Прокопьев С.М., Фахрутдинова Д. 2016. Барон Б.В. Кёне и его геральдические реформы. Вестник МГУП, 2: 47–51.

- Пчелов Е.В. 2005. Барон Б.В. Кёне: штрихи к портрету. Российский государственный герб: композиция, стилистика и семантика в историческом аспекте. (Библиотека Русской Антропологической Школы, выпуск 1). М., РГГУ: 80–86.
- Рондо К. 1889. Письмо лорду Гамильтону. Дипломатическая переписка английских послов и посланников при русском дворе (Москва, 6-го декабря 1731 г.). Сборник Российского исторического общества. СПб., Типография Императорской Академии Наук, 66: 401–403.
- Свод законов Российской империи. Том I. Книга Пятая. Учреждение Капитула Российских Императорских и Царских Орденов. СПб., 1832: 525–574.
- Справочная книга о лицах С.-Петербургского купечества и других званий... (с 1 ноября 1889 по 1 февраля 1890). СПб., 1890, 817 с.
- Шепелев Л.Е. 1991. Титулы, мундиры, ордена в Российской империи. Л., Наука, 222 с.: 40–49.
- Gérard Lagleder 1983 The Rule Of The Order Of St. John. Blessed Gérard and his «Everlasting Brotherhood»: The Order of St. John. Eos-Verlag, St. Ottilien.
- Larousse P., Auge C. 1898. Nouveau Larousse illustré: dictionnaire universel encyclopédique. Paris, 5: 26–28.
- Perlbach M. 1890. Die Statuten des Deutschen Ordens Nach den Ältesten handschriften. Halle: 52.
- Pottier B., Joseph M. Piel. 1953. Miscelânea de etimologia portuguesa e galega. Primeira Série: 432–433.
- Wattel M., Wattel B. 2009. Les Grand' Croix de la Légion d'honneur de 1805 à nos jours. Titulaires français et étrangers. Paris, Archives & Culture, 700 p.

References

- Amelekhina S.A. 2003. Kulturno-istoricheskaya evolyuciya formy i simboliki ceremonial'nyx kostyumov pri Rossijskom imperatorskom dvore XVIII – XIX vv. [Cultural and historical evolution of the form and symbolism of ceremonial costumes at the Russian Imperial Court of the 18th – 19th centuries]: autoref. dis. ... cand.hist.sc. M., RGGU, 34 p. (in Russian).
- Bantysh-Kamensky D.N. 1814. Istoricheskoe sobranie spiskov kavaleram chetyreh rossijskix imperatorskix ordenov [Historical collection of lists of holders of four Russian imperial orders]. M., N.S. Vsevolozhsky, 336 p. (in Russian).
- Belovinsky L.V. 2007. Illyustrirovannyj enciklopedicheskij istoriko-bytvoj slovar russkogo naroda. XVIII – nachalo XIX v. [Illustrated Encyclopedic Historical Dictionary of the Russian People. 18th – early 19th century]. M., Eksmo, 784 p. (in Russian).
- Danilov A.Yu. 2002. Rossijskaya faleristika: uchebnoe posobie [Russian phaleristics: textbook]. Yaroslavl, Yaroslavl state un-t., 123 p. (in Russian).
- Demurje A. 2008. Pie postulatio voluntatis (Paskhalij II). Rycari Hrista. Voенно-monasheskie ordeny v srednie veka, XI–XVI vv. [Pie postulatio voluntatis (Paschal II). Knights of Christ. Military monastic orders in the Middle Ages, XI–XVI centuries]. M., Eurasia, 542 p. (in Russian).
- Zamyslovsky E.E. 1892. Istoricheskij ocherk rossijskix ordenov i sbornik osnovnyx ordenskix statutov [Historical sketch of Russian orders and a collection of the main order statutes]. SPb. (in Russian).
- Ivanchikov A.I. 1794. Kavalerskij svitok, v koem pokazany vse Ordena v Evrope, prichiny i vremya ih uchrezhdeniya, znaki i torzhestvennye odezhdy [Cavalier's scroll, which shows all the Orders in Europe, the reasons and time of their establishment, signs and ceremonial clothes]. SPb., Type. A.I. Bogdanovich, 37 p. (in Russian).
- Kareev N.I. 1894. Zolotogo Runa orden [Order of the Golden Fleece]. Encyclopedic Dictionary of Brockhaus and Efron, St. Petersburg, Typo-Lithography I.A. Ephron, XIIa: 631.
- Kareev N.I. 1901. Talar. Encyclopedic Dictionary of Brockhaus and Efron. SPb., Printing house Akts. Tot. «Publishing», XXXIIa: 533.
- Kirsanova R.M. 1989. Glazet. Pink xandreyka and dradedam shawl: Costume is a thing and an image in Russian literature of the 19th century [Glazet. Rozovaya ksandrejka i dradedamovyj platok: Kostyum – veshch' i obraz v russkoj literature XIX v.]. M., Book, 1989, 286 p.
- Kirsanova R.M. 1995. Epancha. Kostyum v russkoj hudozhestvennoj kul'ture XVIII – pervoj poloviny XX vv.: Opyt enciklopedii [Epancha. Costume in Russian artistic culture of the 18th – first half of the 20th centuries: Experience of the encyclopedia]. M., Great Russian Encyclopedia, 1995, 383 p.
- Kulabukhov V.S. 2008. Kastovost' dvoryanstva v sisteme poreformennoj evolyucii [Caste of the nobility in the system of post-reform evolution]. Information humanitarian portal «Knowledge. Understanding. Skill». 6: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/6/Kulabukhov/> (in Russian).

- Levin S. 2008. Postavshchiki Kapitula Rossijskogo kavalerskogo ordena [Suppliers of the Chapter of the Russian Cavalier Order]. *Antiques, art and collectibles*, 63: 122 (in Russian).
- Oreshkina M.A. 2015. Proekciya rycarskih Ordenov na sovremennost' [Projection of knightly Orders to the present]. *Scientific journal of KubGAU*, 111: 1–12 (in Russian).
- Postnikova-Loseva M.M. 1983. Zolotoe i serebryanoe delo XV-XX vv. [Gold and silver work of the XV–XX centuries] M., Science, 375 p. (in Russian).
- Prokopiev S.M., Fakhrudinova D. 2016. Baron B.V. Kyone i ego geral'dicheskie reformy [Baron B.V. Koehne and his heraldic reforms]. *Vestnik MGUP*, 2: 47–51 (in Russian).
- Pchelov E.V. 2005. Baron B.V. Kyone: shtrihi k portretu. Rossijskij gosudarstvennyj gerb: kompoziciya, stilistika i semantika v istoricheskom aspekte. (Biblioteka Russkoj Antropologicheskoi SHkoly, vypusk 1) [Baron B.V. Koehne: strokes for a portrait. Russian state coat of arms: composition, style and semantics in a historical aspect. (Library of the Russian Anthropological School, issue 1)]. M., RGGU: 80–86.
- Rondo K. 1889. Pis'mo lordu Gamil'tonu. Diplomatischeeskaya perepiska anglijskih poslov i poslannikov pri russkom dvore (Moskva, 6-go dekabrya 1731 g.) [Letter to Lord Hamilton. Diplomatic Correspondence of English Ambassadors and Envoys to the Russian Court (Moscow, December 6, 1731)]. Collection of the Russian Historical Society. St. Petersburg, Printing House of the Imperial Academy of Sciences, 66: 401–403.
- Svod zakonov Rossijskoj imperii. Tom I. Kniga Pyataya. Uchrezhdenie Kapitula Rossijskih Imperatorskih i Carskih Ordenov [Code of Laws of the Russian Empire. Volume I. Book Five. Establishment of the Chapter of the Russian Imperial and Royal Orders]. SPb., 1832: 525–574.
- Spravochnaya kniga o liczax S.-Peterburgskogo kupechestva i drugix zvanij [Reference book about the persons of the St. Petersburg merchants and other ranks] ... (from November 1, 1889 to February 1, 1890). SPb., 1890, 817 p.
- Shepelev L.E. 1991. Tituly, mundiry, ordena v Rossijskoj imperii [Titles, uniforms, orders in the Russian Empire]. L., Nauka, 222 pp.: 40–49.
- Gérard Lagleder 1983. The Rule Of The Order Of St. John. Blessed Gérard and his «Everlasting Brotherhood»: The Order of St. John. Eos-Verlag, St. Ottilien.
- Larousse P., Auge C. 1898. Nouveau Larousse illustré: dictionnaire universel encyclopédique. Paris, 5: 26–28.
- Perlbach M. 1890. Die Statuten des Deutschen Ordens Nach den Ältesten handschriften. Halle: 52.
- Pottier B., Joseph M. Piel. 1953. Miscelânea de etimologia portuguesa e galega. Primeira Serie: 432–433.
- Wattel M., Wattel B. 2009. Les Grand' Croix de la Légion d'honneur de 1805 à nos jours. Titulaires français et étrangers. Paris, Archives & Culture, 700 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: potential conflict of interest related to this article was not reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Кулабухов Владимир Семенович, кандидат исторических наук, доцент кафедры российской истории и документоведения, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

Рудюков Денис Вадимович, студент 4 курса бакалавриата историко-филологического факультета, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Vladimir S. Kulabukhov, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of Department of Russian History and Documentation, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

Denis V. Rudjukov, Bachelor Student of History and Philology Faculty, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

УДК 94(470.324)''.../17'':792
DOI 10.52575/2687-0967-2022-49-1-112-118

Григорий Иванович Чертков – создатель военных учебных пособий для русской армии XIX века

Фирсова И.И.

Воронежский государственный педагогический университет,
Россия, 394043, г. Воронеж, ул. Ленина, 86
E-mail: FirsovaIrinaIgorovna@yandex.ru

Аннотация. Григорий Иванович Чертков являлся одним из ярких представителей знатного дворянского рода. Он дослужился до звания генерал-адъютанта и принимал непосредственное участие в реформировании русской армии в качестве помощника председателя «Главного комитета по устройству и образованию войск». Им были созданы «Памятные книжки...», военные учебные пособия для различных чинов российской армии. Их сравнительный анализ позволяет понять, почему в столь короткий период времени военное образование удалось вывести на новый уровень. Благодаря трудам и деятельности Г.И. Черткова значительно повысилась его эффективность, оно стало выстраиваться в единую стройную систему.

Ключевые слова: Г.И. Чертков, военное образование, Главный комитет по устройству и образованию войск, Памятная книжка для низших чинов пехоты, Памятная книжка для унтер-офицеров пехоты, Памятная книжка для унтер-офицеров кавалерии

Для цитирования: Фирсова И.И. 2022. Григорий Иванович Чертков – создатель военных учебных пособий для русской армии XIX века. *Via in tempore. История. Политология.* 49 (1): 112–118. DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-1-112-118

Grigory Ivanovich Chertkov as a creator of military manuals for the Russian army of the 19th century

Irina I. Firsova

Voronezh State Pedagogical University,
86 Lenin St., Voronezh, 394043, Russia
E-mail: FirsovaIrinaIgorovna@yandex.ru

Abstract. This article contains an analysis of the contribution of a famous figure of the «Great Reforms» era, Lieutenant-General Grigory Ivanovich Chertkov. That man was one of the brightest representatives of a noble family. Having attained the rank of Adjutant-General, he took an active part in reforming the system of military education in Russia. His fast professional advancement contributed to the accumulation of a wealth of knowledge and practical experience in military affairs. He used it as an assistant to the chairman of the Main Committee for the Arrangement and Education of Troops. While in this position, he made a great effort to modernize and improve the usefulness of the system of military training. The general created «Memorable books ...» – military training manuals for various ranks of the Russian army. Thanks to these manuals and his activity, the combat effectiveness of the Russian army was improved. The Military education formed up into a single coherent system at a higher level.

Keywords: G.I. Chertkov, military education, Main Committee for the Arrangement and Education of Troops, Memorable book for the lower ranks of the infantry, Memorable book for non-commissioned officers of the infantry, Memorable book for non-commissioned officers of the cavalry

For citation: Firsova I.I. 2022. Grigory Ivanovich Chertkov as a creator of military manuals for the Russian army of the 19th century. *Via in tempore. History and political science.* 49 (1): 112–118 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-1-112-118

Введение

В современной отечественной историографии усиливается интерес к истории российских дворянских родов. Не стал исключением и род Чертковых, при этом деятельность его конкретных представителей изучена в разной степени. Продолжает оставаться мало исследованной, в частности, военная и государственная деятельность Григория Ивановича Черткова.

Из последних работ, посвященных данной личности, можно выделить статью А.М. Панченко «Деятельность генерал-адъютанта Г.И. Черткова как помощника председателя Главного комитета по устройству и образованию войск», в которой основной акцент сделан на функционировании самого указанного комитета [Панченко, 2018, с. 63]. О деловых качествах Г.И. Черткова, проявленных при осуществлении реформирования российской армии, сообщается в работе Д.Н. Шафгаузена Шенберг-эк-Шауфуса «Очерк деятельности генерал-адъютанта Григория Ивановича Черткова по званию помощника Председателя «Главного комитета по устройству и образованию войск» с 1874 по 1884 год. Составлено по отчётам бывшего Комитета» [Шафгаузен Шенберг-эк-Шауфус, 1884, с. 1–2].

Данная статья посвящена изучению роли Г.И. Черткова в реформировании системы военного образования в России. Важным источником для решения исследовательских задач выступили военно-учебные работы, написанные самим генералом. Эти труды активно применялись в российской военно-образовательной практике конца XIX в. и оказали существенное влияние на качество подготовки солдат и унтер-офицеров.

Результаты и их обсуждение

Для того чтобы лучше понять, чем руководствовался Г.И. Чертков на посту помощника председателя, нужно последовательно проследить все ступени прохождения им службы. Григорий Иванович Чертков родился в 1828 г. Его родителями были Иван Дмитриевич Чертков и баронесса Елена Григорьевна Строганова [Половцов, 1905, с. 352; Энциклопедия благотворительности, 2017, с. 3]. Благородное происхождение позволило ему получить образование в Пажеском Корпусе, а затем начать военную службу в лейб-гвардии Конного полка в звании корнета [Фон-Фрейман, 1894, с. 417; Музей истории российского кадетства, 2013, с. 7]. За добросовестное выполнение служебных обязанностей в 1853 г. его назначили флигель-адъютантом к императору. Спустя пять лет он был произведен в полковники, а в начале 1861 г. назначен командиром лейб-гвардии 4-го Стрелкового императорской фамилии батальона [Панченко, 2018, с. 63]. На собственном опыте увидев недостатки российской армии, Г.И. Чертков в 1862 г. отправился за границу с целью изучения устава Сен-Сирского военного училища, чтобы в дальнейшем применить заграничный опыт в реформировании русских военно-учебных заведений [Чертков, 1863б, с. 41]. После возвращения на родину Г.И. Чертков участвовал в подавлении польского восстания 1864 г. [РГИА]. За отличие в сражении у деревни Монтвидово произведен в генерал-майоры с назначением в Свиту императора. В 1867 г. Григорий Иванович был назначен командиром лейб-гвардии Преображенского полка, а в 1870 г. стал генерал-адъютантом [Список генералам по старшинству, 1884, с. 164]. Исследователи отмечали сравнительно быстрое продвижение Г.И. Черткова по службе. В сентябре 1870 г. он был назначен начальником гвардейской стрелковой бригады, спустя полгода получил чин генерал-лейтенанта. В 1872 г. Г.И. Чертков стал помощником начальника 1-й гвардейской пехотной дивизии. По прошествии двух лет занял должность помощника председателя главного комитета по устройству и образованию войск [Половцов, 1905, с. 352].

Как видим, к 1874 г. Г.И. Чертков уже обладал большим запасом служебных знаний и практических наблюдений, которые пригодились ему в дальнейшей работе [Военная энциклопедия, 1911, с. 77]. «Главный комитет по устройству и образованию войск» был создан с целью устранить недостатки военной сферы, так явно проявившиеся в Крымской войне [РГВИА; Лопаткин, 2011, с. 141]. На Комитет возлагалась деятельность по разра-

ботке новых мер и составлению уставов о строевой, полевой, гарнизонной и внутренней службе войск, а также решение следующих вопросов: управление отдельными частями войск, их внутреннее хозяйство, быт, боевая подготовка войск, требования к занятиям с офицерами, обучение грамоте нижних чинов, выбор методов для занятий, определение характера и типа вооружения различных частей [Военный сборник, 1879, с. 110–111]. Одной из первостепенных задач, с которой пришлось столкнуться Г.И. Черткову, являлась необходимость обеспечения учебниками различных чинов армии, так как прежние пособия имели искажения, пропуски и не соответствовали имеющимся программам [Военный сборник, 1879, с. 80]. Предъявляя подчинённым служебные требования, Григорий Иванович первым приходил им на помощь, вникал во все детали и полностью отдавался обязанностям, возложенным на него. Озабоченный отсутствием в войсках достаточно полного руководства для подготовки унтер-офицеров, он решил принять на себя нелегкий труд составления «Памятной книжки для унтер-офицеров пехоты» [Чертков, 1880д, с. 1], затем «Памятной книжки для унтер-офицеров кавалерии» [Чертков, 1881ж, с. 2], «Памятной книжки для рядовых пехоты» [Чертков, 1880г, с. 1], «Памятной книжки для рядовых кавалерии» [Чертков, 1881е, с. 2] и «Памятной книжки для низших чинов пехоты» [Чертков, 1874в, с. 2]. В них он предпринял попытку устранить главные проблемы специального военного образования, обратил внимание на неудовлетворительный характер существующей системы чиновпроизводства [Чертков, 1862а, с. 2].

Проведем более детальный анализ данных пособий, каждое из которых открывает глава «Понятия о воинской службе». В ней говорится: «Защита Престола и Отечества есть священная обязанность каждого русского подданного. Все призванные на святое дело составляют великое военное братство – русскую армию; общее всем им дело – военная служба, общее для всех имя солдат. Солдат есть слуга Государя и Отечества и защитник их от врагов внешних и внутренних. Звание солдата высоко и почетно: он служит для чести, славы и пользы Государя и Отечества и на службе этой жертвует своею жизнью, если это от него потребуется» [Чертков, 1880д, с. 1]. Как видим, в самом начале каждого учебного пособия повествуется об особом священном предназначении солдата, его обязанностях, а также особенностях принятия присяги. Далее речь идет о знамени или штандарте, подробно описывается его внешний вид, требования к охране, приведены примеры героической защиты знамени Азовским и Тамбовским пехотными полками. Г.И. Чертков подробно указывает отличия различного рода войск. «Отдельным батальонам, которые со времени своего первоначального учреждения не были расформированы в продолжение 100 и более лет, жалуются на знамена орденские ленты с бахромой, в гвардии – Андреевская, а в армии – Александровская. На лентах вышиваются надписи, означающие: на лицевой стороне – год основания и первоначальное наименование части, а на внутренней – оказанные отличия» [Чертков, 1874в, с. 7]. Приводятся требования к дисциплине в войсках и чиновпочитанию, правила поведения солдата, способы обращения, приветствия, а также правила отдания воинской чести.

Второй раздел каждой из Памятных книг отличается в силу особенностей военной части и дает представление о службе. Например, применительно к пехоте Г.И. Чертков особое внимание уделял действиям роты. Солдатам необходимо было соблюдать порядок, при котором каждый должен занимать свое место и выполнять конкретную обязанность. Строй состоял из двух шеренг и формировался по росту. Каждая шеренга располагалась на расстоянии вытянутой руки друг от друга [Чертков, 1880д, с. 137]. В книгах подробно раскрыты различные тактики ведения боя. Так, наступательный бой велся с целью выгнать противника с занятой им позиции. Секреты тактики боя заключались в том, что необходимо было быстрым движением подойти к этой позиции, как можно ближе. Огромную роль при этом отводили местным укрытиям. Это давало возможность существенно избежать потерь. Далее выбирался слабо организованный участок позиции противника и наносился удар частым огнем [Чертков, 1880в, с. 164]. Кроме того, использо-

вался удар в штыки. При такой тактике ведения боя рота в случае атаки выстраивалась цепью, в каждой из которых назначался начальник. Главный из них свистком подавал команду «вперед». За такой цепью обязательно следовал резерв. При повторе команды прекращалась стрельба, цепь приближалась к линии противника на расстоянии 50 шагов и начиналась атака [Чертков, 1880д, с. 167]. В пособиях разъяснялись действия пехотинцев против кавалерии противника в зависимости от местности, действия при обороне и способы атаки неприятельской кавалерии. В этой же главе прописаны обязанности различных чинов, дается толкование таких должностей, как «ефрейтор», «фельдфебель», «каптенармус», «ротный писарь» с дальнейшей характеристикой их обязанностей.

Отличительной чертой книг для кавалеристов является глава, содержащая сведения о лошадях, их строении, болезнях, уходе и способах седлания, а также характеризующая различия между наступательными, отступательными и фланговыми походными движениями кавалерии. Разъясняются действия авангарда, арьергарда, головных, боковых и тыльных отрядов. Для кавалеристов даются военные приметы, по которым можно опознать противника. Рекомендуются при наблюдении за неприятелем, находящимся в движении, замечать длину колонн, чтобы вычислить силу движущегося отряда (указывалось, что если походная колонна занимает в глубину около 80 шагов, то это рота, а если 320 шагов, то батальон). Можно найти сведения относительно того, как правильно выбрать дорогу для передвижения и позиции для боя, как правильно осматривать брод, болото, лес, деревни и т. д. Для кавалерии и пехоты даются разные инструкции по службе в гарнизоне, в походах в мирное и военное время, а также во время несения полевой службы.

Если говорить о сходствах, то в каждом пособии есть сведения об устройстве войск. В отношении кавалерии указано, что постоянно в строю находятся двадцать кавалерийских дивизий, из которых две гвардейские, 14 армейских, три кавказских и одна казачья [Чертков, 1881е, с. 204]. Действующие пехотные части составляют: «48 дивизий (3 гвардейских, 4 гренадерских и 41 армейская), 9 стрелковых бригад (1 гвардейская и 8 армейских), 8 Финских стрелковых батальонов, 6 отдельных Закаспийских стрелковых батальонов, 2 Пластунских батальона (в военное время Кубанское казачье войско выставляет 6 Пластунских батальонов) и 37 линейных батальонов» [Чертков, 1880д, с. 254]. Имеются сведения по артиллерии, инженерным, резервным, запасным, местным, учебным и дисциплинарным войскам.

В качестве отличительной особенности военных книг можно назвать сведения по стрелковой части. Для пехоты дается инструкция по эксплуатации пехотной малокалиберной винтовки, ее разборка, сборка, чистка, прикладка и рекомендации для практической стрельбы – как учебной, так и боевой. Книги для кавалерии предполагают изучение кавалерийского револьвера, драгунской винтовки и кавалерийского карабина. В пособиях для унтер-офицеров есть раздел, посвященный сбережению здоровья. В нем говорится о соблюдении простых правил: вдыхание чистого, свежего воздуха; употребление здоровой пищи и хорошей воды; содержание в чистоте жилища, одежды и тела, посещение бани.

Абсолютно все пособия – как для низших чинов, так для унтер-офицеров – имеют сведения «Из военно-уголовных законов», где представлены извлечения из дисциплинарного устава, даются понятия о воинских преступлениях, уголовных наказаниях, дисциплинарных проступках и взысканиях. Завершаются учебные книги главой «Приложения», содержащей молитвы и заповеди, имена Особ Императорской фамилии, имена начальников, жалования и т. д. Для унтер-офицеров в качестве приложения имеются портреты Государя, чертежи и рисунки [Чертков, 1874в, с. 182].

Заключение

Таким образом, учебные пособия, написанные Г.И. Чертковым, соответствовали учебным программам своего времени и давали необходимый объем знаний по служебным

предметам [Воинские уставы для нижних чинов, 1875, с. 111]. Выделяются общие разделы, которые имеют одинаковое значение для пехоты и для кавалерии: общие понятия о воинской службе, сведения относительно службы солдата, военно-уголовных законов, об устройстве войск и сбережении здоровья. Но есть и различия относительно оружия, тактик ведения боя и т. д. Вся необходимая информация выделяется жирным шрифтом. В каждом пособии прослеживается единая структура, подчиненная общей цели военного обучения. Приводятся реальные примеры с указанием имен солдат, совершивших героические поступки. Что же касается способа изложения, то все пособия написаны доступным языком как для представителей низших чинов, так и для представителей высших.

Целью созданной Г.И. Чертковым для рядовых и низших чинов учебной литературы являлось предоставление знаний, необходимых в первый год обучения для становления грамотного солдата. Данные пособия отличает от прочих, в первую очередь, объем предоставляемой информации, обстоятельное рассмотрение особенностей несения внутренней службы, обязанностей дежурных, дневальных, низших чинов, детальное описание боевого снаряжения солдата, его караульной и сторожевой службы. В прежних пособиях отсутствовали разделы, посвященные сохранению здоровья солдата, а сведения по стрелковой части сводились к минимуму. Г.И. Чертков сумел создать учебные пособия, по которым велось обучение и внутреннее устройство армии того времени. Их эффективность доказывают многочисленные переиздания. По оценкам современников, работы Г.И. Черткова заметно обогатили боевую подготовку русской армии, во многих аспектах превосходили пособия, использовавшиеся в иностранных государствах. Труды Г.И. Черткова способствовали повышению качества подготовки военнослужащих и боеспособности русской армии.

Список литературы

- Военная энциклопедия. «Главный комитет по устройству и образованию войск». 1911. Т. 13. СПб, Типография Товарищества И.Д. Сытина, 194.
- Военный сборник. 1879. Т. 129. СПб, Типография В.А. Полетики, 654.
- Воинские уставы для нижних чинов: Составлено по программе, объявленной в приказе по военному ведомству от 14 февраля 1875 г. за № 52. 1875. СПб, Досуг и дело, 111.
- Лопаткин В.В. 2011. Деятельность Российского государства по созданию и совершенствованию центральных органов управления военно-учебными заведениями в 1802–1914 гг. Автореферат диссертации. URL: <http://cheloveknauka.com/v/347348/d/#?page=1> (дата обращения 25 октября 2021).
- Музей истории российского кадетства. URL: <http://cadethistory.ru/pazheskiy-ego-imperatorskogo-velich> (дата обращения 26 октября 2021).
- Панченко А.М. 2018. Деятельность генерал-адъютанта Г.И. Черткова как помощника председателя Главного комитета по устройству и образованию войск. Военно-исторический журнал. 10 (1): 63–71.
- Половцов А.А. 1905. Русский биографический словарь. СПб, Типография И.Н. Скороходова, 642.
- Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 868. URL: <http://guides.rusarchives.ru/node/14938> (дата обращения 28 октября 2021).
- Российский государственный исторический архив. Ф. 702. URL: <https://rgia.su/object/440911> (дата обращения 27 октября 2021).
- Список генералам по старшинству. Исправлено по 1-е апреля. Чертков 1. Григорий Иванович. 1884. СПб, Военная типография, 807.
- Фон-Фрейман О.Р. 1894. Пажи за года (1711–1894). Биографии бывших пажей, с портретами. Фридрихсгамн, Типография Акционерного общества, 550.
- Чертков Г.И. 1862. О преобразовании военно-учебных заведений. СПб, тип. Штаба военно-учебных заведений, 7.
- Чертков Г.И. 1863. Описание Сен-Сирского военного училища. СПб, Типография Дома Призрения Малолетних Бедных, 41.
- Чертков Г.И. 1874. Памятная книжка для низших чинов пехоты. СПб, Военная типография, 194.
- Чертков Г.И. 1880. Памятная книжка для рядовых пехоты. СПб, Военная типография, 145.

- Чертков Г.И. 1880. Памятная книжка для унтер-офицеров пехоты. СПб, Военная типография, 520.
- Чертков Г.И. 1881. Памятная книжка для рядовых кавалерии. СПб, Военная типография, 175.
- Чертков Г.И. 1881. Памятная книжка для унтер-офицеров кавалерии. СПб, Военная типография, 472.
- Шафгаузен Шенберг-эк-Шауфус Д.Н. 1886. Очерк деятельности генерал-адъютанта Григория Ивановича Черткова по званию помощника Председателя «Главного комитета по устройству и образованию войск» с 1874 по 1884 год. Составлено по отчётам бывшего Комитета. СПб, Государственная типография, 138.
- Энциклопедия благотворительности Санкт-Петербург. URL: <http://encblago.lfond.spb.ru/showObject.do?object=2853438427> (дата обращения 26 октября 2021).

References

- Voennaja jenciklopedija. «Glavnyj komitet po ustrojstvu i obrazovaniju vojsk» [Military encyclopedia. «Main Committee for the Arrangement and Formation of Troops»]. 1911. Т. 13. SPb, Tipografija T-va I.D. Sytina, 194 (in Russian).
- Voennyj sbornik. [Military collection]. 1879. Т. 129. SPb, Tipografija V.A.Poletiki, 654 (in Russian).
- Voinskie ustavy dlja nizhnih chinov: Sostavleno po programme, objavlennoj v prikaze po voennomu vedomstvu ot 14 fevralja 1875 g. za № 52. [Military regulations for the lower ranks: Compiled according to the program announced in the order of the military department of February 14, 1875, No. 52]. 1875. SPb, Dosug i delo, 111 (in Russian).
- Lopatkin V.V. 2011. Dejatel'nost' Rossijskogo gosudarstva po sozdaniju i sovershenstvovaniju central'nyh organov upravlenija voenno-uchebnymi zavedenijami v 1802–1914 gg. [The activities of the Russian state in the creation and improvement of the central governing bodies of military educational institutions in 1802–1914]. Avtoreferat dissertacii. URL: <http://cheloveknauka.com/v/347348/d?#?page=1> (accessed 25 October 2021) (in Russian).
- Muzej istorii rossijskogo kadetstva. [Museum of the History of Russian Kadets]. URL: <http://cadethistory.ru/pazheskiy-ego-imperatorskogo-velich> (accessed 26 October 2021) (in Russian).
- Panchenko A.M. 2018. Dejatel'nost' general-adjutanta G.I. Chertkova kak pomoshhnika predsedatelja Glavnogo komiteta po ustrojstvu i obrazovaniju vojsk [The activities of Adjutant General G.I. Chertkov as Assistant to Chairman of Main Committee for the Arrangement and Education of Troops]. Voенно-istoricheskij zhurnal. 10 (1): 63–71 (in Russian).
- Polovcov A.A. 1905. Russkij biograficheskij slovar' [Russian biographical dictionary]. SPb, Tipografija I.N. Skorohodova, 642 (in Russian).
- Rossijskij gosudarstvennyj voenno-istoricheskij arhiv [Russian State Military Historical Archive]. F. 868. URL: <http://guides.rusarchives.ru/node/1493> (accessed 28 October 2021) (in Russian).
- Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv [Russian State Historical Archive]. F. 702. URL: <https://rgia.su/object/440911> (accessed 27 October 2021) (in Russian).
- Spisok generalam po starshinstvu. Ispravleno po 1-e aprelja. Chertkov I. Grigorij Ivanovich. 1884 [List of generals by seniority. Corrected on April 1st. Chertkov I. Grigory Ivanovich]. SPb, Voennaja tipografija, 807 (in Russian).
- Fon-Frejman O.R. 1894. Pazhi za goda (1711–1894). Biografii byvshih pazhej, s portretami. [Pages for the years (1711–1894). Biographies of former pages, with portraits]. Fridrihsgamn, Tipografija Akcionernogo obshhestva, 550 (in Russian).
- Chertkov G.I. 1862. O preobrazovanii voenno-uchebnyh zavedenij [On the transformation of military educational institutions]. SPb, tip. Shtaba voenno-uchebnyh zavedenij, 7 (in Russian).
- Chertkov G.I. 1863. Opisanie Sen-Sirskogo voennogo uchilishha [Description of the Saint-Cyr military school]. SPb, Tip. Doma Prizrenija Maloletnih Bednyh, 41 (in Russian).
- Chertkov G.I. 1874. Pamjatnaja knizhka dlja nizshih chinov pehoty [Commemorative book for the lower ranks of the infantry]. SPb, Voennaja tipografija, 194 (in Russian).
- Chertkov G.I. 1880. Pamjatnaja knizhka dlja rjadovyh pehoty [Commemorative book for the rank and file of the infantry]. SPb, Voennaja tipografija, 145 (in Russian).
- Chertkov G.I. 1880. Pamjatnaja knizhka dlja unter-oficerov pehoty [Commemorative book for non-commissioned officers of the infantry]. SPb, Voennaja tipografija, 520 (in Russian).

- Chertkov G.I. 1881. Pamjatnaja knizhka dlja rjadovyh kavalerii [Commemorative book for privates of the cavalry]. SPb, Voennaja tipografija, 175 (in Russian).
- Chertkov G.I. 1881. Pamjatnaja knizhka dlja unter-oficerov kavalerii [Commemorative book for non-commissioned officers of the cavalry]. SPb, Voennaja tipografija, 472 (in Russian).
- Shafgauzen Shenberg-jek-Shaufus D.N. 1886. Oчерк dejatel'nosti general-adjutanta Grigorija Ivanovicha Chertkova po zvaniju pomoshhnika Predsedatelja «Glavnogo komiteta po ustrojstvu i obrazovaniju vojsk» s 1874 po 1884 god. Sostavleno po otchjotam byvshego Komiteta [Essay on the activities of Adjutant General Grigory Ivanovich Chertkov with the rank of assistant of the Chairman of the «Main Committee for the Organization and Formation of Troops» from 1874 to 1884. Compiled from the reports of the former Committee]. SPb, Gosudarstvennaja tipografija, 138 (in Russian).
- Jenciklopedija blagotvoritel'nosti Sankt-Peterburg [Encyclopedia of Charity St. Petersburg]. URL: <http://encblago.lfond.spb.ru/showObject.do?object=2853438427> (accessed 26 October 2021) (in Russian).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Фирсова Ирина Игоревна, аспирант кафедры истории России, Воронежский государственный педагогический университет, г. Воронеж, Россия

Irina I. Firsova, Postgraduate Student assistant of the Department of Russian History, Voronezh State Pedagogical University, Voronezh, Russia

УДК 94 «18/19» (470.32):281.92

DOI 10.52575/2687-0967-2022-49-1-119-129

Уездные наблюдатели в системе управления церковными школами в епархиях центрального Черноземья в конце XIX – начале XX веков

Козлов К.В., Меньшикова Е.Н.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: kozlov@bsu.edu.ru, menshikova@bsu.edu.ru

Аннотация. В статье рассматривается история функционирования института уездных наблюдателей церковных школ в системе церковного образования епархий Центрального Черноземья. Деятельность уездных наблюдателей осуществлялась в условиях паллиативного компромисса между необходимостью наличия еще одного управленческого звена на уездном уровне и отсутствием материальных, финансовых и кадровых ресурсов для его замещения. В качестве очевидного решения существовавших проблем была избрана практика замещения этой должности приходскими священниками, работавших на условиях совместительства. В этой связи вся история существования института уездных наблюдателей являет собой период постоянных поисков решений по формированию корпуса уездных наблюдателей из числа бесприходных священников. Еще одной проблемой в деятельности уездных наблюдателей было отсутствие должностной инструкции, в которой бы было определено его место в системе управления церковными школами. Уездный наблюдатель занимал двоякое положение в служебной иерархии: по территории своего ведения он подчинялся уездному отделению Епархиального училищного совета, а по функционалу – епархиальному наблюдателю церковных школ и председателю Епархиального училищного совета.

Ключевые слова: уездный наблюдатель церковных школ, епархиальный училищный совет, уездное отделение епархиального училищного совета, церковно-приходская школа, Центральное Черноземье

Для цитирования: Козлов К.В., Меньшикова Е.Н. 2022. Уездные наблюдатели в системе управления церковными школами в епархиях центрального Черноземья в конце XIX – начале XX веков. *Via in tempore. История. Политология.* 49 (1): 119–129. DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-1-119-129

County supervisors in the management system of church schools in the dioceses of the Central Chernozem region in the late XIX – early XX centuries

Konstantin V. Kozlov, Evgeniya N. Menshikova

Belgorod State University,
85 Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia
E-mail: kozlov@bsu.edu.ru, menshikova@bsu.edu.ru

Abstract. The article treats the origin and functioning of the county church schools supervisors' body in the system of Diocesan church education in the Central Chernozem region. The activities of the county supervisors were carried out in conditions of a palliative compromise between the need for another managerial link at the county level and the lack of material, financial and human resources to replace it. As an obvious solution to the existing problems, it was chosen to replace this position with parish priests who worked on a part-time basis. In this regard, the entire history of the existence of county supervisors' institute is a period of

constant search for solutions for the formation of a body of county supervisors from non-parish priests. Another problem in the activities of the county supervisors was the lack of duty regulations that could determine their position in the church schools management system. The county supervisor occupied a twofold position in the official hierarchy: in the territory of his jurisdiction, he was subordinate to the county department of the Diocesan School Council, and in terms of functionality – to the Diocesan supervisor of church schools and the chairman of the Diocesan School Council.

Keywords: the county church schools supervisor, the Diocesan School Council, the county department of the Diocesan School Council, the church parish school, the Central Chernozem region

For citation: Kozlov K.V., Menshikova E.N. 2022. County supervisors in the management system of church schools in the dioceses of the Central Chernozem region in the late XIX – early XX centuries. *Via in tempore. History and political science.* 49 (1): 119–129 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-1-119-129

Введение

Осмысление исторического опыта деятельности низового звена системы управления церковным сегментом народного образования Российской Империи в конце XIX – начале XX веков является актуальным в силу следующих причин. Во-первых, в современной России конфессиональные (православные) образовательные учреждения стали полноценным сегментом российского образования и представлены на всех уровнях образования: профессиональные, общеобразовательные и учреждения дополнительного образования. Во-вторых, учредитель этих образовательных учреждений – Русская Православная церковь – в лице епархиальных структур работает как некоммерческая общественная организация. В этой связи одной из острых проблем является финансовое, материальное и кадровое обеспечение их деятельности. И в том числе деятельности управленческой структуры, обеспечивающей функционирование образовательной системы на епархиальном и общецерковном уровне. Традиционным способом решения проблемы обеспечения кадрами системы церковно-образовательного менеджмента по-прежнему остается замещение административных должностей действующими приходскими священниками.

Институт уездных наблюдателей рассматривался исследователями как на материале отдельных регионов: Владимирской и Костромской губерний [Красницкая, 2011, с. 21–22], Енисейской епархии [Наумова, 2018, с. 76–77], Тобольской губернии [Неупокоев, 2019, с. 131–133], Архангельской и Олонецкой [Жуковская, Калинина, Казакова, 2019, с. 77–92], так и в целом – истории их создания [Красницкая, 2012, с. 87–98; Житенев, 2017, с. 406–417].

Объект и методы исследования

В проблемном поле данного исследования находится система местного управления церковными школами в Российской Империи в конце XIX – начале XX веков, которая распространяла свою функциональную компетенцию на церковные школы, расположенные на территории благочиннических округов, включенных в рассматриваемый период в уездный уровень административно-территориального деления страны. Уездная система управления церковными школами включала – по аналогии с общероссийской и региональной (епархиальной) – уездное отделение епархиального училищного совета и уездного наблюдателя церковных школ.

Методологической основой стал системный подход, эвристический потенциал которого позволил осуществить исследование института уездных наблюдателей как элемента внутренней организации системы управления церковным образованием в России в конце XIX – начале XX веков и проанализировать его функциональность. Метод структурно-функционального анализа позволил осуществить декомпозицию этой системы и установить место института уездных наблюдателей в служебной иерархии системы управления

церковным образованием в России в рассматриваемый период. Историко-генетический метод позволил установить эволюцию в развитии института уездных наблюдателей, а сравнительно-исторический метод – сходства и различия в осуществлении ими своей профессиональной деятельности в четырех избранных епархиях.

Результаты и их обсуждение

Контроль над образовательной деятельностью церковных школ в уездах осуществляли уездные наблюдатели. Согласно «Положению об управлении школами церковно-приходскими и грамоты» 1896 года, уездное отделение представляло Епархиальному училищному совету трех кандидатов на эту должность «из числа приходских священников, заявивших свою заботливость, усердие и опытность в деле устройства и руководства школами церковно-приходскими и грамоты» [Законы и справочные сведения ..., 1898, с. 388]. Епархиальные училищные советы из трех кандидатов выбирали одного или, отклоняя всех, предлагали своего кандидата и рекомендовали его для утверждения епархиальному архиерею. К представлениям Епархиальных училищных советов должны были прилагаться отзывы епархиального наблюдателя церковных школ. Причем по такой схеме назначались и первые уездные наблюдатели. В циркуляре обер-прокурора Синода К.П. Победоносцева епархиальным архиереям от 3 июля 1895 г. указывалось на необходимость уездным отделениям в течение августа 1895 г. на заседаниях выдвинуть трех кандидатов на должность уездного наблюдателя и обсудить порядок замещения уездного наблюдателя в его приходской деятельности в случае, если он будет священником в двух- или трехштатном соборе²³. А определением Синода от 19–26 июня 1896 г. архиереям предлагалось утвердить в должности с 1 июля 1896 г. уездных наблюдателей, кандидатов, предложенных Епархиальным училищным советом, предварительно затребовав отзыв епархиального наблюдателя о них. Также архиереям вменялось в обязанность определить порядок замены в приходе священников-уездных наблюдателей на время их инспекционных поездок по уезду другими священнослужителями [Собрание правил ..., 1899, с. 20–25]. На местах введение должности уездного наблюдателя было встречено одобрительно. Так, председатель Курского епархиального училищного совета Я. Новицкий писал В.И. Шемякину 1 августа 1896 г.: «С назначением уездных наблюдателей – дело наше пойдет успешнее»²⁴.

На первый взгляд, простая и достаточно прозрачная процедура назначения уездных наблюдателей включала ряд далеко не всегда очевидных обстоятельств. Прежде всего, епархиальный архиерей не ограничивался, как правило, лишь формальным утверждением предложенной Епархиальным училищным советом кандидатуры, но активно участвовал в формировании корпуса уездных наблюдателей. Так, орловский епархиальный наблюдатель В. Фиалкин в 1903 г. указал на следующий факт: «Владыка наш выписал в елецкие уездные наблюдатели шадринского уездного наблюдателя Семена Федосеева без всякого, конечно, сношения с Советом. Теперь всюду носится с ним как с писаной торбой»²⁵. Председатель Тамбовского епархиального училищного совета епископ Козловский Нафанаил (Троицкий) в 1908 г. описывал подобную ситуацию с тамбовским уездным наблюдателем А. Суворовым, который был назначен «владычной властью»²⁶. Не без влияния архиепископа Тамбовского Кирилла (Смирнова) состоялось назначение тамбовского уездного наблюдателя Н. Шиловского в ноябре 1914 г., который был рекомендован архиепископу председателем Училищного совета П.И. Соколовым в письме от 28 октября 1914 г. Протектирование П.И. Соколова Н. Шиловскому, занимавшему до этого должность заведующего Леушинской церковно-учительской школой, объясняется, на наш взгляд, его за-

²³ См.: Государственный архив Воронежской области (далее – ГАВО) Ф. 70. Оп. 1. Д. 4. ЛЛ. 155–155 об.

²⁴ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 803. Оп. 12. Д. 86. Л. 60 об.

²⁵ РГИА. Ф. 803. Оп. 12. Д. 109. Л. 155 об.

²⁶ РГИА. Ф. 803. Оп. 12. Д. 122. Л. 234.

ботой о церковно-школьном образовании в епархии, которое он до назначения в Училищный совет возглавлял, председательствуя в Тамбовском епархиальном училищном совете. Показательно здесь другое: работавший в Новгородской епархии Н. Шиловский вряд ли был известен членам Тамбовского епархиального училищного совета, на заседании которого 17 ноября 1914 г. он был выбран уездным наблюдателем церковных школ Тамбовского уезда. О результатах выборов в Совете архиепископ Кирилл (Смирнов) сообщил П.И. Соколову в письме от 24 ноября 1914 г.²⁷

Епархиальные училищные советы не только назначали уездных наблюдателей, согласно «Положению» 1896 г., но и последующие кадровые перестановки осуществлялись при их участии. И здесь определяющее значение имело отношение председателя к тому или иному уездному наблюдателю. Так, председатель Тамбовского епархиального училищного совета П.И. Соколов в 1896 г. указывал: «Выбором уездных наблюдателей мы довольны. Один – лебедянский наблюдатель, кажется, не на месте, и его придется, по всей вероятности, сменить»²⁸. Епископ Козловский Нафанаил (Троицкий), председательствовавший в Тамбовском епархиальном училищном совете, в 1908 г. писал примерно то же: «Что касается уездного наблюдателя А. Суворова, конфиденциально и доверительно докладываю, я считаю его стоящим не на своем месте. В данное время мною собираются сведения о характере его деятельности с той целью, чтобы доложить Владыке об увольнении Суворова»²⁹.

Впрочем, и выбор кандидатуры Епархиальным училищным советом не всегда был удачен. Так, назначение Тамбовским епархиальным училищным советом Н.И. Багрянского уездным наблюдателем церковных школ Моршанского уезда, помимо трех кандидатур, предложенных Моршанским уездным отделением, вызвало недоумение даже в Училищном совете при Синоде. В письме, по-видимому, частного характера от 4 февраля 1902 г. делопроизводитель статистического отдела Училищного совета П. Луппов сообщал епархиальному наблюдателю А. Левочскому следующее: «В Синодальном Совете известие о назначении священника Багрянского... было встречено с удивлением, так как упомянутый священник известен некоторым членам за лицо, не отличающееся любовью к школе и известное своею резкостью и грубоватостью в обращении с окружающими и едва ли способное привлечь деятелей к школе»³⁰. По данным А. Левочского, которому были известны обстоятельства этого назначения, в своем письме к В.И. Шемякину от 17 февраля 1902 г. он указывал на протезирование его двумя членами Совета, один из которых был его бывший ученик по Шацкому духовному училищу, и по слухам – родственник, а второй – его однокашник по духовной семинарии³¹.

Назначение на должность уездного наблюдателя могло инициироваться светскими лицами. Так, в 1908 г. попечительница Покровской церковно-приходской школы Бирюченского уезда Воронежской губернии Е.А. Шидловская, супруга бывшего губернского предводителя дворянства Н.И. Шидловского, с 1907 г. входившего в состав Совета министра земледелия, обратилась с просьбой к епископу Анастасию (Добрадину) сменить в должности уездного наблюдателя священника М.И. Путилина и заменить его священником Нечаевым. Епархиальный наблюдатель П. Никольский выяснил, что причиной просьбы было то, что Путилин «не был светски любезен при посещении гг. Шидловских и говорил о деле слишком просто»³².

В отличие от епархиального наблюдателя уездным мог быть исключительно священник. В «Положении» 1896 г. и определении от 19–26 июня 1896 г. не оговаривалось, что он должен быть бесприходным, но это требование было выдвинуто спецификой дея-

²⁷ РГИА. Ф. 803. Оп. 4. Д. 48. ЛЛ. 21–22.

²⁸ РГИА. Ф. 803. Оп. 12. Д. 122. Л. 13.

²⁹ РГИА. Ф. 803. Оп. 12. Д. 122. Л. 233.

³⁰ РГИА. Ф. 803. Оп. 12. Д. 122. Л. 98.

³¹ См.: РГИА. Ф. 803. Оп. 12. Д. 122. ЛЛ. 100–101 об.

³² РГИА. Ф. 803. Оп. 12. Д. 61. Л. 43 об.

тельности уездных наблюдателей. Епархиальные архиереи должны были определить порядок замены уездных наблюдателей в приходах на время их командировок, и это было сделано. Но это вызвало новые проблемы. Епархиальный наблюдатель церковных школ Воронежской губернии В. Дорошевский в 1898 г. указывал на следующее: «При настоящем положении дел возникают большие недоразумения у уездных наблюдателей со своими товарищами-священниками и разлад со своими прихожанами»³³. И далее он предлагал назначать уездными наблюдателями бесприходных священников.

Но всё упиралось в недостаточное финансово-экономическое обеспечение деятельности уездных наблюдателей. Согласно определению от 19–26 июля 1896 г., размер заработной платы уездных наблюдателей определялся «местными условиями» и, прежде всего, количеством церковных школ в уезде и варьировался в Воронежской епархии от 360 до 900 руб. в год, в Курской – от 360 до 600, в Орловской – от 360 до 720, в Тамбовской – от 480 до 900 [Собрание правил ..., 1899, с. 24–31]. Незначительная заработная плата являлась основной причиной того, что количество бесприходных священников – уездных наблюдателей было невелико. Так, к 1901 г. в Воронежской и Тамбовской епархиях бесприходных уездных наблюдателей было 4, в Орловской – 2, в Курской – ни одного³⁴. И в дальнейшем повышение заработной платы производилось, прежде всего, с целью формирования корпуса уездных наблюдателей из числа бесприходных священников. Так, в Высочайше утвержденном мнении Государственного совета от 5 июня 1900 г., определявшем размер оклада уездных наблюдателей в 1 200 руб. в год и право получения пенсии в размере 500 руб. в год через 25 лет работы, оговаривалось, что это касается, прежде всего, бесприходных священников [Алфавитный указатель ..., 1902, с. 440]. В 1909 г. определением Синода от 19 декабря уездным наблюдателям было предоставлено право одновременно с зарплатой за наблюдательство получать и заработанную ими ранее пенсию за духовно-учебную службу [Законы о православном духовенстве ..., 1914, с. 148].

Согласно закону от 29 июня 1914 г., заработная плата бесприходных священников – уездных наблюдателей с высшим образованием составляла 3 000 руб. в год, а со средним – 2 400 руб. В этом же законе прописывались требования, предъявляемые к кандидатам на должность уездного наблюдателя – это наличие высшего образования или звания учителя высшего начального училища и 5 лет педагогического стажа. И, кроме этого, было определено количество бесприходных священников – уездных наблюдателей: их должно было быть не менее 300 в Российской Империи. А общее соотношение бесприходных и приходских священников, занимающих должности уездных наблюдателей, должно было определяться Училищным советом при Синоде [Закон ..., 1914, с. 385].

Данный закон не вносил изменений в сложившуюся практику оплаты командировочных расходов. Фиксированная сумма – 400 руб. – «на разъезды» включалась в общую сумму заработной платы уездных наблюдателей. Подобная практика приводила к необходимости уездным наблюдателям обращаться с ходатайствами в земства об оплате командировочных расходов. Так, наблюдатель церковных школ Грайворонского уезда Курской губернии В. Рождественский обратился 7 октября 1896 г. с прошением в Грайворонское уездное земское собрание о предоставлении ему права бесплатного проезда по земской почте для ревизии церковных школ. Грайворонское уездное земское собрание на вечернем заседании 11 октября 1896 г. такое право ему предоставило³⁵. Но, например, Льговское уездное земское собрание той же Курской губернии на заседании 8 октября 1897 г. подобное ходатайство отклонило [Свод постановлений Льговского уездного земства ..., 1903, с. 160].

И даже после вступления в действие закона от 26 июня 1914 г. необходимость в оплате командировок земствами для уездных наблюдателей сохранялась. Так, согласно

³³ РГИА. Ф. 803. Оп. 12. Д. 61. Л. 79.

³⁴ РГИА. Ф. 803. Оп. 4. Д. 1323. ЛЛ. 270–272.

³⁵ См.: Государственный архив Белгородской области (далее – ГАБО). Ф. 23. Оп. 1. Д. 6. ЛЛ. 38, 222.

отчету Грайворонской земской управы за 1915 г., было израсходовано на оплату «разъездов» уездного наблюдателя церковных школ Ф. Андриевского 254 руб. 72 коп.³⁶

В целом реализация основных положений закона от 26 июня 1914 г. проходила достаточно активно. Прежде всего, определением Синода от 4–7 марта 1915 г. было оговорено, что возможность назначения светских лиц на должность уездных наблюдателей полностью исключается. И в нём же была представлена статистика новых назначений. Так, в Воронежской епархии 2 бесприходных священника были уездными наблюдателями, приходских – 6 и «вновь устанавливаемых» (т. е. согласно требованиям закона 26 июня 1914 г.) – 5. В Курской епархии бесприходных священников – уездных наблюдателей не было, приходских было 8, «вновь устанавливаемых» – 7. В Орловской епархии должности уездных наблюдателей занимали 2 бесприходных, 6 приходских священников, 7 были «вновь устанавливаемыми». В Тамбовской епархии уездными наблюдателями были 5 бесприходных, 5 приходских и 7 «вновь устанавливаемых» священников [Определение Святейшего Синода от 4–7 марта 1915 г. «Об отпуске ...», с. 100–103].

В разъяснение определения от 4–7 марта 1915 г. синодальным определением от 15–30 июня 1915 г. было приказано уволить всех светских лиц – как занимающих должность уездного наблюдателя, так и лишь исполняющих обязанности [Определение Святейшего Синода от 15–30 июня 1915 г. «О недопущении ...», с. 354–355]. А определением от 6–15 июня 1915 г. было внесено одно изменение в процедуру назначения уездных наблюдателей, имеющее принципиальное значение: Епархиальные училищные советы теперь при назначении уездных наблюдателей должны были обращаться в Училищный совет при Синоде, куда, в свою очередь, обращались «правоспособные» кандидаты.

Определение Синода от 6 ноября – 19 декабря 1915 г. регламентировало отношения бесприходного священника – уездного наблюдателя к церковно-школьной администрации. Разрешение на отпуск на срок до 10 дней он должен был получать у председателя уездного отделения, а до двух месяцев – у епархиального наблюдателя. Для него не было обязательным делать взносы в епархиальную похоронную и эмеритальную кассу, а участие в благочиннических съездах признавалось желательным, особенно если на них обсуждались вопросы, касающиеся церковных школ. Прежняя служба бесприходного священника засчитывалась в счет пенсионной выслуги по должности уездного наблюдателя. А работа приходских священников в должности уездных наблюдателей не засчитывалась в необходимый для получения пенсии трудовой стаж [Определение Святейшего Синода от 6 ноября – 19 декабря 1915 г. «По вопросам ...», с. 35–36]. Это нововведение свидетельствовало о специализации наблюдательской деятельности. Если раньше уездными наблюдателями становились обычные священники, для которых это было дополнительной работой, то теперь ими уже должны были быть специалисты.

Такое достаточно динамичное реформирование влекло вполне естественные затруднения в приведении корпуса уездных наблюдателей в соответствие с предъявляемыми к ним требованиями. Так, епископ Козловский Зиновий (Дроздов), председатель Тамбовского епархиального училищного совета, в своем отношении в Училищный совет от 9 июля 1915 г. указывал, что в епархии 4 должности уездных наблюдателей остаются вакантными из-за того, что нет кандидатов, соответствующих требованиям закона от 29 июня 1914 г. На вопрос епископа Зиновия (Дроздова) о том, возможно ли назначить имеющихся кандидатов, которые обязуются сдать требуемые экзамены на звание учителя высшего начального училища, по всей вероятности, ответил П.И. Соколов, наложив карандашом на полях следующую резолюцию: «Сообщить, что неправоспособных нельзя определять в наблюдатели; подождать, пока найдутся лица, удовлетворяющие всем требованиям»³⁷. А уездного наблюдателя Елатомского уезда Тамбовской губернии В. Санталова необходимость сда-

³⁶ ГАБО. Ф. 23. Оп. 1. Д. 9. ЛЛ. 111 об. – 112.

³⁷ РГИА. Ф. 803. Оп. 4. Д. 48. Л. 176.

вать требуемые экзамены сильно страшила. Он обратился с письмом от 24 апреля 1915 г. к председателю Училищного совета П.И. Соколову, где, указав на свой возраст (50 лет) и слабое здоровье, просил оставить его уездным наблюдателем без сдачи экзаменов, мотивируя это следующим: «Усиленные занятия, а также и волнения, сопряженные с экзаменами, могут вызвать у меня в мозгу нежелательные осложнения, до паралича мозга включительно»³⁸. По всей видимости, процедура сдачи экзаменов вызывала много вопросов у священников, так как после издания закона от 26 июня 1914 г. в «Церковных ведомостях» было дано разъяснение на этот счет [Руднев, 1914, с. 1823–1825].

Служебные обязанности уездных наблюдателей заключались в осуществлении контроля над образовательной деятельностью церковных школ. Свои доклады уездные наблюдатели представляли в уездные отделения, а также – необходимую информацию епархиальным наблюдателям. Единой инструкции для уездных наблюдателей, так же как и для епархиальных, разработано не было. И они в своей деятельности руководствовались инструкциями, разрабатывавшимися в епархиях, причем не всегда в Епархиальных училищных советах. Так, на Съезде председателей уездных отделений Орловского епархиального училищного совета и уездных наблюдателей, проходившем с 12 по 14 октября 1904 г., было решено составить инструкцию для председателей уездных отделений и уездных наблюдателей. Для этого была создана комиссия из уездных наблюдателей – священников Ф.Т. Иорданского, И.П. Красовского и Л.П. Преображенского, которую возглавил председатель Елецкого уездного отделения священник Н.Ф. Поздняков. Проект «Инструкции председателей уездных отделений и уездных наблюдателей», рассмотренный Съездом 13 октября 1904 г., был передан для рассмотрения и утверждения в Епархиальный училищный совет [С. Съезд ..., 1904, с. 988]. В отдельных епархиях созывались съезды уездных наблюдателей церковных школ, постановления которых рассматривались и утверждались епархиальным архиереем.

Отношения между уездными и епархиальными наблюдателями складывались, как правило, деловые и достаточно корректные. Это объяснялось в первую очередь тем, что статьей 44 «Положения об управлении школами церковно-приходскими и грамоты» была четко определена подчиненность уездных наблюдателей епархиальным.

Отношения же между уездными наблюдателями и уездными отделениями Епархиальных училищных советов далеко не всегда были доброжелательными прежде всего из-за отсутствия должностных инструкций. Именно на это обстоятельство указывал курский епархиальный наблюдатель И. Каплинский в письме от 22 января 1897 г., где описывал линии напряженности между уездными отделениями и наблюдателями: 1) многие заявления наблюдателей игнорируются уездными отделениями; 2) уездные отделения загружают уездных наблюдателей поручениями, которые могли бы быть выполнены благочинными или священниками, заведующими школами³⁹. Епархиальный наблюдатель церковных школ Тамбовской епархии С. Бельский в том же году указывал, что отношения уездных отделений и уездных наблюдателей определялись положением наблюдателей в отделениях: если они были только членами отделений, то их роль была «исполнительная», если же они являлись председателями отделений, то, соответственно, «руководящая»⁴⁰.

Преемник С. Бельского – А. Левочкин в 1899 г. называл еще один источник возникших противоречий между уездными наблюдателями и уездными отделениями, связанный с тем, что членами уездных отделений зачастую являлись члены Духовной консистории, и уездные наблюдатели, являясь, прежде всего, священнослужителями, этим обстоятельством были ограничены в выражении собственного мнения»⁴¹.

³⁸ РГИА. Ф. 803. Оп. 4. Д. 48. Л. 55 об.

³⁹ См.: РГИА. Ф. 803. Оп. 12. Д. 13. Л. 99.

⁴⁰ РГИА. Ф. 803. Оп. 12. Д. 13. Л. 234.

⁴¹ РГИА. Ф. 803. Оп. 12. Д. 27. Л. 129 об.

П. Никольский в статье, написанной в 1906 г., рисовал более мрачную картину: «И, кажется, везде идет глухая борьба наблюдателей и председателей, в основе своей вытекающая из ревнивого охранения председателем преимуществ власти» [Никольский, 1906, с. 460]. Далее он приводил в пример епархию, исходя из содержания его письма от 7 января 1907 г. к В.И. Шемякину, где, перечисляя недостатки церковно-школьной администрации Воронежской епархии, неоднократно подчеркивает – «кроме тех, что в статье» – Воронежскую, в которой конфликт уездных наблюдателей и председателей отделений доходил до того, что председатели запрещали наблюдателям знакомиться с текущим делопроизводством отделений. И только в двух уездах ситуация была иной, потому что уездные наблюдатели являлись председателями уездных отделений. По мнению современников, основной причиной конфликтных ситуаций, возникавших в системе церковно-школьного управления, было отсутствие детально разработанной нормативно-правовой базы. Как указывал А. Левочский, именно по этой причине отношения между различными должностными лицами строились «на почве разнобразного понимания общих законоположений и самолюбия»⁴².

Заключение

Появление института уездных наблюдателей являлось результатом развития системы церковного образования. Сложность в их работе составляло отсутствие нормативно-правовых документов, определявших процедуру взаимодействия уездного наблюдателя с остальными субъектами церковно-школьного управления. Предпринимавшиеся попытки создания должностных инструкций остались на уровне региональных инициатив. Уездный наблюдатель подчинялся не только председателю Епархиального училищного совета, но и председателю его уездного отделения. Отношения между председателями Епархиальных училищных советов и уездными наблюдателями были корректными и укладывались в рамки служебного этикета. А между уездными наблюдателями и председателями уездных отделений могли складываться различные модели отношений, вплоть до затруднявших реализации совместно решаемых задач. Главной проблемой в работе уездных наблюдателей было недостаточное финансирование их деятельности. В качестве варианта решения этой проблемы была апробирована практика назначения на эту должность приходских священников, которые бы работали на условиях внешнего совмещения. Однако паллиативность такого решения этой проблемы была очевидна для всех, и на протяжении рассматриваемого периода неоднократно предпринимались меры по повышению заработной платы и пенсионного обеспечения уездных наблюдателей.

Список литературы

- Алфавитный указатель действующих руководственных канонических постановлений, указов, определений и распоряжений Святейшего Правительствующего Синода (1721–1900) и гражданских законов, относящихся к духовному ведомству православного исповедания / Сост. С.В. Калашников. СПб., Тип. И.Л. Тузова, 1902. 592 с.
- Житенев Т.Е. 2017. Наблюдатели церковных школ в конце XIX – начале XX в. Святейший Синод в истории российской государственности. Сборник материалов Всероссийской научной конференции с международным участием. Науч. ред. С.Л. Фирсов, П.В. Федоров. Вып. 1. СПб., Президентская библиотека: 406–417.
- Жуковская Т.Н., Калинина Е.А., Казакова К.С. 2019. Система инспектирования и контроля деятельности училищ светского и духовного ведомств в XIX веке: цели, формы, эффективность. Труды Кольского научного центра РАН. Т. 10. № 2–16: 77–92.
- Закон «Об отпуске из Государственного казначейства дополнительных средств на содержание епархиальных и уездных наблюдателей школ церковно-приходских и грамоты» от 29 июня 1914 г. Церковные ведомости. 1914. 33: 384–386.

⁴² РГИА. Ф. 803. Оп. 12. Д. 27. Л. 133.

- Законы и справочные сведения по начальному народному образованию. Сост. А.С. Пругавин. СПб., Тип. О.Н. Поповой, 1898. 785 с.
- Законы о православном духовенстве и учреждениях духовных с разъяснениями из решений Правительственного Сената, указов, определений и постановлений Святейшего Синода, ведомственными разъяснениями и алфавитно-предметным указателем Сост. Н.Е. Серебренников. СПб., Юридический книжный магазин «Правоведение» И.К. Голубева, 1914. 454 с.
- Красницкая Т.А. 2011. Система управления церковными школами в дореволюционной России (на материалах Владимирской и Костромской губерний). Вестник ПСТГУ. II: История. История Русской Православной Церкви. 5 (42): 14–29.
- Красницкая Т.А. 2012. Управленческая структура церковно-школьной образовательной системы в Российской империи: последняя треть XIX – начало XX века. Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. № 1 (15): в 2-х ч. Ч. I: 87–98.
- Наумова Н.Н. 2018. Система надзора за церковноприходскими школами Енисейской епархии на рубеже XIX – начала XX вв. Труды Братского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 1 (12): 74–78.
- Неупокоев Е.В. 2019. Институт инспекторского контроля за церковно-приходскими школами (на материалах Тобольской губернии). Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные науки. Humanitates. 5. 4 (20): 127–138.
- Никольский П. 1906. Управление церковно-приходскими школами. Народное образование. 1906. Т. 1. Кн. 4: 457–463.
- Определение Святейшего Синода от 4–7 марта 1915 г. «Об отпуске из Государственного казначейства дополнительных средств на содержание епархиальных и уездных наблюдателей школ церковно-приходских и грамоты». Церковные ведомости. 1915. 12–13: 95–107.
- Определение Святейшего Синода от 15–30 июня 1915 г. «О недопущении светских лиц к исполнению обязанностей уездных наблюдателей церковных школ». Церковные ведомости. 1915. 28: 354–355.
- Определение Святейшего Синода от 6 ноября – 19 декабря 1915 г. «По вопросам касательно положения бесприходных уездных наблюдателей церковно-приходских школ». Церковные ведомости. 1916. 6: 35–36.
- Руднев М.К. К вопросу об образовательном цензе для кандидатов на должности уездных наблюдателей церковно-приходских школ. Церковные ведомости. 1914. 43. Прибавления: 1823–1825.
- С. Съезд председателей уездных отделений Орловского епархиального училищного совета и уездных наблюдателей церковно-приходских школ. Орловские епархиальные ведомости. 1904. № 42. Часть неофициальная: 985–989.
- Свод постановлений Львовского уездного земства за 17 лет (1885–1901 гг.). Сост. И.П. Белокопский. Курск, Тип. Курского губернского земства, 1903. 760 с.
- Собрание правил, законоположений и распоряжений Святейшего Синода о церковно-приходских школах и школах грамоты. Сост. П. Сумароков. Вятка, Тип. Майшева, б. Куклина и Красовского, 1899. 360 с.

References

- Alfavitnyy ukazatel' deystvuyushchikh rukovodstvennykh kanonicheskikh postanovleniy, ukazov, opredeleniy i rasporyazheniy Svyateyshego Pravitel'stvuyushchego Sinoda (1721–1900) i grazhdanskikh zakonov, otnosyashchikhsya k dukhovnomu vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniya [Alphabetical index of the current governing canonical decrees, acts, decisions and orders of the Holy Governing Synod (1721–1900) and civil laws relating to the spiritual department of the Orthodox confession]. Sost. S.V. Kalashnikov. SPb., Tip. I.L. Tuzova, 1902. 592 s. (in Russian).
- Zhitenev T.E. 2017. Nablyudateli tserkovnykh shkol v kontse XIX – nachale XX v. [Church schools supervisors in the late XIX – early XX centuries]. Svyateyshiy Sinod v istorii rossiyskoy gosudarstvennosti. Sbornik materialov Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii s mezhdunarodnym

- uchastiem. Nauch. red. S.L. Firsov, P.V. Fedorov. Vyp. 1. SPb., Prezidentskaya biblioteka: 406–417 (in Russian).
- Zhukovskaya T.N., Kalinina E.A., Kazakova K.S. 2019. Sistema inspektirovaniya i kontrolya deyatel'nosti uchilishch svetskogo i dukhovnogo vedomstv v XIX veke: tseli, formy, effektivnost' [System of inspection and control of the schools activities of secular and religious departments in the 19th century: purposes, forms, efficiency]. Trudy Kol'skogo nauchnogo tsentra RAN. T. 10. № 2–16: 77–92 (in Russian).
- Zakon «Ob otpuske iz Gosudarstvennogo kaznacheystva dopolnitel'nykh sredstv na sodержanie eparkhial'nykh i uezdnykh nablyudateley shkol tserkovno-prikhodskikh i gramoty» ot 29 iyunya 1914 g. [The Law «On the Release of additional funds from the state treasury for the maintenance of diocesan and county supervisors of parochial schools and literacy schools» dated June 29, 1914]. Tserkovnye vedomosti. 1914. 33: 384–386 (in Russian).
- Zakony i spravochnye svedeniya po nachal'nomu narodnomu obrazovaniyu [Laws and references on primary public education]. Sost. A.S. Prugavin. SPb., Tip. O.N. Popovoy, 1898. 785 s. (in Russian).
- Zakony o pravoslavnom dukhovenstve i uchrezhdeniyakh dukhovnykh s raz'yasneniyami iz resheniy Pravitel'stvennogo Senata, ukazov, opredeleniy i postanovleniy Svyateyshego Sinoda, vedomstvennymi raz'yasneniyami i alfavitno-predmetnym ukazatelem [Laws on the Orthodox clergy and ecclesiastical institutions with explanations from the decisions of the Government Senate, decrees, definitions and resolutions of the Holy Synod, departmental explanations and an alphabetical index]. Sost. N.E. Serebrennikov. SPb., Yuridicheskiy knizhnyy magazin «Pravovedenie» I.K. Golubeva, 1914. 454 s. (in Russian).
- Krasnitskaya T.A. 2011. Sistema upravleniya tserkovnymi shkolami v dorevolyutsionnoy Rossii (na materialakh Vladimirskoy i Kostromskoy guberniy) [The system of church schools management in pre-revolutionary Russia (based on the data from Vladimir and Kostroma provinces)]. Vestnik PSTGU. II: Istoriya. Istoriya Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi. 5 (42): 14–29 (in Russian).
- Krasnitskaya T.A. 2012. Upravlencheskaya struktura tserkovno-shkol'noy obrazovatel'noy sistemy v Rossiyskoy imperii: poslednyaya tret' XIX – nachalo XX veka [Church-school education system management structure within Russian empire: the last third of the XIX-the beginning of the XX century]. Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. № 1 (15): v 2-kh ch. Ch. I: 87–98 (in Russian).
- Naumova N.N. 2018. Sistema nadzora za tserkovnoprikhodskimi shkolami Eniseyskoy eparkhii na rubezhe XIX – nachala XX vv. [The system of parochial schools supervision of the Yenisei diocese at the turn of the XIX – early XX centuries]. Trudy Bratskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki. 1 (12): 74–78 (in Russian).
- Neupokoev E.V. 2019. Institut inspektorskogo kontrolya za tserkovno-prikhodskimi shkolami (na materialakh Tobol'skoy gubernii) [Institute of inspection control over parochial schools (based on the data from Tobolsk Province)]. Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki. Humanitates. 5. 4 (20): 127–138 (in Russian).
- Nikol'skiy P. 1906. Upravlenie tserkovno-prikhodskimi shkolami [Parochial schools management]. Narodnoe obrazovanie. 1906. T. 1. Kn. 4: 457–463 (in Russian).
- Opredelenie Svyateyshego Sinoda ot 4–7 marta 1915 g. «Ob otpuske iz Gosudarstvennogo kaznacheystva dopolnitel'nykh sredstv na sodержanie eparkhial'nykh i uezdnykh nablyudateley shkol tserkovno-prikhodskikh i gramoty» [The decision of the Holy Synod of March 4–7, 1915 «On the release of additional funds from the state treasury for the maintenance of diocesan and county supervisors of parochial schools and literacy schools»]. Tserkovnye vedomosti. 1915. 12–13: 95–107 (in Russian).
- Opredelenie Svyateyshego Sinoda ot 15–30 iyunya 1915 g. «O nedopushchenii svetskikh lits k ispolneniyu obyazannostey uezdnykh nablyudateley tserkovnykh shkol» [The decision of the Holy Synod of June 15–30, 1915 «On the exclusion of secular persons from performing the duties of county supervisors of church schools»]. Tserkovnye vedomosti. 1915. 28: 354–355 (in Russian).
- Opredelenie Svyateyshego Sinoda ot 6 noyabrya – 19 dekabrya 1915 g. «Po voprosam kasatel'no polozheniya besprikhodnykh uezdnykh nablyudateley tserkovno-prikhodskikh shkol» [The decision of the Holy Synod of November 6 – December 19, 1915 «On issues concerning the

- situation of non-parochial county supervisors of parochial schools»]. *Tserkovnye vedomosti*. 1916. 6: 35–36 (in Russian).
- Rudnev M.K. К вопросу об образовател'ном tsenze dlya kandidatov na dolzhnosti uездных nablyudateley tserkovno-prihodskikh shkol [On the issue of the educational qualification for candidates to be county supervisors of parochial schools]. *Tserkovnye vedomosti*. 1914. № 43. Pribavleniya: 1823–1825 (in Russian).
- S. S"ezd predsedateley uездных otdeleniy Orlovskogo eparkhial'nogo uchilishchnogo soveta i uездных nablyudateley tserkovno-prihodskikh shkol [The Congress of chairmen of the county branches of the Oryol diocesan school council and county supervisors of parochial schools]. *Orlovskie eparkhial'nye vedomosti*. 1904. № 42. Chast' neofitsial'naya: 985–989 (in Russian).
- Svod postanovleniy L'govskogo uездного zemstva za 17 let (1885–1901 gg.) [A set of resolutions of the Lgovsky zemstvo for 17 years (1885–1901)]. Sost. I.P. Belokonskiy. Kursk, Tip. Kurskogo gubernskogo zemstva, 1903. 760 s. (in Russian).
- Sobranie pravil, zakonopolozheniy i rasporyazheniy Svyateyshego Sinoda o tserkovno-prihodskikh shkolakh i shkolakh gramoty [Collection of rules, regulations and orders of the Holy Synod on parochial schools and literacy schools]. Sost. P. Sumarokov. Vyatka, Tip. Maisheva, b. Kuklina i Krasovskogo, 1899. 360 s. (in Russian).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Козлов Константин Викторович, кандидат исторических наук, доцент кафедры российской истории и документоведения, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия

Konstantin V. Kozlov, associate professor of the russian history and records management department, candidate of historical sciences, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

Меньшикова Евгения Николаевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры российской истории и документоведения, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия

Evgeniya N. Menshikova, associate professor of the russian history and records management department, candidate of historical sciences, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

УДК 656.1:685.34:001.894
DOI 10.52575/2687-0967-2022-49-1-130-140

Велосипед и автомобиль: влияние их изобретения на моду конца XIX – начала XX вв.

Логинова Д.В.

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна,
Россия, 191186, Санкт-Петербург, Большая Морская, 18
E-mail: dianalog2010@mail.ru

Аннотация. В статье проведен анализ совершенствования мужского и женского костюмов, приспособленных под поездку на велосипеде и автомобиле в XIX – нач. XX века. На основании комплекса опубликованных источников рассматриваются предпочтения тканей, аксессуаров, видов обуви для поездок на велосипедах. Увеличение скоростей, особенно на автомобилях, потребовало изобретения новых видов комбинезонов, пальто, шлемов, интегрированных с очками-консервами, трансформирующихся шляп, новых видов перчаток и т. д. Особое внимание уделялось изменениям в женском костюме, поскольку поездка на велосипедах подразумевала сперва частично (для молодых), а затем уже и всеми отказ от платьев во время поездок, что заставляло пересмотреть взгляды на морально-этические нормы и соглашаться с техническими нововведениями, прочно вписавшимися в общество. Таким образом, период с конца XIX – начала XX века стал временем серьезных реформ в моде для мужчин и особенно для женщин, что свидетельствовало о значимом новом статусе владельцев транспортных средств и, соответственно, кардинальной смене их имиджа. Результатом проведенного исследования стала реконструкция образов велосипедистов и автомобилистов в России на начальном этапе становления этих видов транспорта.

Ключевые слова: велосипед, автомобиль, мода, одежда, австрийка, блумерсы, дра-амазон, кашпутьер, плед-панталон, очки-консервы, краги, непромокаемое пальто

Для цитирования: Логинова Д.В. 2022. Велосипед и автомобиль: влияние их изобретения на моду конца XIX – начала XX века. *Via in tempore. История. Политология.* 49 (1): 130–140. DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-1-130-140

Bicycle and car: effect of their invention on the fashion of the late 19th and early 20th century

Diana V. Loginova

Saint Petersburg University of Industrial Technologies and Design,
18 Bolshaya Morskaya St., Saint Petersburg, Russia, 191186
E-mail: dianalog2010@mail.ru

Abstract. The article contains an analysis of the perfection of male and female costumes, adapted for a trip by bicycle and car in the 19th – the beginning of 20th centuries. Based on a set of published sources we consider the preferences of fabrics, accessories, and shoe types first for bicycle rides, since this mode of transport is earlier. The increase in speeds, especially on cars, required the invention of new types of overalls, coats, helmets integrated with canned glasses, convertible hats, new types of gloves, etc. Special attention was paid to changes in female costumes, since bicycling meant partly first (for young people) and then for everyone to give up on dresses during the journey, this led to a reconsideration of moral and ethical standards and to accept technical innovations that were firmly rooted in society. Thus, the period from the end of the 19th to the beginning of the 20th century was a time of serious reforms in fashion, both for men and especially for women, signaling a significant new status for vehicle owners and, consequently, a fundamental change in their images. The result of the research was the reconstruction of images of cyclists and motorists in Russia at the initial stage of the development of these modes of transport.

Keywords: bicycle, car, fashion, clothing, austrians, bloommers, dra amazon, kashpusière, plaid pantaloon, preserves, crags, raincoat

For citation: Loginova D.V. 2022. Bicycle and car: effect of their invention on the fashion of the late 19th and early 20th centuries. *Via in tempore. History and political science.* 49 (1): 130–140 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-1-130-140

Введение

Мода всегда идет рука об руку с техническим совершенствованием, заставляя людей вносить кардинальные изменения в свой гардероб. В конце XIX – начале XX века в повседневную жизнь общества прочно вошли велосипеды и автомобили. Скорость, динамичность, маневренность новых транспортных средств – все это заставило дизайнеров, кутюрье и обычных людей модернизировать одежду, поскольку прежний покрой доставлял массу неудобств при эксплуатации транспортных средств, и во многом изменить отношение к ней. При этом если мужской гардероб изменился без громких восклицаний о падении нравов, то женщинам, желавшим прокатиться на велосипеде или автомобиле, пришлось столкнуться с массой критических замечаний в их адрес. Со временем новые фасоны одежды вошли в повседневную моду.

Объекты и методы исследования

Изучение истории велосипедов и автомобильного транспорта заключается не только в исследовании технической стороны этого вопроса, что, несомненно является самой важной частью этого направления истории, но и вопросов, которые восполнят и украсят круг этих исследований. К таким направлениям относится и изучение модных тенденций конца XIX – нач. XX века, на которые повлияло появление новых видов транспорта – велосипеда и автомобиля. Исчерпывающая оценка исторических событий, происходивших на транспорте в указанное время, будет возможна в том числе и после изучения данного направления наряду с другими. Один из важных вопросов исследования – как выглядели мужской и женский костюмы, предназначенные для поездок на велосипеде и автомобиле.

Актуальность темы исследования определяется, с одной стороны, значимостью изучения истории костюма для велосипедистов и автомобилистов, с другой стороны, недостаточной разработанностью указанной проблемы в отечественной исторической науке. В связи с этим объектом исследования являются мужской и женский костюмы, предназначенные для поездок на велосипеде и автомобиле.

Теоретико-методологическую основу исследования составили: принцип историзма, который предполагает, что каждое событие следует рассматривать лишь в контексте той исторической эпохи, к которой оно относится; принцип объективности, который является обязательным условием научной состоятельности исторической работы, поскольку его основными целями являются получение максимально объективных знаний о прошлом и формирование истинных представлений о рассматриваемых исторических процессах.

При написании работы в методологическом плане применялась следующая совокупность методов: а) общенаучных: анализ-синтез, с помощью которых удалось собрать и качественно проанализировать собранный материал по истории развития костюма для велосипедистов и автомобилистов; логический, позволивший выстроить линейку рассматриваемых исторических событий; б) специально-исторических: системный, с помощью которого удалось создать единую историческую картину исследования влияния через изучение развития транспорта на изменения модных тенденций в рассматриваемый период.

Количество публикаций по истории развития костюма велосипедистов, а затем и автомобилистов в конце XIX – начале XX века весьма незначительное. Среди общих работ следует выделить работы Р.М. Кирсановой, которой принадлежит обстоятельный и ори-

гинальный опыт создания энциклопедии по истории костюма, включающей многочисленные ссылки на произведения художественной литературы [Кирсанова, 1995]. Значительным исследованием влияния французской моды на российское общество является трехтомная энциклопедия Н.И. Епишкина, в которой можем найти детализированное описание того или иного предмета одежды с указанием его происхождения [Епишкин, 2015]. Исторический экскурс в развитие спортивного костюма, включая костюмы велосипедистов, можно встретить в диссертациях Л.В. Елинер [Елинер, 2008], О.В. Калашниковой [Калашникова, 2006], Т.О. Волобуевой [Волобуева, 2008]. Известный историк моды А.А. Васильев издал красочный альбом (вып. 5), посвященный истории развития костюмов для путешествия и туризма [Васильев, 2010]. К теме влияния велосипеда на развитие одежды обращались молодые исследователи [Капустина, 2013; Краснова, 2017]. Интернет-источники не изобилуют большим количеством материала, посвященного модным тенденциям на транспорте в конце XIX – начале XX века – это работы Л. Алябьевой⁴³, небольшое журналистское исследование А. Жванкина⁴⁴. Не приуменьшая достоинств вышеперечисленных работ, можно указать на необходимость развития направления исторических исследований, посвященных костюмам для поездок на велосипеде и автомобиле, со временем претерпевших множество изменений, впрочем, как и любая одежда.

Источниковая база при изучении истории развития костюма для поездок на велосипеде и автомобиле включает различные виды исторических опубликованных источников. Первостепенное значение в нашем исследовании имеют полезные наставления и опыт руководства для велосипедистов, где даны практические советы, в том числе и по выбору экипировки. Источником по истории костюма является русская реалистическая художественная литература XIX – начала XX века. Дополнением к опубликованным источникам, содержащим изобразительную наглядность по истории развития костюма для велосипедистов и автомобилистов, являются журнал «Автомобиль», каталоги универсального магазина в Москве «Мюр и Мерлиз», где публиковались материалы об автомобильной моде и различные рекламные материалы, содержащие информацию о видах мужских и женских костюмов, предназначенных для поездок на велосипеде и автомобиле.

Результаты и их обсуждение

В первую очередь следует рассмотреть развитие костюма для велосипедистов, поскольку велосипед как транспортное средство был более ранним изобретением, чем автомобиль.

Мужской тип одежды для поездок на велосипеде вырабатывался опытным путем (над его выработкой потрудились доктора и знатоки-велосипедисты). Прежде всего отмечалось, что экипировка велосипедиста не должна стеснять движений, т. е. быть легкой и свободной. Обращали внимание и на цвет тканей: предпочтение отдавалось оттенкам от белого до светло-жёлтого, также рекомендовались оттенки серого цвета, что объяснялось тем, что одежда не должна была перегреваться от лучей солнца [Сакс, 1891, с. 64].

С гигиенической точки зрения одежда должна была предохранять велосипедиста от простуды, и для этой цели предлагалась легкая одежда из особой шерстяной материи, изобретенной известным доктором-гигиенистом профессором Густавом Егером. В России Юлием Панцерем, который имел патент от Густава Егера, в Лодзи была открыта единственная механическая фабрика, выпускавшая различные виды шерстяных изделий [Все-рос. гигиенич. выставка, 1893, с. 93–94]. Здесь производилась легкая одежда из особой

⁴³ Алябьева Л. 2018. Стиль вождения. URL: <https://yarodom.livejournal.com/2326347.html> (дата обращения 16.01.2022).

⁴⁴ Жванкин А. Мода автомобилистов начала XX века. 2016. URL: http://muz4in.net/news/moda_avtomobilistov_nachala_xx_veka_11_foto/2016-09-08-41938 (дата обращения 16.01.2022).

шерстяной материи, пропускающая испарину тела, т. е. ткань обладала гигроскопичностью, а также пористостью – воздух, проникая сквозь волокна материи, равномерно рассеивался и освежал тело [Сакс, 1891, с. 65].

Что касается фасона и отделки, то рукава куртки или жилетки не должны были быть очень широкими, сама куртка должна была застегиваться так, чтобы борта ее заходили один на другой и прикрывали грудь вдвойне. Из разнообразных курток наиболее удобной считалась *австрийка*, преимущество которой состояло в том, что, застегнутая под горло, она освобождала велосипедиста от крахмального воротничка и галстука и в то же время нисколько не лишала его приличного вида: свободная в груди, она не затрудняла дыхания и в жару могла быть полностью расстегнута [Ратко, 1895, с. 20–21].

Ради удобства и безопасности в поездке на велосипеде рекомендовалось не надевать галстуки, а также избегать поясов и ремней, которые рекомендовалось заменить подтяжками.

Брюкам также уделялось пристальное внимание – отдавалось предпочтение суженным книзу. Также предлагались короткие шаровары (панталоны), но непременно закрывающие колени [Спутник практич. жизни, 1904, с. 1786]. Материал для брюк следовало выбирать из мягкой тонкой шерсти или вязаный. Также не рекомендовалось использовать под брюками полотняные кальсоны, поскольку этот материал был жестким и мог натереть кожу ног. Чулки и носки также рекомендовалось выбирать потоньше, так как на ноги приходилась значительная нагрузка, влекущая за собой обильное выделение испарины [Там же, с. 18].

В универсальном магазине «Мюр и Мерлиз» (Москва) для любителей-велосипедистов предлагались к продаже мужские трикотажные костюмы темного-синего цвета, состоящие из фуфайки с застежкой на левом плече и брюк до колен с двумя карманами, застегивавшимися сбоку, также к таким брюкам предлагались чулки. Такой комплект стоил в 1897 г. 11 руб. 30 коп. [Мюр и Мерилиз, 1897, с. 68].

Самой подходящей обувью для велосипедиста являлись войлочные башмаки с резиновой подошвой. Они должны были быть с широким носом, поскольку узкая по фасону обувь стесняет движение пальцев ног. Обувь рекомендовалась светлого тона, поскольку башмаки темного цвета нагреваются от солнечного света так же сильно, как и одежда [Сакс, 1891, с. 68]. Также предлагалась обувь из тонкой кожи с довольно высоким голенищем, но не доходящим до колен. Еще предлагались высокие ботинки, в которые заправлялись рейтузы – это избавляло от ношения длинных нитяных чулок. Рейтузы велосипедисты переняли у конькобежцев. В этом случае цвет был более практичный – темно-синий или черный [Ратко, 1895, с. 20].

Особое внимание велосипедисты обращали на головной убор, который не должен был нагревать голову и мешать вентиляции. Для этой цели рекомендовались соломенные шляпы с неширокими полями или жокейские шапочки [Сакс, 1891, с. 68]. Велосипедисты-практики предлагали также круглую тирольскую шапочку со спущенными вниз полями – такая шапочка хорошо защищала голову от солнечных лучей и вместе с тем не позволяла дождю проникать за ворот [Там же, с. 19].

Использование велосипедов женщинами всполошило все общество, но публикации, например, доктора Волковой М.М. доказывали полезность поездок на велосипеде для женского организма и призывали всячески популяризировать этот вид транспорта среди дам [Волкова, 1897].

Женский велосипедный костюм вызвал много споров в обществе. Прежде всего, волновал вопрос эстетичности внешнего вида женщины, катающейся на велосипеде. Впервые женщина оспаривала чисто мужские атрибуты одежды – брюки и шаровары (панталоны). Считалось, что, увлекаясь поездками на велосипеде, женщина теряет свою привлекательность, походка становится более мужской [Стафф, 1903, с. 94–95]. Проведя своеобразный социологический опрос, С. де Лорис выяснила, что большинство опрошенных женщин отрицательно относятся к брюкам, лишь несколько представительниц прекрасного пола, чей род занятий связан с хореографией, высказались за использование брюк [Лорис, 1899].

Таким образом, встал острый вопрос: юбка или шаровары (пantalоны) наиболее предпочтительны в поездке? Мнения разделились: платье придает женственность, изящество, pantalоны дают удобство. Выход был найден – дамам со стройной фигурой и моложе двадцати лет рекомендовалось носить шаровары, полным дамам и старше двадцати приходилось носить короткое или длинное, составное или цельное платье.

При выборе платьев для велосипедных поездок рекомендовались недлинные суконные платья, юбки которых шьются как для верховой езды, т. е. в виде амазонки. И если платье все-таки длинное, то юбка должна быть со складками, причем складки такого платья драпировались по правой стороне. Материалом для платьев могли служить фланель или так называемый патентованный бархат, рогожка, шевиот и т. д. [Сакс, 1891, с. 69]. Необходимость нижних юбок также оспаривалась велосипедистками-практиками, поскольку они сильно мешали движению ног. Категоричными были дамы в отношении корсетов, от которых пришлось отказаться, поскольку этот элемент женской одежды сильно затруднял дыхание во время поездки.

Первые шаровары для дам, или «блумерсы», получившие название по имени американки Амелии Блумер, появились в 50-х гг. XIX века, но на тот момент общество еще не готово было принять женщину в брюках. Со временем, уже в начале XX века, общество признает новый вид женской одежды – юбку-брюки, так называемые *жюп-кюлот*. «В каждой модной мастерской, на скачках, на бульваре, в кафе – всюду *«jupon-culotte»* – и когда видишь их в таком количестве, то поневоле убеждаешься, что этот оригинальный костюм будет принят в скором времени так же, как были приняты узкие юбки с перехватами [Епишкин, т. 2, 2017, с. 45].

Элегантными и приличными считались светлые или темные блузы, сшитые в форме рубашек из легко стирающейся материи – бумажной или шелковой, дополненные полуоткрытыми шелковыми жакетками. Также надевали белую суконную жилетку, вышитую черным шелковым суташем, называемую *дра-амазон* [Епишкин, т. 1, 2015, с. 798].

Кроме того, дамы-велосипедистки охотно употребляли составную «комбинацию», т. е. превращали pantalоны и рубашку в одно целое, причем и то, и другое шилось из бумажной, шерстяной или шелковой тканей, которые лучше всего предохраняли от простуды. Надевались рубашка и кальсоны из полотняной или хлопчатобумажной материи, штаны, длинные английские чулки и сапожки или полусапожки с полотняными или суконными гамашами на случай пыли или холода [Женщина в семейной и социальной жизни, 1901, с. 201–203]. Наконец, дамам предлагались выкройки, чтобы самим сшить двубортные и однобортные куртки, а также юбку и блузку для поездок на велосипеде [Долинский, 1906, с. 51, 54–55, 179–180].

Завершал женский образ велосипедистки головной убор. Дамские модные шляпки были малопригодны для поездок и заменялись шапочкой типа жокейской – красивой и в то же время кокетливой. Применялись также небольшие так называемые *матросские шляпы* с прямыми полями и гладкой лентой или мягкие войлочные шляпы. Импровизированным дополнением к дамскому головному убору служила вуаль [Сакс, 1891, с. 70].

Обязательным элементом женского образа на велосипеде являлись перчатки, из которых наиболее практичными считались так называемые шведские: они шились особым образом – лицевая сторона таких перчаток представляла собой оборотную сторону выделанных шкур и была похожа на замшу.

Костюмы велосипедистов и автомобилистов значительно различались, связано это было прежде всего с большей скоростью передвижения и совершенно иным способом управления транспортным средством. Единственное, что объединяло моды велосипедистов и автомобилистов, – это простота и защита от непогоды. В то же время на первом месте была элегантность одежды.

То, что одежда должна была быть удобной, теплой и комфортной, объяснялось типами кузовов автомобилей: они длительное время имели открытый верх, поэтому води-

тель и пассажиры не имели возможности укрыться от ветра, осадков и т. п. Требования к костюму автомобилиста были категоричнее, это объяснялось более высокими скоростями, чем у велосипеда, и в связи с этим большей вероятностью травмирования.

Прежде всего, рекомендовалось носить рабочие блузы, обычно синие, получившие за границей и в России широкое применение на заводах и в мастерских [Бодри де Сонье, 1915, с. 29]. С целью уменьшения притока воздуха водителям рекомендовали носить особые нарукавники, передний край которых был бы сужен настолько, что плотно облегал манжеты рубашки. Кроме того, это позволяло беспрепятственно добираться до труднодоступных мест между частями механизма, при этом в рукава не капало масло и ими не стиралась грязь с механизмов. Вдобавок считалось, что пряжки и пуговицы, стягивавшие широкие рукава, – это некрасиво, а также портит одежду и собирает у кистей рук складки, весьма стесняющие действия водителя.

С той же целью под одежду в рукавах пальто пришивали к сукну ширмочки из тонкой материи и стягивали их резинкой в центре. Руку просовывали сквозь это кольцо, получившаяся ширмочка плотно облегла руку и таким образом рукава не обдувались ветром [Там же, с. 30].

В качестве верхней одежды автомобилистам рекомендовались *кашпутьеры* (букв. «защита от пыли», пыльник). «Их шили из мопера, летнего драпа, полотна для лета и т. д. Модель сделана из драпа сераго пыльного цвета и убрана широкими коричневыми трессами и серыми басонными пуговицами, вышитыми коричневым шелком...» [Епишкин, т. 2, 2017, с. 195–196]. Мопер – шерсть ангорской козы, сырье для производства мохеровой пряжи (Прим. – Л. Д.). А также использовали *параплюи де шоффёр* – особое непромокаемое пальто без застежек, надевающееся через голову, резиновый воротник которого плотно обхватывал шею и был очень удобен для сохранения платья при уходе за автомобилем [Епишкин, т. 3, 2017, с. 52]. Использование параплюи мы находим в произведении русского прозаика и драматурга Николая Федоровича Олигера: «Шоффер дает полный ход, еще круче изгибает спину, и широкие складки его непромокаемого плаща пузыряются от встречного ветра». [Олигер, 1913, с. 37]. Такие плащи с капюшоном, сшитые из черного виксатина, продавались в московском универсаме «Мюр и Мерлиз» и представляли собой плащ ниже колен, без рукавов. Его стоимость зависела от длины плаща и варьировалась от 2 руб. 20 коп до 4 руб. 40 коп. [Мюр и Мерлиз, 1897, с. 75]

Перчатки являлись неотъемлемой частью гардероба водителя автомобиля – это было и презентабельно, и необходимо ради сохранения рук от повреждений. Чтобы убедиться в необходимости перчаток, сомневающемуся водителю предлагалось надеть их и поехать за рулем часа два – этого было достаточно: и пятна, и ссадины на перчатках были вполне убедительны. Во всех случаях предлагалось брать перчатки одним номером больше тех, которым пользовались обычно. Кроме того, рекомендовалось покупать перчатки со швами наружу и обращать особое внимание на прочность пошива.

Защититься от струи воздуха можно было с помощью перчаток с раструбами, которые выполнялись из твердой кожи и покрывали манжеты. Также использовались *краги* (съёмные нарукавники), пристегивающиеся резиной, – их можно было надеть поверх обычных перчаток, защищая таким образом и края рукавов, и манжеты [Реклама, 1913].

Особое внимание было к брюкам мужчин, которые должны были быть неширокими или стянутыми с помощью пряжки, так как иначе они могли пачкаться или даже зацепляться за выступающие части механизма. Но самым рациональным были специально сшитые брюки-рейтузы, плотно облегающие ноги. Также многие автомобилисты носили короткие шаровары из мягкой лайковой кожи на подкладке из байки [Лосицкий, 1914, с. 46]. Очень часто к ним добавляли гетры или же обмотку икры кожаной тесьмой, как у горцев, что было весьма удобным. К слову, шаровары были удобны для длительных поездок, но совершенно не годились для кратковременных – не всегда была возможность, время и место, чтобы быстро облачиться в классические брюки. И для этой цели придумали удобные

так называемые *плед-панталоны* (*couverture-pantalon*), поскольку больше всего при уходе за автомобилем страдала, конечно, нижняя часть одежды. Эти плед-панталоны в распушенном виде закрывали ноги при поездке, а превращенные в брюки давали полную свободу движений. Они были очень легки, теплы, прочны, могли сниматься и надеваться, превращаться в плед и наоборот в несколько секунд. Выполнялись такие плед-панталоны из драпа, кожи, меха, резины и пр. [Автомобильные моды, 1903, с. 90–92].

Для поездок в холодное время применялись полукомбинезоны мехом наружу, выпускавшиеся поверх полуботинок. В осеннюю пору автомобилистам предлагались полностью кожаные костюмы: комбинезон, куртка, шлем. В повести для детей «Тринадцатая» детской писательницы Лидии Алексеевны Чарской мы находим описание такой меховой экипировки: «Посреди двора стоял новенький, нарядный, очень вместительный автомобиль, охраняемый человеком, с головы до ног закутанным в мех наподобие эскимоса и с огромными очками-предохранителями на глазах. Человек оказался шоффером» [Чарская, 1913, с. 213].

Обуви автомобилисты уделяли особое внимание. Для дальних поездок, в особенности в холодную погоду, очень практичными считались полуботинки, в которые заправляли низ брюк. Носили также высокие ботинки или даже легкие валенки с кожаным низом. Зачастую они подбивались мехом и делались такой ширины, что в них входила нога вместе с обычной обувью. Правда, такая обувь придавала ногам очень грубый вид, но зато было тепло и мягко, ноги были хорошо защищены от дождя и мороза. Мех имел и свои недостатки – он уничтожал блеск начищенной обуви, и автомобилист приезжал к цели своей поездки с серыми ботинками (однако блеск их очень легко восстанавливался) [Бодри де Сонье, 1915, с. 32].

Не рекомендовалось водителям одеваться в одежду, накидывающуюся на плечи, например, в пелерины. Малейший порыв ветра мог внезапно поднять края пелерины и закрыть лицо во время вождения, тем самым спровоцировав опасную ситуацию. Также не рекомендовались капюшоны, шарфы с развевающимися концами, плохо пристегивающиеся элементы одежды и вообще любая одежда, которая могла бы стегать по лицу и закрывать глаза. Также не допускались пледы на коленях водителя, так как они могли соскользнуть, запутаться в механизме и помешать управлению педалями, препятствуя их нажиму.

Также из-за соображений безопасности водителями исключалась во время вождения обувь, подбитая крупными гвоздями. Причин тому было несколько: гвозди портили резиновые коврики автомобиля, но главным образом такая обувь соскальзывала с педалей, что опять же могло создать аварийную ситуацию на дороге.

Не рекомендовалась и слишком тонкая обувь, которая, как считалось, быстро изнашивается в результате сгибания ступни при нажиме на педали. Также такая обувь была непрактичной во время ремонта автомобиля. Идеальной считалась свободная обувь с несколько выступающей подошвой, на которой ступня будет держаться ровно. В продаже имелись и рекомендуемые автомобилистам теплые сапоги-валенки с резиновой союзкой, абсолютно непромокаемые [Прейс-курانت, 1913, с. 54].

Поскольку скорости автомобилей были достаточно приличными – 16–30 км/ч, то никакой головной убор не мог удержаться без ремешка. Необходима была специальная фуражка для гонщиков, снабженная наушниками, но со слуховыми отверстиями в них. Автомобилисту необходимо было иметь возможность ясно слышать то, что делалось вокруг, и, кроме того, прислушиваться к шуму всего механизма автомобиля.

Необходимо было защищать глаза от пыли, мелких камешков, мошки, предохранять от болезненных и опасных ударов. Очки были необходимы одновременно и для обеспечения управления автомобилем, и для предохранения глаз от повреждений. Очки-консервы были неотъемлемой частью экипировки любого автомобилиста, которые защищали не только глаза, могли закрывать почти пол-лица, предохраняя от обветривания. Очки состо-

яли из кожаной пластины или шелкового материала с вырезом для носа и закреплялись с помощью ремешка. Для увеличения бокового обзора стекла могли располагаться под углом по краям. Стекла могли быть прозрачные или синего цвета, что защищало глаза от ультрафиолетового излучения. Очки-консервы для автомобилистов продавались в Санкт-Петербурге в оптическом магазине О. Рихтера [Автомобильные моды, 1903, с. 42–43]

Общее представление об экипировке водителя показано в произведении русского писателя и публициста Ивана Сергеевича Шмелева «Забавное приключение»: «...надел походную, как он называл, куртку боевого цвета, покроя «френч», с клапанами и кармашками, высокие сапоги и крутого сукна спортсменскую кепку, с большими консервами, и стал похож на автомобилиста с плаката» [Слово, 1917, с. 121]. Наверное, нужно представить и соответствующее выражение лица водителя, преисполненного чувством гордости от владения таким чудом техники начала XX века, как автомобиль.

Поскольку женщины рассматривались изначально как пассажиры в автомобилях, то, соответственно, модные одежды для них должны были отвечать критериям обеспечения тепла, комфорта и изящности. Так, женщинам рекомендовалось в холодную пору надевать меховое манто с широким воротником, обеспечивающим дополнительное тепло, и шляпу с меховой отделкой [Автомобильные моды, 1903, с. 42–43]. Изящными считались подбитые леопардовыми шкурами пальто для автомобилисток в сочетании с мехом белой лисицы для боа и муфт [Епишкин, т. 2, 2017, с. 410].

Демисезонная одежда для поездок на автомобиле представляла собой длинное пальто с небольшим воротником и накладными карманами, выполненным из ткани *тюссор*. Она делалась только серых оттенков и украшалась обычно гипюром того же цвета [Там же, с. 628–629].

Дамские головные уборы для поездки в автомобиле представляли собой шляпы, выполненные из фетра двух цветов, которые легко могли превратиться в капор и защитить от ветра, затем капор превращался обратно в элегантную шляпу [Автомобильные моды, 1903, с. 42–43]. Дополнением к шляпам всегда были вуали, которые обеспечивали фиксацию шляпы на голове, защиту ушей от продувания, также с помощью вуали закрывали лицо, сохраняя тем самым от обветривания.

Всю необходимую экипировку для поездок можно было приобрести в торговом доме «С. Эсерс и К. Схейфальс», располагавшемся в Санкт-Петербурге по адресу ул. Гороховая, д. 15, и занимавшемся продажей в том числе готового женского и мужского платья, предназначенного для велосипедных и автомобильных поездок, там же предлагались специальные костюмы, обувь, белье, шляпы и т. д. [Реклама, 1913].

Заключение

Мода велосипедистов и автомобилистов претерпевала значительные изменения – этому способствовало, в частности, совершенствование видов тканей. Женская эмансипация позволила вовсе отказаться от платьев во время поездки, а мужской костюм превратился в более простой и удобный. Автомобиль приобрел закрытый салон, все «плюющиеся» форсунки, пачкавшие одежду автомобилиста, ушли под капот. Ветер обдувал только тогда, когда выглядывали из машины, следовательно, отпали многие атрибуты одежды, так необходимые изначально. Поездки на этих видах транспорта стали комфортными. История одежды, даже такой специфической, как для велосипеда и автомобиля, – это своеобразный маркер прогресса общества, позволяющий оценить, насколько человек был готов к техническим изменениям, как он к ним приспособился, сумев сохранить достоинство, изящность и элегантность. Последние слова являлись постоянным атрибутом характеристики одежды водителей и велосипедистов в опубликованных источниках конца XIX – начала XX века.

Список литературы

- Автомобильные моды. 1903. Автомобиль, 3: 42–43.
Автомобильные моды. 1903. Автомобиль, 6: 90–92.
Бодри де Сонье Л. 1915. Искусство пользоваться автомобилем. СПб, скл. изд. Ник. Орловского. 304 с.
Васильев А.А. 2010. История моды: альбом открыток. Вып. 5. М, Этерна. 16 с.
Волкова М.М. 1897. О влиянии велосипеда на здоровье женщины. СПб, тип. В.С. Балашева и К°. 97 с.
Волобуева Т.О. 2008. Эволюция городского костюма как отражение модернизационных процессов в российском обществе второй половины XIX – начала XX вв. Автореферат дис. ... кандидата исторических наук. М. 26 с.
Всероссийская гигиеническая выставка. 1893. СПб, знамен. тип. и лит. С.Ф. Яздовского и К°. 148 с.
Долинский Р.Э. 1906. Самоучитель кройки статского, военного, гражданского, детского платья; платья для духовенства, спорт-костюмы для дам и кройка белья (мужского, женского и детского), по новейшей методе, (по масштабу и сантиметру). Юрьев, В типо-литограф. Эд. Бергмана. 188 с.
Елинер Л.В. 2008. Спортивная мода на рубеже XX – XXI веков: генезис и основные направления. Автореферат дис. ... кандидата искусствоведения. СПб. 18 с.
Епишкин Н.И. 2015. Исторический словарь французской моды в России. Т. 1. М, Епишкин Н.И. 850 с.
Епишкин Н.И. 2017. Исторический словарь французской моды в России. Т. 2. М, Епишкин Н.И. 728 с.
Епишкин Н.И. 2017. Исторический словарь французской моды в России. Т. 3. М, Епишкин Н.И. 895 с.
Женщина в семейной и социальной жизни. 1901. СПб, тип. И. Гольдберга. 500 с.
Калашникова О.В. 2006. Роль аксессуаров в женском светском костюме Франции 1870–1910 гг. Автореферат дис. ... кандидата искусствоведения. СПб. 26 с.
Капустина Д.М. 2013. Мода на велосипед и её влияние на развитие женского спортивного костюма в конце XIX – начале XX в. Молодой ученый. № 7. С. 459–462.
Кирсанова Р.М. 1995. Костюм в русской художественной культуре XVIII – первой половины XX вв. М., Большая рос. энцикл. 381 с.
Краснова А.И. 2017. История велосипеда и одежды для велоспорта // Вестник молодых ученых Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна. 3: 272–274.
Лорис С. де. 1899. Женщины и велосипед и что они о нем думают. М, Л.Л. Снегирев. 44 с.
Лосицкий Н.М. 1914. Полное руководство для каптенармусов (ротных и эскадронных, с их помощниками, полковых: казначейских, квартирмистерских и оружейных) в пехоте, кавалерии, инженерных и вспомогательных войсках: пособие для районных (эскадронных) командиров и чинов полкового штаба по заведыванию отделами войскового хозяйства. Киев, тип. А.М. Пономарева. 420 с.
Мюр и Мерилиз. Универсальный магазин. Москва. Сезон весны 1897 г.: образцы мануфактурного, шелкового, полотняного и проч. товара. 1897. М, Типо-литограф. Т-ва И.Н. Кушнерев и К°. 98 с.
Олигер Н.Ф. 1913. Собрание сочинений. Т. 1. СПб, Просвещение. 311 с.
Прейс-куррант. Сезон 1912/13 года. Крупнейший в Европе склад оружия, спортивных и дорожных вещей А.А. Биткова в Москве. 1913. М. [б.и.]. 56 с.
Ратко В. 1895. Друг велосипедиста: необходимые сведения и полезные советы. СПб, тип. товарищ. «Обществ. Польза». 63 с.
Реклама. 1913. Автомобиль, 1.: 102.
Сакс Г.Т. 1891. Велосипед: теория и практика. Опыт руководства для любителей и любителей велосипедистов и военно-велосипедных команд. СПб, тип. Тренке и Фюсно. 141 с.
Слово: сборник. 1917. Москва, Книгоиздательство писателей в Москве, 231 с.
Спутник практической жизни: сист. сб. всевозмож. практ. сведений и полез. советов по различ. запросам и потребностям повседнев. жизни. 1904. СПб, Г.Г. Бродерсен. 1281–2218 стб.
Стафф Б. 1903. Секрет нравиться мужчинам. СПб, тип. М-ва путей сообщения. 140 с.
Чарская Л. А. 1913. Тринадцатая: повесть для детей. СПб, т-во М.О. Вольф, 242 с.

Referenses

- Avtomobilnye mody [Car mods]. 1903. *Avtomobil*, 3: 42–43.
- Avtomobilnye mody [Car mods]. 1903. *Avtomobil*, 6: 90–92.
- Bodri de Sone L. 1915. *Iskusstvo polzovatsya avtomobilem* [The art of driving]. Sankt-Peterburg, skl. izd. Nik. Orlovskogo. 304 p.
- Vasilev A.A. 2010. *Istoriya mody: albom otkrytok* [Fashion History: postcard album]. Vyp. 5. Moscow, Eterna. 16 p.
- Volkova M.M. 1897. *O vliyaniy velosipeda na zdorov'e zhenshchiny* [On the impact of cycling on women's health]. Sankt-Peterburg, tip. V.S. Balasheva i K^o. 97 p.
- Volobueva T.O. 2008. *Evolyuciya gorodskogo kostyuma kak otrazhenie modernizacionnykh processov v rossijskom obshchestve vtoroj poloviny XIX – nachala XX vv.* [The evolution of urban costume as a reflection of modernization processes in Russian society in the second half of the 19th – early 20th centuries.]. *Avtoreferat dis. ... kandidata istoricheskikh nauk*. Moscow. 26 p.
- Vserossijskaya gigienicheskaya vystavka [All-Russian hygienic exhibition]. 1893. Sankt-Peterburg, znamen. tip. i lit. S.F. Yazdovskogo i K^o. 148 p.
- Dolinskij R.E. 1906. *Samouchitel krojki statskago, voennago, grazhdanskago, detskago plat'ya; platya dlya duhovenstva, sport-kostyumu dlya dam i krojka belya (muzhskago, zhenskago i detskago), po novejshej metode, (po masshtabu i santimetru)* [Self-instruction manual for cutting civilian, military, civilian, children's dresses; dresses for the clergy, sports suits for ladies and tailoring (men's, women's and children's), according to the latest method (scale and centimeter)]. Yuriev, V tipo-litogr. Ed. Bergmana. 188 p.
- Eliner L.V. 2008. *Sportivnaya moda na rubezhe XX – XXI vekov: genezis i osnovnye napravleniya* [Sports fashion at the turn of the 20th – 21st centuries: genesis and main directions]. *Avtoreferat dis. ... kandidata iskusstvovedeniya*. Sankt-Peterburg. 18 p.
- Epishkin N.I. 2015. *Istoricheskij slovar francuzskoj mody v Rossii* [Historical dictionary of french fashion in Russia]. T. 1. Moscow, Epishkin N.I. 850 p.
- Epishkin N.I. 2017. *Istoricheskij slovar' francuzskoj mody v Rossii* [Historical dictionary of french fashion in Russia]. T. 2. Moscow, Epishkin N.I. 728 p.
- Epishkin N.I. 2017. *Istoricheskij slovar' francuzskoj mody v Rossii* [Historical dictionary of french fashion in Russia]. T. 3. Moscow, Epishkin N.I. 895 p.
- Zhenshchina v semejnoy i socialnoj zhizni* [Woman in family and social life]. 1901. Sankt-Peterburg, tip. I. Goldberga. 500 p.
- Kalashnikova O.V. 2006. *Rol aksesuarov v zhenskom svetskom kostyume Francii 1870–1910 gg.* [The role of accessories in women's secular costume in France 1870–1910]. *Avtoreferat dis. ... kandidata iskusstvovedeniya*. Sankt-Peterburg. 26 p.
- Kapustina D.M. 2013. *Moda na velosipedi i eyo vliyanie na razvitie zhenskogo sportivnogo kostyuma v konce XIX – nachale XX v.* [Bicycle fashion and its influence on the development of women's sportswear in the late 19th – early 20th centuries]. *Molodoj uchenyj*. 7: 459–462.
- Kirsanova R.M. 1995. *Kostyum v russkoj hudozhestvennoj kulture XVIII – pervoj poloviny XX vv.* [Costume in Russian artistic culture of the 18th – the first half of the 20th centuries]. Moscow, *Bolshaya ros. encikl.* 381 p.
- Krasnova A.I. 2017. *Istoriya velosipeda i odezhdy dlya velosporta* [History of the bicycle and cycling clothing]. *Vestnik molodyh uchenyh Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta tekhnologii i dizajna*. 3: 272–274.
- Loris S. de. 1899. *Zhenshchiny i velosiped i chto oni o nem dumayut* [Women and the bike and what do they think of it]. Moscow, L.L. Snegirev. 44 p.
- Losickij N.M. 1914. *Polnoe rukovodstvo dlya kaptanarmusov (rotnyh i eskadronnyh, s ih pomoshchnikami, polkovykh: kaznachejskih, kvartirmisterskih i oruzhejnyh) v pekhote, kavalerii, inzhenernyh i vspomogatel'nyh vojskakh: posobie dlya rajonnyh (eskadronnyh) komandirov i chinov polkovogo shtaba po zavedyvaniyu otdelami vojskovogo hozyajstva* [A complete guide for commanders (company and squadron, with their assistants, regimental: treasury, quartermaster and weapons) in the infantry, cavalry, engineering and auxiliary troops: a guide for district (squadron) commanders and regimental headquarters ranks for managing departments of the military economy]. Kiev, tip. A.M. Ponomareva. 420 p.

- Myur i Meriliz. Universal'nyj magazin [Muir and Marylise. Supermarket]. Moscow. Sezon vesny 1897 g.: obrazcy manufakturnago, shelkovago, polotnyanago i proch. tovara. 1897. Moscow, Tipo-litogr. T-va I. N. Kushnerev i K^o. 98 p.
- Oliger N.F. 1913. Sobranie sochinenij [Collected works]. T. 1. Sankt-Peterburg, Prosveshchenie. 311 p.
- Prejs-kurant. Sezon 1912/13 goda. Krupnejshij v Evrope sklad oruzhiya, sportivnyh i dorozhnyh veshchej A.A. Bitkova v Moskve [Price-list. Season 1912/13. Europe's largest warehouse of weapons, sports and travel items A.A. Bitkova in Moscow]. 1913. Moscow. [b.i.]. 56 p.
- Ratko V. 1895. Drug velosipedista: neobhodimye svedeniya i poleznye sovery [A cyclist friend: essential information and useful tips]. Sankt-Peterburg, tip. tovarishch. «Obshchestv. Polza». 63 p.
- Reklama [Advertising]. 1913. Avtomobil, 1.: 102.
- Saks G.T. 1891. Velosiped: teoriya i praktika. Opyt rukovodstva dlya lyubitelej i lyubitel'nic velosipedistov i voenno-velosipednyh komand [Bicycle: theory and practice. Experience guide for amateur and amateur cyclists and military cycling teams]. Sankt-Peterburg, tip. Trenke i Fyusno. 141 p.
- Slovo: sbornik [Word: collection]. 1917. Moscow, Knigoizdatelstvo pisatelej v Moskve, 231 p.
- Sputnik prakticheskoj zhizni: sist. sb. vsevozmozh. prakt. svedenij i polez. sovetov po razlich. zaprosam i potrebnostyam povsednev. Zhizni [Companion to practical life: a system of all sorts of practical information and useful tips for various requests and needs of everyday life]. 1904. Sankt-Peterburg, G.G. Brodersen. 1281–2218 stb.
- Staff B. 1903. Sekret nravit'sya muzhchinam [The secret to being liked by men]. Sankt-Peterburg, tip. M-va putej soobshcheniya. 140 p.
- Charskaya L.A. 1913. Trinadcataya: povest dlya detej [Thirteenth: a story for children]. Sankt-Peterburg, t-vo M.O. Volf, 242 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Логинова Диана Васильевна, к. и. н., доцент кафедры общественных наук института экономики и социальных технологий, Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, г. Санкт-Петербург, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Diana V. Loginova, candidate of historical sciences, associate professor, Department of Social Sciences, Institute of Economics and Social Technologies, St. Petersburg State University of Industrial Technologies and Design, St. Petersburg, Russia

УДК 047.081/083(471.324)

DOI 10.52575/2687-0967-2022-49-1-141-150

К вопросу об аграрных мероприятиях на территории Воронежской губернии в период реализации реформы П.А. Столыпина

Журавлёв С.С., Тимошинова Т.С.

Воронежский институт МВД России,

Россия, 394065, Воронежская область, г. Воронеж, пр-т Патриотов, д. 53;

МБОУ лицей № 7 г. Воронежа,

Россия, 394000, Воронежская область, г. Воронеж, ул. Студенческая, д. 29

E-mail: zhuravlev310@yandex.ru; timoshinova@bk.ru

Аннотация. В статье на примере Воронежской губернии анализируется состояние сельскохозяйственного сектора региональной экономики в период реализации аграрной реформы П.А. Столыпина. Автор проследил динамику и особенности перехода крестьянских общин на территории Воронежской губернии к индивидуальным формам хозяйствования; исследовал специфику реализации переселенческой политики государства на региональном уровне. На конкретных примерах из неопубликованных документов центрального и местного архивов проиллюстрировал процесс перехода крестьян к индивидуальному землевладению и землепользованию. Всесторонний анализ документов показал, что реализация аграрных мероприятий на территории Воронежской губернии способствовала отдельным эволюционным процессам в русской деревне, развитию крестьянского предпринимательства, совершенствованию и повышению уровня крестьянской агрокультуры, однако имела ограниченный, противоречивый характер и соответствовала общероссийским тенденциям.

Ключевые слова: Воронежская губерния, аграрная реформа, П.А. Столыпин, крестьянская община, хутор, отруб, переселенческая политика

Благодарности: работа выполнена при поддержке профессора кафедры социально-гуманитарных, экономических и правовых дисциплин Воронежского института МВД России, доктора исторических наук, доцента Григоровой Виктории Александровны.

Для цитирования: Журавлёв С.С., Тимошинова Т.С. 2022. К вопросу об аграрных мероприятиях на территории Воронежской губернии в период реализации реформы П.А. Столыпина. *Via in tempore. История. Политология.* 49 (1): 141–150. DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-1-141-150

On the question of agrarian measures on the territory of the Voronezh province during the implementation of the reform of P.A. Stolypin

Sergey S. Zhuravlev, Tatiana S. Timoshinova

Voronezh Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia,

53 Patriotov Ave., Voronezh, 394065, Russia;

MBOU Lyceum No. 7 of Voronezh,

29 Studentskaya St., Voronezh 394000, Voronezh region, Russia

E-mail: zhuravlev310@yandex.ru; timoshinova@bk.ru

Abstract. The article analyzes the state of the agricultural sector of the regional economy during the implementation of P.A. Stolypin's agrarian reform using the example of the Voronezh Province. The authors traced the dynamics and features of the transition of peasant communities in the Voronezh province to individual forms of management; investigated the specifics of the implementation of the resettlement policy of

the state at the regional level. Using concrete examples from unpublished documents of the central and local archives, authors illustrated the process of transition of peasants to individual land ownership and land use. A comprehensive analysis of the documents showed that the implementation of agrarian measures in the Voronezh province contributed to certain evolutionary processes in the Russian countryside, the development of peasant entrepreneurship, the improvement and improvement of the level of peasant agriculture, but had a limited, contradictory nature and corresponded to all-Russian trends.

Keywords: Voronezh province, agrarian reform, P.A. Stolypin, peasant community, farm, plot of land, resettlement policy

Acknowledgements: the work was carried out with the support of Professor of the Department of Socio-Humanitarian, Economic and Legal Disciplines of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor Grigорова Victoria Alexandrovna.

For citation: Zhuravlev S.S., Timoshinova T.S. 2022. On the question of agrarian measures on the territory of the Voronezh province during the implementation of the reform of P.A. Stolypin. *Via in tempore. History and political science.* 49 (1): 141–150 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-1-141-150

Введение

Исследование локальных аспектов истории реализации аграрной реформы П.А. Столыпина в настоящее время выступает актуальной проблемой в исторической науке. В своё время именно аграрные мероприятия, проведенные в России по инициативе П.А. Столыпина, способствовали отдельным позитивным сдвигам в развитии сельскохозяйственного сектора экономики страны. На базе формирующихся индивидуальных крестьянских хозяйств в регионе происходило формирование крепких кулацких домохозяйств, становившихся основой для развития предпринимательского слоя губернии. Деловая хватка, экономическая активность и самостоятельность, которые были свойственны представителям зажиточных категорий крестьян столыпинской эпохи, сегодня в контексте преодоления последствий социально-экономического кризиса признается важным условием функционирования государства.

Объекты и методы исследования

Объектом исследования настоящей статьи выступает аграрный сектор экономики Воронежской губернии в период реализации аграрной реформы П.А. Столыпина. В работе были использованы следующие методы исследования: анализ, синтез, статистический, историко-генетический, историко-сравнительный. Статистический метод позволил проследить динамику реализации переселенческой политики на территории Воронежской губернии в начале XX века. Историко-генетический метод позволил проследить изменения, которые происходили в сельскохозяйственном секторе региональной экономики в период реализации аграрных мероприятий П.А. Столыпина. Историко-сравнительный метод позволил проанализировать особенности реализации аграрных преобразований начала XX века на территории Воронежской губернии в сравнении с другими регионами Центрального Черноземья.

Результаты и их обсуждение

Столыпинская аграрная реформа, её основная цель и задачи до сих пор остаются предметом оживлённых дискуссий в рамках отечественной и зарубежной историографии. Исследователи советской эпохи прямо указывали на консервативный, реакционный характер аграрных преобразований П.А. Столыпина, стремившегося создать прочную опору самодержавия в деревне в лице так называемого кулачества. Среди историков советского периода можно отметить работы таких авторов, как Б.Д. Бруцкус, И.Д. Ковальченко, П.И. Лященко,

Л.Е. Минц, К.Н. Тарновский, А.Я. Аврех, П.Н. Зырянов и др. [Бруцкус, 1924; Минц, 1953; Лященко, 1956; Ковальченко, 1974; Тарновский, 1986; Аврех, 1991; Зырянов, 1991].

Современная историческая наука пытается подойти к исследованию данного вопроса с более объективных позиций, освещая положительные и отрицательные стороны аграрной реформы, её социально-экономические и политические последствия, противоречивый характер. Наибольший интерес в этом плане представляют работы В.А. Григоровой, М.Д. Карпачева, В.Б. Безгина, В.Г. Тюкавкина [Тюкавкин, 2001; Безгин, 2004; Карпачев, 2012; Григорова, 2016].

Необходимость проведения курса, выбранного П.А. Столыпиным, диктовалась условиями развития русской деревни пореформенного периода времени. Пережитки феодально-крепостнической системы в виде сохранения крестьянской общины, временно-обязанного положения крестьян, устаревшей традиции землепользования тормозили формирование и эволюцию капиталистического уклада. Крестьяне активно включались в товарно-денежные отношения, приспосабливались к новым условиям рынка, однако данные процессы шли крайне медленно и непоследовательно. Экстенсивный способ производства, лежавший в основе хозяйственного уклада деревни, исчерпал свои возможности уже ко второй половине XIX столетия. Планомерная трансформация патриархальной экономики русской деревни в сторону её интенсификации происходила медленно в силу низкого культурного уровня деревни; сохранения традиций уравнительного землепользования, а также отсутствия устойчивого спроса на продукцию земледелия и животноводства. Более того, институт крестьянской общины по-прежнему продолжал играть важную роль в жизни сельского населения. Массовые крестьянские волнения и бунты в период революции 1905–1907 гг. продемонстрировали явную необходимость коренных аграрных преобразований.

Особое место в аграрной политике П.А. Столыпина отводилось решению вопроса аграрной перенаселённости страны. Уроки революции 1905–1907 гг. показали потенциальную опасность многочисленного слоя безземельного и малоземельного крестьянства для существующего государственного строя. Выход был найден в реализации знаменитой переселенческой политики, которая должна была, с одной стороны, способствовать снятию накала социальной напряжённости в деревне, с другой стороны, хозяйственному освоению незаселённых и плохо освоенных областей Российской империи. Переселение многочисленных крестьянских семей за пределы мест их проживания не только решало проблему малоземелья, но и существенным образом улучшало экономическое положение непосредственных товаропроизводителей страны ⁴⁵.

Согласно проекту инструкции, адресованному уездным землеустроительным комиссиям Воронежской губернии, все крестьяне, которые имели желание переселиться на необжитые районы Сибири, казённые земли Азиатской России, должны были заявить ходатайство перед непременно членом уездной землеустроительной комиссии. Домохозяева должны были указать место, куда они хотели переселиться, а также предоставить список членов семьи со сведениями об её имущественном положении, заверенные волостным правлением. Непременный член землеустроительной комиссии путём личного опроса либо иным способом осуществлял проверку правильности и достоверности предоставленных ему сведений. Убедившись в том, что земледелие являлось основным источником существования конкретной крестьянской семьи, а также в том, что семейно-имущественное положение просителя находилось на достаточном уровне для переезда в Сибирь, непременно член принимал решение о внесении просителя в список кандидатов в «ходоки», то есть переселенцев. Из семьи просителя в список вносились только те члены, которые не порвали связей с домохозяйством ⁴⁶.

⁴⁵ Российский Государственный Исторический Архив. (Далее РГИА). Ф. 391. Переселенческое управление МЗ. Оп. 2. Дела о переселении крестьян разных губерний. Д. 301. Приложение к отчёту Д.Г. Розалион-Сошальского по командировке его в Орловскую губернию. Л. 2.

⁴⁶ Государственный Архив Воронежской Области. (Далее ГАВО). Ф. И-20. Воронежская губернская земская управа. Оп. 1. Секретарский отдел. Д. 7214. Документы (постановления, сведения, списки, переписка) о деятельности Воронежской губернской переселенческой комиссии. Л. 1.

В начале каждого года председатель уездной землеустроительной комиссии или лицо, его замещавшее, созывал совещание, состоявшее из землеустроительной комиссии, членов земской управы и всех земских начальников данного уезда, которая устанавливала план переселения из уезда для данного года, а также очередь между отдельными крестьянскими обществами. Эта же комиссия окончательно устанавливала степень семейно-имущественной обеспеченности отдельных крестьянских семей, которые записывались в состав переселенцев ⁴⁷.

После того как уездная землеустроительная комиссия получала определённое количество земельных долей, неперемный член составлял проект распределения их между отдельными населёнными пунктами уезда. Преимущество отдавалось тем домохозяевам, которые проявляли особое желание и сознательность к переселению, либо тем, кто уже имел связь с Сибирью, либо проживавшими там родственниками ⁴⁸.

После вышеобозначенных мероприятий неперемный член землеустроительной комиссии посредством волостных правлений направлял повестку в адрес каждого домохозяйства, которое состояло в списке переселенцев. В данном извещении «ходоки» информировались о том, что неявка на пункт отправки к месту переселения без уважительной причины приравнивалось к отказу от переезда. Такие домохозяйства исключались из списка переселенцев ⁴⁹.

Следует отметить, что переезд на новое место жительства по железной дороге, на пароходах, по грунтовым дорогам осуществлялся переселенцами за свой счёт, с незначительным удешевлением стоимости проездных билетов ⁵⁰.

Важная роль в деле переселенческой политики принадлежала земским органам. Губернские земские органы совместно с уездными земскими органами и землеустроительными комиссиями решали все вопросы, связанные с переездом крестьян в Сибирь и на Дальний Восток. Общее руководство переселенческой политикой на территории Воронежской губернии было возложено на губернскую управу, а исполнение всех текущих работ по переселению относилось к ведению землеустроительных комиссий с участием представителей уездных земских управ и агрономов. Кроме того, учреждалась особая должность помощника губернского агронома с жалованием в 1 500 руб. в год. В его функциональные обязанности входило содействие главному губернскому агроному в исследовании территорий, на которые переселялись крестьяне ⁵¹.

Земские органы Воронежской губернии ходатайствовали перед правительством об организации доступного кредита для переселенцев, который выдавался под земельные наделы. С этой целью в уездах были учреждены представительства банка, которые занимались выдачей ссуд ⁵².

В целом переселенческая политика, осуществлявшаяся земскими органами на территории Воронежской губернии, соответствовала общероссийским тенденциям. Общий ведомственный контроль за реализацией переселенческих мероприятий с конца XIX века осуществляло Министерство внутренних дел. В целях сбора необходимой информации о ходе переселения в отдельные губернии Российской империи по распоряжению Министра внутренних дел направляли специальное уполномоченное лицо – чиновника особых поручений при Степном генерал-губернаторе, которое знакомило земских начальников с почвенными и природно-климатическими условиями Сибири и Дальнего Востока. Кроме того, Главное Переселенческое Управление осуществляло издание специальной справочной литературы, из

⁴⁷ ГАВО. Ф. И-20. Оп. 1 Д. 7214. Л. 1 об.

⁴⁸ ГАВО. Ф. И-20. Оп. 1 Д. 7214. Л. 2.

⁴⁹ ГАВО. Ф. И-20. Оп. 1 Д. 7214. Л. 2 об.

⁵⁰ ГАВО. Ф. И-20. Оп. 1 Д. 7214. Л. 3–3 об.

⁵¹ ГАВО. Ф. И-20. Оп. 1 Д. 7214. Л. 7.

⁵² ГАВО. Ф. И-20. Оп. 1 Д. 7214. Л. 8.

которой переселяющиеся крестьяне могли получить в подробностях более детальные сведения о предполагаемых земельных участках, предназначенных для заселения⁵³.

Например, в 1897 г. по распоряжению Министра внутренних дел чиновник особых поручений при Степном генерал-губернаторе Г. Розалион-Сошальский инспектировал мероприятия по организации переселения безземельных крестьян на территории Тульской, Калужской, Орловской и Смоленской губерний⁵⁴.

Улучшению социально-экономического благосостояния крестьянских семей способствовали и отдельные меры правительства, которые были направлены на ликвидацию общины. Курс на активную индивидуализацию земельной собственности крестьян на территории Воронежской губернии был начат после выхода знаменитого указа от 9 ноября 1906 г. Тем самым было положено начало коренной трансформации общинных порядков землевладения и землепользования в русской деревне [Полное собрание законов Российской империи, 1909, с. 970–974].

К новым преобразованиям в деревне психологически была готова лишь незначительная часть крестьян молодых и средних возрастов (от 20 до 30 % домохозяйств). Остальная часть сельского мира либо явно негативно оценивала возможности выхода из общины, либо находилась в недоумении от сложившейся обстановки.

В соответствии с данными официальной статистики к 1915 г. порядка 1/3 крестьянских дворов на территории Воронежской губернии (135 000 домохозяйств из 400 000) приняло решение о выходе из состава общины с одновременным закреплением надела в индивидуальную собственность [Ковальченко, 1991, с. 56–57].

В соответствии с законом 1911 г. многочисленные крестьянские дворы (порядка нескольких десятков тысяч) становились наследственными владельцами находящихся в их пользовании земельных ресурсов. Показателен пример села Талы Богучарского уезда Воронежской губернии, где новыми экономическими возможностями воспользовались отдельные категории крестьян, переселившиеся на хутора и отруба [Юбилейный земский сборник [1864–1914], 1914, с. 342].

Данные о подаче крестьянами заявлений о выходе из общины широко известны. В советской историографии подчёркивалась лишь одна сторона данного процесса – далеко не все крестьяне выразили желание выйти из общины и укрепить землю в собственность, а к 1920 году из общины вышло всего около четверти крестьянских дворов.

Статистические данные начала XX века свидетельствуют о том, что всего по губерниям России в период времени с 1907 по 1915 гг. было подано 2 755,6 тыс. заявлений об укреплении земли в собственность, из них только 2 008,4 тыс. домохозяйств вышло из общины. Число заявлений о выдаче удовлетворительных актов на основе закона 14 июня 1910 г. – 618,0 тыс., число домохозяев, получивших удовлетворительные акты – 469,8 тыс. [Статистический ежегодник России 1915 года, 1916, с. 2].

Анализ экономических результатов проведения реформы на территории отдельных регионов Центрального Черноземья позволил установить, что по общей численности крестьянских дворов, перешедших от общинного к индивидуальному землевладению, Воронежская губерния значительно уступала Орловской и Курской, где разрешение сельских сходов получило порядка 85 % заявителей против 60 % жителей воронежских сёл и деревень [Статистический ежегодник России 1915 года, 1916, с. 1].

⁵³ РГИА. Ф. 391. Переселенческое управление МЗ. Оп. 2. Дела о переселении крестьян разных губерний. Д. 297. О командировании чиновника особых поручений при Степном генерал-губернаторе коллежского асессора Розалион-Сошальского в губернии Смоленскую, Калужскую, Тульскую, Орловскую и Воронежскую. Л. 24–25.

⁵⁴ РГИА. Ф. 391. Переселенческое управление МЗ. Оп. 2. Дела о переселении крестьян разных губерний. Д. 300. Приложение к отчету Д.Г. Розалион-Сошальского по командировке его в Тульскую губернию, часть IV. Л. 2–3.

В целом в Чернозёмном центре процент выходов из общины был в 1,5 раза выше, чем в Нечернозёмном. Подобные статистические данные свидетельствуют о неоднородности протекания аграрных мероприятий на отдельных территориях средней полосы России.

Довольно интересную позицию по проблемам реализации аграрных преобразований столыпинской реформы 1906 г. представил отечественный историк В.Г. Тюкавкин. Автор отмечает, что в начале XX столетия правительство впервые после знаменитой реформы 19 февраля 1861 г. делает очередные уверенные шаги в сторону координальной трансформации патриархального уклада сельского мира. Реформа П.А. Столыпина была направлена, прежде всего, на интенсификацию крестьянского хозяйства, утверждение новой правовой базы крестьянского землевладения и землепользования, повышение доходности и товарности сельского хозяйства, снижение избытка сельского населения в аграрных районах, создание прочной социальной базы государства в лице крепкого хозяина-собственника. Теме не менее практика реализации аграрных преобразований в различных регионах империи продемонстрировала явное противоречие между желаемым и действительным. По данным Земского отдела МВД на 1 февраля 1915 г. в таких губерниях Центрального Черноземья, как Курская, Орловская, Тамбовская, Воронежская общее число домохозяйств, покинувших общину, составило в среднем 30 % (Курская – 43 %, Орловская – 39 %, Тамбовская – 24 %, Воронежская – 21 %) [Тюкавкин, 2001, с. 195–196].

Опираясь на вышеуказанные показатели, мы можем проследить особенности реализации аграрных преобразований начала XX века в отдельных регионах Центрально-Чернозёмного края. Несмотря на общую сельскохозяйственную направленность экономики отдельных губерний Центрального Черноземья, наиболее низкие показатели выхода из общины наблюдались на территории Воронежской губернии. Курская и Орловская губернии продемонстрировали явно высокие показатели выхода из общины по сравнению с Воронежской, превышая её статистические данные примерно в 2 раза. Чуть выше Воронежской статистика выхода из крестьянской общины (на 3 %) наблюдалась в Тамбовской губернии. Подобная социально-экономическая обстановка в Центрально-Чернозёмном регионе свидетельствовала о принципиальной неготовности либо нежелании крестьян разрушать традиционный порядок общинного землепользования, испокон веков укоренившийся в хозяйственной жизни сельского мира.

В сложившейся ситуации вряд ли можно с полной уверенностью утверждать, что реформа, предложенная П.А. Столыпиным, коренным образом повлияла на патриархальные устои крестьянского населения губернии. Дело в том, что даже те крепкие домохозяйства, которые укрепляли землю в частную собственность, не всегда решали прервать свою тесную связь с общиной.

Тенденцию подобного рода отмечал и известный отечественный специалист в сфере земельного права О.А. Хауке, который подчёркивал сохранение устойчивых связей крестьян-выделенцев с сельской администрацией. По мнению автора, сохранение членства в сельском обществе обеспечивало крестьянам помощь в решении такого важного вопроса, как, например, совместное владение вспомогательными угодьями, остававшимися в собственности сельского общества как юридического лица и т. д. Крестьяне, укреплявшие полосы на правах частной собственности, по-прежнему сохраняли право голоса на сельских сходках при решении актуальных проблем общинного землепользования и севооборота; они сохраняли множество административных прав; исполняли различного рода хозяйственные функции по причине сохранения членства в общине.

О.А. Хауке справедливо заметил, что хозяйства, переходившие на частное землевладение и землепользование, по решению сельского схода, невзирая на государственное законодательство, нередко подвергались переделам. В частности, в Воронежской губернии в 1908 г. в докладе непрямого члена уездной землеустроительной комиссии сообщалось о нескольких случаях частичных или качественных переделов земли, ранее укрепленной на правах частной собственности [Хауке, 1914, с. 147].

Сложившийся испокон веков традиционный порядок общинного землепользования в той или иной степени создавал преграды для дальнейшей индивидуализации крестьянского хозяйства. Подобная тенденция продемонстрировала, с одной стороны, неготовность деревни к глобальным аграрным преобразованиям, ломке традиционных устоев, с другой стороны, принятие крестьянством только тех положений реформы, которые соответствовали их патриархальным представлениям.

Немаловажную роль в вышеуказанных процессах играл и социальный фактор. Активными сторонниками индивидуализации земельной собственности были лица особого статуса: «бобыли», то есть крестьяне-холостяки, либо не имевшие семьи, бездомники, которые не использовали землю в качестве основного средства заработка. Пионерами выхода из общины в Центрально-Чернозёмном регионе, таким образом, выступали маргиналы, утратившие тесную связь с землёй [Чернышев, 1917, с. 14–15].

Кроме того, другой немаловажной причиной укрепления надельной земли в частную собственность выступало желание отдельной категории крестьянства (как правило, зажиточного) вести хозяйство самостоятельно, без какого-либо хозяйственного и административного надзора со стороны сельского мира.

Впрочем, статистические данные показывают, что общее количество подобных выделенцев по различным губерниям было незначительным в силу нерешённости проблем малоземелья и аграрной перенаселённости центральных областей империи.

Интересен и тот факт, что среди тех сельских обществ, которые под давлением власти давали согласие на укрепление земли в частную собственность, впоследствии отказывались от ранее принятого решения.

Несмотря на негативные стороны аграрных преобразований начала XX столетия, именно эти мероприятия, проведенные на территории Воронежской губернии, способствовали дальнейшему укреплению частного сектора в сельскохозяйственной отрасли региональной экономики; повышению уровня агрономической культуры сельского населения; улучшению техники обработки сельскохозяйственных угодий и т. д.

Об отдельных успехах аграрных преобразований в воронежской деревне свидетельствуют статистические данные. Так, в 1907 г. сбор хлеба в губернии составил порядка 76 млн пудов, из них около 50,5 млн пудов собрано крестьянскими домохозяйствами [Обзор Воронежской губернии за 1907 г., 1908, с. 34].

В 1914–1915 гг. урожай хлеба составил от 110 до 150 млн пудов. Уровень урожайности культур у крестьян-собственников был значительно выше, чем у крестьян-общинников (в среднем сам – 5,7 – у собственников, сам – 3,6 – у общинников) [Обзор Воронежской губернии за 1915 г., 1916, с. 6].

Заключение

Таким образом, столыпинская аграрная реформа была направлена на решение проблемы аграрной перенаселённости русской деревни за счёт поддержки хозяйственной инициативы крепких крестьянских хозяйств в лице кулачества. Именно на хозяйственные возможности данной прослойки крестьянского сословия делал свою ставку П.А. Столыпин. Проведённые в начале XX века преобразования в аграрном секторе экономики Воронежской губернии способствовали дальнейшему развитию хозяйственной инициативы в русской деревне; формированию незначительной прослойки предпринимательства в среде крестьянства; повышению уровня экономической грамотности местного населения; развитию рационализаторского подхода к агрокультуре.

Вместе с тем подобные меры носили ограниченный, противоречивый характер и соответствовали общероссийским тенденциям.

Список литературы

- Аврех А.Я. 1991. П.А. Столыпин и судьбы реформ России. Москва. Наука, 356.
- Бруцкус Б.Д. 1924. Экономия сельского хозяйства. Народно-хозяйственные основы. Петроград, 345.
- Безгин В.Б. 2004. Крестьянская повседневность (традиции конца XIX – начала XX века). Москва – Тамбов. Издательство Тамбовского государственного технического университета, 304.
- Григорова В.А. 2016. Развитие кустарной промышленности чернозёмного юга России в пореформенный период: социально-экономические последствия. Известия ВГПУ, 4: 24–32.
- Зырянов П.Н. 1991. Столыпин без легенд. Москва. Наука, 432.
- Ковальченко И.Д., Милов Л.В. 1974. Всероссийский аграрный рынок, XVIII – начало XX в. Опыт количественного анализа. Москва. Наука, 451.
- Ковальченко И.Д. 1991. Столыпинская аграрная реформа (мифы и реальность). История СССР, 32: 55–60.
- Карпачев М.Д. 2012. Роль неземледельческих промыслов в жизни крестьянства Воронежской губернии в начале XX века. Вестник Воронежского государственного университета, 2: 56–67.
- Ляшенко П.И. 1956. История народного хозяйства СССР. Т. 2. Капитализм. Москва. Наука, 456.
- Миц Л.Е. 1953. Аграрное перенаселение и рынок труда в СССР. Москва. Наука, 289.
- Обзор Воронежской губернии за 1907 г. Губернский Статистический Комитет. Воронеж. Типография Губернского правления, 1908.
- Обзор Воронежской губернии за 1915 г. Губернский Статистический Комитет. Воронеж. Типография Губернского правления, 1916.
- Статистический ежегодник России 1915 года. Разд. VI. Санкт-Петербург, 1916.
- Тюкавкин В.Г. 2001. Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. Москва. Наука, 289.
- Тарновский К.Н. 1986. Кустарные промыслы и царизм (1907–1914 гг.). Вопросы истории, 4: 35–41.
- Указ о дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающихся крестьянского землевладения и землепользования. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3. Т. 26. Санкт-Петербург, 1909.
- Хауке О.А. 1914. Крестьянское земельное право. Москва. Альма-Пресс, 325.
- Чернышев И.В. 1917. Община после 9 ноября 1906 г. (По анкетам Вольного Экономического Общества). Петроград. Типография братьев Пантелеевых, 453.
- Юбилейный земский сборник [1864–1914]. Санкт-Петербург, 1914.
- ГАВО. Ф. И-20. Воронежская губернская земская управа. Оп. 1. Секретарский отдел. Д. 7214. Документы (постановления, сведения, списки, переписка) о деятельности Воронежской губернской переселенческой комиссии. Л. 1–8.
- РГИА. Ф. 391. Переселенческое управление МЗ. Оп. 2. Дела о переселении крестьян разных губерний. Д. 297. О командировании чиновника особых поручений при Степном генерал-губернаторе коллежского асессора Розалион-Сошальского в губернии Смоленскую, Калужскую, Тульскую, Орловскую и Воронежскую. Л. 24–25.
- РГИА. Ф. 391. Переселенческое управление МЗ. Оп. 2. Дела о переселении крестьян разных губерний. Д. 300. Приложение к отчету Д.Г. Розалион-Сошальского по командировке его в Тульскую губернию, часть IV. Л. 2–3.
- РГИА. Ф. 391. Переселенческое управление МЗ. Оп. 2. Дела о переселении крестьян разных губерний. Д. 301. Приложение к отчету Д.Г. Розалион-Сошальского по командировке его в Орловскую губернию. Л. 2.

References

- Avrex A.Ya. 1991. P.A. Stoly`pin i sud`by` reform Rossii [P.A. Stolypin and the fate of Russia's reforms]. Moskva. Nauka, 356.
- Bruczus B.D. 1924. E`konomiya sel`skogo khozyajstva. Narodno-xozyajstvenny`e osnovy` [Economy of agriculture. National economic foundations]. Petrograd, 345.
- Bezgin V.B. 2004. Krest`yanskaya povsednevnost` (tradicii koncza XIX – nachala XX veka) [Peasant everyday life (traditions of the late XIX – early XX century)]. Moskva – Tambov. Izdatel`stvo Tambovskogo gosudarstvennogo texnicheskogo universiteta, 304.

- Grigороva V.A. 2016. Razvitiе kustarnoj promыshlennosti chernozыomnogo yuga Rossii v poreformennyj period: social'no-эkonomicheskie posledstviya [Development of cottage industry in the Chernozem South of Russia in the post-reform period: socio-economic consequences]. *Izvestiya VGPU*, 4: 24–32.
- Zy`ryanov P.N. 1991. Stoly`pin bez legend [Stolypin without legends]. Moskva. Nauka, 432.
- Koval`chenko I.D., Milov L.V. 1974. Vserossijskij agrarnыj ry`nok, XVIII – nachalo XX v. Opy`t kolichestvennogo analiza [All-Russian agricultural market, XVIII – early XX century. Quantitative analysis experience]. Moskva. Nauka, 451.
- Koval`chenko I.D. 1991. Stoly`pinskaya agrarnaya reforma (mify` i real`nost`) [Stolypin Agrarian Reform (myths and reality)]. *Istoriya SSSR*, 32: 55–60.
- Karpachev M.D. 2012. Rol` nezemel'del`cheskix promыslov v zhizni krest`yanstva Voronezhskoj gubernii v nachale XX veka [The role of non-agricultural crafts in the life of the peasantry of the Voronezh province at the beginning of the XX century]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2: 56–67.
- Lyashhenko P.I. 1956. Istoriya narodnogo xozyajstva SSSR [History of the national economy of the USSR]. Vol. 2 Kapitalizm [Capitalism]. Moskva. Nauka, 456.
- Mincz L.E. 1953. Agrarnoe perenaselenie i ry`nok truda v SSSR [Agrarian overpopulation and the labor market in the USSR]. Moskva. Nauka, 289.
- Obzor Voronezhskoj gubernii za 1907 g. Gubernskij Statisticheskij Komitet [Overview of the Voronezh Province for 1907. Provincial Statistical Committee]. Voronezh. Tipografiya Gubernskogo pravleniya, 1908.
- Obzor Voronezhskoj gubernii za 1915 g. Gubernskij Statisticheskij Komitet [Overview of the Voronezh Province for 1915. Provincial Statistical Committee]. Voronezh. Tipografiya Gubernskogo pravleniya, 1916.
- Statisticheskij ezhegodnik Rossii 1915 goda [Statistical Yearbook of Russia 1915]. Section VI. Sankt-Peterburg, 1916.
- Tyukavkin V.G. 2001. Velikorusskoe krest`yanstvo i stoly`pinskaya agrarnaya reforma [The Great Russian Peasantry and Stolypin Agrarian Reform]. Moskva. Nauka, 289.
- Tarnovskij K.N. 1986. Kustarnыe promыsly` i czarizm (1907–1914 gg.) [Handicrafts and Tsarism (1907–1914)]. *Voprosy` istorii*, 4: 35–41.
- Ukaz o dopolnenii nekotory`x postanovlenij dejstvuyushhego zakona, kasayushhixsya krest`yanskogo zemlevladeniya i zemlepol`zovaniya [Decree on the addition of some regulations of the current law concerning peasant land ownership and land use]. *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Collection 3. Vol. 26. Sankt-Peterburg*, 1909.
- Xauke O.A. 1914. Krest`yanskoe zemel`noe pravo [Peasant land law]. Moskva. Al`ma-Press, 325.
- Chernыshev I.V. 1917. Obshhina posle 9 noyabrya 1906 g. (Po anketam Vol`nogo Эkonomicheskogo Obshhestva) [The community after November 9, 1906 (According to the questionnaires of the Free Economic Society)]. Petrograd. Tipografiya brat`ev Panteleevы`x, 453.
- Yubilejnyj zemskij sbornik [1864–1914] [Jubilee Zemstvo collection [1864–1914]]. Sankt-Peterburg, 1914.
- GAVO. F. I-20. Voronezhskaya gubernskaya zemskaya uprava. Op. 1. Sekretarskij otdel. D. 7214. Dokumenty` (postanovleniya, svedeniya, spiski, perepiska) o deyatel`nosti Voronezhskoj gubernskoj pereselencheskoj komissii. L. 1–8.
- RGIA. F. 391. Pereselencheskoe upravlenie MZ. Op. 2. Dela o pereselenii krest`yan razny`x gubernij. D. 297. O komandirovanii chinovnika osoby`x poruchenij pri Stepnom general-gubernatore kollezhskogo assessora Rozalion-Soshal`skogo v gubernii Smolenskuyu, Kaluzhskuyu, Tul`skuyu, Orlovskuyu i Voronezhskuyu. L. 24–25.
- RGIA. F. 391. Pereselencheskoe upravlenie MZ. Op. 2. Dela o pereselenii krest`yan razny`x gubernij. D. 300. Prilozhenie k otchetu D.G. Rozalion-Soshal`skogo po komandirovke ego v Tul`skuyu guberniyu, chast` IV. L. 2–3.
- RGIA. F. 391. Pereselencheskoe upravlenie MZ. Op. 2. Dela o pereselenii krest`yan razny`x gubernij. D. 301. Prilozhenie k otchyotu D.G. Rozalion-Soshal`skogo po komandirovke ego v Orlovskuyu guberniyu. L. 2.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Журавлёв Сергей Сергеевич, старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных, экономических и правовых дисциплин, Воронежский институт МВД России, г. Воронеж, Россия

Тимошинова Татьяна Сергеевна, учитель истории и обществознания, МБОУ Лицей № 7, г. Воронеж, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Sergey S. Zhuravlev, Lecturer, Department of Social and Humanitarian, Economic and Legal Disciplines, Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Voronezh, Russia

Tatiana S. Timoshinova, teacher of history and social studies MBOU Lyceum No. 7, Voronezh, Russia

УДК 93/94

DOI 10.52575/2687-0967-2022-49-1-151-162

Преобразование Тульского учительского института в первые годы советской власти

Волков О.И.

Тульский государственный университет,
Россия, 300600, Тульская область, г. Тула, проспект Ленина, 92
E-mail: olegvolkov2@icloud.com

Аннотация. В статье рассматривается преобразование Тульского учительского института в высшее педагогическое учебное заведение после 1917 года. Данная реформа стала одной из первых для создания советской системы образования. Исследование раскрывает структуру Тульского высшего педагогического института, его деятельность на первых этапах своего становления. Успешность системы образования зависит, прежде всего, от квалифицированных педагогических кадров, которые могут выполнить поставленную перед ними государством задачу. В связи с этим преобразование Тульского учительского института после 1917 года является актуальной темой в настоящее время, так как опыт, приобретённый в создании высших педагогических учебных заведений в первые послереволюционные годы, может иметь определённую ценность для нынешних структурных преобразований в системе образования РФ. Тульский педагогический институт стал первым высшим учебным заведением в городе после 1917 года, где готовились педагогические кадры. Он стал кузницей подготовки преподавателей для Тулы и Тульской губернии в сложное время создания новой системы образования. Помимо очевидных задач по подготовке специалистов для трудовых школ, учебных заведений нового типа, институт также начинает готовить специалистов в области внешкольного образования. Их основной задачей становится организация процесса ликвидации неграмотности среди взрослого населения по всей Тульской губернии, что было одной из основных проблем для советской власти в первые послереволюционные годы. Большой дефицит учительских кадров, возникший после революционных событий 1917 года, необходимо было устранять, привлекая новых специалистов, которыми и стали студенты нового высшего педагогического учебного заведения.

Ключевые слова: Тульский высший педагогический институт, образование, ликвидация неграмотности, трудовая школа, советская власть

Для цитирования: Волков О.И. 2022. Преобразование Тульского учительского института в первые годы советской власти. *Via in tempore. История. Политология.* 49 (1): 151–162. DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-1-151-162

The transformation of the Tula teacher's institute in the first years of Soviet power

Oleg I. Volkov

Tula State University,
92 Lenin Ave., Tula 300600, Tul'skaya oblast', Russia
E-mail: olegvolkov2@icloud.com

Abstract. The article deals with the transformation of the Tula Teachers' Institute into a higher pedagogical educational institution after 1917. This reform was one of the first to create the Soviet education system. The study reveals the structure of the Tula Higher Pedagogical Institute, its activities in the early stages of its formation. The success of the education system depends, first of all, on qualified teaching staff who can fulfill the task assigned to them by the state. In this regard, the transformation of the Tula Teachers' Institute after 1917 is a hot topic at the present time, since the experience gained in the creation of higher pedagogical

educational institutions in the first post-revolutionary years can be of some value for the current structural changes in the education system of the Russian Federation. The Tula Pedagogical Institute became the first institution of higher education in the city after 1917, where teachers were trained. It became a forge for the training of teachers for Tula and the Tula province at a difficult time in the creation of a new education system. In addition to the obvious tasks of training specialists for labor schools, educational institutions of a new type, the institute also plans to train specialists in the field of out-of-school education. Their main task is to organize the process of eliminating illiteracy among the adult population throughout the Tula province, which was one of the main problems for the Soviet government in the first post-revolutionary years. The large shortage of teaching staff that arose after the revolutionary events of 1917 had to be filled with new specialists, who became the students of the new higher pedagogical educational institution.

Keywords: Tula Higher Pedagogical Institute, education, liquidation of illiteracy, labor school, Soviet power

For citation: Volkov O.I. 2022. The transformation of the Tula teacher's institute in the first years of Soviet power. *Via in tempore. History and political science.* 49 (1): 151–162 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-1-151-162

Введение

Начало XX века для системы образования в России стало временем реформ и преобразований. Особенно кардинальными были изменения, начавшиеся после 1917 года. Данные процессы были характерны для всех частей Российской империи, а потом и советской России, в том числе и для Тульской губернии.

Вопросы, связанные с системой образования в Тульском крае в начале XX века, в последнее время приобретают всё больший интерес у исследователей и краеведов. Публикации о развитии народного образования в Тульской губернии на рубеже XIX–XX веков стали активно появляться с начала 90-х годов XX столетия. Помимо вопросов распространения грамотности и реформирования системы образования в указанный период, особый интерес у исследователей вызывают подготовка педагогических кадров, образ жизни, вопросы положения учительства в обществе и другие важные аспекты, связанные с профессиональной деятельностью педагогов того времени.

Особое значение в исследовании жизни и деятельности преподавателей последних десятилетий императорской России имеют работы профессора Е.И. Самарцевой. Для нашего исследования особенно важна публикация «Тульские преподаватели на рубеже XIX–XX вв. Состав и положение», в которой рассматривалось материальное положение тульских преподавателей того времени и другие вопросы, помогающие составить общее представление о преподавательском корпусе в последние годы существования Российской империи [Самарцева, 2009]. Теме народного образования в Тульской губернии частично посвящены также другие работы данного автора. Например, «Гуманистические традиции тульской интеллигенции (конец XIX – начало XX вв.)» и «Очерки истории интеллигенции Тульской губернии на рубеже XIX–XX вв. в контексте ряда теоретических замечаний» [Самарцева, 2005].

Теме положения педагогической интеллигенции на рубеже XIX–XX веков в Тульской губернии посвящено диссертационное исследование Ю.В. Антоновой: «Учительство Тульской губернии на рубеже XIX–XX веков» [Антонова, 2007]. Развитие отечественной школы и педагогики в Тульской губернии рассмотрено в диссертации С.Н. Ермаковой «Начальное образование в Тульской губернии начала XX века 1910–1914 г.» [Ермаков, 2003].

История образования отдельных учебных заведений на территории Тулы в начале XX века подробно рассмотрена в публикациях Н.В. Гоголева [Гоголев, 2019]. Его исследования затрагивают в том числе учебные заведения уже советского периода, их станов-

ление и развитие. Особое внимание в его работах уделено личностям, внесшим особый вклад в становление первых учебных заведений и курсов уже советского периода.

История учительского института до 1917 года рассмотрена в работе К.В. Струкова «Василий Васильевич Логинов и тульский учительский институт» [Струков, 2014]. В ней автор показывает роль первого директора института в становлении и развитии образовательного учреждения. Подробно раскрывается история создания института, а также описываются первые серьёзные кадровые изменения, появившиеся в нём после революционных событий 1917 года. Статья К.В. Струкова имеет особое значение для нашего исследования, так как она также посвящена Тульскому учительскому институту, но до преобразования его в высший педагогический институт.

Стоит отметить, что процесс создания советской системы сразу после октябрьской революции менее изучен, чем вопросы, связанные с образованием как таковым в Российской империи на рубеже XIX и XX веков. Поэтому исследование преобразования Тульского учительского института в высшее педагогическое учебное заведение имеет определённую новизну.

В начале двадцатого века в Российской империи были предприняты серьёзные реформы, которые смогли немного изменить ситуацию в народном образовании в лучшую сторону. «Одной из них было создание школьных сетей, которые должны были равномерно покрыть территорию страны. Ставилась задача обеспечения доступности школ для всех детей с радиусом 3 версты» [Сапрыкин, 2009, с. 57]. Количество денежных средств, тратившихся на образование, также постепенно росло. «К 1904 г., если соединить учебные расходы всех ведомств и местного самоуправления, сумма ежегодных расходов на народное образование уже превышала 100 млн рублей» [Ольденберг, 1992, с. 89]. Однако этих мер было явно недостаточно, так как большая часть населения страны оставалась неграмотной.

Историк Б.Н. Миронов, специалист в области исторической социологии, отмечает, что «сдвиги в отношении народа к грамотности в конце XIX в. наметились, прежде всего, в среде городского населения и рабочих» [Миронов, 2005, с. 496]. Однако Россия оставалась страной аграрной, где большая часть населения проживала в деревне, поэтому принципиального сдвига в вопросе распространения грамотности не произошло.

Вопросы состояния системы образования всегда особо остро стоят во время серьёзных общественных и государственных изменений. После 1917 года в РСФСР изменению подверглись практически все основные социальные институты. Образование стало одной из важнейших проблем советской власти, которую необходимо было срочно решать.

Объекты и методы исследования

Основой для исследования стали ранее не публиковавшиеся архивные документы. В исследовании был использован нарративный метод в ходе изложения событий, произошедших с тульским учительским институтом с момента его образования до его реформирования в высшее учебное заведение. Также был использован историко-сравнительный метод для выявления изменений, произошедших с тульским учительским институтом после преобразования в высшее педагогическое учебное заведение.

Объектом данного исследования является система образования в Тульской губернии после 1917 года. Предметом исследования является подготовка педагогических кадров в Тульской губернии после 1917 года.

Целью данной статьи является рассмотрение процесса преобразования Тульского учительского института в высшее педагогическое учебное заведение.

Задачи статьи: сравнить состояние и функции Тульского учительского института до реформы преобразования его в высшее учебное заведение и после; рассмотреть состав

претендентов на поступление в институт; выявить трудности, с которыми столкнулся учительский институт после преобразования.

Результаты и их обсуждение

Об особой важности скорейшего проведения в жизнь ряда социальных реформ после 1917 года регулярно высказывались многие партийные и государственные деятели. Например, нарком просвещения А.В. Луначарский писал: «Без быстрого практического проведения в жизнь коренных реформ никакая новая власть в России удержаться не сможет»⁵⁵.

«В стране безграмотной, – говорил В.И. Ленин, – построить коммунистическое общество нельзя» [Ленин, 1962, с. 27]. Из этого можно сделать вывод, что первым шагом в процессе строительства общества нового типа, то есть коммунистического общества, должно было стать создание новой системы образования в стране. Этим и занялось молодое советское государство.

Особое значение в деле создания советской системы образования и ликвидации неграмотности имеет VIII Съезд РКП(б), проходивший в марте 1919 года. На съезде была подчеркнута особая роль учителя в деле просвещения в деревне. Он должен был стать не просто человеком, обучающим грамоте: «Учителя обязаны рассматривать себя как агентов не только общего, но и коммунистического просвещения» [Протоколы съездов и конференция всесоюзной коммунистической партии... 1933 с. 421]. Для молодого советского общества педагог имел особое значение. В.И. Ленин так об этом говорил: «Народный учитель должен у нас быть поставлен на такую высоту, на которой он никогда не стоял и не стоит, и не может стоять в буржуазном обществе» [Ленин, 1962, с. 366].

После II Всероссийского съезда Советов ВЦИК и СНК в 1917 году был издан «Декрет о создании Государственной комиссии по просвещению» [Декреты советской власти..., 1957]. Её председателем стал А.В. Луначарский. Комиссия занималась руководством народным просвещением. Большевики пытались привлечь к этой работе Министерство народного просвещения. Оно должно было по их плану встроиться в работу Государственной комиссии. Однако из-за саботажа сотрудников министерство, по сути, перестало существовать и самоликвидировалось. Таким образом, преемственности между царской системой образования и зарождающейся советской на первых этапах не произошло.

В 1918 году с 25 августа по 4 сентября в Москве прошёл I Всероссийский Съезд по просвещению. На нём рассматривалось и обсуждалось множество вопросов. В частности проект положения о «Единой Трудовой Школе», который разрабатывался государственной комиссией по просвещению. Съезд одобрил это положение. Краеугольным камнем новой советской школы должно было стать трудовое воспитание, именно на нём съезд акцентировал основное внимание: «Съезд призывает всех товарищей – школьных работников поспешить с проведением в Советской Социалистической республике таких форм трудового воспитания, каких не видел ещё старый буржуазный мир» [Резолюции I-го Всероссийского съезда по Просвещению, 1918].

«16 октября 1918 года был опубликован декрет ВЦИК «О единой трудовой школе Российской Социалистической Федеративной Советской Республики», в соответствии с которым упразднялось деление школ на гимназии, начальные, высшие начальные, реальные, ремесленные, технические, коммерческие училища и прочие учебные заведения. Единая трудовая школа разделялась на 2 ступени. Первая – для детей от 8 до 13 лет (1, 2, 3 классы) и вторая – для детей от 13 до 17 лет (4, 5, 6, 7 классы)» [Гоголев, 2019, с. 99] Трудовая школа стала главным структурным элементом внутри зарождающейся советской системы образования. Первая статья Декрета гласила: «Всем школам Российской

⁵⁵ Российский государственный архив социально-политической истории (далее РГАСПИ). Ф. 142. Оп. 1. Д. 190. Л. 27.

Социалистической Федеративной Советской Республики, состоящим в ведении Народного Комиссариата Просвещения, за исключением высших учебных заведений, присваивается наименование – «Единая Трудовая Школа»» [Собрание узаконений и распоряжений правительства за ... 1918].

В новой системе образования, которую Советская Россия начала создавать, одна из решающих ролей отводилась преподавателю нового типа. Огромный недостаток педагогических кадров на первых этапах борьбы с неграмотностью мог компенсироваться образованными людьми, которые сами проявляли желание помочь общему делу ликвидации неграмотности среди населения. Большое количество таких сознательных граждан было в Московском уезде. Это необходимо было использовать, что и было реализовано. Советская власть «немедленно создаёт уездный учительский институт для мобилизации местных уездных сил, способных поставить в течение зимы 1918 после предварительной летней подготовки дело поголовного первоначального просвещения в уезде»⁵⁶.

Однако энтузиазм отдельно взятых образованных людей не мог долго быть основным фактором, решающим проблему неграмотности в стране. Советское руководство неоднократно заявляло, что в новом обществе необходим был не просто учитель, который сумеет обучить определённым навыкам и дисциплинам, но и наставник, который сможет направить на верный идеологический путь пока еще неграмотного, плохо ориентирующегося в различных общественно-политических учениях человека. Подготовка педагогических кадров, отвечающих новым требованиям страны советов, становится очередной государственной задачей, которую срочно необходимо было решать.

Учительские институты стали активно создаваться ещё до революции. В начале XX века в Российской империи стали появляться учебные заведения, которые готовили учителей для разного уровня учебных заведений. Когда в Московском учебном округе было принято решение об организации учительского института в одной из центральных губерний, выбор пал именно на Тулу, так как она была наиболее динамично развивающимся промышленным городом. «4 Октября 1911 года открылся первый тульский вуз – учительский институт» [Парамонова, 2008, с. 35].

В своём исследовании К.В. Струков так описывает первые шаги создания института: «11 января 1911 г. попечитель округа А.А. Троицкий обратился в Тульскую городскую управу с письмом, в котором извещал о намерении открыть в Туле учительский институт» [Струков, 2014, с. 131].

Основной причиной появления учительского института в Тульской губернии стало большое количество начальных учебных заведений в регионе. Их появление стало следствием реформы образования, которая активно проходила в начале XX века в Российской империи. Данные учебные заведения, в силу стремительного роста их количества, остро нуждались в педагогических кадрах, обеспечить которые должен был учительский институт. Большинство учащихся, принятых в учительский институт, являлись учителями, не имевшими педагогического образования. «Несмотря на название, учительский институт не был высшим педагогическим учебным заведением. Набор и программы преподаваемых предметов, близкие к гимназическим, но без иностранных языков, классно-урочная система обучения, квалификация преподавателей и трёхлетний курс обучения характеризуют учительский институт как среднее мужское педагогическое учебное заведение, готовившее учителей для высших начальных училищ» [Струков, 2014, с. 131].

В декабре 1918 года Наркомпрос издал постановление, по которому существующие учительские институты должны были быть преобразованы в высшие педагогические учебные заведения: «Настоящим предлагается всем областным и губернским отделам Народного образования срочно принять меры к реорганизации всех учительских институтов в высшие педагогические институты согласно прилагаемого при сем устава высших

⁵⁶ РГАСПИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 190. Л. 27.

педагогических институтов. Оплату труда в реформированных институтах производить по новым ставкам с момента фактического перехода их на положение высших учебных заведений»⁵⁷.

В связи с этим преобразование Тульского института в высшее педагогическое учебное заведение придало ему не только более высокий статус, но и обозначало всю серьёзность отношения государства к подготовке педагогических кадров для единой трудовой школы.

Приобретение Тульским институтом статуса высшего учебного заведения вносило множество изменений в частные моменты его деятельности. Достаточно серьёзным изменениям подверглась его структура. В уставе учебного заведения было чётко прописано его предназначение: «Учительский институт должен служить рассадником преподавателей для единой трудовой школы»⁵⁸. В связи с этим для педагогической практики слушателей института при нём была образована опытная трудовая школа.

Особое значение придавалось тому, кто и на каких условиях мог поступать в высший педагогический институт. Таких категорий было несколько.

«А) Народные учителя и учительницы, имеющие специальный педагогический ценз в объёме курса учительских семинарий и стажем учительства не менее 2 лет.

Б) Народные учителя и учительницы без специального педагогического ценза, но с образовательным цензом не ниже средней школы и со стажем не менее 2 лет.

В) Лица обоего пола, прослушавшие полный курс в одном из высших учебных заведений с зачётом прослушанных курсов в ранее оконченных высших учебных заведениях.

Г) Народные учителя и учительницы с образовательным цензом ниже указанного в пункте б и с 5-летним стажем.

Д) Лица обоего пола, прошедшие полный курс одного из средних учебных заведений.

Лица, принадлежащие к категориям «А», «Б» и «В», принимаются в числе студентов без какого-либо проверочного испытания. Принадлежащие к категории «Г» и «Д» на основании испытания, программа коего устанавливается советом институтов»⁵⁹. Можно отметить, что критерии к кандидатам, поступающим в вузы, были достаточно жёсткими. Многие студенты, поступая в высший педагогический институт нового типа, уже были учителями, имеющими педагогический опыт, однако для получения высшего педагогического образования в новых условиях им необходимо было отучиться ещё 4 года.

Введение трудовых процессов в систему подготовки студентов институтов было новшеством, связанным с новыми политическими веяниями. основополагающее значение в системе советского образования должен был играть труд. Это вопрос обсуждался на заседании комиссии преобразования учительского института в высший педагогический институт. «Комиссия полагает, что задачей введения трудовых процессов в курс института народного просвещения должно быть ознакомление студентов института с основными этапами тех производительных процессов, с которыми им придётся иметь дело в качестве работников по дошкольному, школьному и внешкольному образованию. По вопросу о характере и формах изучения трудовых процессов комиссия, считаясь с характерными особенностями Тульского края, остановилась на следующих производительных процессах:

1. Сельское хозяйство.
2. Обработка по металлу и дереву.
3. Работа по картонажу.

⁵⁷ Государственный архив Тамбовской области (далее ГАТО). Ф. Р1404. Оп. 1. Д. 1. Л. 3.

⁵⁸ ГАТО. Ф. Р1404. Оп. 1. Д. 1. Л. 12.

⁵⁹ Там же. Д. 2. Л. 4.

Эти трудовые процессы комиссия считает обязательными для слушателей всех отделений»⁶⁰.

Введение трудового воспитания в школах и изучение трудовых процессов студентами в институте явно было продиктовано тем, что главной социальной базой для новой власти становятся рабочие и крестьяне. Именно их предстояло учить выпускникам Тульского высшего педагогического института.

В новообразованном высшем учебном заведении преподавался ряд предметов, которые делились на соответствующие циклы. Также обучение проводилось на трёх отделениях: дошкольном, школьном и внешкольном.

В условиях, когда огромные людские массы оставались неграмотными, необходимо было срочно заполнять пробелы в старой системе образования. «Совет Народных Комиссаров принял «Декрет о ликвидации неграмотности среди населения РСФСР» (опубликован в печати 30 декабря 1919 г.)» [Директивы ВКП(б) и Постановления советского правительства... 1947, с. 118]. Этот документ можно считать началом нового этапа в борьбе с неграмотностью. Он стал своего рода результатом огромной работы, которая была проделана в течение нескольких лет. Была проанализирована информация по данным о неграмотности в стране, результатом этого анализа и стал данный документ. Проект декрета был подготовлен участниками 1-го съезда по внешкольному образованию.

Большое количество неграмотных людей, занятых в различных сферах народного хозяйства, становилось большой проблемой для страны. Новые высшие педагогические учебные заведения должны были готовить специалистов не только для новой системы образования, но и для ликвидации образовавшихся пробелов в народном образовании, то есть ликвидировать неграмотность. «Поэтому вполне своевременным для Тульского района является образование при педагогическом институте, ныне преобразованном в Институт народного просвещения особого отделения по внешкольному образованию»⁶¹.

«К 1920 г. в Туле грамотными были 72 % мужчин и 58 % женщин» [Королёва, 2005, с. 66]. Это говорило о том, что социальная политика в вопросе начального образования в городской среде дала определённые результаты, чего нельзя было сказать про сельскую местность, где грамотной оставалась меньшая часть населения. Поэтому для губернии с высокой плотностью населения и с большим количеством неграмотного взрослого населения, особенно в деревне, была высокая необходимость во внешкольном отделении института, выпускникам которого предстояло решать проблему неграмотности.

В условиях, когда многомиллионные массы взрослых людей оставались неграмотными, вопрос внешкольного образования был не только социальным, но и политическим. «Безграмотный человек стоит вне политики, его сначала надо научить азбуке. Без этого не может быть политики, без этого есть только слухи, сплетни, сказки, предрассудки, но не политика» [Ленин, 1970, с. 174]. Отсюда и большая необходимость в первые годы советской власти в таких специалистах, которых должны были готовить внешкольные отделения педагогических институтов.

Студенты, обучающиеся на внешкольном отделении, так же как и остальные, обучались 4 года. На последнем четвертом курсе в течение нескольких месяцев они прикреплялись к опытным деятелям по внешкольному образованию, таким образом практикуясь в том деле, которым им предстояло заниматься. Закончившие внешкольное отделение студенты направлялись в районы для налаживания работы по ликвидации неграмотности, создавали ликпункты, организовывали работу ликвидаторов на местах, сами обучали неграмотных.

Помимо общих предметов для всех обучающихся студенты внешкольного отделения изучали ряд предметов, необходимых именно им:

⁶⁰ Там же. Д. 1. Л. 16.

⁶¹ ГАТО. Ф. Р1404. Оп. 1. Д. 1. Л. 27.

- «1. Внешкольное образование в России и за границей.
2. Занятия с детьми и подростками.
3. Занятие со взрослыми.
4. Искусство пения и речи.
5. Беседы, чтения, лекции, курсы.
6. Библиотеки-читальни.
7. Музеи и выставки.
8. Народные дома.
9. Кооперация.
10. Гигиена и санитария.
11. Ведение экскурсий»⁶².

Данный набор дисциплин был направлен непосредственно на то, чтобы студенты могли проводить работу любого уровня сложности с разной степени неграмотными людьми – как взрослыми, так и детьми.

Управление Тульским высшим педагогическим институтом осуществлялось советом института, в него, в свою очередь, входили: «...профессоры, преподаватели, лаборанты, врач, библиотекарь, председатель педагогического совета опытной при институте школы, представитель слушателей по одному из каждого цикла и председатель организации слушателей. Совет избирает из числа лиц преподавательского персонала института на 4 года председателя и товарища его»⁶³. Основные решения совет принимал большинством голосов, если при голосовании присутствовало более половины его членов. В случае, когда количество голосов по различным вопросам было равное, вопрос поднимался на следующем заседании.

Преподавательский состав института выбирался на основе конкурса, он, в свою очередь, проходил «... на основании Положения о всероссийских конкурсах на замещении кафедр в высших учебных заведениях РСФСР Изв. Ц.И.К № 238»⁶⁴. Лаборантами в институте могли работать сотрудники, которые обладали соответствующими знаниями по предметам, преподавать которые они собирались. Они избирались и назначались Советом института.

Обучение в институте было бесплатным, студентам также выплачивалась стипендия. Слушатели института должны были после его окончания проработать в трудовой школе в должности учителя единой трудовой школы полтора года за год пользования стипендией.

Денежное довольствие сотрудников института на момент его преобразования в 1919 году было различным в зависимости от занимаемых должностей. Так, к примеру, «профессора и преподаватели института получают за 10 годовых часов полный оклад 7 200 рублей. При этом преподаватель не мог иметь более 12 часов занятий в неделю. Лаборант получал за подготовку опытов и участие в демонстрации, а также за заведование кабинетом 7 200 рублей. Председатель совета по расчёту за 6 годовых часов 4 320, ему же за председательствование в правление по расчёту за 4 часа 2 880 рублей. Учитель опытной школы при институте получал по 450 рублей за годовой час. Учитель опытной школы может иметь не более 18 часов»⁶⁵. С учётом очень высокой инфляции в то время данные суммы были совсем небольшие.

Финансовое положение института оставляло желать лучшего. И до революции оно было достаточно тяжёлым, а после проведения реформы, когда институт стал высшим педагогическим учебным заведением, ситуация стала ещё хуже. Различные нормативы по

⁶² ГАТО. Ф. Р1404. Оп. 1. Д. 2 Л. 27.

⁶³ Там же. Д. 2. Л. 13.

⁶⁴ Там же. Д. 1. Л. 4.

⁶⁵ Там же. Д. 2. Л. 13.

материальной базе и денежное довольствие сотрудников увеличились согласно нормам, применяемым к высшим учебным заведениям.

В связи с этим уже в 1919 году в тульское казначейство из президиума Тульского высшего педагогического института регулярно стали приходить письма и прошения, содержание которых составляли просьбы по выделению дополнительных средств на нужды института. «Финансовое положение института в данное время находится в самом тяжёлом положении, на 2 половину обучения как на содержание штатного состава, так и на библиотеку и хозяйственные нужды почти что нет никаких средств»⁶⁶.

Руководство института после преобразования практически сразу стало обращаться к местному казначейству за финансовой помощью. «Президиум Тульского педагогического института просит казённую палату открыть в срочном порядке в его распоряжение кредит, отпущенный по расходному расписанию народного комиссариата по Просвещению на 1-ое полугодие текущего года по 6, 8 и 21 статье по Тульскому казначейству»⁶⁷.

Регулярным также стало перераспределение средств с одних статей расхода на другие. Стоит отметить, что перерасчёт денежных средств проходил, прежде всего, за счёт менее значимых статей расходов, к которым относились расходы на библиотеку и на учебные пособия. В первую очередь деньги изыскивались на денежное довольствие сотрудников института, а также на стипендии для учащихся. «В виду тяжёлого финансового положения института по хозяйственным нуждам президиум института на основании постановления педагогического совета от 5 сего марта просим учётно-контрольную коллегию разрешить Институту производить взаимобразно расходы по хозяйственным нуждам до 30 000 из средств, отпущенных в распоряжение Институту по расходному расписанию на библиотеку и учебные пособия – 6 ст. 8 лист 2 сметы 1919 года. При этом Президиум сообщает, что ходатайство об отпуске дополнительных средств на хозяйственные нужды Института 5 сего марта, иных средств на хозяйственные нужды Институт возбуждает 6 сего марта»⁶⁸.

Заключение

Преобразование Тульского учительского института стало последовательным шагом в кардинальном изменении системы образования в Тульской губернии после 1917 года. Особая ответственность, возложенная на педагогические кадры советской властью, диктовала свои требования к подготовке специалистов нового типа.

Отличительной чертой Тульского высшего педагогического института по сравнению с дореволюционным Тульским учительским институтом стало введение в программу изучения трудовых процессов, характерных именно для Тульского края, как в теории, так и на практике. Институт после преобразования стал более многопрофильным, теперь он готовил преподавателей для дошкольного, школьного и внешкольного образования, что наиболее отвечало тем задачам, которые стояли перед государством и обществом в то время.

Очевидным является то, что преобразование как тульского, так и других учительских институтов было следующим логическим шагом после принятия декрета о Единой трудовой школе. Данный законодательный акт положил начало школе нового типа, ликвидировав все учебные заведения, которые были в царской России, кроме высших учебных заведений. Из этого следует, что институт, раньше готовивший учителей для высших начальных училищ, больше не мог существовать в прежнем виде. Образование в институте перестало быть платным после его реформирования, до этого часть учащихся обучалась за казённый счёт, а часть платила самостоятельно за собственное обучение.

⁶⁶ Там же. Д. 2. Л. 13.

⁶⁷ ГАТО. Ф. Р1404. Оп. 1. Д. 2. Л. 101.

⁶⁸ Там же. Д. 2. Л. 108.

Сходством с учительским институтом до реформирования оставалось то, что не изменился принцип набора студентов института, которые по большей части представляли собой учителей с небольшим опытом работы. Однако отдавалось предпочтение в первую очередь кандидатам, являющимся членами партии большевиков.

Главной проблемой института в первые послереволюционные годы стал недостаток финансовых средств, что можно считать закономерным следствием преобразования в высший педагогический институт и переходом на другие нормы обеспечения как преподавателей, так и студентов. Второй причиной перебоев в материальном обеспечении являлась нестабильная ситуация в стране, которая была связана с Гражданской войной. В таких условиях из местных бюджетов было сложно изыскивать лишние средства на содержание новообразованного высшего педагогического учебного заведения.

Особенно деятельность Тульского высшего педагогического института интересна в контексте широкой программы ликвидации неграмотности по всей стране. Кажется очевидным, что для подготовки специалистов по обучению совсем неграмотных или малограмотных людей нет необходимости в преподавателе, закончившем высшее педагогическое учебное заведение. Однако дальнейшая практика уже в двадцатые годы показала, что очень часто не хватало не только ликвидаторов, которые могли бы на регулярной основе работать с неграмотными или малограмотными в ликпунктах, но в особенности грамотных руководителей ликпунктов, которые владели бы навыками работы как со взрослыми неграмотными людьми, так и с подростками.

Тульский педагогический институт стал кузницей кадров для недавно созданной единой трудовой школы. На неё большевики возлагали важнейшую миссию по созданию человека нового типа. Также огромную роль Тульский высший педагогический институт будет играть в подготовке специалистов для зарождающегося в первые советские годы ликбеза в Тульской губернии, который стал одной из самых масштабнейших социальных преобразований в 20–30-х годах.

Изучение истории института после 1917 года имеет достаточно серьёзные перспективы, уже в 1920 году недавно преобразованный в полноценное высшее учебное заведение Тульский педагогический институт вновь сменил свой статус. Это связано с деятельностью Е.И. Игнатьева, одного из главных организаторов пролетарского образования в Туле, прибывшего в 1919 году из Петрограда. Он занимался созданием коммунистического университета в городе, а также участвовал в реорганизации Тульского высшего педагогического института в Тульский институт народного образования, в котором выступал перед слушателями в качестве лектора [Гоголев, 2019, с. 119].

Дальнейшее изучение истории Тульского института народного образования может помочь в понимании процесса социального строительства в СССР, что, в свою очередь, может быть полезно в будущем для реформирования современной системы образования.

Список литературы

- Антонова Ю.В. 2017. Учительство Тульской губернии на рубеже XIX–XX веков: дис... канд. истор. наук. Белгород, 252.
- Гоголев Н.В. 2019. Емельян Игнатьевич Игнатьев: первый руководитель тульского рабфака. Вестник ГОУ ДПО ТО «ИПК и ППРО ТО». Тульское образовательное пространство», 2: 117–120.
- Гоголев Н.В. 2019. Учебные заведения Тулы в первые годы советской власти. Вестник ГОУ ДПО ТО «ИПК и ППРО ТО». Тульское образовательное пространство, 1: 325–338.
- Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-130. Оп. 2. Д. 1. Л. 39.
- Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). Ф. Р1404. Оп. 1. Д. 1, 2, 7.
- Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). Ф. 261. Оп. 1. Д. 7.
- Декреты советской власти. Т. 1: 25 октября 1917 г. 1957. Москва, Гос. Изд-во полит. Литературы, 626.

- Директивы ВКП(б) и Постановления советского правительства о народном образовании за 1917–1947 гг. Сборник документов за 1917–1947 гг. 1947. Москва, Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 320.
- Ермакова С.Н. 2003. Начальное образование в Тульской губернии начала XX века: 1900–1914 гг.: дис ... канд. ист. наук. Москва, 202.
- Королева Е.В. 2005. Тульский городской досуг в 1-й половине 20-х годов XX века. Тульский краеведческий альманах, 3: 65–71.
- Ленин В.И. 1962. Полное собрание сочинений. Т. 31. Март – апрель 1917. Москва, Госполитиздат, 662.
- Ленин В.И. 1970. Новая экономическая политика и задачи политпросветов. Доклад на II Всероссийском съезде политпросветов. Москва, Политиздат, 174.
- Ленин В.И. 1962. Полное собрание сочинений. Т. 45. Март 1922 – март 1923. Москва, Госполитиздат, 729.
- Ленин В.И. 1970. Полное собрание сочинений. Т. 45. Москва, Изд. Политической литературы, 366.
- Миронов Б.Н. 2015. Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. Т. 3. СПб., Дмитрий Буланин, 992.
- Ольденбург С.С. 1992. Царствование императора Николая II. Москва, Изд. и рекл.-информ. фирма «Феникс», 381.
- Парамонова И.Ю. 2008. Тула 20 век: подробности. Тула, Дизайн-Коллегия, 255.
- Протоколы съездов и конференция Всесоюзной Коммунистической партии (б), Восьмой Съезд РКП (б). 1933. Москва, Партийное изд., 568.
- Резолюции I-го первого Всероссийского съезда по Просвещению. Электронный ресурс URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01008948307#?page=3> (дата обращения: 23.09.2021).
- Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 142. Оп. 1. Д. 190. Л. 27.
- Самарцева Е.И. 2005. Встреча через столетие. Очерки истории интеллигенции Тульской губернии на рубеже XIX–XX вв. в контексте ряда теоретических замечаний. Тула, Изд-во ТулГУ, 279.
- Самарцева Е.И. 1995. Тульские преподаватели на рубеже XIX–XX вв. Состав и положение. Тульская школа, 4: 53–57.
- Сапрыкин Д.Л. 2009. Образовательный потенциал Российской Империи. Москва, ИИЕoT РАН, 176.
- Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. Электронный ресурс URL: <http://istmat.info/node/31601> (дата обращения: 23.09.2021).
- Струков К.В. 2014. Василий Васильевич Логгинов и Тульский учительский институт. Тульский краеведческий альманах, 11: 131–135.

References

- Antonova Yu.V. 2017. Uchitel'stvo Tul'skoj gubernii na rubezhe XIX–XX vekov [Teaching of the Tula province at the turn of the XIX–XX centuries]. Dis... kand. Istor. Nauk. Belgorod, 252.
- Gogolev N.V. 2019. Emel'yan Ignat'evich Ignat'ev: pervyj rukovoditel' tul'skogo rabfaka [Emelyan Ignatievich Ignatiev: the first head of the Tula workers' faculty]. Vestnik GOU DPO TO «IPK i PPRO TO». Tul'skoe obrazovatel'noe prostranstvo», 2: 117–120.
- Gogolev N.V. 2019. Uchebnye zavedeniya Tuly v pervye gody sovetskoj vlasti [Educational institutions of Tula in the first years of Soviet power]. Vestnik GOU DPO TO «IPK i PPRO TO». Tul'skoe obrazovatel'noe prostranstvo, 1: 325–338.
- Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii [GARF]. F. R-130. Op. 2. D. 1. L. 39.
- Gosudarstvennyj arhiv Tambovskoj oblasti [GATO]. F. R1404. Op. 1. D. 1, 2, 7.
- Gosudarstvennyj arhiv Tambovskoj oblasti [GATO]. F. 261. Op. 1. D. 7.
- Dekrety sovetskoj vlasti. T. 1: 25 oktyabrya 1917 g. [Decrees of the Soviet government. T. 1: October 25] 1957. Moscow, Publ.: State. Publishing house polit. Literature, 626 p.
- Direktivы VKP(b) i Postanovleniya sovetskogo pravitel'stva o narodnom obrazovanii za 1917–1947 gg. Sbornik dokumentov za 1917–1947 gg. [Directives of the CPSU (b) and the Decree of the Soviet government on public education for 1917–1947. Collection of documents for 1917–1947] 1947. Moscow, Publ. Publishing house Acad. ped. Sciences of the RSFSR, 320 p.

- Ermakova S.N. 2003. Nachal'noe obrazovanie v Tul'skoj gubernii nachala XX veka: 1900–1914 gg. [Primary education in the Tula province at the beginning of the XX century: 1900–1914]. Dis ... kand. ist. nauk. Moskva, 202 p.
- Koroleva E.V. 2005. Tul'skij gorodskoj dosug v 1-j polovine 20-h godov XX veka [Tula city leisure in the 1st half of the 20s of the XX century]. Tul'skij kraevedcheskij al'manah, 3: 65–71.
- Lenin V.I. 1962. Polnoe sobranie sochinenij. T. 31: Mart – aprel' 1917 [Full composition of writings. T. 31: March – April 1917]. Moscow, Publ.: Gospolitizdat, 662 p.
- Lenin V.I. 1970. Novaya ekonomicheskaya politika i zadachi politprosvetov. Doklad na II Vserossijskom s"ezde politprosvetov [New economic policy and tasks of political education. Report at the II All-Russian Congress of Political Education]. Moscow, Publ.: Politizdat, 174 p.
- Lenin V.I. 1962. Polnoe sobranie sochinenij. T. 45: Mart 1922 – mart 1923 [Full composition of writings. T. 45: March 1922 – March 1923]. Moscow, Publ.: Gospolitizdat, 729 p.
- Lenin V.I. 1970. Polnoe sobranie sochinenij. T. 45 [Full composition of writings. T. 45]. Moscow, Publ.: Izd. Politicheskoy literatury, 366 p.
- Mironov B.N. 2015. Rossijskaya imperiya: ot tradicii k modernu: v 3 t. T. 3 [Russian Empire: from tradition to modernity: in 3 volumes. V. 3]. Saint Petersburg, Publ.: Dmitrij Bulanin, 992 p.
- Ol'denburg S.S. 1992. Carstvovanie imperatora Nikolaya II [The reign of Emperor Nicholas II] Moscow, Publ.: «Feniks», 381 p.
- Paramonova I. 2008. Yu. Tula 20 vek: podrobnosti [Tula 20th century: details]. Tula, Publ.: Dizajn-Kollegiya, 255p.
- Protokoly s"ezdov i konferenciya vsesoyuznoj kommunisticheskoy partii (b) Vos'moj S"ezd RKP (b) [Minutes of congresses and conference of the All-Union Communist Party (b) Eighth Congress of the RCP (b).]1933. Moscow, Publ. Party ed., 568 p.
- Rezolyucii I-go pervogo Vserossijskogo s"ezda po Prosveshcheniyu [Resolutions of the 1st First All-Russian Congress on Education] Available at: URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01008948307#?page=3> (accessed: 23 September 2021).
- Rossijskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoy istorii RGASPI. F. 142. Op. 1. D. 190. L. 27.
- Samarceva E.I. 2005. Vstrecha cherez stoletie. Oчерki istorii intelligencii Tul'skoj gubernii na rubezhe XIX–XX vv. v kontekste ryada teoreticheskikh zamechanij [Meeting in a century. Essays on the history of the intelligentsia of the Tula province at the turn of the XIX–XX centuries. in the context of a number of theoretical comments]. Tula, Publ.: Publishing house of Tula State University, 279 p.
- Samarceva E.I. 1995. Tul'skie prepodavateli na rubezhe XIX–XX vv. Sostav i polozhenie [Tula teachers at the turn of the XIX–XX centuries. Composition and position]. Tul'skaya shkola, 4: 53–57.
- Saprykin D.L. 2009. Obrazovatel'nyj potencial Rossijskoj Imperii [Educational potential of the Russian Empire]. Moscow, Publ.: ИЕот РАН, 176 p.
- Sobranie zakonov i rasporyazhenij pravitel'stva za 1917–1918 gg. [Collection of legalizations and orders of the government for 1917–1918]. Available at: <http://istmat.info/node/31601>. (accessed 23 September 2021).
- Strukov K.V. 2014. Vasilij Vasil'evich Logginov i Tul'skij uchitel'skij institut [Vasily Vasilievich Logginov and the Tula Teachers' Institute]. Tul'skij kraevedcheskij al'manah, 11: 131–135.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Волков Олег Игоревич, аспирант кафедры истории государства и права, ФГБОУ ВО «Тульский государственный университет», Тула, Российская Федерация

Oleg I. Volkov, Post-Graduate Student of the Department of History of State and Law, Tula State University, Tula, Russian Federation

УДК 93/94

DOI 10.52575/2687-0967-2022-49-1-163-174

Была ли платформа «коллективистов» платформой «богдановцев»? К вопросу о степени рецепции и трансформации идей А.А. Богданова в документах внутрипартийной оппозиции в РКП(б) в начале 1920-х годов

Морозова А.Ю.

Институт российской истории РАН,
Россия, г. Москва 117292, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19
E-mail: allamorozova1992@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена платформе «Мы – коллективисты», являющейся программным документом одной из групп внутрипартийной коммунистической оппозиции. Текст данного документа впервые подвергается комплексному анализу. В советской пропаганде платформа «коллективистов» объявлялась «платформой богдановцев» на основании того, что ее авторы использовали отдельные идеи и терминологию А.А. Богданова. В данной статье документ анализируется, прежде всего, с точки зрения рецепции и трансформации идей Богданова представителями внутрипартийной оппозиции в РКП(б). Автор статьи приходит к выводу, что, несмотря на наличие терминологических совпадений и идейных заимствований, «коллективисты» не являлись в полной мере последователями А.А. Богданова. Однако отдельные положения платформы близки к идеям Богданова, что свидетельствует о распространении и популярности их в большевистской среде, несмотря на отход самого Богданова от политической деятельности.

Ключевые слова: внутрипартийная оппозиция, А.А. Богданов, теория пролетарской культуры, Пролеткульт, рабочая оппозиция, платформа «Мы – коллективисты», В.И. Ленин, Н.И. Бухарин

Для цитирования: Морозова А.Ю. 2022. Была ли платформа «коллективистов» платформой «богдановцев»? К вопросу о степени рецепции и трансформации идей А.А. Богданова в документах внутрипартийной оппозиции в РКП(б) в начале 1920-х годов. *Via in tempore. История. Политология.* 49 (1): 163–174. DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-1-163-174

Was the platform of the «collectivists» the platform of the «Bogdanovites»? To the issue of the degree of reception and transformation of Bogdanov's ideas in the documents of the internal party opposition in the RCP(b) in the early 1920s

Alla Yu. Morozova

The Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences,
19 Dm. Ulianova St., Moscow 117292, Russia
E-mail: allamorozova1992@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the platform «We are collectivists», which is a program document of one of the groups of inner-party communist opposition. The full text of this document for the first time is subjected to a comprehensive analysis. In Soviet propaganda, the «collectivist» platform was declared the «platform of Bogdanovites» because its authors used certain ideas and terminology of A.A. Bogdanov (eminent thinker, philosopher, author of the tectology, former Bolshevik leader). This article analyzes the document primarily from the perspective of the reception and transformation of Bogdanov's ideas by representatives of the inner-party opposition in the RCP(b). The author of the article concludes that despite the presence of terminological coincidences and ideological borrowings, the «collectivists» were

not fully followers of A.A. Bogdanov. However, some provisions of the platform are close to Bogdanov's ideas, which indicates their spread and popularity among Bolshevik party members despite of Bogdanov's withdrawal from political activity.

Keywords: Inner-party opposition, A.A. Bogdanov, theory of proletarian culture, Proletkult, workers' opposition, platform «We are collectivists», V.I. Lenin, N.I. Bukharin

For citation: Morozova A.Yu. 2022. Was the platform of the «collectivists» the platform of the «Bogdanovites»? To the issue of the degree of reception and transformation of Bogdanov's ideas in the documents of the internal party opposition in the RCP(b) in the early 1920s. *Via in tempore. History and political science.* 49 (1): 163–174 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-1-163-174

Введение

После окончания гражданской войны внутри правящей большевистской партии обострились противоречия, связанные с различным видением дальнейших путей развития советского государства и способов решения экономических и социальных проблем, стоявших перед ним. Несмотря на принятую X съездом РКП(б) резолюцию «О единстве партии», в которой ЦК поручалось «провести полное уничтожение всякой фракционности» [КПСС в резолюциях и решениях съездов, 1983, с. 336–337], внутрипартийные дискуссии не прекращались. Их участники предлагали разные пути выхода из кризиса и критиковали руководство партии. Некоторые из них использовали идеи и формулировки А.А. Богданова (1873–1928), разностороннего мыслителя, философа, автора всеобщей организационной науки – тектологии, теории пролетарской культуры, в годы революции 1905–1907 гг. стоявшего наряду с В.И. Лениным во главе большевистской части РСДРП⁶⁹. Несмотря на то, что Богданов отошел от партийной работы после раскола большевизма в 1909 г. и выхода в 1911 г. из основанной им группы «Вперед» и не вернулся к политической деятельности после Октября 1917 г. [подробнее см.: Морозова, 2020], его идеи продолжали пользоваться популярностью среди части большевиков.

Объекты и методы исследования

Одна из оппозиционных руководству РКП(б) групп подготовила ко II Всероссийскому съезду Пролеткультов в ноябре 1921 г. платформу под названием «Мы – коллективисты», которая тогда не была опубликована. Впервые текст платформы был опубликован нами [«Мы марксисты той школы...», 2021, с. 115–137] по машинописной копии, хранящейся в качестве приложения к «Докладу Комиссии агитационно-пропагандистского отдела ЦК РКП по ознакомлению с работой Пролеткульта»⁷⁰.

Содержание документа в полном виде не анализировалось в историографии. Упоминания о нем и краткие характеристики изложенных в нем идей можно найти у исследователя Пролеткульта В.В. Горбунова [Горбунов, 1974, с. 172–174], а также у западных авторов [Биггарт, 1993, р. 145; Sochor, 1988, р. 179–180; Mally, 1990, р. 214–215; White, 2018, р. 418–419].

Под платформой нет подписей, но его авторы пишут, что в период военного коммунизма они «боролись против большинства ... партии, возглавляемой ЦК, в рядах Рабочей оппозиции». Получив текст документа от В.М. Молотова, В.И. Ленин запрашивал его:

⁶⁹ По словам А.М. Ремизова, Богданов «считался “заместителем” Ленина в России» и «гласом Ильича» [Ремизов, 2000, с. 436, 479], а М.Н. Покровский называл Богданова вице-лидером большевиков в годы революции 1905–1907 гг. и «великим визирем этой большевистской державы», уточняя, что «тогда как Ильич до революции 1905 г. был в эмиграции, постольку Богданов больше влиял на политику партии» [Покровский, 1992, с. 98].

⁷⁰ Российский государственный архив социально-политической истории (далее РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 60. Д. 43. Л. 15–19.

«Кто это? Имена? Где это издано? Где распространяется? Кем? Кто стоит за этим? Имена? Часть самарцев и кто? или не только самарцы?» [Ленин, 1974, с. 23]. Под «самарцами» Ленин имел в виду часть членов Самарского губкома партии, которые занимали платформу, близкую к «рабочей оппозиции». В ответном письме В.М. Молотов сообщил, что он получил материал «через своего секретаря т. Смирнова», а какова роль «самарцев», пока не знает [Примечания, с. 561]. Таким образом, выяснить имена авторов документа не удалось. Ознакомившись с текстом, В.И. Ленин сделал пометку: «Платформа «богдановцев» [Примечания, с. 561].

Целью данной статьи является анализ платформы «Мы – коллективисты» для выявления степени рецепции и трансформации идей А.А. Богданова его составителями и ответа на вопрос: «была ли в действительности платформа «коллективистов» платформой “богдановцев”?».

В качестве объектов исследования выступают текст «Мы – коллективисты» и работы А.А. Богданова. Несмотря на то, что платформа «коллективистов» так и осталась анонимной, она представляет собой важное звено в развитии и формировании идей внутрипартийной коммунистической оппозиции начала 1920-х годов. Сравнительный анализ заложенных в ней идей с основными идеями А.А. Богданова позволит подтвердить или опровергнуть закрепившееся в историографии и основанное на ленинской оценке утверждение о том, что ее авторы являются «богдановцами».

В ходе исследования автор опирался на принципы научности и объективности, а также историзма. Автором использовался институциональный подход как в его классической трактовке, которая в качестве институтов рассматривает, прежде всего, политические организации, правила и нормы, модели поведения и социальные практики, так и в той его интерпретации, которую постулирует неоинституционализм, признающий возможность различных вариантов развития общества и фокусирующийся на специфике институтов, обусловленной реализацией той или иной альтернативы.

В ходе работы мы также обращались к методам интеллектуальной истории и истории идей, в рамках которых, в частности, сложилось представление о том, что контекст идей в значительной степени определяется «низовыми практиками» тех социальных групп, которые их воспринимают, и ретроактивной трансформацией. В результате смысл политических действий определяется «задним числом», стремлением легитимировать свое решение и поведение [Николаи, 2016]. С этой точки зрения становятся понятными созданные В.И. Лениным и его последователями пропагандистские клише и ярлыки, объявлявшие Богданова противником большевизма и «единственно верной» линии партии, которые впоследствии закрепились в советской историографии.

Кроме того, для сравнительного анализа идейных построений «коллективистов» и А.А. Богданова важными представляются рассуждения А. Лавджой о «идеях-единицах» и о том, что «большинство философских систем оригинальны и отличны от других не столько своими элементами, сколько их сочетаниями» [Лавджой, 2001, с. 15].

Результаты и их обсуждение

Текст платформы «коллективистов» неоднороден по содержанию и по форме. По мнению английского исследователя С. Пирани, в нем «больше философии, чем политики. В нем развивается идея “коллективизма познания, мышления”, разработанная в дореволюционных сочинениях Богданова». Строго говоря, «коллективисты» считают борьбу за «классовую чистоту культуры пролетариата, его идеологии» первичной, а политику – неотъемлемой частью культуры и переходят к политическим вопросам, лишь задекларировав свое стремление освободить пролетарскую идеологию от «авторитарно-религиозных и индивидуалистически-отвлеченных элементов» [Пирани, 2013, с. 187]. На наш взгляд, он не совсем прав, ибо в платформе упоминаются и обосновываются и

практические мероприятия, при помощи которых предполагается разрешить поставленные тактические задачи.

При внимательном прочтении этого документа складывается впечатление, что ее авторами были очень разные люди. О коллективном авторстве может свидетельствовать даже стилистический анализ текста. Часть авторов явно была хорошо знакома с работами А.А. Богданова, пользуется его терминологией, создает логичный, связный текст. Это относится к аналитическим разделам, где речь идет об обосновании позиции коллективистов. Другая часть, очевидно состоявшая из практических работников, писала о тактике, и эта часть текста представлена в значительной степени назывными предложениями, похожими на конспект, и производит впечатление недодуманного или написанного наспех.

Авторы платформы провозглашают своим идеалом «объединенную, гармонически стройную, товарищескую организацию труда и познания», а идеей – «признание того, что истинным строителем жизни, борцом со стихиями и тайнами природы является коллектив, а личность – это лишь частица живого тела коллектива, частичное воплощение его сил» [«Мы марксисты той школы...», 2021, с. 117]. Схожие мысли в разных вариациях неоднократно повторялись в работах Богданова. Он даже полагал, что человек, совершивший какое-то открытие или создавший что-то выдающееся, не является гением сам по себе, а лишь выражает в наиболее концентрированной форме, «материализует» то, что уже подспудно существовало в коллективном сознании. Поэтому важна не его личность, не его имя, а то, что он сформулировал и сделал доступным для человечества. Эти его представления нашли свое отражение в описании им марсианского общества в романе «Красная звезда» – марсиане ставили памятники великим личностям лишь в досоциалистические времена, а затем стали создавать памятники только великим событиям [Богданов, 1990, с. 151]. На эту сторону мировоззрения Богданова обращает внимание Ю. Шеррер [Шеррер, 1981, с. 98].

Свое отличие от большинства русских марксистов во главе с Лениным «коллективисты» видят в том, что признают «не только коллективизм труда и общественной борьбы, как и все марксисты, но и коллективизм познания, мышления». Вслед за Богдановым, который полагал, что «идеология, или духовная культура, выполняет организующую функцию в жизни общества, групп и классов» [Богданов, 1911, с. 54], авторы платформы считают, что «идеология вообще, наука и искусство в частности – это собранный, приведенный в порядок, организованный коллективно-трудовой опыт, являющийся одновременно орудием укрепления, сплочения коллектива, орудием организации коллективного труда» [«Мы марксисты той школы...», 2021, с. 117–118]. По мнению авторов платформы, их «коллективистски-трудовая точка зрения является в то же самое время организационной», а «у человечества нет и быть не может» «никакой деятельности, кроме организационной» [«Мы марксисты той школы...», 2021, с. 118].

Провозглашая себя твердыми и последовательными марксистами, авторы платформы подчеркивают, что их твердость заключается не в том, чтобы безоговорочно соглашаться «со всеми мыслями, когда, где и [по] какому бы то ни было поводу сказанными и написанными Марксом и Энгельсом». Напротив, такой подход они считают «начетничеством и догматизмом», а под твердостью понимают безусловное признание общих методов и точки зрения, которыми пользовались в своих работах основоположники марксизма. Марксистскую же последовательность они понимают не как повторение сказанного: «...последовательность – это продолжение борьбы основателей марксизма и в деле перестройки общества, и в деле перестройки знания» [«Мы марксисты той школы...», 2021, с. 118].

Эти слова перекликаются с полемикой Богданова против Г.В. Плеханова, в ходе которой он подчеркивал, что «над философией пролетариата работа необходима, ... потому что накапливается новый научный материал, который должен быть учтен философией. ... И

традиция Маркса – Энгельса должна быть дорога нам не как буква, но как дух...» [Богданов, 1908, с. 64–66].

Авторы платформы также подчеркивают свое расхождение с официальной трактовкой марксизма и верности ему: «Мы отвергаем догматически-консервативное, отвлеченно-религиозное, фетишизированное, извращенное понимание марксизма. Наш марксизм не марксизм Плеханова и Ленина. Мы марксисты той школы, идейным вождем которой является Богданов» [«Мы марксисты той школы...», 2021, с. 118–119].

Определяя свое место в коммунистической партии, коллективисты пишут: «Наша позиция – это точка зрения пролетариата, вполне созревшего для классовой борьбы и все больше созревающего для организации нового общества, – пролетариата, уже оформившего свое боевое и оформляющего свое организационное сознание» [«Мы марксисты той школы...», 2021, с. 119]. Эта точка зрения приводит их к следующим «руководящим указаниям в практической работе». Политика считается частью культуры и рассматривается всегда в связи с ней. Признавая «необходимость классовой чистоты культуры пролетариата, его идеологии», коллективисты стремятся «освободить ее от авторитарно-религиозных и индивидуалистически-отвлеченных элементов, чуждых рабочему классу и свойственных другим классам общества. Его культура ... должна быть ... самостоятельной, пролетарской, коллективистически-трудовой» [«Мы марксисты той школы...», 2021, с. 119].

Авторы платформы заявляют: «Мы – наследники того идейного течения внутри большевизма, которое в свое время носило название “впередовства”...». Как и Богданов [Богданов, 1995а, с. 127], они подчеркивают, что «впередовство как идейное течение, как платформа борьбы за пролетарскую культуру не умерло». По их мнению, «в 1917 г. оно возродилось в форме пролеткульта». И несмотря на то, что сами пролеткульти «засорились чуждыми пролетариату элементами», «пролеткультизм как идейное течение» «остается чистым», являясь «идейным наследником впередовства» [«Мы марксисты той школы...», 2021, с. 120].

Второй, более близкой хронологически основой для позиции «коллективистов» являются взгляды Рабочей оппозиции, в рядах которой они боролись в период военного коммунизма [«Мы марксисты той школы...», 2021, с. 120]. Они видели, как партия «постепенно превращается из пролетарской в рабоче-интеллигентскую», и «замечали образование слоя закостеневшей привилегированной бюрократии, к которой все больше и больше переходила руководящая роль». Чтобы «сдвинуть революцию с мертвой точки, продолжить и усилить строительство коммунизма», предлагалось «очищение партии от элементов, не ставших целиком на точку зрения пролетариата; уничтожение закостенелой привилегированной бюрократии через орабочение и освежение; передача производственным союзам управления производством; усиление работ по созданию самостоятельной пролетарской культуры» [«Мы марксисты той школы...», 2021, с. 120–121].

По мнению авторов платформы, главная ошибка этой оппозиции сводилась «к вере в необходимость строительства коммунизма и к боевому утопизму», причиной которых было неправильное понимание «военного потребительского коммунизма осажденной крепости», казавшегося «самым доподлинным производственным коммунизмом пролетариата» [«Мы марксисты той школы...», 2021, с. 121].

Но, признав эту ошибку, авторы платформы не отказываются от своего «даже ошибочного, но исторически необходимого прошлого». Главный урок, вынесенный ими, состоит в понимании, что «определяя виды на будущее, нужно всегда ... устанавливать их возможность в данных условиях» [«Мы марксисты той школы...», 2021, с. 122]. Проверив с этой точки зрения свои построения, «коллективисты» пришли к выводу, что у них есть «ряд чрезвычайно существенных расхождений» с коммунистической партией. В организационной работе они не могут «примириться с тем, что главное внимание фактически уделяется не пролетарским элементам партии, а слою так называемых ответственных ра-

ботников, который по существу дела представляет из себя новую бюрократическую интеллигенцию». В тактике не могут «принять авторитарности и индивидуализма». А в программной области не могут «согласиться с общей теорией революции в России и на Западе». В отличие от официальной партийной позиции они считают, что Советская власть является «не диктатурой пролетариата, а диктатурой политического блока пролетариата и крестьянства», в котором пролетариат играет руководящую роль, «но в пределах общих интересов обоих классов». Крестьянство же «играет в блоке роль ограничительную. По нему приходится равняться пролетариату, а не наоборот», и поэтому «можно говорить не о диктатуре, а о гегемонии пролетариата» [«Мы марксисты той школы...», 2021, с. 123].

Очевидно, что в этих своих рассуждениях авторы платформы используют богдановский анализ революции 1917 г. Только тогда он говорил о рабоче-солдатском блоке, в котором ограничителем выступает его солдатская часть. Богданов писал, что в октябре-ноябре 1917 г. в России победил «коммунистический блок» [Богданов, 1995в, с. 90], в который входят рабочий пролетариат, низы армии, беднейшая и наиболее быстро разоряемая часть крестьянства и ремесленного мещанства. При этом его сила и сплоченность, возможность его выступления и победы определяется «позицией его центральной части – солдатских масс, являющихся связующим звеном между другими частями» [Богданов, 1995в, с. 98]. В то же время именно социальными свойствами этой части, являющейся наиболее отсталой, ограничивается организационное движение блока, несмотря на то, что авангард блока – рабочий пролетариат – «неизбежно выдвигает программу, далеко выходящую за пределы собственно осадного коммунизма, ... свою классовую программу-максимум» [Богданов, 1995в, с. 91].

Считать власть этого блока диктатурой пролетариата ошибочно, т. к. «он может вести этот блок только в пределах его общих интересов и общих задач, которые ограничительно определяются социальной природой наиболее отсталых частей блока» [Богданов, 1995в, с. 106].

Авторы платформы полагали, что при переходе от военного коммунизма к государственному капитализму «на фоне культурно-несамостоятельного и бестелого пролетариата появится новый класс технико-бюрократической интеллигенции, так сказать, новой буржуазии» и потому «неизбежно и чем дальше, тем больше перерождение Советской власти из диктатуры рабоче-крестьянского блока под гегемонией пролетариата в политическое господство этой самой технико-бюрократической интеллигентности (так в тексте – А.М.)». А вот для перехода от государственного капитализма к подлинному коммунизму или коллективизму будет необходима новая революция, содержанием которой будет «появление подлинной, ни на чем не ограниченной диктатуры пролетариата, который к тому времени сумеет оформить свое организаторское сознание. Эта политическая революция совпадает, по-видимому, с моментом завершения технической революции в обществе и культурной революции в пролетариате» [«Мы марксисты той школы...», 2021, с. 123–124].

Расходясь по ряду вопросов с большинством коммунистической партии, «коллективисты» не соглашались и с новой позицией Рабочей оппозиции, которую они считали утопической [«Мы марксисты той школы...», 2021, с. 124]. Авторы платформы отмежевываются также от меньшевиков, считая их позицию контрреволюционной и «глубоко ошибочной и вредной для пролетариата», прежде всего, потому, что она «оставляет его в плену буржуазной культуры» [«Мы марксисты той школы...», 2021, с. 124].

«Вполне своей» среди марксистских позиций «коллективисты» считают лишь позицию бывшего лидера группы «Вперед» Богданова, которая «пока не оформилась организационно и политически». Но из пересказа основных положений богдановских работ, касающихся оценки характера и перспектив революции в России, роли в ней рабочего класса и развития самого пролетариата на пути к выработке и овладению пролетарской культурой и новыми организационными методами, неожиданно делается вывод, которого в

таким явственным виде нет у Богданова: «...мирно-государственный капитализм мы и считаем последней фазой на пути к социализму, последней фазой капиталистического строя. Роль господствующего класса в этой фазе, по нашему мнению, должна будет играть техническая интеллигенция, которая и будет новой буржуазией» [«Мы марксисты той школы...», 2021, с. 126].

Английский исследователь Дж. Биггарт справедливо отмечает, что в этом утверждении «коллективисты» шли «дальше любого из когда-либо изложенных печатно предсказаний Богданова». Более того, он доказывает, что Богданов «никогда не приписывал» этой группе ведущей роли при переходе к социализму, что он лишь теоретически допускал превращение интеллигенции в правящий класс, что советская теория «нового класса» была провозглашена не им, а его последователями «богдановцами» [Биггарт, 1993, с. 145].

Полагая, что новая буржуазия будет все равно эксплуатировать пролетариат, хотя и в более мягких формах, чем старая, коллективисты считали, что и на этом этапе классовая борьба неизбежна. Неизбежна и новая революция, которая и будет социалистической революцией в обществе, но произойдет не раньше, «чем она закончится в самом пролетариате, т. е. когда он вполне оформит свое классовое сознание, подготовится к роли организатора» [«Мы марксисты той школы...», 2021, с. 126]. Здесь авторы платформы почти дословно повторяют богдановское положение, тесно связанное с его теорией пролетарской культуры, – что пролетариат должен сначала преобразоваться сам, стать социалистическим классом «для себя» и лишь после этого браться за социалистическое преобразование общества в целом, которое было самым кардинальным отличием богдановской версии большевизма от ленинской. Как справедливо заметила Ю. Шеррер, «постулат культурной революции в самом пролетариате, предваряющей политическую и экономическую революцию, есть основная альтернатива революционной ориентации ленинского большевизма» [Шеррер, 1981, с. 108].

Но, по мнению авторов платформы, и путь к государственному капитализму лежит также через революцию, которая «должна быть в значительной степени делом рук пролетариата», потому что «по своей природе он ближе, чем техническая интеллигенция, стоит к задаче организации мирно-государственного капитализма». После этой революции «пролетариат вместе с мелкобуржуазными элементами общества и прежде всего крестьянством, а затем и трудовыми лицами интеллигенции» приходит к власти. По мнению авторов платформы, «политическими формами господства этого блока являются советское государство и коммунистическая партия» [«Мы марксисты той школы...», 2021, с. 127]. Перед пролетариатом же на весь период государственного капитализма стоят три тактические задачи: борьба за техническую революцию, борьба за максимум организованности и борьба за пролетарскую культуру, для решения которых предлагаются три группы мероприятий [«Мы марксисты той школы...», 2021, с. 127, 129].

Весьма своеобразно представляют себе авторы платформы свою тактику по отношению к коммунистической партии. Несмотря на разногласия с ней, которые касаются не только тактических, но и программных моментов, и прогнозируемый ими раскол этой партии, они считают своим долгом оставаться в ее рядах и даже «вести в партии активную и ответственную работу, повсеместно (так в тексте – *А.М.*) укреплять ее и защищать вплоть до борьбы с оружием в руках». Поступать так они полагают необходимым исходя из убеждения, что «никакая другая партия, кроме коммунистической, ... не может вывести общества на путь к мирному государственному капитализму, т. е. подвинуть его вперед к коммунистическому строю». Но ведя обычную партийную работу, «коллективисты» планируют пропагандировать среди пролетарских слоев партии свои взгляды, чтобы в момент раскола они ушли из партии вместе с ними. Причем «пропаганду своих взглядов ... необходимо вести без какой бы то ни было политической оппозиции правящему большинству партии», и «не обнаруживать полностью своих социально-политических предпо-

сылкок», т. к. образование фракций будет ослаблять и партию, и оппозиционеров и вести к преждевременному расколу [«Мы марксисты той школы...», 2021, с. 128].

Подобная модель поведения представляется совсем уж не богдановской, ибо предполагает какие-то конспиративные действия против своих же сопартийцев с целью увеличения числа своих сторонников. В схожей ситуации, когда расхождение между левыми большевиками и ленинцами стало очевидным и перспектива раскола стала реальной, Богданов вел борьбу «с открытым забралом», и об образовании группы «Вперед» (литературной группы, а не фракции) было объявлено во всеуслышание.

Платформа «коллективистов» не была опубликована, и лишь очень краткие цитаты из нее, сопровождавшиеся уничижительной критикой, были приведены в статье Н.И. Бухарина, которая предварялась кратким «резюме», больше похожим на директиву: «Необходимо поддержать пролеткульты. С другой стороны, необходима борьба против своеобразного богдановского меньшевизма. Этот меньшевизм выражен в платформе “коллективистов”. Он сводится к уклонению от самой тяжелой работы и борьбы» [Бухарин, 1921а, с. 1].

Бухарин характеризует сторонников платформы как «определенное, правда, очень и очень маленькое, еле приметное течение, которое хочет сделать пролеткульты опорной базой для своеобразной меньшевистской политики и которое тем самым, распинаясь за пролеткульты, компрометирует их в глазах ортодоксальных коммунистов». Но при этом он подвергает этот документ столь обширной и ожесточенной критике, что поневоле закрадывается сомнение в том, что он и в самом деле считает эту группу столь незначительной. Пытаясь преодолеть это противоречие, которое он и сам, видимо, понимает, он пишет: «Основная их “тактическая беда” в том, что их два с половиной человека, а, может быть, и меньше. ... Но ... и два с половиной человека могут произвести в пролеткультах столько путаницы, что эту путаницу придется расхлебывать в течение очень долгого времени» [Бухарин, 1921а, с. 2].

Саму платформу Бухарин считает «по внешности полным винегретом», ибо «она содержит все, чего душа просит, начиная от философии и кончая организацией сельского хозяйства и пролеткультов». Более того, для удобства полемики он извращает смысл ряда ее положений и обвиняет ее авторов в «культурнической, а не революционной постановке вопроса» [Бухарин, 1921а, с. 2].

Отговорившись тем, что в газетной статье нельзя ответить на все поставленные вопросы, он сосредотачивается на положении платформы, провозглашающем идейное родство ее авторов с Богдановым. Бухарин фокусирует удар своей критики на Богданове, сходу объявив его «банкротом» на том основании, что «он все время стоял в стороне от жизни, очутился не у дел». Более того, Бухарин приписывает Богданову слова: «Да, вы делаете, что нужно делать. Но я буду в стороне от этого грязного дела» [Бухарин, 1921а, с. 2].

Богданов ответил на эту статью месяц спустя «открытым письмом тов. Бухарину», в котором подчеркивал, что не только не имел никакого отношения к платформе «коллективистов», но и не был знаком с ее текстом, находясь к тому же в это время за границей, в Лондоне, в качестве эксперта-экономиста Наркомата внешней торговли. Относительно слов о «грязном деле» Богданов пишет: «Нет, ваше дело я считал не «грязным», а трагичным. В нем много крови и грязи, – разве без них бывают революции? К нему прилипло больше крови и грязи, чем требовалось его сущностью; но винить в этом некого: виновата наша историческая отсталость и неподготовленность, виновата беспримерная тяжесть задачи, беспримерная жестокость действий, стихийно поразивших нашу страну» [Богданов, 1995г, с. 206–207].

Как и в статье Бухарина, в докладе Комиссии агитационно-пропагандистского отдела ЦК РКП(б) по ознакомлению с работой Пролеткульта подчеркивается тот факт, что документ не является выражением позиции большинства пролеткультовцев, а «повидимому, есть творение и достояние очень ограниченной группы лиц». Сама платформа

характеризуется как «тягучее, маловразумительное изложение путаницы из махизма, антибольшевизма, антимарксизма, “впередовства” 1900 г., наконец, позднейшей “рабочей оппозиции”», а главным ее пороком объявляется провозглашение Богданова духовным вождем⁷¹.

2 декабря 1921 г. Ленин в письме членам Политбюро предлагал напечатать платформу «коллективистов» отдельной брошюрой тиражом в 2–3 тыс. экземпляров «с обстоятельнейшей критикой, с добавлением статьи о политических выступлениях Богданова в 1917 году и т. д.», добавив туда циркуляры ЦК о Пролеткультах, текст платформы, статью Бухарина и еще ряд статей с разбором платформы [Ленин, 1974б, с. 266]. Но эта брошюра так и не была издана, а в качестве продолжения дискуссии 13 декабря 1921 г. в «Правде» была опубликована статья Н. Бухарина, в которой он публично отвечает на полученное им в ответ на его статью «К съезду пролеткультов» длинное письмо от одного из «коллективистов», имеющее общественно-партийный интерес. Само письмо при этом не публикуется, а свои возражения Бухарин сосредотачивает вокруг главного, на его взгляд, положения письма, в котором «речь идет об интеллигентском ликвидаторстве, выступающем под флагом «коллективизма» и свой начавшийся отход от партии облекающем в звонкую и якобы новую фразеологию». Бухарин полагает, что коллективисты считают неизбежной победу «тенденции в сторону вырождения и в сторону победы капитализма изнутри» и приписывает им «тактику сложенных рук». Он подчеркивает, что коммунисты видят опасность этой тенденции, но полагают, что противоположная ей тенденция к социализму будет усиливаться и что в итоге в результате борьбы победит последняя [Бухарин, 1921б, с. 1].

Между тем в платформе говорится лишь о том, что «фаза мирного государственного капитализма продлится приблизительно полтора-два десятка лет» и пролетариат «должен будет в течение ее вполне оформить свое организаторское сознание, выработать и освоить пролетарскую культуру» [«Мы марксисты той школы...», 2021, с. 127]. Очевидно, что речь здесь идет вовсе не о «ничего неделаньи», а о серьезной внутриклассовой работе пролетариата над собой. Бухарин же видит в этом «культурничество» и «ликвидаторство» и призывает изжить их во имя обретения новых сил для пролетарской борьбы.

Богданов же, напротив, в недооценке роли воспитания пролетариата как сознательного класса и его внутреннего преобразования для подготовки к роли преобразователя общества видит «великую опасность» [Богданов, 1995г, с. 207].

Заключение

Группа «коллективистов» просуществовала недолго и, насколько нам известно, не проявила себя ничем, кроме проанализированной в данной статье платформы, которая представляется важной как некое «промежуточное звено» между документами «рабочей оппозиции» и группы «Рабочая правда». Имена авторов платформы и персональный состав группы также неизвестны. Сама она, как отмечалось в литературе [Биггарт, 1993, с. 145], вероятно, волилась в группу «Рабочая правда», о чем позволяет говорить сходство их идей. Впрочем, этот сюжет еще требует отдельного исследования.

Официальная пропаганда обвиняла «коллективистов» в следовании идеям А. Богданова, а его самого – в «своеобразном меньшевизме», который выражен в платформе «коллективистов» и сводится к уклонению от борьбы и приверженности культурничеству. Отвечая на эти обвинения, Богданов подчеркивал, что не только не причастен к составлению платформы, но и не был знаком с ее текстом, узнав о ней лишь из критических газетных публикаций.

⁷¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 43. Л. 18.

Из анализа платформы мы можем сделать вывод, что, несмотря на наличие терминологических совпадений и идейных заимствований, «коллективисты» не являлись в полной мере последователями А.А. Богданова, и поэтому объявление платформы «коллективистов» платформой «богдановцев» неправомерно. Близость же отдельных положений платформы к идеям Богданова свидетельствует о распространении и популярности последних в большевистской среде, несмотря на отход самого Богданова от политической деятельности.

Список литературы

- Биггарт Дж. 1993. Александр Богданов и теория «нового класса». Социологические исследования, 7: 139–150.
- Богданов А.А. 1995а. Десятилетие отлучения от марксизма. В кн.: Неизвестный Богданов / Под ред. Г.А. Бордюгова. Кн. 3: А.А. Богданов. Десятилетие отлучения от марксизма. Юбилейный сборник. 1904–1914. М., ИЦ «АИРО-XX»: 24–295.
- Богданов А.А. 1990. Красная звезда. В кн.: Богданов А. Вопросы социализма. Работы разных лет. М.: Политиздат: 104–203.
- Богданов А.А. 1911. Культурные задачи нашего времени. М., Издание С. Дороватовского и А. Чарушниковой, 92.
- Богданов А.А. 1995б. Мировая война и революция. В кн.: Неизвестный Богданов / Под ред. Г.А. Бордюгова. Кн. 1.: А.А. Богданов (Малиновский). Статьи, доклады, письма и воспоминания, 1901–1928 гг. М., ИЦ «АИРО-XX»: 92–107.
- Богданов А.А. 1995в. Новейшие прообразы коллективистического строя. В кн.: Неизвестный Богданов / Под ред. Г.А. Бордюгова. Кн. 1: А.А. Богданов (Малиновский). Статьи, доклады, письма и воспоминания, 1901–1928 гг. М., ИЦ «АИРО-XX»: 81–91.
- Богданов А.А. 1995г. Открытое письмо тов. Бухарину. В кн.: Неизвестный Богданов / Под ред. Г.А. Бордюгова. Кн. 1: А.А. Богданов (Малиновский). Статьи, доклады, письма и воспоминания, 1901–1928 гг. М., ИЦ «АИРО-XX»: 204–207.
- Богданов А.А. 1908. Приключения одной философской школы. СПб., Б. и. 66.
- Бухарин Н.И. 1921а. К съезду пролеткульта. Правда. 22.11.1921: 1–2.
- Бухарин Н.И. 1921б. «Коллективистическое» ликвидаторство. Правда. 13.12.1921: 1.
- Горбунов В. 1974. Ленин и Пролеткульт. М., Политиздат. 239.
- КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898–1988). 9-е изд. Т. 2: 1917–1922. М., Политиздат, 1983. С. 336–337.
- Лавджой А. 2001. Великая цепь бытия: История идеи / Пер. с англ. В. Софронова-Антони. М., Дом интеллектуальной книги. 376.
- Ленин В.И. 1974а. Записка В.М. Молотову. В кн.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 54. М., Политиздат: 23.
- Ленин В.И. 1974б. Письмо членам Политбюро ЦК РКП(б). В кн.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. М., Политиздат: 266.
- Морозова А.Ю. 2020. «Неленинский большевизм» А.А. Богданова и «впередовцев»: идеи, альтернативы, практика. М.; СПб., «Нестор-История». 512.
- «Мы марксисты той школы, идейным вождем которой является Богданов». Платформа группы членов РКП(б) «Мы – коллективисты». 1921 г. Публ. А.Ю. Морозовой. Исторический архив. 2021. 2: 115–137.
- Николаи Ф. 2016. Интеллектуальная история сегодня: ностальгия по междисциплинарному трансферу, эклектика и проблемы теории. Журнальный клуб Интелрос. НЛО. 139. URL.: <http://www.intelros.ru/readroom/nlo/139-2016/30458-intellektualnaya-istoriya-segodnya-nostalgiya-po-mezhdisciplinarnomu-transferu-eklektika-i-problemy-teorii.html> (дата обращения: 10.12.2021).
- Пирани С. 2013. Русская революция в отступлении. Пер. с англ. М., Новый хронограф. 480 (Pirani S. 2008. The Russian Revolution in Retreat, 1920–24: Soviet workers and the new communist elite. Routledge, 312).
- Примечания. В кн.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 54. М., Политиздат: 516–736.

- Покровский М.Н. 1992. М.Н. Покровский о В.И. Ленине. Стенограмма выступления в Институте красной профессуры 1 февраля 1924 г. Отечественные архивы. № 3: 97–104.
- Ремизов А.М. 2000. Иверень. В кн.: Ремизов А.М. Собр. соч. в 10 т. Т. 8. М., Русская книга: 265–512.
- Шерпер Ю. 1981. Богданов и Ленин: Большевизм на распутье. В кн.: История марксизма. Т. 2. Марксизм в эпоху II Интернационала. Вып. 2 / Пер. с итал. М., Изд-во «Прогресс»: 63–116.
- Mally L. 1990. Culture of the Future: The Proletkult Movement in Revolutionary Russia. Berkeley, CA: University of California Press, 306.
- Sochor Z. 1988. Revolution and Culture: The Bogdanov – Lenin Controversy. Ithaca and London, 271.
- White James D. 2018. Red Hamlet: the life and ideas of Alexander Bogdanov. Leiden; Boston: Brill, 494.

References

- Biggart J. 1993. Aleksandr Bogdanov i teoriya «novogo klassa» [Alexander Bogdanov and the theory of the «new class»]. Sotsiologicheskie issledovaniya, 7: 139–150.
- Bogdanov A.A. 1995a. Desyatiletie otluheniya ot marksizma [A decade of excommunication from Marxism]. In: Neizvestnyy Bogdanov Pod red. G.A. Bordyugova. Kn. 3; A.A. Bogdanov. Desyatiletie otluheniya ot marksizma. Yubileynyy sbornik. 1904–1914. M., ITs «AIRO-XX»: 24–295.
- Bogdanov A.A. 1990. Krasnaya zvezda [Red Star]. In: Bogdanov A. Voprosy sotsializma. Raboty raznykh let. M., Politizdat: 104–203.
- Bogdanov A.A. 1911. Kul'turnye zadachi nashego vremeni [Cultural tasks of our time]. M., Izdanie S. Dorovatovskogo i A. Charushnikova, 92.
- Bogdanov A.A. 1995b. Mirovaya voyna i revolyutsiya [World War and Revolution]. In: Neizvestnyy Bogdanov / Pod red. G.A. Bordyugova. Kn. 1: A.A. Bogdanov (Malinovskiy). Stat'i, doklady, pis'ma i vospominaniya, 1901–1928 gg. M., ITs «AIRO-XX»: 92–107.
- Bogdanov A.A. 1995v. Noveyshie proobrazy kollektivisticheskogo stroya [Newest prototypes of the collectivist system]. In: Neizvestnyy Bogdanov / Pod red. G.A. Bordyugova. Kn. 1: A.A. Bogdanov (Malinovskiy). Stat'i, doklady, pis'ma i vospominaniya, 1901–1928 gg. M., ITs «AIRO-XX»: 81–91.
- Bogdanov A.A. 1995g. Otkrytoe pis'mo tov. Bukharinu [Open Letter to Comrade Bukharin]. In: Neizvestnyy Bogdanov / Pod red. G.A. Bordyugova. Kn. 1: A.A. Bogdanov (Malinovskiy). Stat'i, doklady, pis'ma i vospominaniya, 1901–1928 gg. M., ITs «AIRO-XX»: 204–207.
- Bogdanov A.A. 1908. Priklyucheniya odnoy filosofskoy shkoly [Adventures of one philosophical school]. SPb., B.i. 66.
- Bukharin N.I. 1921a. K s"ezdu proletkul'ta [Toward the Congress of the Proletkult]. Pravda. 22.11.1921: 1–2.
- Bukharin N.I. 1921b. «Kollektivisticheskoe» likvidatorstvo [«Collectivist» Liquidationism]. Pravda. 13.12.1921: 1.
- Gorbunov V. 1974. Lenin i Proletkul't [Lenin and the Proletkult]. M., Politizdat. 239.
- KPSS v rezoljucijah i reshenijah sezдов, konferencij i Plenumov CK (1898–1988). 9-e izd. T. 2: 1917–1922. M., Politizdat, 1983: 336–337.
- Lavzhoy A. 2001. Velikaya tsep' bytiya: Istoriya idei / Per. s angl. V. Sofronova-Antomoni. M., Dom intellektual'noy knigi. 376 (Lovejoy, Arthur O. (1960) [1936]. The Great Chain of Being: A Study of the History of an Idea. Harper).
- Lenin V.I. 1974a. Zapiska V.M. Molotovu [Note to V.M. Molotov]. In: Lenin V.I. Poln. sobr. soch. T. 54. M., Politizdat: 23.
- Lenin V.I. 1974b. Pis'mo chlenam Politbyuro TsK RKP(b) [Letter to the members of the Politburo of the RCP(b)]. In: Lenin V.I. Poln. sobr. soch. T. 44. M., Politizdat: 266.
- Morozova A.Yu. 2020. «Neleninskiy bol'shevizm» A.A. Bogdanova i «vperedovtsev»: idei, al'ternativy, praktika [«Non-Leninist Bolshevism» of A.A. Bogdanov and the «Peredovites»: ideas, alternatives, and practice]. M.; SPb., «Nestor-Istoriya». 512.
- «My marksisty toj shkoly, idejnym vozhdem kotoroj javljaetsja Bogdanov». Platforma gruppy chlenov RKP(b) «My – kollektivisty». 1921 g. Publ. A.Ju. Morozovoj. Istoricheskij arhiv. 2021. 2: 115–137.

- Nikolai F. 2016. Intellektual'naya istoriya segodnya: nostal'giya po mezhdistsiplinarnomu transferu, eklektika i problemy teorii [Intellectual history today: nostalgia for interdisciplinary transfer, eclecticism and problems of theory]. Zhurnal'nyy klub Intelros. NLO. 139. URL.: <http://www.intelros.ru/readroom/nlo/139-2016/30458-intellektualnaya-istoriya-segodnya-nostalgiya-po-mezhdisciplinarnomu-transferu-eklektika-i-problemy-teorii.html> (accessed at: 10.12.2021).
- Pirani S. 2013. Russkaya revolyutsiya v otstupenii / Per. s angl. M., Novyy khronograf. 480 (Pirani S. 2008. The Russian Revolution in Retreat, 1920–24: Soviet workers and the new communist elite. Routledge, 312).
- Primechaniya [Notes]. In.: Lenin V.I. Poln. sobr. soch. T. 54. M., Politizdat: 516–736.
- Pokrovskiy M.N. 1992. M.N. Pokrovskiy o V.I. Lenine. Stenogramma vystupleniya v Institute krasnoy professury 1 fevralya 1924 g. [M.N. Pokrovsky on V.I. Lenin. Transcript of a speech at the Institute of Red Professors on February 1, 1924]. Otechestvennyye arkhivy. № 3: 97–104.
- Remizov A.M. 2000. Iveren' [Iveren]. In: Remizov A.M. Sobr. soch. v 10 t. T. 8. M., Russkaya kniga: 265–512.
- Sherrer Yu. 1981. Bogdanov i Lenin: Bol'shevizm na rasput'e [Bogdanov and Lenin: Bolshevism at the Crossroads]. In: Istoriya marksizma. T. 2. Marksizm v epokhu II Internatsionala. Vyp. 2 / Per. s ital. M., Izd-vo «Progress»: 63–116.
- Mally L. 1990. Culture of the Future: The Proletkult Movement in Revolutionary Russia. Berkeley, CA: University of California Press, 306.
- Sochor Z. 1988. Revolution and Culture: The Bogdanov – Lenin Controversy. Ithaca and London, 271.
- White James D. 2018. Red Hamlet: the life and ideas of Alexander Bogdanov. Leiden; Boston: Brill, 494.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Морозова Алла Юрьевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Центр «История России XIX – начала XX в.», Институт российской истории РАН, г. Москва, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alla Yu. Morozova, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of the Center «History of Russia of the XIX – early XX century», Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

УДК-947.085(476)

DOI 10.52575/2687-0967-2022-49-1-175-185

Агитационно-пропагандистское обеспечение вербовки женщин на принудительную работу в Германию с оккупированной территории Белорусской ССР в 1941–1943 гг.

Agitation and propaganda support for the recruitment of women for forced labor in Germany from the occupied territory of the Byelorussian SSR in 1941–1943

Е.А. Пушкаренко

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: pushkarenko-elena@mail.ru

Аннотация. В статье исследуется вопрос агитационно-пропагандистского обеспечения вербовки женщин на принудительную работу в Германию с оккупированной территории Белорусской ССР в 1941–1943 гг. (на материалах Генерального округа Беларусь). Цель работы: проанализировать содержание немецкой пропаганды для женщин, выявить ее цели, определить эффективность, сравнить ее с реальной политикой оккупационных властей. Исследование проведено на основе материалов пропаганды и нормативных актов немецких оккупационных властей. Автор считает, что актуализация в немецкой пропаганде «женского вопроса» не принесла оккупационным властям ожидаемых результатов. Факторами, существенно снижающими эффективность пропаганды и агитации, стали методы борьбы с партизанами, практикуемые силами СС и СД, карательные экспедиции против мирного населения в зонах действия партизан, насильственный характер мобилизации на работу в Германию, очевидное расхождение между содержанием пропаганды и реалиями оккупационной жизни.

Ключевые слова: немецкая пропаганда, гендерный аспект, вербовки, Великая Отечественная война, оккупационная политика, Генеральный округ Беларусь, В. Кубе, феномен белорусского женского коллаборационизма

Для цитирования: Пушкаренко Е.А. 2022. Агитационно-пропагандистское обеспечение вербовки женщин на принудительную работу в Германию с оккупированной территории Белорусской ССР в 1941–1943 гг. *Via in tempore. История. Политология.* 49 (1): 175–185. DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-1-175-185

Agitation and propaganda support for the recruitment of women for forced labor in Germany from the occupied territory of the Byelorussian SSR in 1941-1943.

Elena A. Pushkarenko

Belgorod National Research University,
85 Pobeda St., Belgorod 308015, Russia
E-mail: pushkarenko-elena@mail.ru

Abstract. The article examines the issue of agitation and propaganda support for the recruitment of women for forced labor in Germany from the occupied territory of the Belarusian SSR in 1941–1943. The research based on the materials of the General District of Belarus. The purposes of the work are to

analyze the content of German propaganda for women, to identify its goals, to determine its effectiveness, to compare it with the real policy of the occupation authorities. The study was conducted on the basis of propaganda materials and regulations of the German occupation authorities. The main sources of the work were the documents of the National Archive of the Republic of Belarus, as well as a number of scientific studies. The author believes that the actualization of the «women's issue» in German propaganda did not bring the expected results to the occupation authorities: both participation in so-called public organizations (collaborationist) and the nature of recruitment actions were overwhelmingly forced. The factors that significantly reduce the effectiveness of propaganda and agitation were the methods of combating partisans (bush-fighters) practiced by the SS and SD forces, punitive expeditions against civilians in the partisan zones, the violent nature of mobilization to work in Germany, the obvious discrepancy between the content of propaganda and the realities of occupation life.

Keywords: German propaganda, gender aspect, recruitment, the Great Patriotic War, occupation policy, the General District of Belarus, V. Kube, the phenomenon of Belarusian women's collaboration

For citation: Pushkarenko E.A. 2022. Agitation and propaganda support for the recruitment of women for forced labor in Germany from the occupied territory of the Byelorussian SSR in 1941–1943. *Via in tempore. History and political science.* 49 (1): 175–185 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-1-175-185

Введение

В настоящее время человеческая цивилизация сталкивается с различными вызовами, одним из которых является проблема гендерной самоидентификации. Попытки изменить представления социума о половой принадлежности неизбежно влекут за собой трансформацию гендерных ролей и статусов. Вышеназванный вопрос имеет достаточно глубокие исторические корни и отнюдь не является новейшим феноменом. Гендер как фактор социального статуса и определенной ментальности учитывался нацистским руководством в годы Второй мировой войны. Пропагандисты «Третьего рейха» попытались сломать стереотипы традиционного немецкого общества. Официальная пропаганда поощряла рождение детей даже вне брака, главным условием было «арийское» происхождение родителей. В медиапространстве нацистской Германии циркулировали две гендерные установки: рожать детей как можно больше и что у детей могут быть разные отцы. Актуализация «женского вопроса» была также характерна для немецкой пропаганды на территории оккупированных европейских стран, в том числе СССР. Немецкие пропагандисты учитывали гендер как фактор социального статуса, социальной психологии, особого менталитета и социального поведения в ходе вербовочных кампаний и агитационно-пропагандистских акций.

Активное исследование феномена гендера как фактора пропагандистской деятельности нацистов в Германии и на оккупированной территории европейских стран и СССР началось сравнительно недавно. Например, российский историк А.М. Ермаков проанализировал характер распределения гендерных ролей в нацистской Германии, указав, что социальная роль германских женщин была сведена исключительно к рождению детей [Ермаков, 2010, с. 65–71].

Исследователь М.Д. Билалутдинов изучил содержание публичных выступлений и публикаций министра пропаганды Й. Геббельса, в которых шла речь о роли и месте женщины в нацистском государстве [Билалутдинов, 2007, с. 71–74].

Австрийская исследовательница А.М. Зигмунд провела анализ биографий известных женщин «Третьего рейха», определив их социальные роли и статусы, особенности социального роста в условиях германского социума 1930-х гг. [Зигмунд, 2000].

Белорусский историк И.В. Николаева провела исследование формирования образа женщины в оккупационной периодической печати на территории Беларуси в 1941–1944 гг. [Николаева, 2018, с. 323–325].

Отдельные стороны вышеназванной проблемы уже получили освещение в работах автора ранее [Пушкаренко, Шамрина, 2020, с. 133–137]. Автор осуществила анализ содержания материалов пропаганды для женщин на территории оккупированной Советской Белоруссии. Было отмечено, в частности, что в немецкой пропаганде «гендерный аспект проявлялся во всем: и в учреждении так называемых «женских» организаций, и в содержании агитационных материалов, и в официальных обращениях к местному населению» [Пушкаренко, Шамрина, 2020, с. 133].

В данном исследовании проведен анализ материалов пропаганды для женщин и оккупационной политики в отношении женщин на территории Генерального округа Беларусь. Последний занимал около четверти довоенной территории БССР и включал в основном западные и часть центральных районов. Округ был учрежден 17.07.1941 г. и входил в состав рейхскомиссариата Остланд. Главой округа был Генеральный комиссар (с 01.09.1941 по 22.09.1943 – В. Кубе и с 23.09.1943 по 06.1944 – К. фон Готтберг соответственно). Административно округ делился на 10 «гебитов» во главе с «гебитскомиссарами».

Объект и методы исследования

Объектом исследования стала немецкая пропаганда для женщин и оккупационная политика в отношении женщин на территории Генерального округа Беларусь. Методы исследования: анализ, синтез, сравнение. В частности, были проанализированы материалы агитационно-пропагандистского содержания для белорусских женщин-остарбайтеров, а также содержание нормативных актов-приказов, циркуляров, распоряжений немецкой администрации округа, министерства Остланд и «имперских» властей «Третьего рейха». Особым объектом анализа стал феномен белорусского женского коллаборационизма и пропагандистские материалы белорусских коллаборационистов для женщин. В ходе исследования было проведено сравнение содержания пропагандистских материалов, адресованных женской аудитории, и реального положения белорусских женщин-остарбайтеров в нацистской Германии, их правового статуса и социальных прав. Результаты исследования были обобщены и подготовлены к публикации. Цель работы: проанализировать и сравнить содержание немецкой пропаганды для женщин и реальной политики немецких оккупационных властей в отношении женского населения, выявить тематические направления пропаганды, в которых учитывался гендерный фактор, определить цели пропаганды и ее эффективность.

Результаты и их обсуждение

Уже первые публичные обращения немецких властей к населению Генерального округа Беларусь были построены с учетом гендерных характеристик. Это были не усредненные обращения, принятые в советском официально-деловом этикете, такие как «товарищи» или «граждане», а «белорусы и белоруски» [Шлоотц, 1996, с. 33], «работники и работницы» [НАРБ. Ф. 3500. Оп. 2. Д. 3. Л. 46], «юноши и девушки», «уважаемые подруги и друзья» [Беларуская газета. 24.05.1944]. В одной из статей в оккупационном издании читаем: «Мужчины и женщины, юноши и девушки, отправляйтесь в прекрасную Германию!» [На работу в Германию // Новый путь. 06.12.1942]. Такая дифференциация гендера резко контрастировала с прежними унифицированными советскими обращениями, которые, как правило, не отражали поло-возрастную принадлежность адресата. В целом это служило дополнительным психологическим фактором верификации преподносимой оккупационными властями информации.

Адресные обращения к женской аудитории были характерны в основном для двух тематических направлений пропаганды. Первое из них было ориентировано на потенциальных остарбайтеров и являлось своего рода вербальным стимулом мобилизации белорусских работниц на предприятия «рейха». Идеализированный образ т. н. «Новой Евро-

пы» должен был привлечь рабочие руки с Востока и восполнить кадровый резерв в военной промышленности Германии. Второе тематическое направление – антисоветское – было тесно взаимосвязано с первым и включало социальную рекламу трудовых отношений и социальных гарантий в нацистской Германии, с одной стороны, и критику советской модели взаимодействия в сфере производства, оплаты труда и решения социальных вопросов, с другой стороны. Население оккупированной Советской Белоруссии пытались убедить, что именно Германия является страной истинного социализма, где каждого честного труженика ждет достойное место. «Белорусы и белоруски! Германия – самая социалистическая страна в мире – должна вместе с пробудившимися народами спасти Европу от чумы большевизма», – являлось стандартным обращением в агитационных кампаниях по проведению вербовок [Шлоотц, 1996, с. 57]. «Памятка для восточных рабочих» от 01.04.1942 года также начиналась с дифференцированного гендерного обращения «Рабочие! Работницы!». В документе подчеркивалось, что вермахт «освободил» население Востока «от террора Сталина и большевистско-еврейских комиссаров», а национал-социалистическое правительство дает им гарантии по трудоустройству в Германии, где они получают «порядочное, справедливое и человеческое обращение» [Белорусские остарбайтеры, 1996, с. 85].

Примером второго тематического направления, основанного на принципе социальной рекламы, является обращение командующего тылом группы армий «Центр» М. Шенкендорфа, в котором аудитория также различалась по гендерному признаку. «Мужчины и женщины освобожденных от большевизма территорий!» – начинался текст документа. В обращении Шенкендорфа присутствуют самые различные аспекты – и гендерный, и социально-политический, и культурно-исторический, – что в совокупности свидетельствует о большом значении, которое придавали оккупационные немецкие власти пропаганде и агитации. В документе акцентировалось внимание на перспективах культурного развития, возможности знакомств с интересными людьми и даже путешествий в случае, если молодые работоспособные белорусы и белоруски сделают свой выбор в пользу Германии. Утверждалось, что «работа в Германии откроет перед Вами ворота высококультурной страны», а также «основы упорядоченной и счастливой жизни» [НАРБ. Ф. 411. Оп. 1. Д. 6. Л. 17].

Немецкая пропаганда в основном использовала два типа аргументов для женского населения округа. Они учитывали психологию, социальные и культурные обстоятельства жизни женщин, ряд исторических особенностей формирования менталитета. В частности, первый апеллировал к чувствам женщины-матери, эксплуатируя образ жизни женщины в традиционном социуме (дом, дети, забота о домочадцах) и противопоставляя ему образ советской эмансипированной женщины. Немецкие пропагандисты говорили о превращении советской женщины в рабочий механизм, что стало результатом прихоти советских руководителей, что борьба за равенство с мужчинами обернулась непомерной и жестокой эксплуатацией женского труда и потенциальной угрозой стать невинной жертвой политических репрессий. Утверждалось, что советская женщина лишена радости материнства, будучи обреченной трудиться на производстве или в колхозе; она не может самостоятельно воспитывать своих детей, заботиться о доме. С другой стороны, пропаганда стремилась создать некий идеальный образ немецкой женщины-матери, труд которой хотя и используется на благо воюющего «фрэйха», однако национал-социалистическое правительство Германии не забывает о том, что каждая германская женщина должна быть окружена его заботой и вниманием. Типичными в этой связи были радиопрограммы и газетные статьи под названием «Женщина в Германии и СССР», в которых проводилось сравнение социального и правового статуса советских и немецких женщин [НАРБ. Ф. 411. Оп. 1. Д. 52. Л. 42]. В целом вопросам защиты материнства и дет-

ства в Германии, сохранения семейных ценностей, улучшения правового статуса немецкой женщины в материалах пропаганды уделялось особое внимание.

Вторая группа аргументов исходила из вполне естественного человеческого желания жить лучше, повысить свой социальный статус и уровень культуры и образования. В соответствии с этим подходом традиционная немецкая семья и социально-правовые условия жизни и труда в нацистской Германии объявлялись эталоном для «освобожденных» женщин Востока. Этот тип аргументов был построен на стремлении женщин жить и работать в достойных условиях, которые позволяют совмещать традиционные женские роли и статусы с необходимостью работать. Утверждалось, что жизнь и работа на предприятиях и в частных хозяйствах «рейха» непосредственно соответствуют этому идеалу. Подобная социальная реклама должна была служить мобилизующим фактором в ходе вербовочных кампаний. Распространенным пропагандистским ходом в данном случае было цитирование в газетных публикациях и радиопередачах выдержек из писем женщин «остарбайтеров». Как правило, они рассказывали о преимуществах жизни в «Новой Европе», о системе социальных льгот и гарантий, действующих для восточных работниц в Германии.

При этом оккупационные власти использовали самые различные формы и средства идеологического воздействия на женскую аудиторию. Важнейшим из них стала периодическая печать. Как отмечает белорусская исследовательница Николаева И.В., в оккупационной периодике присутствовали особые рубрики под названием «Страница для женщин» или «Листок для женщин» [Николаева, 2018, с. 324]. На территории оккупированной Советской Белоруссии выходили специальные женские издания – «Женский листок» и «Для женщин». Следует отметить, что указанные периодические издания выходили за пределами Генерального округа Беларусь, в тыловой зоне группы армий «Центр». А оккупационные газеты, например, «Новый путь», «Беларуская газета», выходившие под патронатом администрации Кубе, также публиковали материалы по «женскому вопросу» и распространялись на территории округа.

Кроме того, В. Кубе инициировал создание в округе специальных «женских» организаций. Это были «Объединение белорусских женщин» и «Всебелорусский женский комитет», как отмечала автор ранее [Пушкаренко, Шамрина, 2020, с. 134], [НАРБ. Ф. 384. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–2]. Само их наличие должно было служить доказательством особого внимания немецкой администрации к нуждам и чаяниям белорусских женщин, неким институциональным выразителем их интересов, свидетельством серьезности и правдивости заявляемых пропагандой намерений немецкой администрации в области решения «женского вопроса». Даже Союз белорусской молодежи (СБМ), одна из молодежных коллаборационистских организаций, во многом представлявшая собой кальку с «гитлерьюгенда», делился по половому признаку. В «союзе» существовало два отделения – для юношей и девушек, каждое из которых специализировалось с учетом возрастных, гендерных, образовательных, национальных и прочих характеристик своих членов. Характерно, что глава «женского» отдела СБМ врач Н. Абрамова занимала видное место в деятельности т. н. «белорусского актива»: регулярно выступала с публикациями в оккупационных изданиях, выступала с лекциями [Мигунова, 1998, с. 81], [Романько, 2013, с. 120]. Ее активная публичная деятельность в области национальной, молодежной и «женской» политики служила своего рода доказательством возможностей для профессионального и творческого самовыражения и участия в общественной жизни, которые предоставляет немецкая администрация белорускам. Целями работы «женских» отделов СБМ были определены «воспитание женщины-матери и женщины-националистки», а также «подготовка специалистов в различных сферах деятельности в соответствии с физическими и моральными качествами женщины» [НАРБ. Ф. 381. Оп. 2. Д. 3. Л. 5].

Во многом аналогичную пропагандистскую роль играла и известная белорусская поэтесса Наталья Арсеньева. Она выступала в образе национальной белорусской писательницы-поэтессы, автора известных поэтических произведений, публиковавшихся в «Белорусской газете». Арсеньева, будучи по национальности русской, писала на белорусском языке, проявила себя как талантливая и самообытная поэтесса, которая оставила яркий след в развитии белорусской культуры военного периода. Ее произведения публиковались и в издании Союза белорусской молодежи «Жыве Беларусь!» [Лыч, 2011, с. 139]. Во многом ее стихи были глубоко патриотичны, и можно только сожалеть, что годы наиболее яркого литературного творчества Арсеньевой пришлось на суровое время войны. А известное стихотворение Н. Арсеньевой «Молитва» стало в 90-е годы прошлого века одним из символов национального возрождения Беларуси.

Обе фигуры – Н. Абрамовой и Н. Арсеньевой – были весьма популярны в культурном и информационном пространстве округа и играли ведущую роль в пропаганде идеологии «белорусизации», инициированной В. Кубе. Фактически и Абрамова, и Арсеньева входили в число высших деятелей в ареопаге т. н. «белорусского актива» и являли собой пример белорусского женского коллаборационизма.

Вышеназванные «женские» и молодежные объединения активно участвовали в пропаганде, культурной и образовательной политике администрации Кубе. Помимо идеологического влияния, они должны были содействовать проведению вербовочных кампаний и выполнению тем самым планов поставок остарбайтеров, возложенных на руководство округа. Именно белорусские женщины должны были восполнить нехватку рабочих рук в военной промышленности и в частных хозяйствах нацистской Германии. Источником этих кадровых резервов стали молодые белоруски в возрасте от 15 до 35 лет. Распоряжение генерального уполномоченного по труду Ф. Заукеля от 8 сентября 1942 г. предписывало отправить в Германию до 400 тыс. «помощниц по хозяйству», в том числе 250 тысяч женщин должны были «поставить» рейхскомиссариаты Остланд и Украина [Herbert, 1985, s. 175–177].

Уже первой вербовочной кампании, проходившей в декабре 1941 г., предшествовала пропагандистская акция. Прошли устные и радиовыступления пропагандистов об условиях жизни и труда в Германии, были оборудованы фотовитрины, организовано издание пропагандистских материалов, проведение экскурсий и поездок в Германию [«Ostarbeiter» – «Остарбайтеры», 2003, с. 9]. Для активизации вербовочных акций Вильгельм Кубе привлек белорусских коллаборационистов. Он обратился к главе Белорусской народной самопомощи (БНС) И. Ермаченко с требованием подключить БНС к пропагандистской работе среди женщин. Кубе отметил, что «белорусская деревня переполнена нигде не работающими молодыми девушками и женщинами» [«Ostarbeiter» – «Остарбайтеры», 2003, с. 13].

При этом содержание пропаганды резко контрастировало с реалиями оккупационной политики. В приказах и циркулярах оккупационных властей в отношении женщин допускались выражения о «жесткой селекции», словно речь шла о домашнем скоте, часть из которого следовало выбраковывать. В требованиях к потенциальным домработницам особая роль отводилась их внешним данным, чтобы они максимально соответствовали типу немецкой женщины.

В циркуляре Гимmlера относительно порядка проведения вербовок говорилось, что необходимо дифференцированно относиться к приезжим работницам и проводить их расовый отбор еще до отправки в «рейх». Отбор представлял собой «жесткую селекцию» по внешнему виду и расовым признакам. Подчеркивалось, что если в домашнем хозяйстве имеются работницы-немки, то их следует выделять, а с приезжими обращаться свысока, чтобы между ними не возникло «чувство солидарности» [Белорусские остарбайтеры, 1996, с. 165–168].

В практике мобилизации белорусских женщин использовались и методы прямого принуждения, когда подходивший по возрастным и прочим параметрам «контингент»

насильственно вывозили в Германию. Кроме всего прочего, это стало одним из способов решения «бандитской» угрозы, т. е. борьбы с партизанами. Принудительной отправке подлежали работоспособные женщины от 15 до 60 лет, в том числе женщины с детьми в возрасте старше 10 лет [НАРБ. Ф. 3500. Оп. 2. Д. 37. Л. 203]. Очевидно, что подобные методы вербовки вызывали только страх и неприятие по отношению к немецким властям, в результате чего всякая пропаганда становилась непродуктивной.

На противоречие между содержанием пропаганды и реальной практикой проведения вербовок указывал глава БНС И. Ермаченко. Он представил В. Кубе аналитическую записку «О положении белорусского народа», в которой рассуждал об имеющемся человеческом потенциале Беларуси, доселе не задействованном в ходе мобилизаций. В записке указывалось на то, что белорусская земля располагает еще достаточными человеческими резервами, которые можно было бы использовать на благо «рейха». Кроме того, Ермаченко отмечал негативные последствия жестокого обращения с «восточными» работниками для пропаганды [НАРБ. Ф. 908. Оп. 1. Д. 5. Л. 21–39].

На недостатки вербовочных акций указывал и старший пропагандист Центрального бюро профсоюзов Беларуси С. Колядко. Он, в частности, рекомендовал зарегистрировать на бирже труда всех домохозяек, имеющих на воспитании детей в возрасте до 5 лет, и освободить их в пропагандистских целях от отправки на работу в Германию. Колядко считал, что подобный шаг станет свидетельством заботы о женщинах и детях и нанесет сокрушительный удар по советской пропаганде [НАРБ. Ф. 555. Оп. 1. Д. 1. Л. 4–7].

Применение насильственных методов мобилизации, угроз и запугиваний крайне негативно отражалось на результатах пропагандистских кампаний, инициированных Кубе. Генеральный комиссар резко реагировал на рапорты своих подчиненных, в которых сообщалось об отрицательных последствиях для идеологической работы действий сил СС и полиции. Кубе, будучи приверженцем «мягкой силы», основную ставку в обеспечении поставок рабсилы сделал на пропаганду. Своим подчиненным Генеральный комиссар Беларуси неоднократно указывал на недостатки в работе, в особенности на недопустимость угроз и применения силы. Например, в письме Кубе окружным комиссарам от 11.08.1943 г. говорится о недопустимости использования угроз и насилия по отношению к работникам, так как это имеет крайне негативные политические последствия [НАРБ. Ф. 391. Оп. 1. Д. 85. Л. 12].

В ходе одного из совещаний в Генеральном комиссариате, посвященном вопросам вербовочных акций, начальник отдела труда и социальной политики Генерального комиссариата Фройденберг констатировал значительное отставание Генерального округа в наборе остарбайтеров [Белорусские остарбайтеры, 1997, с. 206], [Gerlach, 2014, s. 876]. Здесь же вскрылись и причины отставания округа в вербовке рабочей силы. Как выяснилось, руководители многих предприятий попросту угрожали людям отправкой в Германию за плохую работу [«Ostarbeiter» – «Остарбайтеры», 2003, с. 19]. Реакцией Кубе стали слова о том, что Германия не должна ассоциироваться с исправительной колонией. Однако его предупреждение не возымело действия. Практика насильственного захвата людей продолжилась, свидетельством чему стало письмо «главного руководителя девушек» при штабе Союза белорусской молодежи к своей подчиненной от 30.06.1944 г. В нем с возмущением указывалось на недопустимость применения угроз отправки в Германию в адрес «непослушных». Предписывалось обращать внимание девушек на перспективы жизни и труда в Германии, а в идеологической работе опираться на личный авторитет, а не угрозы и запугивания [НАРБ. Ф. 385. Оп. 2. Д. 51. Л. 5–7].

Невозможность выполнения планов поставок заставила Кубе выступить против навязанных цифр. На проходившем в середине июля 1943 г. совещании по вопросу набора остарбайтеров он обратил внимание Заукеля на то, что планы поставок невыполнимы в силу объективных причин. В их числе он назвал и деятельность партизан, и явное сопротивление населения политике оккупационных властей. Кубе выступил с предложением

сокращения для Генерального округа Беларусь квоты поставок. Процентное распределение норм поставок рабочей силы между генеральными округами Остланда Кубе назвал «несправедливым». Он посетовал на то, что для округа Беларусь из министерства «спускают» завышенные цифры, чтобы таким образом компенсировать недопоставку рабочей силы другими округами Остланда. Он указал на тот факт, что подчиненная ему территория сильно пострадала в демографическом плане вследствие проведенной накануне войны мобилизации, а также в результате боевых действий. Кубе подчеркнул, что соотношение населения явно деформировано и составляет 61 % женщин и 39 % мужчин соответственно, при этом значительная часть мужского населения пополняет ряды партизан [НАРБ. Ф. 385. Оп. 2. Д. 3. Л. 156–158].

Оценивая эффективность пропагандистской деятельности, немецкие источники уже в конце 1942 г. указывали на целый ряд просчетов в организации вербовок. В их числе были названы нарушения в доставке личных писем восточных работников на родину: они либо приходили с большим опозданием, либо имели следы перлюстраций. Указывалось, что это вызывает «опасное беспокойство среди населения» и «отрицательно воздействует на политические настроения» [НАРБ. Ф. 385. Оп. 2. Д. 3. Л. 67–69].

Кроме того, невыполнение планов поставок рабочей силы списывалось на «существующую бандитскую опасность», т. е. на деятельность партизан. Констатировалось, что «акция по мобилизации домработниц ... имела малый успех». Из предписанного квотой числа в 30 000 домработниц к концу ноября 1942 г. было отправлено в «рейх» только 100 белорусок [НАРБ. Ф. 4683. Оп. 3. Д. 947. Л. 245–247].

Негативно отражались на эффективности пропаганды и результатах вербовочных акций методы мобилизации рабочей силы. На совещании «гебитскомиссаров» в апреле 1943 г. Кубе отметил, что в работе вербовочных комиссий были допущены «коренные ошибки», в числе которых он назвал «охоту» на мирных граждан и их принудительную отправку в Германию. Генеральный комиссар заметил: «Если мы хотим остаться на этой территории и расширить ее границы до Смоленска, мы должны нести ответственность за соблюдение законов политической порядочности и что-то давать населению. Такими действиями мы совершаем регресс в культуре и цивилизации. Народ должен видеть, что мы лучше, чем большевики. Большевизм во многих делах запятнал себя кровью, но он обещал населению прогресс по сравнению с царским режимом» [НАРБ. Ф. 370. Оп. 1. Д. 1395. Л. 23, 99].

Заключение

Таким образом, актуализация в немецкой пропаганде «женского вопроса» не принесла оккупационным властям ожидаемых результатов. С одной стороны, в организации агитационно-пропагандистской работы немецкой администрации были существенные просчеты. Потенциальных оstarбайтеров, вопреки содержанию агитационных материалов, зачастую просто запугивали перспективой отправки в Германию. С другой стороны, содержание пропаганды резко контрастировало с методами вербовок. Отмечались многочисленные случаи «охоты» на людей и их принудительный вывоз в Германию. В нормативных актах оккупационных властей в отношении женщин допускались выражения о «жесткой селекции», фактически производился отбор «человеческого материала» с учетом различных антропометрических данных. Как признавал глава немецкой гражданской администрации округа В. Кубе, применение насильственных методов мобилизации и угроз крайне негативно отражалось на результатах пропагандистских кампаний, в целом имело отрицательные политические последствия. В. Кубе инициировал создание в округе специальных «женских» организаций – «Объединения белорусских женщин» и «Всебелорусского женского комитета», которые должны были выступать в качестве дополнительного идеологического средства в процессе отбора и отправки белорусских женщин на ра-

боту в Германию. Однако расхождение между обещаниями о красивой и успешной жизни в «Новой Европе» и методами трудовой мобилизации женщин существенно девальвировало результативность немецкого идейно-политического влияния. Помимо этого, факторами, существенно снижающими эффективность оккупационной пропаганды и агитации, стали методы борьбы с партизанами, практикуемые силами СС и СД, карательные экспедиции против мирного гражданского населения в зонах действия партизан и, как следствие, рост партизанского движения.

Список литературы

- Беларуская газета. 1944. 24 траўня.
- Белорусские оstarбайтеры. Угон населения Беларуси на принудительные работы в Германию (1941–1944): Документы и материалы. 1996. В 2 кн. Кн. 1 (1941–1942). Сост. Г.Д. Кнатько, В.И. Адамушко и др. Минск, НАРБ, 304.
- Белорусские оstarбайтеры. Угон населения Беларуси на принудительные работы в Германию (1941–1944): Документы и материалы. 1997. В 2 кн. Кн. 2 (1943–1944) / Сост. Г.Д. Кнатько, В.И. Адамушко и др. Минск, НАРБ, 472.
- Билалутдинов М.Д. 2007. Й.П. Геббельс о роли и месте женщины в национал-социалистическом обществе и государстве: Вестник Томского государственного университета, 305: 71–74.
- Ермаков А.М. 2010. Распределение гендерных ролей в Третьем рейхе в пропаганде Йозефа Геббельса: Ярославский педагогический вестник, 4, Том I (Гуманитарные науки): 65–71.
- Зигмунд А.М. 2000. Женщины нацистов. Москва, Ладомир, 226.
- Лыч Л.М. 2011. Нацыянальна-культурнае жыццё на Беларусі ў часы вайны (1941–1944 гг.). Вільня, Наша Будучыня, 332.
- Мігунова А.А. 1998. Прапагандысцкая дзейнасць Саюза беларускай моладзі у 1943–1944 гг.: Весці беларускага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта, Мінск, БДПУ, 3: 8–85.
- Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 370 (Генеральный Комиссариат Белоруссии (ГКБ), г. Минск). Оп. 1. Д. 304.
- НАРБ. Ф. 370. Оп. 1. Д. 1395.
- НАРБ. Ф. 411 (Отдел пропаганды при Верховном командовании группы армий «Центр», г. Смоленск). Оп. 1. Д. 52.
- НАРБ. Ф. 381 (Белорусская центральная рада (БЦР), г. Минск). Оп. 2. Д. 3.
- НАРБ. Ф. 384 (Центральное управление Белорусской самопомощи (БСП), г. Минск). Оп. 1. Д. 2.
- НАРБ. Ф. 385 (Руководящий штаб Союза белорусской молодежи (СБМ), г. Минск). Оп. 2. Д. 3.
- НАРБ. Ф. 385. Оп. 2. Д. 3.
- НАРБ. Ф. 385. Оп. 2. Д. 51.
- НАРБ. Ф. 391 (Борисовский окружной комиссариат, г. Борисов). Оп. 1. Д. 85.
- НАРБ. Ф. 411. Оп. 1. Д. 6.
- НАРБ. Ф. 555 (Центральное бюро профессиональных союзов (профсоюзов) Белоруссии, г. Минск). Оп. 1. Д. 1.
- НАРБ. Ф. 908 (Ермаченко Иван Абрамович). Оп. 1. Д. 5.
- НАРБ. Ф. 3500. Оп. 2. Д. 3.
- НАРБ. Ф. 3500 (Белорусский штаб партизанского движения). Оп. 2. Д. 37.
- НАРБ. Ф. 4683 (Институт историко-политических исследований, г. Минск). Оп. 3. Д. 947.
- На работу в Германию. Новый путь. 06.12.1942.
- Николаева И.В. 2018. Образ женщины в оккупационной периодической печати на территории Беларуси (1941–1944 гг.): Наука – образованию, производству, экономике: материалы XXIII Региональной научно-практической конференции преподавателей, научных сотрудников и аспирантов: в 2-х томах. Витебск: Витебский государственный университет им. П.М. Машерова: 323–325.
- Пушкаренко Е.А., Шамрина Е.А. 2020. Гендерный аспект немецкой пропаганды на оккупированной советской территории (на материалах Генерального округа Беларусь): Известия Воронежского государственного педагогического университета, 3: 133–137. URL: https://doi.org/10.47438/2309-7078_2020_3_133.

- Романько О.В. 2013. Белорусские коллаборационисты: сотрудничество с оккупантами на территории Белоруссии, 1941–1945. Москва, Центрполиграф, 478.
- Шлоотц І. 1996. Нямецкая прапаганда на Беларусі 1941–1944. Канфрантацыя паміж прапагандай і рэчаіснасцю. Выстаўка у Берліне і Мінску. Берлін: Свабодны ўніверсітэт Берлін, 80.
- Gerlach C. 2014. Kalkulierte Morde. Die deutsche Wirtschafts- und Vernichtungspolitik in Weißrußland 1941 bis 1945, Hamburg: Hamburger Edition, 1232.
- Herbert U. 1985. Fremdarbeiter. Politik und Praxis des «Ausländereinsatzes» in der Kriegswirtschaft des Dritten Reichs. Berlin, 265 s.
- «Ostarbeiter» – «Остарбайтеры». 2003. Weißrussische Zwangsarbeiter in Österreich Dokumente und Materialien. Принудительный труд белорусского населения в Австрии Документы и материалы. Veröffentlichungen des Ludwig Boltzmann-Instituts für Kriegsfolgen-Forschung, Graz, Sonderband 2 Graz – Minsk, 331.

References

- Belaruskaja gazjeta. 1944. 24 traŭnja.
- Belorusskie ostarbajtery. Ugon naselenija Belarusi na prinuditel'nye raboty v Germaniju (1941–1944): Dokumenty i materialy [Belarusian ostarbeiters. Hijacking of the population of Belarus for forced labor in Germany (1941–1944): Documents and materials]. 1996. V 2 kn. Kn. 1 (1941–1942). Sost. G.D. Knat'ko, V.I. Adamushko i dr. Minsk, NARB, 304.
- Belorusskie ostarbajtery. Ugon naselenija Belarusi na prinuditel'nye raboty v Germaniju (1941–1944): Dokumenty i materialy [Belarusian ostarbeiters. Hijacking of the population of Belarus for forced labor in Germany (1941–1944): Documents and materials] 1997. V 2 kn. Kn. 2 (1943–1944). Sost. G.D. Knat'ko, V.I. Adamushko i dr. Minsk, NARB, 472.
- Bilalutdinov M.D. 2007. J.P. Gebbel's o roli i meste zhenshhiny v nacional-socialisticheskom obshhestve i gosudarstve [Goebbels on the role and place of women in National Socialist society and the state]: Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, 305: 71–74.
- Ermakov A.M. 2010. Raspredelenie gendernyh rolej v Tret'em rejhe v propagande Jozefa Gebbel'sa [Distribution of gender roles in the Third Reich in the propaganda of Joseph Goebbels]: Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik, 4, Tom I (Gumanitarnye nauki): 65–71.
- Zigmund A.M. 2000. Zhenshhiny nacistov [Nazi Women]. M., Ladomir, 226.
- Lych L.M. 2011. Nacyjanal'na-kul'turnae zhyccjo na Belarusi ŭ chasy vajny (1941–1944 gg.) [National and cultural life in Belarus during the war (1941–1944)]. Vil'nja: Nasha Buduchynja, 332.
- Migunova A.A. 1998. Prapagandysckaja dzejnasc' Sajuza belaruskaj moladzi u 1943–1944 gg. [Propaganda activities of the Union of Belarusian Youth in 1943–1944]: Vesci belaruskaga dzjarzhaŭnaga pedagogichnaga universitjeta, Minsk, BDPU, 3: 80–85.
- Nacional'nyj arhiv Respubliki Belarus' (NARB). F. 370 (General'nyj Komissariat Belorussii (GKB), g. Minsk). Op. 1. D. 304.
- NARB. F. 370. Op. 1. D. 1395.
- NARB. F. 411 (Otdel propagandy pri Verhovnom komandovanii grupy armij «Centr», g. Smolensk). Op. 1. D. 52.
- NARB. F. 381 (Belorusskaya central'naya rada (BCR), g. Minsk). Op. 2. D. 3.
- NARB. F. 384 (Central'noe upravlenie Belorusskoj samopomoshchi (BSP), g. Minsk). Op. 1. D. 2.
- NARB. F. 385 (Rukovodyashchij shtab Soyuz belorusskoj molodezhi (SBM), g. Minsk). Op. 2. D. 3.
- NARB. F. 385. Op. 2. D. 3.
- NARB. F. 385. Op. 2. D. 51.
- NARB. F. 391 (Borisovskij okružnoj komissariat, g. Borisov). Op. 1. D. 85.
- NARB. F. 411. Op. 1. D. 6.
- NARB. F. 555 (Central'noe byuro professional'nyh sojuzov (profsojuzov) Belorussii, g. Minsk). Op. 1. D. 1.
- NARB. F.908 (Ermachenko Ivan Abramovich). Op. 1. D. 5.
- NARB. F. 3500. Op. 2. D. 3.
- NARB. F. 3500 (Belorusskij shtab partizanskogo dvizheniya). Op. 2. D. 37.
- NARB. F. 4683 (Institut istoriko-politicheskikh issledovanij, g. Minsk). Op. 3. D. 947.
- Na rabotu v Germaniju. Novyj put'. 06.12.1942.

- Nikolaeva I.V. 2018. *Obraz zhenshhiny v okkupacionnoj periodicheskoj pechati na territorii Belarusi (1941–1944 gg.)* [The image of a woman in the occupation periodical press on the territory of Belarus (1941–1944)]: Nauka – obrazovaniju, proizvodstvu, jekonomike: materialy HSH Regional'noj nauchno-prakticheskoj konferencii prepodavatelej, nauchnyh sotrudnikov i aspirantov: v 2-h tomah. Vitebsk: Vitebskij gosudarstvennyj universitet im. P.M. Masherova: 323–325.
- Pushkarenko E.A., Shamrina E.A. 2020. *Gendernyj aspekt nemeckoj propagandy na okkupirovannoj sovsckoj territorii (na materialah General'nogo okruga Belarus')* [The gender aspect of German propaganda in the Occupied Soviet territory (based on the materials of the General District of Belarus)]: *Izvestija Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 3: 133–137. URL: https://doi.org/10.47438/2309-7078_2020_3_133.
- Roman'ko O.V. 2013. *Belorusskie kollaboracionisty: sotrudnichestvo s okkupantami na territorii Belorussii, 1941–1945* [Belarusian collaborators: cooperation with the occupiers on the territory of Belarus, 1941–1945]. Moskva: Centrpoligraf, 478.
- Shlootc I. 1996. *Njameckaja prapaganda na Belarusi 1941–1944. Kanfrantacyja pamizh prapagandaj i rjehaisnascju. Vystajka u Berline i Minsku* [German propaganda in Belarus 1941–1944 confrontation between propaganda and reality. Exhibition in Berlin and Minsk]. Berlin: Svobodny universitjet Berlin, 80.
- Gerlach S. 2014. *Kalkulirte Morde. Die deutsche Wirtschafts- und Vernichtungspolitik in Weißrußland 1941 bis 1945*, Hamburg: Hamburger Edition, 1232.
- Herbert U. 1985. *Fremdarbeiter. Politik und Praxis des «Ausländereinsatzes» in der Kriegswirtschaft des Dritten Reichs*. Berlin, 265 s.
- «Ostarbeiter» – «Ostarbajtery». 2003. *Weißrussische Zwangsarbeiter in Österreich Dokumente und Materialien. Prinuditel'nyj trud belorusskogo naselenija v Avstrii Dokumenty i materialy*. Veröffentlichungen des Ludwig Boltzmann-Instituts für Kriegsfolgen-Forschung, Graz, Sonderband 2 Graz – Minsk, 331.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Пушкаренко Елена Анатольевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elena A. Pushkarenko, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of General History of Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТОЛОГИИ TOPICAL ISSUES OF POLITICAL SCIENCE

УДК 327

DOI 10.52575/2687-0967-2022-49-1-186-196

Постсоветское пространство во внешнеполитических приоритетах Украины и Казахстана

Белашенко Д.А., Шоджонов И.Ф.

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского,
Россия, 603022, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23
E-mail: dmi-belashhenko@yandex.ru, shodzhonov@inbox.ru

Аннотация. Распад СССР привел к существенным изменениям как в системе международных отношений, так и на карте Евразии. Среди новых независимых государств, образовавших регион постсоветского пространства, особое место занимают Украина и Казахстан, получившие после обретения самостоятельности во многом схожие «стартовые позиции». При этом постсоветское пространство являлось важным направлением для реализации целей и задач внешнеполитического курса, однако страны придерживались совершенно разных моделей достижения собственных целей в данном регионе. На основе сравнения положений доктринальных внешнеполитических документов, а также практической деятельности государств авторы предполагают выделить общие и различающиеся особенности курсов Украины и Казахстана в отношении постсоветского пространства. Исследование проблемы позволило определить особенности формирования и реализации внешнеполитических курсов Украины и Казахстана в регионе постсоветского пространства, а также выявить ключевые проблемы и достижения. Полученные результаты позволяют сделать вывод о более эффективной модели формирования и реализации внешней политики Казахстана, которая базировалась на последовательном развитии и долгосрочной перспективе реализации, в то время как приоритеты внешней политики Украины во многом определялись не доктринальными документами и государственными интересами, а предпочтениями и ценностными установками президентов, политических и экономических элит.

Ключевые слова: внешняя политика, политические и экономические процессы, евразийская интеграция, доктринальные документы, элиты

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00666 «Интеграционные процессы в Европе: сравнительный анализ».

Для цитирования: Белашенко Д.А., Шоджонов И.Ф. 2022. Постсоветское пространство во внешнеполитических приоритетах Украины и Казахстана. *Via in tempore. История. Политология.* 49 (1): 186–196. DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-1-186-196

Post-Soviet space in foreign policy priorities of Ukraine and Kazakhstan

Dmitry A. Belashchenko, Imomidin F. Shodzhonov

National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod,
23 Gagarin Ave., Nizhny Novgorod 603022, Russia
E-mail: dmi-belashhenko@yandex.ru, shodzhonov@inbox.ru

Abstract. The collapse of the USSR led to significant changes both in the system of international relations and on the map of Eurasia. Among the newly independent states that formed the region of the

post-Soviet space, a special place is occupied by Ukraine and Kazakhstan, which received similar «starting positions» after gaining independence. At the same time, the post-Soviet space was an important area for the implementation of the goals and objectives of the foreign policy course, but the countries adhered to completely different models for achieving their own goals in this region. Based on a comparison of the provisions of doctrinal foreign policy documents, as well as the practical activities of states, the authors propose to identify common and differing features of the courses of Ukraine and Kazakhstan in relation to the post-Soviet space. Despite the apparent incompatibility and geographical remoteness of these two countries from each other, they have repeatedly acted as catalysts for positive or destructive regional changes, influenced the development of certain political and economic processes and otherwise affected the entire post-Soviet space or its constituent parts. The study of the problem made it possible to determine the features of the formation and implementation of foreign policy courses of Ukraine and Kazakhstan in the post-Soviet region as well as to identify key problems and achievements. The results allow us to conclude about a more effective model of formation and implementation of Kazakhstan's foreign policy, which was based on consistent development and long-term implementation, while the priorities of the foreign policy of Ukraine were largely determined not by doctrinal documents and state interests but by the preferences and values of presidents, political and economic elites.

Keywords: foreign policy, political and economic processes, Eurasian integration, doctrinal documents, elites

Acknowledgements: The reported study was funded by RFBR, project No 20-011-00666 «Integration Processes in Europe: Comparative Analysis».

For citation: Belashchenko D.A., Shozhonov I.F. 2022. Post-Soviet Space in foreign policy priorities of Ukraine and Kazakhstan. *Via in tempore. History and political science*, 49 (1): 186–196 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-1-186-196

Произошедший 30 лет назад распад СССР привел к кардинальной трансформации системы международных отношений и изменил геополитический расклад сил Евразии. Вместо единой сверхдержавы образовались 15 независимых государств и регион, получивший наименование «постсоветское пространство» или «пространство бывшего СССР». По уровню экономического развития и ресурсному потенциалу страны постсоветского пространства можно разделить на несколько групп (при этом в расчет не берутся Латвия, Литва и Эстония, изначально выбравшие проевропейский путь развития). Безусловным лидером нового региона стала Российская Федерация. К государствам «второго эшелона» можно отнести Украину, Казахстан, Беларусь и Азербайджан.

Наибольший интерес, на наш взгляд, представляют первые две страны. Выгодное экономико-географическое положение, развитый промышленный и научный потенциалы, наличие значительных запасов ресурсов и полезных ископаемых (в т. ч. больших запасов углеводородов у Казахстана), масштабные внешнеполитические амбиции и ряд других факторов способны были вывести Киев и Астану (ныне – Нур-Султан) в региональные лидеры. Однако при во многом схожих перспективных «стартовых позициях» достигнутые на сегодняшний день результаты двух стран в рамках рассматриваемого региона свидетельствуют как о разнице в подходах к реализации внешней политики в регионе, так и о кардинальных различиях в выстраивании долгосрочных стратегических планов в отношении государств, международных организаций и ключевых региональных процессов.

Политика Украины на постсоветском пространстве: доктринальные установки и особенности практической реализации

Характерной особенностью внешней политики Украины является малое количество доктринальных документов. Существующие на данный момент либо представлены в виде специальных законодательных актов, либо положения о внешней политике содержатся в источниках иной тематики. Т. е. долгосрочные документы (стратегии или концепции) фактически отсутствуют в процессе формирования и реализации внешнеполитического курса.

Другой особенностью, во многом вытекающей из отсутствия документов стратегического характера, является нестабильность и непоследовательность внешнеполитического курса. В условиях недостаточного доктринального обеспечения международная политика во многом зависела от предпочтений и взглядов тех политических и экономических элит, чьи представители занимали руководящие посты [Внешняя политика стран СНГ..., 2019, с. 165–168].

В связи с этим более логичным подходом к анализу внешней политики Украины представляется именно личностный, в котором центральное место занимает президент и его окружение. К последнему мы относим не только членов администрации и правительства, но и влиятельные финансово-промышленные группы (кланы), игравшие важную роль в формировании и реализации внутри- и внешнеполитических курсов [Вавилов, 2020; Shyrokykh, 2018].

Президентство Л.М. Кравчука (конец 1991–1994 гг.) заложило доктринальные основы внешней политики Украины. Одним из первых шагов в сфере формирования нормативно-правовой базы стало Постановление Верховной Рады от 2 июля 1993 «Об основных направлениях внешней политики Украины». Помимо общих положений и статей в нем содержится раздел, утверждающий национальные интересы страны на международной арене. К их числу, в частности, относятся «региональные, субрегиональные, локальные интересы, связанные с обеспечением разнообразных специфических потребностей внутреннего развития Украины», а в качестве одного из «главных направлений» рассматривается «сотрудничество в рамках Содружества независимых государств» [Постанова Верховної Ради України..., 1993].

В то же время Л.М. Кравчук, несмотря на то, что являлся одним из подписантов Беловежского соглашения 1991 г., положившего конец существованию СССР и провозгласившего создание СНГ, на протяжении всего срока критиковал сближение бывших союзных республик в рамках новообразованной структуры и возможное придание организации наднациональных полномочий. По мнению украинского лидера, данная организация не должна была способствовать тесной консолидации, а стать площадкой для «цивилизационного развода», т. е., по сути, способствовать разделу активов бывшего СССР. Во многом именно из-за этой позиции президента Украина не ратифицировала Устав СНГ и не принимала активного участия в основных процессах в рамках Содружества.

При Л.М. Кравчуке было заложено восприятие Украиной постсоветского пространства как периферийного направления внешней политики. Несмотря на неоднократное упоминание в Постановлении 1993 г. интеграционных процессов в регионе, в которых Киев декларировал участие, гораздо подробнее в документе представлены намерения о сотрудничестве с европейскими и евроатлантическими структурами, организациями и отдельными странами. Из бывших союзных республик отдельно упоминаются лишь «особые отношения с Российской Федерацией» [Постанова Верховної Ради України..., 1993].

Также при Л.М. Кравчуке во внешнеполитическом курсе Украины возникнет т. н. «дилемма интеграции», в которой между собой конкурировали интеграционные проекты в Европе и на постсоветском пространстве (Евразии). Впоследствии именно необходимость выбора станет одним из главных противоречий не только деятельности Киева на международной арене, но и серьезным фактором разобщения украинского общества [Troitskiy, Charap, 2013].

В первой половине 1990-х гг. сформировался комплекс проблем в двусторонних отношениях между Украиной и республиками бывшего СССР, касавшийся раздела советского имущества и инфраструктуры, ядерного арсенала, долгов, территориальных вопросов, торгово-экономических споров, энергетической безопасности и т. д. Большинство из них (за исключением ядерного разоружения) не были решены при Л.М. Кравчуке.

Некоторым «оправданием» курса Л.М. Кравчука может служить то, что период 1991–1994 гг. являлся кризисным как для постсоветского пространства и формирующихся

в его рамках организаций, так и для всех новых независимых государств. Политические и экономические элиты Украины рассматривали успешные страны и международные структуры в качестве ключевых приоритетов внешней политики, поскольку именно они могли оказать поддержку молодому государству и инкорпорировать его в основные глобальные и региональные (европейские) процессы.

Новый этап во внешней политике Украины начался с приходом к власти Л.Д. Кучмы (1994–2004 гг.). Делая ставку на электорат юго-восточных регионов страны, будущий президент и его окружение анонсировали изменения в статусе русского языка, улучшение отношений с Россией и новыми независимыми государствами, активизацию деятельности на постсоветском пространстве. Выстраивавшийся при Л.Д. Кучме внешнеполитический курс принято называть «многовекторным» или «маятниковым». Многовекторность состояла «в лавировании между интересами ЕС, РФ и США и учитывала не только различную ментальность юго-восточных и северо-западных регионов, но и позволяла украинскому государству проводить политику исходя из сугубо прагматичных экономических интересов» [Ромашенко, 2012, с. 68].

Практическая реализация внешнеполитического курса на постсоветском пространстве при Л.Д. Кучме представляется достаточно противоречивой. С одной стороны, Киев сумел урегулировать ряд актуальных двусторонних споров с государствами региона (Черноморский флот, некоторые приграничные вопросы), а также стать частью т. н. «интеграционного ядра», куда также входили Россия, Беларусь и Казахстан. С другой, Украина по-прежнему не проявляла интерес к российским инициативам и проектам в рамках СНГ. При этом Л.Д. Кучма, критикуя разноуровневую и разноскоростную интеграцию в рамках Содружества, снижавшую, по его мнению, возможности организации, предлагал собственную концепцию развития (впрочем, нигде широко не обсуждавшуюся), которая предполагала усиление позиций участников как противовеса политике России.

При Л.Д. Кучме сформировались новые тенденции в политике страны на постсоветском пространстве, часть из которых сохраняет свою актуальность и в настоящее время. Речь идет о позиционировании Украины в качестве альтернативного регионального центра, объединяющего вокруг себя государства, несогласные с политикой России. Примером является создание в 1997 г. организации ГУАМ (Грузия, Украина, Азербайджан, Молдова; в 1999–2005 гг. Узбекистан). Украина позиционировала себя не только альтернативным центром постсоветского пространства, но и своеобразным «форпостом европеизма», обеспечивающим связь региона с Европой и продвигающим европейские политические идеи и ценности [Журылев, 2012].

Испытывая существенную потребность в энергоресурсах, Украина пыталась развивать новое направление на постсоветском пространстве – центральноазиатское. Киев старался решить сразу две задачи: диверсифицировать источники поставок углеводородов, ослабив тем самым энергозависимость от России, и обеспечить партнеров альтернативными маршрутами транзита нефти и газа в страны Европы в обход территории России. Результаты подобной политики нельзя назвать успешными, поскольку Киеву было сложно конкурировать с политикой Москвы, а потенциальные энергомаршруты требовали огромных финансовых вложений и инвестиций.

Отдельно стоит упомянуть о роли Украины в рамках евразийской интеграции, активно набравшей обороты в начале XXI в. В 2003 г. страны «интеграционного ядра» выступили с инициативой создания Единого экономического пространства (ЕЭП) и заключили соответствующее соглашение, а годом позднее утвердили перечень документов для подписания. Однако уже на данном этапе Киев затягивал процесс формирования нормативно-правовой базы. С приходом к власти нового президента В.А. Ющенко тема участия Украины в создании ЕЭП была снята с повестки дня.

Подводя итоги президентства Л.Д. Кучмы, можно отметить, что избранный им курс многовекторности позволил достичь определенных успехов на постсоветском простран-

стве в двусторонних и многосторонних форматах взаимодействия. Украина, участвуя в некоторых проектах, поддерживаемых Россией, одновременно пыталась и формировать свой собственный региональный курс.

Пришедший к власти в результате «Оранжевой революции» В.А. Ющенко позиционировался в качестве прозападного политика, что не могло не отразиться на внешнем курсе Украины. Ключевым направлением стало сближение Киева с США и странами Европы, а также актуализация темы вступления в ключевые экономические, политические и военно-политические евроатлантические структуры. В подобных условиях, предполагавших отказ от многовекторности, постсоветское пространство получало второстепенный статус во внешнеполитическом курсе. Однако именно этот регион фактически был единственным, где Киев мог претендовать на ведущие роли [Горбаченко, 2021].

К числу основных тенденций, характерных для периода президентства В.А. Ющенко, можно отнести следующие:

- серьезное ухудшение отношений с Россией;
- продвижение европейских идей и ценностей в регионе, что привело к охлаждению отношений с Арменией, Беларусью и другими государствами;
- минимизация участия в работе СНГ и евразийском интеграционном проекте;
- попытка «реанимации» ГУАМ как нового экономического, военно-политического и культурного центра постсоветского пространства;
- участие в программе ЕС «Восточное партнерство», куда также входили Азербайджан, Армения, Беларусь, Грузия и Молдова;
- продолжение попыток диверсифицировать поставки энергоресурсов за счет государств Центральной Азии.

Политика Украины на постсоветском пространстве при В.А. Ющенко способствовала развитию центробежных тенденций, фактически закрепив «дилемму интеграции» в качестве одного из главных противоречий развития региона. При этом в действиях украинского руководства наметилась определенная преемственность относительно периодов Л.М. Кравчука и Л.Д. Кучмы, но это касалось не стратегической линии, а определенных аспектов (позиционирование в качестве «альтернативного центра», поиск новых энергопоставщиков).

При следующем президенте В.Ф. Януковиче (2010–2014 гг.) Украина отказалась от односторонней ориентации внешней политики, вернувшись к модели Л.Д. Кучмы. Существенным отличием стало то, что теперь многовекторность осуществлялась не в рамках нескольких параллельных процессов, а в виде существенного крена в сторону какой-либо из сторон с последующей сменой приоритетов. В первый год президентства В.Ф. Януковича произошло сближение с Россией, апогеем чего стали Харьковские соглашения, согласовавшие позиции сторон по пребыванию в Крыму Черноморского флота и ценам на газ для Киева. Наметилась «оттепель» и в отношении поддерживаемых Россией проектов на постсоветском пространстве, возобновились переговоры о возвращении Украины в процесс евразийской интеграции [Рябинін, 2011].

В дальнейшем Украина сделала ряд шагов в сторону ЕС, сосредоточившись на получении статуса ассоциированного члена через программу «Восточное партнерство». Однако за несколько недель до предполагавшегося подписания соответствующего документа Украина «взяла паузу», а в выступлениях представителей власти вновь появилась тема о возможности присоединения к Таможенному союзу. В условиях конкуренции двух интеграционных проектов на постсоветском пространстве выбор в пользу одного из них автоматически закрывал возможность участия в другом [Белашенко и др., 2020, с. 547–548].

При В.Ф. Януковиче была модернизирована нормативно-правовая база внешней политики после вступления в силу Закона от 1 июля 2010 г. «Об основах внутренней и внешней политики». В нем Украина характеризуется как «европейское государство», осуществляющее «открытую внешнюю политику» и стремящееся к сотрудничеству «со

всеми заинтересованными партнерами, исходя, прежде всего, из необходимости обеспечения безопасности, суверенитета и защиты территориальной целостности Украины» [Закон України..., 2010]. Среди 16 принципов внешней политики отдельно упоминаются НАТО и стремление к членству в ЕС, а к постсоветскому пространству можно отнести лишь ряд общих пунктов и положение об урегулировании существующих и предотвращении новых конфликтов в приграничных регионах [Закон України..., 2010].

Непоследовательная политика В.Ф. Януковича не привела к существенной трансформации внешнего курса Украины. В отношении постсоветского пространства можно говорить об определенной корректировке, поскольку достижения первых лет президентства были во многом нивелированы разворотом в сторону «европейского выбора» и последующими событиями, приведшими к Евромайдану.

Период президентств П.А. Порошенко (2014–2019 гг.) и В.А. Зеленского (с 2019 г.) можно рассматривать как единое целое, поскольку с 2014 г. внешнеполитический курс Украины развивается в рамках «европейского выбора» и антироссийской риторики. Главной целью было определено вступление в ЕС и НАТО, что получило официальное закрепление в виде поправок в Конституцию Украины, принятых в 2019 г. [Закон України..., 2019].

Постсоветское пространство вновь вернулось на второстепенные роли. Это касается фактического прекращения участия Украины в деятельности СНГ и выхода из ряда общих договоров и соглашений, регулировавших деятельность республик бывшего СССР в различных сферах. Киев сохранил интерес лишь к развитию двусторонних соглашений с некоторыми государствами региона, а также вновь попытался активизировать деятельность ГУАМ. Относительно спешным направлением стало «Восточное партнерство», с помощью которого Украина получила статус ассоциированного члена ЕС.

События Украинского кризиса оказали существенное влияние на постсоветское пространство, которое можно охарактеризовать как двойственное. С одной стороны, Евромайдан и его последствия активизировали региональные интеграционные процессы, апофеозом которых стало возникновение Евразийского экономического союза (ЕАЭС), а также вновь актуализировали тему противодействия «цветным революциям». С другой, действия России в период Украинского кризиса не получили поддержки со стороны государств СНГ и партнеров по евразийской интеграции [Белашенко и др., 2020, с. 548–549; Stronski, 2020].

Политика Казахстана на постсоветском пространстве: стратегические цели и промежуточные результаты

Становление и развитие внешней политики Казахстана отличается от украинского варианта. Во многом это обусловлено пребыванием Н.А. Назарбаева на посту президента с 1990 по 2019 гг., что отразилось на развитии международной деятельности страны и определении ее целей, направлений и приоритетов [Chebotarev, 2020].

С нашей точки зрения, можно выделить этапы развития внешней политики Казахстана, опираясь не только на личности президентов Н.А. Назарбаева и К.-Ж. К. Токаева, но и на нормативно-правовую базу. Первый этап связан с принятием в мае 1992 г. Стратегии становления и развития Казахстана как суверенного государства, определявшей основы внутренней и внешней политики страны.

Основополагающим принципом развития внешней политики была объявлена «миролюбивость», нашедшая свое отражение в политике «многовекторности» [Vanderhill et al., 2020]. Продвигая принцип предсказуемых взаимоотношений, Н.А. Назарбаев формировал образ Казахстана как надежного партнера и активного международного актора.

На начальных этапах выстраивания внешней политики руководство опиралось на географические и геополитические особенности страны. Казахстан располагает на тер-

ритории Центральной Азии, исторически являвшейся центром притяжения интересов ведущих акторов международной политики. Обладая девятой по площади территорией в мире с выходом к Каспийскому морю и имея границы как с Россией, так и с Китаем, страна является коридором, соединяющим европейскую и азиатскую части Евразии. Одним из первых проектов, отражавших политическую многовекторность страны, стала концепция «Евразийского моста», выдвинутая в первой половине 1990-х гг.

Показательным и во многом имиджевым шагом продвижения миролюбивой политики Казахстана стало решение о сокращении оружия массового поражения, включенное в Концепцию внешней политики 1995 г. [Lee, 2010]. Этим шагом Казахстан фактически провозглашал безъядерный статус и отказывался от обладания ядерным оружием, оставшимся на его территории после распада СССР.

Вторым этапом развития внешней политики Казахстана становится 2001 г. События 11 сентября в США оказали значительное влияние на все мировое сообщество, трансформировав подходы к пониманию безопасности. Для Казахстана этот период стал поворотным моментом в понимании необходимости развития в русле многовекторной диверсифицированной и гибкой внешней политики. Понимание необходимости развития государства на международной арене как равного партнера для ведущих мировых акторов сказалось на формировании сбалансированных отношений с такими государствами, как Россия, Китай и США. Концепция внешней политики, принятая 15 марта 2001 г., отражала превалирование экономических инициатив, определяя в качестве инструмента реализации развитие международных союзов [Байгарин, 2010].

Примером стало создание Организации центрально-азиатского сотрудничества в 2002 г. Данная структура, эволюционировавшая из Центрально-азиатского экономического союза, созданного в 1994 г., стала одним из первых интеграционных проектов Казахстана, направленных на позиционирование страны как регионального лидера. Организация просуществовала с 2002 по 2005 гг. и в дальнейшем была объединена с Евразийским экономическим сообществом (ЕврАзЭС).

К важнейшим инициативам Казахстана относится евразийская интеграция, концепция которой была выдвинута Н.А. Назарбаевым в середине 1990-х гг. Изначально она нашла отражение в Таможенном союзе России, Беларуси и Казахстана, а в дальнейшем эволюционировала до полноценной региональной экономической организации (ЕврАзЭС). На современном этапе евразийская интеграция развивается в рамках ЕАЭС, наиболее институционализированной и перспективной организацией постсоветского пространства. Несмотря на то, что Казахстан не является «первой скрипкой» в «евразийском оркестре», роль Нур-Султана в деятельности ЕАЭС является одной из ключевых [Мамедов, 2019, с. 28–32].

Третьим этапом стало принятие в 2014 г. Концепции внешней политики до 2020 г. Стоит подчеркнуть, что 2014 г. является ключевым с точки зрения формирования внутри- и внешнеполитического курсов Казахстана. Именно в этом году президент в своем послании к народу объявил, что период трансформации для страны закончен и наступает новый этап развития государства в соответствии с принципами прагматизма [Стратегия «Казахстан-2050»..., 2012].

Ключевым принципом Казахстана на международной арене, согласно Концепции 2014 г., является формула «сначала – экономика, потом – политика». Другими декларируемыми в данном документе особенностями внешнеполитического курса страны выступают амбициозность, открытость и лаконичность. Фактически Казахстан с 2014 г. примеряет на себя роль не просто регионального актора, но и потенциального глобального игрока, способного отстаивать и продвигать свои интересы далеко за пределы границ [О Концепции внешней политики..., 2014].

В 2014–2020 гг. Казахстан стремился к развитию многовекторных отношений в рамках таких международных организаций, как ООН, СНГ, ОБСЕ, ШОС, ЕАЭС, ВТО и др.

Также стоит выделить, что Концепция внешней политики до 2020 г. стала первым документом, официально закрепившим использование Казахстаном «мягкой силы» в сфере продвижения языка и культуры и развития казахской диаспоры [Sharifzoda, Temirov, 2019].

Началом четвертого и последнего на данный момент этапа развития внешней политики страны становится принятие новой концепции 2020–2030 гг. Уход Н.А. Назарбаева с поста президента и начало правления К-Ж.К. Токаева оживили дискуссию относительно возможной смены или корректировки приоритетов внешней и внутренней политики страны. Однако новый лидер подошел к вопросам внешней политики с позиции продолжателя идей своего предшественника. Приоритетами новой Концепции внешней политики остаются сохранение мира и согласия на международной арене, обеспечение безопасности национальных интересов Казахстана, установление эффективного сотрудничества в рамках региональных интеграционных образований, расширение взаимодействия в регионе Центральной Азии и т. д. [О Концепции внешней политики..., 2020].

Выводы

Сравнение региональных политик Украины и Казахстана позволяет сделать следующие выводы:

1. Ресурсы и экономические потенциалы двух государств в начале 1990-х гг. давали им примерно одинаковые «стартовые площадки» для закрепления в рамках системы международных отношений.

2. Особенности внутривластного устройства Украины, а также отсутствие общественной консолидации во многом способствовали тому, что Киев не сумел выработать эффективный сбалансированный внешнеполитический курс, учитывающий интересы как политических и экономических элит, так и мнение населения.

3. Казахстан избежал значительных внутри- и внешнеполитических колебаний, сделав ставку на формирование четкого внешнеполитического курса, направленного на одинаково успешное сотрудничество с различными глобальными и региональными акторами.

4. Постсоветское пространство декларировалось в качестве одного из ключевых направлений внешней политики как Киева, так и Астаны (Нур-Султана), однако подход Украины во многом зависел от внутривластных обстоятельств и позиции действующего президента, в то время как Казахстан систематически развивал принципы и приоритеты внешней политики, ставшие основополагающими практически сразу после обретения независимости.

5. Деятельность Украины на постсоветском пространстве может быть охарактеризована как политика утраченных возможностей, поскольку непоследовательность и частая смена приоритетов привели к тому, что Киев из потенциального регионального лидера превратился в центр нестабильности. Практическая деятельность Украины в рамках постсоветского пространства не отличается существенными достижениями, а потенциально перспективные идеи, инициативы и проекты фактически не получили конкретного развития.

6. Политика Казахстана на постсоветском пространстве представляется гораздо более успешной, примером чего могут служить современные евразийские интеграционные процессы, запущенные во многом по инициативе Н.А. Назарбаева. Это обусловлено также приоритетом экономической деятельности над политической в рамках внешнего курса.

7. На современном этапе развития постсоветского пространства модель политики Казахстана представляется гораздо более успешной не только в сравнении с Украиной, но и с большинством других новых независимых государств, наглядно демонстрируя, как сложная многонациональная и поликонфессиональная страна может использовать свои возможности и потенциал в рамках сбалансированного многовекторного внешнего курса.

Список литературы

- Байгарин М. 2010. Стратегия становления и развития Казахстана как суверенного государства – верный курс, заданный Президентом Н. Назарбаевым. URL: https://www.inform.kz/ru/strategiya-stanovleniya-i-razvitiya-kazahstana-kak-suverennogo-gosudarstva-vernuy-kurs-zadannuy-prezidentom-n-nazarbaevym_a2299544 (дата обращения: 12 декабря 2021).
- Белашенко Д.А., Толкачев В.В., Шоджонов И.Ф. 2020. Евразийский экономический союз: перспективы и проблемы интеграции на постсоветском пространстве. Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения, 20 (3): 543–559. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2020-20-3-543-559>
- Вавилов А.Н. 2020. Украинская политическая элита как фактор формирования основ внешней политики Украины. Среднерусский вестник общественных наук, 15 (6): 131–146. DOI: [10.22394/2071-2367-2020-15-6-131-146](https://doi.org/10.22394/2071-2367-2020-15-6-131-146)
- Внешняя политика стран СНГ: Учеб. пособие для студентов вузов / Ред.-сост. Д.А. Дегтерев, К.П. Курьлев. М., Изд-во Аспект Пресс, 2019, 496 с.
- Курьлев К.П. 2012. Эволюция внешнеполитических приоритетов Украины в 1991–2011 гг. Вестник Российского университета международных отношений. Серия: История России, 3: 114–130.
- Мамедов С.В. 2019. Национально-государственные приоритеты межгосударственного взаимодействия и межпарламентского сотрудничества России и Казахстана в контексте общности и особенностей стратегических целей. Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право, 3: 27–39.
- О Концепции внешней политики Республики Казахстан на 2014–2020 годы. URL: https://www.akorda.kz/ru/legal_acts/decrees/o-konceptcii-vneshnei-politiki-respubliki-kazahstana-2014-2020-gody (дата обращения: 12 декабря 2021).
- О Концепции внешней политики Республики Казахстан на 2020–2030 годы. URL: https://www.akorda.kz/ru/legal_acts/decrees/o-konceptcii-vneshnei-politiki-respubliki-kazahstana-2020-2030-gody (дата обращения: 12 декабря 2021).
- Ромашенко В.А. 2012. Основные направления внешней политики Л. Кучмы (1994–2004 гг.). Вестник Московского университета. Серия 8. История, 3: 64–75.
- Стратегия «Казахстан-2050»: новый политический курс состоявшегося государства. Послание Президента Республики Казахстан – Лидера Нации Н.А. Назарбаева народу Казахстана, г. Астана, 14 декабря 2012 года. URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/K1200002050#z0> (дата обращения: 12 декабря 2021).
- Уатай А. 2019. СНГ как направление внешней политики Казахстана в 1991–2000 годы. Казанский вестник молодых учёных, 3 (4): 205–210.
- Горбаченко О. 2021. Міжнародно-правове становище України в часи президентства Віктора Ющенка та Віктора Януковича. Грааль науки, 10: 169–173.
- Закон України 01.07.2010 № 2411-VI «Про засади внутрішньої і зовнішньої політики». URL: http://search.ligazakon.ua/l_doc2.nsf/link1/T102411.html (дата звернення: 12 грудня 2021).
- Закон України 07.02.2019 № 2680-VIII «Про внесення змін до Конституції України (щодо стратегічного курсу держави на набуття повноправного членства України в Європейському Союзі та в Організації Північноатлантичного договору)». URL: http://search.ligazakon.ua/l_doc2.nsf/link1/T192680.html (дата звернення: 12 грудня 2021).
- Постанова Верховної Ради України від 02.07.1993 № 3360-XII «Про Основні напрями зовнішньої політики України» // Платформа LIGA ZAKON. Официальный сайт. URL: http://search.ligazakon.ua/l_doc2.nsf/link1/T336000.html (дата звернення: 12 грудня 2021).
- Рябінін С.В. 2011. Зовнішня політика України під час першого року президентства В.Ф. Януковича: політологічний аналіз. Вісник Маріупольського державного університету. Сер.: Історія. Політологія., 1: 99–105.
- Chebotarev A. 2020. Special Aspects of Kazakhstan's New Foreign Policy Concept. URL: <https://cabar.asia/en/special-aspects-of-kazakhstan-s-new-foreign-policy-concept> (accessed: 12 December 2021).

- Lee J.E. 2010. Foreign Policy Formation of Authoritarian States in Central Asia since 1991: Non-Institutional Domestic Factors in Kazakhstan and Uzbekistan. *The Korean Journal of International Studies*, 50 (3): 33–71.
- Sharifzoda K., Temirov A. 2019. How Costly is Kazakhstan's Foreign Policy? URL: <https://thediplomat.com/2019/02/how-costly-is-kazakhstans-foreign-policy/> (accessed: 12 December 2021).
- Shyrokykh K. 2018. The Evolution of the Foreign Policy of Ukraine: External Actors and Domestic Factors. *Europe-Asia Studies*, 70 (5): 832–850. DOI: <https://doi.org/10.1080/09668136.2018.1479734>
- Stronski P. 2020. There Goes the Neighborhood: The Limits of Russian Integration in Eurasia. URL: <https://carnegieendowment.org/2020/09/16/there-goes-neighborhood-limits-of-russian-integration-in-eurasia-pub-82693> (accessed: 12 December 2021).
- Troitskiy M., Charap S. 2013. Russia, the West and the Integration Dilemma URL: https://www.academia.edu/5351507/Russia_the_West_and_the_Integration_Dilemma (accessed: 12 December 2021).
- Vanderhill R., Joireman S.F., Tulepbayeva R. 2020. Between the bear and the dragon: multivectorism in Kazakhstan as a model strategy for secondary powers. *International Affairs*, 96 (4): 975–993. DOI: <https://doi.org/10.1093/ia/iiaa061>

References

- Bajgarin M. 2010. Strategija stanovlenija i razvitija Kazahstana kak suverenno gosudarstva – vernyj kurs, zadannyj Prezidentom N. Nazarbaevym [The strategy for the formation and development of Kazakhstan as a sovereign state is the right course set by President N. Nazarbayev]. Available at: https://www.inform.kz/ru/strategiya-stanovleniya-i-razvitiya-kazahstana-kak-suverenno-gosudarstva-vernny-kurs-zadannyj-prezidentom-n-nazarbaevym_a2299544 (accessed: 12 December 2021).
- Belashchenko D.A., Tolkachev V.V., Shodzhonov I.F. 2020. Eurasian Economic Union: Prospects and Problems of Integration in the Post-Soviet Space. *Vestnik RUDN. International Relations*, 20 (3): 543–559. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2020-20-3-543-559>
- Vavilov A.N. 2020. Ukrainian Political Elite as a Factor of Formation of the Foundations of Foreign Policy of Ukraine. *Srednerusskij vestnik obshchestvennyh nauk*, 15 (6): 131–146.
- Foreign policy of the CIS States. A Comprehensive Reference. Ed. by D.A. Degterev, K.P. Kurylev. Moscow, Publ. Aspekt Press, 2019, 496 p.
- Kurylev K.P. 2012. Evolution of Ukraine Foreign Policy Priorities in 1991–2011. *RUDN Journal of Russian History*, 3: 114–130 (in Russian).
- Mamedov S.V. 2019. Nacional'no-gosudarstvennye priority mezhgosudarstvennogo vzaimodejstvija i mezhpriamenskogo sotrudnichestva Rossii i Kazahstana v kontekste obshhnosti i osobennostej strategicheskikh celej [National-state priorities of interstate interaction and interparliamentary cooperation between Russia and Kazakhstan in the context of the commonality and characteristics of strategic goals] *Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo evrazijskih gosudarstv: politika, jekonomika, parvo*, 3: 27–39.
- Romashhenko V.A. 2012. Osnovnye napravlenija vneshnej politiki L. Kuchmy (1994–2004 gg.) [Main directions of L. Kuchma's foreign policy (1994–2004)] *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 8. Istorija*, 3: 64–75.
- Uataj A. 2019. CIS as a Direction in the Foreign Policy of Kazakhstan in 1991–2000. *Kazanskij vestnik molodyh uchjonyh*, 3 (4): 205–210.
- Gorbachenko O. 2021. Mizhnarodno-pravove stanovishhe Ukraïni v chasi prezidentstva Viktora Jushhenka ta Viktora Janukovicha [International legal situation in Ukraine during the presidencies of Viktor Yushchenko and Viktor Yanukovich]. *Graal' nauki*, 10: 169–173 (in Ukrainian).
- Rjabinin C.V. 2011. Zovnishnja politika Ukraïni pid chas pershogo roku prezidentstva V.F. Janukovicha: politologichnij analiz [Ukraine's foreign policy during the first year of V.F. Yanukovich: political analysis]. *Visnik Mariupol's'kogo derzhavnogo universitetu. Ser.: Istorija. Politologija*, 1: 99–105 (in Ukrainian).

- Chebotarev A. 2020. Special Aspects of Kazakhstan's New Foreign Policy Concept. Available at: <https://cabar.asia/en/special-aspects-of-kazakhstan-s-new-foreign-policy-concept> (accessed: 12 December 2021).
- Lee J.E. 2010. Foreign Policy Formation of Authoritarian States in Central Asia Since 1991: Non-Institutional Domestic Factors in Kazakhstan and Uzbekistan. *The Korean Journal of International Studies*, 50 (3): 33–71.
- Sharifzoda K., Temirov A. 2019. How Costly is Kazakhstan's Foreign Policy? Available at: <https://thediplomat.com/2019/02/how-costly-is-kazakhstan-s-foreign-policy/> (accessed: 12 December 2021).
- Shyrokykh K. 2018. The Evolution of the Foreign Policy of Ukraine: External Actors and Domestic Factors. *Europe-Asia Studies*, 70 (5): 832–850. DOI: <https://doi.org/10.1080/09668136.2018.1479734>
- Stronski P. 2020. There Goes the Neighborhood: The Limits of Russian Integration in Eurasia. Available at: <https://carnegieendowment.org/2020/09/16/there-goes-neighborhood-limits-of-russian-integration-in-eurasia-pub-82693> (accessed: 12 December 2021).
- Troitskiy M., Charap S. 2013. Russia, the West and the Integration Dilemma Available at: https://www.academia.edu/5351507/Russia_the_West_and_the_Integration_Dilemma (accessed: 12 December 2021).
- Vanderhill R., Joireman S.F., Tulepbayeva R. 2020. Between the bear and the dragon: multivectorism in Kazakhstan as a model strategy for secondary powers. *International Affairs*, 96 (4): 975–993. DOI: <https://doi.org/10.1093/ia/iiaa061>

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Белашенко Дмитрий Александрович, доцент кафедры истории и теории международных отношений, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Dmitry A. Belashchenko, Associate Professor of History and Theory of International Relations Department, Lobachevsky State University, Nizhny Novgorod, Russian Federation

Шоджонов Имомидин Фозилович, ассистент кафедры зарубежного регионоведения и локальной истории, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Imomidin F. Shodzhonov, Assistant of Regional Studies and Local History Department, Lobachevsky State University, Nizhny Novgorod, Russian Federation

УДК 32.019.5

DOI 10.52575/2687-0967-2022-49-1-197-206

Политическая идентичность в сети Интернет: проблема концептуализации

Солдатенков И.В.

Санкт-Петербургский государственный университет,
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9
E-mail: ivn256@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена проблеме концептуализации феномена политической идентичности в контексте сети Интернет. На основе анализа четырех этапов политического развития и особенностей онлайн-сферы выявляются причины, предопределяющие комплексность рассматриваемого объекта. Во-первых, с конца XX века и по настоящее время происходит процесс постепенной конвергенции оффлайн- и онлайн-пространства. В результате Интернет стал восприниматься не столько областью конструирования альтернативного «Я», сколько инструментом репрезентации себя «реального». Во-вторых, специфика коммуникации в глобальной сети, предоставляя огромные возможности конструирования политической идентичности, одновременно с этим предопределяет коллапс контекста, в результате чего в киберпространстве стирается грань между индивидуальным и коллективным аспектами идентичности. В работе осуществляется критическая оценка наиболее распространенных концептуализаций и представляется авторское определение «политическая онлайн-идентичность».

Ключевые слова: политическая идентичность, Интернет, социальные сети, сетевой фронтир, политическое сознание, сетевая коммуникация, политизация Интернета, политическая коммуникация

Для цитирования: Солдатенков И.В. 2022. Политическая идентичность в сети Интернет: проблема концептуализации. *Via in tempore. История. Политология.* 49 (1): 197–206. DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-1-197-206

Political identity on the internet: the problem of conceptualization

Ivan V. Soldatenkov

Saint Petersburg State University,
7/9 Universitetskaya Emb., St. Petersburg 199034, Russia
E-mail: ivn256@yandex.ru

Abstract: The article is concerned with the problem of conceptualization of the phenomenon of political identity on the Internet. On the basis of analysis of four stages in the political development and the features of the online sphere, the reasons are identified that predetermine the complexity of this phenomenon. First, from the end of the 20th century to the present, there has been a process of gradual convergence of offline and online spaces. As a result, the Internet began to be perceived not so much as an area for constructing an alternative «I», but as portable representations of the «real» self. Secondly, specificity of communication in the global network, which creates significant opportunities for the construction of the political identity, predetermines the collapse of the context at the same time, as a result of which the line between individual and collective aspects of identity is blurred in the cyberspace. The article contains a critical assessment of the most common conceptualizations and puts forward the author's definition of «political online identity».

Keywords: political identity, Internet, social networks, network frontier, political consciousness, network communication, politization of the Internet, political communication

For citation: Soldatenkov I.V. 2022. Political Identity on the Internet: the problem of conceptualization. Via in tempore. History and Political Science. 49 (1): 197–206 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-1-197-206

Введение

С каждым днем глобальная сеть Интернет оказывает все большее воздействие на жизнь общества, крепко переплетаясь со всеми сферами человеческой жизнедеятельности. Общество становится все ближе к идеалу информационного социума, в котором компьютерно-опосредованные сети выступают центральным фактором общественного развития, «формируя жизнь и формируясь жизнью в одно и то же время» [Кастельс, 2000, с. 26]

Как констатирует известный канадский исследователь М. Маклюэн, «средство коммуникации есть сообщение» [Маклюэн, 2003, с. 11], что актуально также для Интернета, выступающего сильнейшим фактором трансформации общественного взаимодействия. Не является исключением и область политики. В данной связи показателен факт возникновения концепций «электронной демократии» [Hague, Loader, 2005], «электронного правительства» [Janowski, 2015], «цифрового гражданства» [Mossberger, 2007].

Изменения, вызванные новым средством коммуникации, также не обходят стороной идентичность человека. Как показывают исследования, в контексте виртуальной реальности необходимо переосмыслить представления как о персональном [Turkle, 1995], так и о коллективном [Ackland, O'Neil, 2011] аспектах идентичности. Тем не менее в современной науке до сих пор не было предложено концептуализации политической идентичности в сети Интернет, которая принималась бы исследователями интерсубъективно. В рамках настоящей работы предпринята попытка дать обобщенное представление о данном феномене.

Сущность политической идентичности

Для достижения поставленной цели необходимо, прежде всего, охарактеризовать феномен политической идентичности в целом. В рамках данной работы мы будем опираться на концептуализацию, данную И.С. Семененко. Под «политической идентичностью» исследовательница понимает «комплекс идейно-политических ориентаций и предпочтений, которыми субъекты политического процесса наделяют себя и друг друга в процессе коммуникации, и предполагает отождествление носителя политической идентичности с тем или иным политическим сообществом. Она утверждается во взаимодействии с политическими институтами и реализуется в публичной сфере» [Семененко, 2012, с. 71].

Наиболее важную роль в структурировании политической идентичности играет процесс отождествления себя с той или иной политической общностью – «политическая идентификация». Она, как отмечает О.В. Попова, «предполагает, во-первых, ясное представление человека о социальных группах и их специфике и, во-вторых, определение своего отношения к некоторым группам по ощущению «свой» – «чужой» [Попова, 2002, с. 52]. Второй аспект, в свою очередь, тесно связан с формированием образов «своей группы» и образа «другого», несущих позитивную или негативную эмоциональную окрашенность [Попова, 2009].

Мы также придерживаемся позиции о том, что идентичность является конструируемым феноменом (данный подход в той ли иной мере выражен в работах Дж. Мида [Мид, 1994], П. Бергера и Т. Лукмана [Бергер, Лукман, 1995], Э. Гидденса [Гидденс, 1995] и др.). Этот факт подчеркивает важность средств коммуникации, организующих значительную часть данных взаимодействий.

Политика и сеть Интернет: эволюция взаимодействия

Для того, чтобы выяснить, как онлайн-опосредованные формы социального взаимодействия могут детерминировать специфику сетевой политической идентичности, необходимо перейти к рассмотрению особенностей коммуникации в сети Интернет. За прошедшие несколько десятилетий данное пространство взаимодействий претерпевало значительные изменения в связи со стремительным развитием цифровых технологий, поэтому изложение особенностей глобальной сети коммуникаций не может осуществляться в отрыве от рассмотрения основных этапов становления её современного состояния.

Актуальной в данном ключе выступает концепция «сетевого фронта», предложенная исследователями Е.В. Морозовой, И.В. Мирошниченко и Н.А. Рябченко. Под «сетевым фронтом» коллектив авторов понимает «подвижную границу пространства контакта, взаимовлияния и взаимопроникновения социальных и культурных практик сетевого общества и предшествующих социальных и культурных практик» [Морозова и др., 2016]. Дальнейшее рассмотрение трех этапов становления сетевого фронта позволит нам сформировать представление о том, как изменялось пространство онлайн-коммуникации, а также обозначить его ключевые характеристики.

Перед рассмотрением этапов развития сетевого фронта необходимо отметить, что связаны они, прежде всего, с появлением и распространением технологий Web 2.0. По нашему мнению, это несколько ограничивает представление о политическом развитии глобальной сети Интернет. Данный взгляд не обращает внимание на значительный политико-культурный пласт, сформированный на заре развития глобальной сети. Данное упущение может сузить представление о некоторых аспектах сетевой политической идентичности, поэтому в данном исследовании мы предлагаем – без претензии на пересмотр концепции «сетевого фронта» в целом – выделить и рассмотреть предварительный этап в его развитии.

Итак, в эпоху Web 1.0 (1990-е гг.) происходит, с одной стороны, формирование специфической для Интернета культуры и социальной среды, с другой – начало освоения глобальной сети оффлайн-актерами. Как отмечают Д.С. и Н.А. Мартьяновы, идейной предпосылкой формирования культурного феномена Интернета в 1990-х выступил киберпанк, согласно воззрениям сторонников которого «в результате развития информационных технологий границы между человеком и машиной размываются. А соответственно размываются и культурная, гендерная, политическая, этническая идентичность. На смену им приходит новая конструируемая идентичность, которая выбирается каждым осознанно» [Мартьянов, Мартьянова, 2012]. Своеобразным проявлением данной установки становится культура хакерства, активно развивающаяся в данный период [Кастельс, 2004, с. 63–67].

В то же время Интернет активно осваивается пользователями, не связанными с хакерским движением. Глобальная сеть начинает использоваться оффлайновыми общественными движениями в целях социальной мобилизации. Яркими проявлениями данной тенденции в 1990-е годы стало использование глобальной сети движением сапатистов, а также формирование гражданской сети Digital City [Кастельс, 2004, с. 173].

Таким образом, уже на заре развития Интернета мы наблюдаем действие двух тенденций: с одной стороны, распространение ценностей, тесно связанных с «хакерской этикой» [Himanen, 2010], с другой – активное проникновение в онлайн-пространство калейдоскопа оффлайн-актеров, использующих данное средство коммуникации для достижения собственных целей.

В свою очередь, на первом этапе сетевого фронта (1999–2008 гг.) [Морозова и др., 2016] в связи с генезисом социальных сетей и технологий Web 2.0 ускоряется процесс проникновения оффлайн-политики в онлайн-пространство. Развитие новых Интернет-ресурсов приводит к стремительному росту онлайн-сообществ и выдвижению сетевых лидеров. В онлайн-пространстве происходит в некотором роде «распад политики», в резуль-

тате которого «на смену властному доминированию национальных государств и централизованных правительств приходит коммуникативная власть многообразных сообществ, сетей и индивидов, обладающих значимыми рефлексивными способностями. Рефлексивная включенность индивида нарушает монополию государства на установление идентичности» [Морозова и др., 2016].

Тем не менее, как утверждает исследователь С.Н. Федорченко, ясно оформленные политические идентичности в сети Интернет в данный период не сложились [Федорченко, 2017]. Мы, в свою очередь, вынуждены не согласиться с данной позицией. Во-первых, в данный период происходит оформление «пиратской» идентичности с последующим формированием соответствующих партий. Так, 1 января 2006 года с созданием веб-сайта и опубликованием на нем манифеста возникает первое подобное объединение – шведская «Партия пиратов» [Anderson, 2009]. Во-вторых, в данный период Интернет становится коммуникативным пространством, где активно заявляет о себе виртуальная идентичность (здесь данное понятие стоит понимать в широком смысле). Это мы можем наблюдать на примере виртуальных государств, для которых онлайн-взаимодействие стало удобным способом самовыражения и поиска сторонников. В данном ключе можно отметить, например, Ладонию (основана в 1996 г.), «жители» которой активно взаимодействовали в виде онлайн-сообщества [De Castro, Kober, 2019].

На втором этапе сетевого фронта (2008–2014 гг.) влияние технологии Web 2.0 на социально-политическую жизнь общества становится более заметным. Возникают инновационные способы взаимодействия (сетевая мобилизация, краудсорсинг и др.) которые активно используются в ходе политического процесса [Мирошниченко и др., 2017].

Наиболее яркими событиями, продемонстрировавшими силу новых коммуникативных технологий, стали революции в рамках Арабской весны, массовые протесты 15 октября 2011 года, протесты в Турции 2013 г. и др. Как показали исследования, в ходе данных событий значительную роль играли такие средства мобилизации, как интернет-активизм, гражданская журналистика [Khamis, Vaughn, 2011], производство и распространение иных видов контента через социальные сети [Hermida et al., 2014].

В данный период в целом происходит «массовизация» [Мартыянов, 2015] Интернета: глобальная сеть стремительно заполняется разношерстной аудиторией, далекой от киберкультуры. Вместе с тем «социализируется» и само онлайн-пространство, вследствие чего рядовым пользователем оно стало рассматриваться не столько полем возможностей по формированию альтернативной идентичности, сколько инструментом репрезентации себя «настоящего».

В рамках третьего этапа сетевого фронта (с 2014 г.) вовлечение оффлайн-акторов политики в онлайн-сферу углубляется. Более четко себя проявляют партийные, этнические, религиозные и др. организации, которые в сети Интернет находят мощнейший информационный ресурс, позволяющий поддерживать идентичность старых сторонников и привлекать новых. В то же время на авансцену выступает государство, предпринимающее активные попытки по установлению контроля над онлайн-пространством и его использованию как дополнительного средства осуществления политики идентичности [Морозова и др., 2016].

Особенности сети Интернет как пространства для формирования и репрезентации идентичности

Для большего понимания вектора возможного воздействия онлайн-пространства на специфику проявления политической идентичности необходимо также указать на некоторые отличительные черты, характеризующие Интернет-коммуникацию в целом.

Исследователь Р. Холт отмечает, что дискурс сети Интернет одновременно диалогичен и монологичен по своей природе. Первый атрибут предполагает такие составляющие,

как уникальность и непредсказуемость, второй – повторяемость и прогнозируемость. Совмещение данных характеристик придает Интернет-коммуникации свойство комплексности, отличающее её от других форм взаимодействия. При этом такая комплексность предоставляет огромные возможности для социального конструирования [Holt, 2004].

При этом онлайн-пространство глобально и не ограничено темпорально по своей сущности. Однако, как отмечают исследователи, процесс стремительного роста каналов распространения информации, вызванный появлением Интернета, приводит скорее к диффузии аудитории и, как следствие, к демассификации коммуникации [Cain, 2020].

В данной связи стоит отметить, что Интернет повлиял на развитие новой модели социальности – «сетевого индивидуализма» [Кастельс, 2004; Wellman, 2001]. Эта модель предполагает, что индивиды самостоятельно формируют социальные сети, основываясь на собственных потребностях и ценностях, игнорируя окружающий их физический контекст. При этом данный тип взаимодействия может адаптироваться не только отдельными индивидами, но и целыми сообществами [Soon, Kluver, 2014; Baym, 2015].

Также стоит обратить внимание на то, что сеть Интернет, выступая каналом коммуникации с высокой степенью интерактивности, также предоставляет пользователям широкие возможности по формированию желаемого образа «себя». В данном ключе, конечно, выделяются социальные сети с их богатым набором технических возможностей по формированию онлайн-личности. Особенно важно, что, если отдельные аспекты идентичности индивида в оффлайн-мире проявляются в зависимости от той или иной социальной ситуации, то в онлайн-пространстве происходит «коллапс контекста» [Marwick, 2013], в результате которого онлайн-личность становится видна всем другим пользователям во всей полноте. Исследовательница З. Папачарисси отмечает, что данное явление накладывает значительный эффект на процесс социального взаимодействия в глобальной сети: «В ежедневных циклах самопрезентации и формирования впечатлений индивиды... смешивают в онлайн-социальные сферы, которые могут быть разделены в оффлайне, смешивая таким образом области приватного и публичного» [Papacharissi, 2011, p. 304–318].

Специфика феномена политической идентичности в онлайн-среде

Политическая идентичность в контексте киберпространства остается в настоящее время малоисследованным феноменом. В качестве причин этого можно отметить, что, во-первых, процесс развития сети Интернет придал феномену идентичности характеристики комплексности и изменчивости, что затрудняет анализ ее политического аспекта, во-вторых, само киберпространство до сих пор выступает *terra incognita* для науки. В результате исследователи, предпринимавшие попытки дать концептуализацию рассматриваемого феномена, зачастую охватывали своим взором лишь отдельные его стороны [Жаде, Ляушева, 2016].

Вследствие этого в научной литературе можно встретить множество неоднородных по смыслу концептуализаций идентичности в контексте киберпространства: «сетевая идентичность», «виртуальная идентичность», «киберидентичность», «онлайн-идентичность» и т. п. Далее мы более детально рассмотрим наиболее распространенные определения и очертим их проблемные стороны.

Так, О.Н. Астафьева трактует «сетевую идентичность» как одну из составляющих «социокультурной идентичности личности, которая относится к осознанию своей принадлежности к определенной (не всегда фиксируемой в реальном социуме) общности, осуществляющей деятельность (в основном, потребление и передача знаний и информации) в информационно-коммуникативных средах, прежде всего – в компьютерном виртуальном пространстве» [Астафьева, 2007]. Недостатком данного подхода выступает то, что он применим для сообществ, напрямую связанных с Интернет-сетью (это, например, хакеры), в результате чего из поля зрения исключается оффлайн-социум.

Л.А. Фадеевой предлагается альтернативный подход к определению понятия «сетевая идентичность», под которым она понимает «отождествление человеком (пользователем) себя с той или иной группой, созданной в сети; виртуальная самопрезентация. В то же время ее можно рассматривать и как разновидность пространственной идентичности, имея в виду виртуальное пространство информационно-коммуникационных потоков как среду и одновременно как ориентир самоидентификации» [Фадеева, 2016, с. 67–69]. Данное определение в целом фиксирует некоторые базовые признаки рассматриваемого феномена.

Тем не менее сам концепт «сетевая идентичность» предполагает двусмысленность. Он отсылает не только к Интернет-пространству, но и к особой модели социального взаимодействия, которая может разворачиваться вне онлайн-сферы. Таким образом, «сетевая политическая идентичность» может обозначать также «политическую идентичность, сконструированную в соответствии с сетевыми принципами, как, например, в случае пиратских партий» [Мартьянов, 2014].

Понятие «виртуальная идентичность» в целом трактуется похожим образом. Например, определение исследователей Е.Л. Солдатовой и Д.Н. Погорелова объединяет в себе вышерассмотренную концептуализацию О.Н. Астафьевой и пространственный аспект трактовки Л.А. Фадеевой [Солдатова, Погорелов, 2018]. Тем не менее некоторые авторы предпринимают попытки разграничения. Так, А.Е. Войкунский предлагает «закрепить наименование «виртуальность» не за всякой активностью онлайн, а за поведением, связанным именно и только с применением технических систем виртуальной реальности – виртуальных миров, конструируемых посредством программ компьютерной графики и демонстрируемых с помощью специальных средств отображения» [Войкунский, 2013].

Как и в случае с предыдущим определением, данный концепт также может иметь двойной смысл. «Виртуальная идентичность» может означать совокупность установок, направленных на любые возможные, не связанные с реальностью объекты, которые не обязательно должны быть опосредованы информационными технологиями.

Однако главной проблемной точкой вышерассмотренных определений выступает то, что в качестве одного из основных компонентов идентичности в глобальной сети они называют самоотождествление индивида с той или иной группой, действующей в Интернет-пространстве. Мы полагаем, что многие онлайн-группы не выступают репрезентантами оффлайн-сообществ в их целостности, поэтому не могут являться полноценным объектом идентификации. Данные группы выступают скорее элементом, с помощью которого индивид конструирует свою оффлайн-идентичность. Иными словами, обозначая свою принадлежность к тому или иному онлайн-сообществу и взаимодействуя с ним, индивид демонстрирует свою принадлежность к более обширной социальной группе из пространства «реального». Это, конечно, не касается тех сообществ, генезис которых напрямую связан с киберкультурой, однако выше было показано, что данные группы в пространстве Интернета носят маргинальный характер.

С.В. Бондаренко предлагает концепт «групповая политическая идентичность участников виртуальных сетевых сообществ», под которым подразумевается «ощущение групповой сплоченности, основанное на эмпатии, приверженности групповым социальным ценностям, доверии и общем идеологическом дискурсе» [Бондаренко, 2005]. Данное определение также представляется недостаточным, поскольку оно фиксирует скорее характеристики политической идентичности вообще, не специфицируя ее в онлайн-контексте.

Учитывая недостатки вышерассмотренных трактовок и принимая во внимание особенности глобальной сети, мы предлагаем использовать понятие «политическая онлайн-идентичность», под которой необходимо понимать репрезентуемые с помощью Интернет-технологий ориентации и предпочтения, выражающие представление индивида о себе и о других в контексте политического процесса, а также отождествление себя с сообществом политического характера, происхождение которого может быть связано как с онлайн-, так и с оффлайн-пространством.

Заключение

В рамках данной статьи нами было выявлено, что процесс трансформации Интернет-пространства за последние несколько десятилетий серьезно повлиял на то, как исследователями воспринимался феномен политической идентичности в контексте глобальной сети. Вкупе с малоизученностью киберпространства в целом это привело к появлению множества концептуализаций, освещающих лишь отдельные стороны указанного феномена. В работе нами был критически оценен ряд таких определений, а также представлен авторский концепт «политическая онлайн-идентичность», призванный преодолеть отмеченные недостатки.

Список литературы

- Астафьева О.Н. 2007. Виртуальные сообщества: «сетевая» идентичность и развитие личности в сетевых пространствах. Вісник Харківського національного університета: Теорія культури та філософія науки. 776: 120–133.
- Бергер П., Лукман Т. 1995. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 323.
- Бондаренко С.В. 2005. Политическая идентичность в киберпространстве. Политическая наука. (3): 76–92.
- Войскунский А.Е., Евдокименко А.С., Федунина Н.Ю. 2013. Сетевая и реальная идентичность: сравнительное исследование. Психология. Журнал Высшей школы экономики. 10 (2): 98–120.
- Гидденс Э. 1995. Элементы теории структурации. Современная социальная теория: Бурдье, Гидденс, Хабермас. Новосибирск, изд-во Новосибирского университета. 1995: 41–80.
- Жаде З.А., Ляужева С.А. 2016. Новые тенденции в исследовании сетевой идентичности. Общество: социология, психология, педагогика. (1): 10–14.
- Кастельс М. 2004. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Пер. с англ. А. Матвеева под ред. В. Харитоновой. Екатеринбург, У-Фактория (при участии изд-ва Гуманитарного ун-та), 328.
- Кастельс М. 2000. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. Пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. М., ГУ ВШЭ, 608.
- Маклюэн М. 2003. Понимание Медиа: Внешние расширения человека. Пер. с англ. В. Николаева. М.; Жуковский: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково Поле», 464.
- Мартьянов Д.С. 2015. От сетевой идентичности к политике идентичности в сети интернет: смена парадигмы? Вестник Санкт-Петербургского университета. Политология. Международные отношения. (1): 44–52.
- Мартьянов Д.С. 2014. Сетевая идентичность: трансформация феномена и подходов к изучению. Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 10 (4): 142–160.
- Мартьянов Д.С., Мартьянова Н.А. 2012. Дискурсивные аспекты этнической идентичности в интернете. Вестник СГУТиКД. (2): 233–238.
- Мид Дж. 1994. Аз и Я. Американская социологическая мысль: тексты. М.: Изд-во МГУ, 227–237.
- Мирошниченко И.В., Морозова Е.В. 2017. Сетевые механизмы формирования идентичностей. Государство и граждане в электронной среде. (1): 216–228.
- Морозова Е.В., Мирошниченко И.В., Рябченко Н.А. 2016. Фронтир сетевого общества. Мировая экономика и международные отношения. 60. (2): 83–97.
- Семененко И.С. 2012. Политическая идентичность. Политическая идентичность и политика идентичности: в 2 т. Т. 1: Идентичность как категория политической науки: словарь терминов и понятий. М., РОССПЭН, 71–76.
- Попова О.В. 2009. Особенности политической идентичности в России и странах Европы. ПОЛИС. Политические исследования. (1): 143–157.
- Попова О.В. 2002. Политическая идентификация в условиях трансформации общества. Автономная некоммерческая организация «Издательство Санкт-Петербургского государственного университета», 258.
- Солдатова Е.Л., Погорелов Д.Н. 2018. Феномен виртуальной идентичности: современное состояние проблемы. Образование и наука. 20 (5): 105–124.

- Фадеева Л.А. 2016. Идентичность как категория политической науки: исследовательское поле и когнитивный потенциал. *Политическая наука.* (2): 164–180.
- Федорченко С.Н. 2017. Политические идентичности в социальных сетях Интернета. *Вестник Пермского университета. Серия: Политология.* (2): 29–46.
- Ackland R., O'Neil M. 2011 Online collective identity: The case of the environmental movement. *Social Networks.* 33 (3): 177–190.
- Anderson N. Political pirates: A history of Sweden's Piratpartiet. *Arstechnica.* 2009. Electronic resource. Available at: <https://arstechnica.com/tech-policy/2009/02/rick-falkvinge-is-the-face/> (accessed: 24.12.2021)
- Baym N.K. 2015. *Personal connections in the digital age.* John Wiley & Sons, 196.
- Cain J.A. 2020. I'm the One: Social Media, Social Identity, and Elections. *Online Journal of Communication and Media Technologies.* 10 (4).
- De Castro V.B., Kober R. 2019. The Royal Republic of Ladonia: A Micronation built of Driftwood, Concrete and Bytes. *Shima.* 13 (1): 115–135.
- Hague B.N., Loader B.D. 2005. *Digital democracy: Discourse and decision making in the information age.* Routledge, 296.
- Hermida A., Lewis S.C., Zamith R. 2014. Sourcing the Arab Spring: A case study of Andy Carvin's sources on Twitter during the Tunisian and Egyptian revolutions. *Journal of computer-mediated communication.* 19 (3): 479–499.
- Himanen P. 2010. *The hacker ethic.* Random House, 255.
- Holt R. 2004. *Dialogue on the Internet: Language, civic identity, and computer-mediated communication.* Greenwood Publishing Group, 2004, 256.
- Janowski T. 2015. Digital government evolution: From transformation to contextualization. *Government information quarterly.* 32 (3): 221–236.
- Khamis S., Vaughn K. 2011. Cyberactivism in the Egyptian revolution: How civic engagement and citizen journalism tilted the balance. *Arab Media and Society.* 14 (3): 1–25.
- Marwick A.E. 2013. Online identity. *A companion to new media dynamics,* 355–364.
- Mossberger K., Tolbert C.J., McNeal R.S. 2007. *Digital citizenship: The Internet, society, and participation.* MIT Press, 221.
- Papacharissi Z.A. (ed.) 2011. *A networked self: Identity, community, and culture on social network sites.* Routledge, 336.
- Soon C., Kluver R. 2014. Uniting political bloggers in diversity: Collective identity and web activists. *Journal of Computer-Mediated Communication.* 19 (3): 500–515.
- Turkle S. 1995. *Life on the Screen.* Simon and Schuster, 347.
- Wellman B. 2001. Physical Place and Cyber Place: The Rise of Networked Individualism. *International Journal of Urban and Regional Research.* (1): 227–252.

References

- Astaf'eva O.N. 2007. Virtual'nye soobshhestva: «setevaja» identichnost' i razvitie lichnosti v setevykh prostranstvakh [Virtual Communities: «Networked» Identity and Personality Development in Networked Spaces]. *Visnik Harkivs'kogo nacional'nogo universiteta: Teorija kul'turi ta filosofija nauki.* 776: 120–133.
- Berger P., Lukman T. 1995. Social'noe konstruirovanie real'nosti. *Traktat po sociologii znaniya* [The Social Construction of Reality. A Treatise on sociology of Knowledge.]. M.: Medium, 323
- Bondarenko S.V. 2005. Politicheskaja identichnost' v kiberprostranstve [Political identity in cyberspace]. *Politicheskaja nauka.* (3): 76–92.
- Vojskunjij A.E., Evdokimenko A.S., Fedunina N.J. 2013. Setevaja i real'naja identichnost': sravnitel'noe issledovanie. *Psihologija* [Network and real identity: a comparative study]. *Zhurnal Vysshej shkoly jekonomiki.* 10 (2): 98–120. DOI: <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2013-2-98-121>
- Giddens A. 1995. *Jelementy teorii strukturacii* [Elements of the Theory of Structuration]. *Sovremennaja social'naja teorija: Burd'e, Giddens, Habermas.* Novosibirsk, izd-vo Novosibirskogo universiteta. 1995: 41–80.
- Zhade Z.A., Ljausheva S.A. 2016. Novye tendencii v issledovanii setevoj identichnosti [New trends in the study of online identity]. *Obshhestvo: sociologija, psihologija, pedagogika.* (1): 10–14.

- Castells M. 2004. Galaktika Internet: Razmyshlenija ob Internete, biznese i obshhestve [The Internet Galaxy: Reflections on the Internet, Business, and Society]. Per. s angl. A. Matveeva pod red. V. Haritonova. Ekaterinburg: U-Faktorija (pri uchastii izd-va Gumanitarnogo un-ta), 328.
- Castells M. 2000. Informacionnaja jepoha: jekonomika, obshhestvo i kul'tura [The Rise of the Network Society, The Information Age: Economy, Society and Culture]. Per. s angl. pod nauch. red. O.I. Shkaratana. M.: GU VShJe, 608.
- McLuhan M. 2003. Ponimanie Media: Vneshnie rasshirenija cheloveka [Understanding media: the extensions of man]. Per. s angl. V. Nikolaeva. M.; Zhukovskij: «KANON-press-C.», «Kuchkovo Pole», 464.
- Mart'janov D.S. 2015. Ot setevoj identichnosti k politike identichnosti v seti internet: smena paradigmi [From online identity to identity politics on the Internet: a paradigm shift]? Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Politologija. Mezhdunarodnye otnoshenija. (1): 44–52.
- Mart'janov D.S. 2014. Setevaja identichnost': transformacija fenomena i podhodov k izucheniju [Network identity: transformation of the phenomenon and approaches to study]. Politicheskaja jekspertiza: POLITEKS. 10 (4): 142–160.
- Mart'janov D.S., Mart'janova N.A. 2012. Diskursivnye aspekty jetnicheskoi identichnosti v internete [Discursive aspects of ethnic identity on the Internet]. Vestnik SGUTKD. (2): 233–238.
- Mead Q. 1994. Az i Ja [The I and the Me]. Amerikanskaja sociologicheskaja mysl': teksty. M.: Izd-vo MGU, 227–237.
- Miroshnichenko I.V., Morozova E.V. 2017. Setevye mehanizmy formirovanija identichnostej [Network mechanisms for the formation of identities]. Gosudarstvo i grazhdane v jelektronnoj srede. (1): 216–228. DOI: <https://doi.org/10.17586/2541-979X-2017-1-216-228>
- Morozova E.V., Miroshnichenko I.V., Rjabchenko N.A. 2016. Frontir setevogo obshhestva [Frontier of the network society]. Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija. 60. (2): 83–97. DOI:10.20542/0131-2227-2016-60-2-83-97
- Semenenko I.S. 2012. Politicheskaja identichnost' [Political identity]. Politicheskaja identichnost' i politika identichnosti: v 2 t. T. 1: Identichnost' kak kategorija politicheskoi nauki: slovar' terminov i ponjatij. M.: ROSSPEN, 71–76.
- Popova O.V. 2009. Osobennosti politicheskoi identichnosti v Rossii i stranah Evropy [Features of political identity in Russia and European countries]. POLIS. Politicheskie issledovanija. (1): 143–157.
- Popova O.V. 2002. Politicheskaja identifikacija v uslovijah transformacii obshhestva [Political identification in the conditions of society transformation]. Avtonomnaja nekommercheskaja organizacija «Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta», 258.
- Soldatova E.L., Pogorelov D.N. 2018. Fenomen virtual'noj identichnosti: sovremennoe sostojanie problem [The phenomenon of virtual identity: the current state of the problem]. Obrazovanie i nauka. 20 (5): 105–124.
- Fadeeva L.A. 2016. Identichnost' kak kategorija politicheskoi nauki: issledovatel'skoe pole i kognitivnyj potencial [Identity as a category of political science: research field and cognitive potential]. Politicheskaja nauka. (2): 164–180.
- Fedorchenko S.N. 2017. Politicheskie identichnosti v social'nyh setjah Interneta [Political identities in the social networks of the Internet]. Vestnik Permskogo universiteta. Serija: Politologija. (2): 29–46.
- Ackland R., O'Neil M. 2011 Online collective identity: The case of the environmental movement. Social Networks. 33 (3): 177–190. DOI:10.1016/j.socnet.2011.03.001
- Anderson N. Political pirates: A history of Sweden's Piratpartiet. Arstechnica. 2009. Electronic resource. Available at: <https://arstechnica.com/tech-policy/2009/02/rick-falkvinge-is-the-face/> (accessed: 24.12.2021).
- Baym N.K. 2015. Personal connections in the digital age. John Wiley & Sons, 196. DOI:10.1080/10714421.2011.573442
- Cain J.A. 2020. I'm the One: Social Media, Social Identity, and Elections. Online Journal of Communication and Media Technologies. 10 (4). DOI:10.30935/ojcm/9142
- De Castro V.B., Kober R. 2019. The Royal Republic of Ladonia: A Micronation built of Driftwood, Concrete and Bytes. Shima. 13 (1): 115–135. DOI:10.21463/shima.13.1.10
- Hague B.N., Loader B.D. 2005. Digital democracy: Discourse and decision making in the information age. Routledge, 296. DOI: 10.4324/9780203984031

- Hermida A., Lewis S.C., Zamith R. 2014. Sourcing the Arab Spring: A case study of Andy Carvin's sources on Twitter during the Tunisian and Egyptian revolutions. *Journal of computer-mediated communication*. 19 (3): 479–499. DOI:10.1111/jcc4.12074
- Himanen P. 2010. *The hacker ethic*. Random House, 255.
- Holt R. 2004. *Dialogue on the Internet: Language, civic identity, and computer-mediated communication*. Greenwood Publishing Group, 2004, 256. DOI:10.5860/choice.42-5071
- Janowski T. 2015. Digital government evolution: From transformation to contextualization. *Government information quarterly*. 32 (3): 221–236. DOI:10.1016/j.giq.2015.07.001
- Khamis S., Vaughn K. 2011. Cyberactivism in the Egyptian revolution: How civic engagement and citizen journalism tilted the balance. *Arab Media and Society*. 14 (3): 1–25.
- Marwick A.E. 2013. Online identity. *A companion to new media dynamics*, 355–364.
- Mossberger K., Tolbert C.J., McNeal R.S. 2007. *Digital citizenship: The Internet, society, and participation*. MIT Press, 221. DOI: 10.7551/mitpress/7428.001.0001
- Papacharissi Z.A. (ed.) 2011. *A networked self: Identity, community, and culture on social network sites*. Routledge, 336. DOI: 10.4324/9780203876527
- Soon C., Kluver R. 2014. Uniting political bloggers in diversity: Collective identity and web activists. *Journal of Computer-Mediated Communication*. 19 (3): 500–515. DOI:10.1111/jcc4.12079
- Turkle S. 1995. *Life on the Screen*. Simon and Schuster, 347.
- Wellman B. 2001. Physical Place and Cyber Place: The Rise of Networked Individualism. *International Journal of Urban and Regional Research*. (1): 227–252.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Солдатенков Иван Вячеславович, аспирант кафедры политических институтов и прикладных политических исследований, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ivan V. Soldatenkov, Postgraduate student of the Department of political institutions and applied political science, Saint Petersburg State University, St Petersburg, Russian Federation

УДК 338+323.2

DOI 10.52575/2687-0967-2022-49-1-207-216

Инновационная политика в специфике современной практики политического лидерства Российской Федерации

Казаков М.А.¹, Лысцев М.С.²

¹⁾ Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,

Россия, 603950, Нижегородская область, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23;

²⁾ Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексева,

Россия, 603950, Нижегородская область, г. Нижний Новгород, ул. Минина, 24

E-mail: kazakov_mihail@list.ru; MLystsev@gmail.com

Аннотация. Проведенное исследование позволяет констатировать, что анализ роли и практики политического лидерства (ПЛ) в инновационном развитии Российской Федерации на выходе конкретизирует его инновационный потенциал (ИП). По ряду параметров он еще не сбалансирован из-за следствий и противоречий формирования самовоспроизводящейся национальной системы. В его воплощении задействованы и люди, и элементы цикла инновационных преобразований, в нашем варианте – стратегическая культура, мышление, процессы стратегического планирования и управления с показателями эффективности реализации стратегий, изменений внутренней (с учетом новых публичных форм) и внешней среды. К этому добавим зависимость ИП ПЛ от изменений в роли государства и инновационной политике. В первом случае – его более инициативной и решительной миссии на современном этапе в создании новых механизмов и творческих ресурсов, во втором – востребованности ее результатов во всех сферах общества. В каждом случае требуются инновационные решения с опорой на соответствующие компетенции.

Ключевые слова: инновационный потенциал политического лидерства, инновационное развитие, стратегическая культура, инновационные компетенции, публичное управление

Для цитирования: Казаков М.А., Лысцев М.С. 2022. Инновационная политика в специфике современной практики политического лидерства Российской Федерации. *Via in tempore. История. Политология.* 49 (1): 207–216. DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-1-207-216

Innovative policy in the specifics of the modern practice of political leadership of the Russian Federation

Mikhail A. Kazakov¹, Mikhail S. Lystsev²

¹⁾ National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,
23 Gagarin Avenue, Nizhny Novgorod 603950, Nizhny Novgorod Region, Russia

²⁾ Nizhny Novgorod State Technical University R.E. Alekseev,
24 Minin St., Nizhny Novgorod 603950, Nizhny Novgorod Region, Russia

E-mail: kazakov_mihail@list.ru; MLystsev@gmail.com

Abstract. The conducted research allows us to state that the analysis of the role and practice of political leadership (PL) in the innovative development of the Russian Federation at the output specifies its innovative potential (IP). According to a number of parameters, it is not yet balanced due to the consequences and contradictions of the formation of a self-reproducing national system. Its implementation involves both people and elements of the cycle of innovative transformations, in our version, strategic culture, thinking, strategic planning and management processes with indicators of the effectiveness of implementing strategies, changes in the internal (taking into account new public forms) and external environment. Add to this the dependence of IP PL on changes in the role of the state and innovation policy. In the first case, its more proactive and decisive mission at the present stage in the

creation of new mechanisms and creative resources, in the second, the demand for its results in all spheres of society. In each requiring innovative solutions based on relevant competencies.

Keywords: innovative potential of political leadership, innovative development, strategic culture, innovative competencies, public administration

For citation: Kazakov M.A., Lystsev M.S. 2022. Innovative policy in the specifics of the modern practice of political leadership of the Russian Federation. *Via in tempore. History and political science.* 49 (1): 207–216 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-1-207-216

Инновации и лидерство – явления близкие по своей стратегической сути [Казakov, 2009, с. 13]. Ее выражением в социально-политическом процессе является постоянный спрос на них. Выход – ответ на необходимость. Инновационная политика как одно из мест их встречи с ее результатами, возросшими технологическими возможностями в заинтересованности власти, бизнеса и гражданского общества в их управлении и развитии – тема более чем актуальная и предметно конкретная в условиях 2022 года. Геополитические и ковидные риски (а вслед за ними и другие) до предела усложнили и обострили в конкуренции ведущих держав вызовы и противоречия прежних лет. И если актуальность темы сегодня напрямую связана с насущной необходимостью их мирного разрешения, то конкретика – в его методах и способах, инновационных технологиях политического управления органов власти. В этом ракурсе теоретический аспект актуальности смещается от изучения основных типов акторов инновационной политики в сторону политического лидерства как специфического механизма инновационного развития. Практический – к социальной и политической стабильности в конкретных странах с новым пониманием факторов устойчивости соответствующих систем.

Политическое лидерство Российской Федерации в таком фокусе – важнейшее звено, фактор опоры и развития. На фоне интереса россиян, как показывают исследования, к духовным и публично-политическим практикам – это соответствующий им комплексный феномен. Он сочетает институциональный, социокультурный (включая политико-психологический) и управленческий уровни (к примеру, федеральный, региональный, МСУ). Но не сводится в реальном контексте лишь к власти или менеджменту. Хотя и может подразумевать, как считает В.А. Никонов, «и совокупность опробованных в стране принципов государственного управления. И осознание своей страны как лидера, без чего ...и индивидуальное лидерство (особенно в политике) не может быть по-настоящему эффективным» [Никонов, 2017, с. 3]. Основная цель статьи – исследование роли и практики политического лидерства в инновационном развитии современной России.

Введение

Сегодня стало доброй традицией изучение темы реализации инновационной политики РФ по трем основным направлениям научного поиска. А. Соединение разнообразных исследовательских концептов, в котором проблема инноваций и вопросы инновационного развития получают особенное для каждого содержательное наполнение. Б. Роль в этом общем поле государства и институтов власти, бизнеса и гражданского общества с выходом на концепцию национальных инновационных систем как самостоятельного типа научности и практики. В. Механизмы обеспечения эффективного взаимодействия субъектов, акторов и игроков (тех же государств) инновационного развития с обращением ранее к зарубежному, а ныне к отечественному опыту государственно-частных партнерств в его междисциплинарном дискурсе.

В реалиях все участники инновационного процесса (от научных, некоммерческих гражданских структур до бизнеса) функционируют в различных сферах деятельности государственного и частного сектора. Их результатом являются разные инновации. На них в

процессе воплощения и внедрения, используя политику в области налогов, пошлин, кредитов, строительства инфраструктуры и других рычагов [Примаков, 2014, с. 172] влияют решения органов власти, контролируемые, в свою очередь, политической элитой. Лидер (группа) по мере роста авторитета и решающих полномочий становится фигурой, направляющей деятельность государства. Задачи инновационного развития в нем, как правило, решаются через выработку общенациональных целей, стратегии, долгосрочных и тактических ориентиров, общего плана действий. Политические лидеры, помимо общеизвестных функций, чаще проявляют себя сегодня в *стратегировании* и контроле исполнения приоритетных направлений ответственных за них должностных лиц.

В таком русле инновационная политика – это согласованная деятельность субъектов инновационного процесса (новаторов), структур бизнеса, гражданского общества и власти по определению общенациональной системы социальных приоритетов в сфере инноваций и целенаправленной, скоординированной работе по их претворению в жизнь. И если политическая позиция институтов гражданского общества как субъекта инновационного развития стала активно формироваться лишь в последнее десятилетие, то позиция государства при собственных основаниях в ней политического лидерства (а это не только Президент, но и главы – Правительства Российской Федерации, обеих палат парламента, регионов и т. д.) по осуществлению инновационного пути известна с 2000-х гг. Тогда же инновационная политика как *активность* ее субъектов, реализуемая в ее проведении, и закрепились в целях, действиях и воплощении *потенциала* каждого института.

Уже в выступлении на расширенном заседании Государственного совета «О стратегии развития России до 2020 года» 8 февраля 2008 г. В.В. Путин не только ее наметил, но и подчеркнул, что основу инновационного развития страны составляет реализация *человеческого потенциала*. Эффективное применение знаний и умений людей для постоянного улучшения технологий, социальных и экономических результатов, жизни общества в целом. Человеческий капитал, национальная культура, стратегическое мышление – конкурентные преимущества страны на пути ее инновационного развития и «главное, чего мы добились – стабильности», констатировал тогда В.В. Путин, «которая позволяет строить планы, спокойно работать и создавать семьи...» [Казаков, 2008, с. 56].

Однако эта поступательность была поставлена под вопрос мировым кризисом и выходом из него в 2009–2010 гг., протестными акциями в 2011–2012 гг. Они показали неизменность позиции политического руководства страны на стабильность, возможность ее укрепления посредством методов и инновационной политики, в частности анализа спроса, выбора стратегий, приоритетных направлений, отбора инновационных проектов, учета рисков и т. д. Последние с тех пор воспринимаются и осмысливаются через комплекс *знаний (как ресурса)*. Было усилено внимание к информационным стратегиям, ИКТ и образовательным технологиям. В последующие годы стали складываться попытки по-новому сформировать политическую базу поддержки реформ и власти, «сохранить статус великой державы, в частности военной» [Григорьев, 2015, с. 120], что потребовало разнообразия ресурсов, проектов регионального развития.

Отдельным аспектом работы явилось изучение проблем и мер по их устранению по ходу периода 2014–2022 гг., осмысление происходящего, исходя не из статистики, а от действий политических лидеров, включая региональных, в динамике их интересов при переменах в ситуации, положении, стиле. В связи со сменой поколений в элитах и объявленного руководством страны курса на инновационное развитие, «*молодость* для политика» стала предметом публичного дискурса, а для лидеров субъектов Российской Федерации «*существенным преимуществом*» [Шестопал и др., 2012]. Разумеется, в составе каждого из поколений есть разные люди, но череда коррупционных скандалов сопровождает в большей мере представителей младшего поколения элиты, стремящегося жить «здесь и сейчас» и пренебрегающего стратегическим мышлением [Сергеев, 2014, с. 20].

Стратегирование, по своей сущности, есть основа инновационной деятельности. Для обеспечения ее эффективности требуется свод правил и норм сотрудничества с учетом препятствий для действий каждого актора, способностей политических лидеров видеть их последствия, переорганизовывать при необходимости перспективные направления, соотносить с национальными интересами, и содействовать инвестициям в них. В Крым, как пример, инвестирует государство и за редким исключением, не считая государственных корпораций, крупный российский бизнес. Основные векторы практики политического лидерства Российской Федерации в сфере инноваций соответствуют социальным запросам. Выражают тренды, проблемы и особенности политического управления инновационным развитием страны, включая противодействие разного рода атакам и изменениям извне, провоцирующим неопределенность и неустойчивость в отдельных системах общества.

Методология

Основой исследования является методологический принцип системного анализа с привлечением для углубленного раскрытия содержания практик политического лидерства элементов комплексного и социокультурного подхода. Они позволили авторам точнее изучить взаимосвязи и взаимовлияние структурных звеньев инновационного процесса, соизмерить уровни руководства, что является необходимым, но недостаточным условием механизма эффективного лидерства, возрастающее значение управленческих команд. Применение в этом плане структурно-функциональной и деятельностной парадигм, компетентностного подхода сфокусировало внимание на профессиональных действиях акторов инновационной политики. Использование институционального подхода позволило проанализировать роль государственных и общественных институтов с акцентов на политическом лидерстве в обеспечении курса инновационного развития.

При исследовании их современного состояния использовались методы *casestudy* и анализа процесса принятия решений. В качестве основных общенаучных методов выступили: анализ и синтез, позволившие получить развернутое представление о предмете исследования; индукция и дедукция, примененные в обработке теоретического и фактического материала, исторические и логические методы, представившие возможность изучать явления и процессы в развитии. Для выделения их особенностей был применен сравнительный анализ.

Концептуальные положения инновационной политики, особо важные для политологического исследования, так как в них отражается ее курс, формулируются цели, задачи, приоритеты и общая методология их реализации, получили развитие в следующих документах, учтенных в работе: Концепции долгосрочного социального развития Российской Федерации на период до 2020 года (утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р.), Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 г. (утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 8 декабря 2011 г. № 2227-р.), Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 1 декабря 2016 г. № 642).

Результаты и их обсуждение

Инновационная политика современной России стала складываться (после 2012 года) в обстановке кардинальных изменений самих условий ее развития. Реакция извне на воссоединение с Крымом, его интеграцию в многомерное пространство страны закрепила фронтовые линии в отношении к проводимой государством перестройке социально-экономической и политической систем. Уже в начале 2015 г. последовал принятый Правительством РФ специальный План развития. Он был направлен на обеспечение «устойчивого развития экономики и социальной стабильности» в обстоятельствах «наиболее сильного влияния неблагоприятной внешнеэкономической и внешнеполитической конъюнктуры».

Среди главных направлений плана значились следующие меры: 1) поддержка импортозамещения с акцентом на высокотехнологической продукции; 2) содействие развитию малого/среднего бизнеса и в частности инновационного предпринимательства; 3) создание возможностей для привлечения оборотных и инвестиционных ресурсов с приемлемой стоимостью в наиболее значимых секторах экономики; 4) повышение устойчивости банковской системы; 5) поддержка наиболее уязвимых категорий граждан; 6) снижение нестабильности на рынке труда и поддержка эффективной занятости; 7) оптимизация бюджетных расходов «за счет» выявления и сокращения неэффективных затрат, концентрации ресурсов на приоритетных направлениях развития и выполнении публичных обязательств (власти).

План отражал социально-ориентированную модель развития и был рассчитан на активизацию структурных изменений в экономике Российской Федерации. Но одновременно углублял аспекты, сопряженные с изменениями в политической системе, ее очевидной открытостью, более инициативной ролью государства в инновационной сфере страны. Это проявилось в том, что ряд проблем, ранее не имевших должного освещения в нормативно-правовых актах, регулирующих эту сферу, получили поддержку государства. По мнению экспертов, это, во-первых, вопросы развития научно-технической базы государственного управления для *стимулирования* инновационной деятельности; во-вторых, вопросы государственно-частных отношений нового типа и, в-третьих, вопросы ИКТ, цифровых технологий как организационных инструментов обеспечения инновационного развития.

Включив в себя проблемы, связанные с его управлением в субъектах РФ, они, по сути, и стали не только приоритетными направлениями устойчивого развития страны, но и своеобразными ориентирами в социально-политической среде последующих шести лет. А с учетом того, что большая часть сопутствующих им инвестиций планируется в развивающихся экономиках «сверху вниз», эти ориентиры подстегнули роль регионов, где именно новым губернаторам и их управленческим командам предстояло взять на себя главную нагрузку в решении конкретных практических вопросов на базе идеологии развития центра, но в значительной степени путем эффективной реализации стратегий регионов. Это активизировало процессы формирования регионального политического лидерства (РПЛ) ускоренным преодолением им общих/особенных проблем организации как носителя не только статусных полномочий посредника, но и определенного типа ценностей политического деятеля и инновационного предпринимателя [Кзаков, 2020].

В действительности не все обстоит так гладко и даже противоречиво. Те же процессы, что позволяют повысить благосостояние, приводят к тому, что результаты становятся менее стабильными для общества в целом, и в еще большей степени для конкретных групп населения [Рыхтик, 2020, с. 32]. Негативные явления, с которыми сталкивается большинство в них, известны: инфляция, снижение реальных доходов, социальное расслоение, коррупция, равенство граждан перед законом и прочие. Они по-разному влияют на инновационное развитие. Включая и то, что инновационные управленческие действия руководителей разного уровня по их преодолению, в том числе и стратегического характера, т. е. в направлении устойчивого развития и конкурентоспособности Российской Федерации, порой вязнут в несовершенстве экономической и политической систем, притом что в 2016–2019 гг. не раз звучали заверения о проведении инноваций в них в течение каждого года.

Запуску таких действий должен предшествовать не только анализ возможностей, но и рисков. Основными элементами модели управления социально-политическими и инновационными рисками являются: А) категория «действующих лиц» – в нашем случае в них входят политические руководители и лидеры, управленцы от менеджеров до правительств, индивидуальные (активисты, волонтеры) и коллективно организованные акторы (организации разного типа, сообщества); Б) сами стратегии управления рисками; В) процесс их реализации с предъявлением базовых групп рисков. В нашем варианте это макроэкономические, операционные, гео- и внутривластные. Относительно последних нужно отметить их взаимозависимость.

Управление геополитическими рисками является сверхактуальным в условиях ужесточения западных санкций. Напряженность международной обстановки отрицательно влияет на реализацию инновационных проектов с иностранными партнерами, через которых страна получает не только финансовые, но и технологические ресурсы. Внутривнутриполитические риски из-за их нехватки чреваты деградацией основных общественных институтов. Ковидные риски по степени охвата и реального ущерба уже обусловили вероятность возникновения (при наличии успешных практик и сил, им противодействующих) иммунных и ментальных сбоев, следствием чего может стать снижение природных начал человека. Именно перед правительством, таким образом, стоит задача управления инновационными рисками с учетом комбинации факторов.

Важным ориентиром принятия им решений, наряду с рациональностью и эффективностью, становится закон. В том числе и поэтому после реализации ряда неотложных мер модернизация государственной политики продолжилась в конституционной реформе с включения изменений, адекватных переменам в мире, стране, обществе, в Конституцию РФ 1993 года, одобренных в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. Конституция и конституционность, как следует из практики, не подвергаются ни легитимации, ни делигитимации. Но вот процессы легитимации власти в современной политике связаны с различием конституционных (постоянных) и режимных (изменяемых) аспектов политической организации.

Политическое лидерство, укрепляя режим правления, испытывает на себе его трансформацию, в большей степени затрагивающую в федерации региональный уровень власти. Так, одной из главных конституционных новелл стало понятие «единая система публичной власти», получившее развитие в Федеральном законе от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации». С политологической точки зрения, *корпус региональных лидеров* обрел в нем признание, статус, регулируемые правила «политической игры». При неопределенности в механизмах влияния гражданского общества на высших должностных лиц субъекта РФ он стал подвержен применению селективных механизмов, обновлению через критику общественного мнения и выборы, чем в содержании роли этого уровня лидерства и в главной функции инновационной деятельности получили подтверждение *изменения к большей автономии методов и путей достижения определяемых общенациональными интересами цели развития*.

Специфика современной практики политического лидерства в целом во многом определяется характером политических отношений, состоянием социокультурной и социально-политической среды в «привязке» к персональным характеристикам лидеров в спектре взаимодействий с различными инстанциями. Но она будет не полной, если не учитывать особенности соотношения элементов разной природы: традиций и новаций, личного и общественного, приватного и публичного, а соответственно, управляемого и самоуправляемого, других требований времени и способов регуляции, являющихся продуктом ценностных предпочтений и профессионализма. К этому добавим и усиление идеологических, экономических аспектов во взаимодействии не только лидеров, но и социальных акторов, новые способы коммуникации между ними.

Инновационный потенциал общества (при такой специфике) напрямую зависит от политики государства по поддержке социальных групп, продуцирующих инновации, проводимые сегодня политическими лидерами разного уровня. Но чтобы они мыслили и действовали более эффективно, умело используя имеющиеся ресурсы, им необходимо и более проникновенное владение *стратегической культурой*. Не только отечественной, но и стран враждебных и дружественных, ведущих институтов внутри них. Этот не до конца оцененный фактор имеет принципиальное значение и в долгосрочной перспективе, и по отношению к текущей международной и внутривнутриполитической ситуации. (Что на примере регионального лидерства авторы попытались показать в одной из статей [Казиков, 2020]).

Он весьма специфично способствуют тому, каким образом большинство формирует отклик, поддерживает действующую власть (осуществляющих ее лиц), а она сама воспринимается им как отвечающая принятым в обществе традициям и нормам.

В преодолении рисков устойчивости социальных, политических систем на текущем и предстоящем периоде, наряду с опытом как сплавом знаний и уроков, практик памяти, важность имеет освоение/поддержание уровня *инновационной компетентности* (ИК). Она является базой, из которой, по мнению ученых и экспертов, «произрастает» новое лидерство. В контексте возросшей скорости информации и мышления, ускоренной пандемией, ИК включает умения генерировать свежие идеи, руководить процессом их реализации до воплощения в виде нового продукта, технологии. Поскольку современное политическое лидерство есть процесс взаимодействия субъекта-лидера (индивида, команды) со своими последователями (разных уровней и организаций) [Burns, 2003, Hogg, 2006, Couto, 2010] в реальном контексте, инновационные компетенции лидера способны вызывать интерес граждан к решениям, затрагивающим чувства достоинства и уважения, их защиты, чем обретают интегрирующее значение. Они притягивают, делают партнерами неравнодушных людей, «формируют их готовность к риску» [Глаз и др., 2014, с. 144].

Оптимальная модель воспроизводства эффективных политических практик требует от лидеров учета интеграционных и дезинтеграционных процессов, динамики централизации и децентрализации, безопасности и влияния, действий миграционного, религиозного, этнического, языкового и иных факторов на разных уровнях общества и публичного управления им методами «доказательной политики» [Соловьев, 2021, с. 61]. В нейтрализации воздействия деструктивных, дисфункциональных феноменов проступает ее связанность с органами государственной власти в устранении патологий и налаживании эффективной коммуникации в пространстве взаимодействия заинтересованных в инновациях акторов.

Политическое лидерство Российской Федерации среди них, кроме прочего, носитель «обратной связи» и современных управленческих технологий. Располагая необходимыми компетенциями и инструментами, обращенная к самореализации людей, их креативности, эта многоуровневая структура (*как механизм*) способна безопасным, демократическим и открытым способом снять остроту текущего момента для решения социальных и технологических (главным образом для промышленности) проблем страны.

Заключение

Проведенное исследование позволяет констатировать, что анализ роли и практики политического лидерства в инновационном развитии Российской Федерации на выходе конкретизирует его инновационный потенциал (ИП). По ряду параметров он еще не сбалансирован из-за следствий и противоречий формирования самовоспроизводящейся национальной системы. В его воплощении задействованы и люди, и элементы цикла инновационных преобразований, в нашем варианте – стратегическая культура, мышление, процессы стратегического планирования и управления с показателями эффективности реализации стратегий, изменений внутренней (с учетом новых публичных форм) и внешней среды. К этому добавим зависимость ИП СПЛ от изменений в роли государства и инновационной политике. В первом случае – его более инициативной и решительной миссии на современном этапе в создании новых механизмов и творческих ресурсов, во втором – восприимчивости ее результатов *во всех* сферах общества.

Персональные характеристики лидеров при известной значимости их влияния на характер и направление политического процесса, также приводятся к «общему знаменателю» в виде создаваемой системы профессиональных лифтов и условий для производства и конструктивной конкуренции идей, проектов, необходимых для создания инновационных технологий политического управления. Наконец, сравнительно эффективная коммуника-

ция в пространстве взаимодействия заинтересованных в инновациях акторов, чутко улавливая изменения сетевого ландшафта и интернет-технологий, способна оказывать существенное воздействие на всю архитектуру политической власти, включая и политическое лидерство как ее институт.

Список источников

- Концепции долгосрочного социального развития Российской Федерации на период до 2020 года. Утверждена распоряжением Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. № 1662-р. URL: <https://base.garant.ru/194365/?ysclid=l0sjxgiwq> (дата обращения: 18 февраля 2022).
- План первоочередных мероприятий по обеспечению устойчивого развития экономики и социальной стабильности в 2015 г. (утвержден Распоряжением Правительства РФ от 27 января 2015 года 98-р.). URL: <https://base.garant.ru/70852914/?ysclid=l0sjsb9rk9> (дата обращения: 15 февраля 2022).
- Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года. Утверждена распоряжением Правительства России от 8 декабря 2011 г. № 2227-р. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70006124/> (дата обращения: 15 февраля 2022).
- Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации. Утверждена Указом Президента РФ от 1 декабря 2016 г. № 642. URL: <https://base.garant.ru/71551998/?ysclid=l0sjgnw57a> (дата обращения: 15 февраля 2022).
- Федеральный закон Российской Федерации от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/403166160/> (дата обращения: 16 февраля 2022).

Список литературы

- Глаз В.Н., Савельева Е.А., Миргородская О.А. 2014. Инновационная компетентность кадров современной экономической системы. Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права, 3: 143–148.
- Григорьев Л.М. 2015. Трансформация: для людей или для элит? В кн.: Четверть века после СССР: люди, общество, реформы. Под ред. Е.Б. Шестопал, А.Ю. Шутова, В.И. Якунина. М., Изд-во Московского университета: 93–124.
- Казаков М.А. 2009. Инновации и лидерство на региональном уровне управления: технологический подход. Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия. Социологические науки, 1: 13–17.
- Казаков М.А. 2008. Социокультурное обоснование инновационного развития России. Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия. Социологические науки, 4: 54–59.
- Казаков М.А. 2020. Региональное лидерство в процессах развития: к проблеме стратегической культуры во внутривластной сфере. Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки, 4: 54–60.
- Никонов В.А. 2017. Слово главного редактора. Стратегия России. 2: 3–6.
- Примаков Е.М. 2014. Вызовы и альтернативы многополярного мира: роль России. Отв. ред. П.А. Цыганков, И.И. Кузнецов; Авт. вступит. ст. А.Ю. Шутов; Сост. А.В. Топычканов. М., Изд-во Московского университета: 320 с.
- Рыхтик М.И. 2020. Биовласть: государственная политика с учетом биополитического фактора. В кн.: Власть в XXI веке. Социокультурные аспекты политических процессов. Под общ. ред. М.И. Рыхтика, А.Н. Фортунатова. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ: 24–36.
- Сергеев С.А. 2014. Региональная элита Республики Татарстан: смена лидеров – смена поколений. В кн.: История и политика: региональная интеграция, региональная идентичность и устойчивое развитие в сравнительной перспективе: материалы IX Международного симпозиума. 27–29 мая 2014 г. Н. Новгород: НИУ РАНХиГС: 18–20.
- Соловьев А.И. 2021. «Доказательная политика» и «политика доказательств»: дилемма постсоветских обществ. Контуры глобальных трансформаций: Политика, экономика, право. Т. 14. 5: 61–80.

- Человеческий капитал российских политических элит: политико-психологический анализ. 2012. Под ред. Е.Б. Шестопал, А.В. Селезневой. Москва, РОССПЭН, 341 с.
- Burns J.M. 2003. Transforming leadership: A new pursuit of happiness. New York, Atlantic Monthly Press, 319 p.
- Hogg M.A. 2006. Social identity theory. In Contemporary social psychological theories. P.J. Burke (Ed.). Palo Alto, Stanford University Press: 111–136.
- Political and civic leadership: A reference handbook. 2010. Ed. by Richard Couto. Vol. 1. Los Angeles, SAGE publications.

References

- Glaz V.N., Savel'eva E.A., Mirgorodskaja O.A. 2014. Innovacionnaja kompetentnost' kadrov sovremennoj jekonomicheskoy sistemy [Innovative competence of the personnel of the modern economic system]. Bulletin of the Belgorod University of Cooperation, Economics and Law, 3: 143–148.
- Grigor'ev L.M. 2015. Transformacija: dlja ljudej ili dlja jelit? [Transformation: for people or for elites?] In: A quarter of a century after the USSR: people, society, reforms. Edited by E.B. Shestopal, A.Y. Shutova, V.I. Yakunin. M., Moscow University Publishing House: 93–124.
- Kazakov M.A. 2009. Innovacii i liderstvo na regional'nom urovne upravlenija: tehnologicheskij podhod [Innovation and leadership at the regional management level: a technological approach]. Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. Series. Sociological Sciences, 1: 13–17.
- Kazakov M.A. 2008. Sociokul'turnoe obosnovanie innovacionnogo razvitija Rossii [Socio-cultural justification of innovative development of Russia]. Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. Series. Social Sciences, 4: 54–59.
- Kazakov M.A. 2020. Regional'noe liderstvo v processah razvitija: k probleme strategicheskoy kul'tury vo vnutripoliticheskoy sfere [Regional leadership in development processes: on the problem of strategic culture in the domestic political sphere]. Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. Series: Social Sciences, 4: 54–60.
- Nikonov V.A. 2017. Slovo glavnogo redaktora [The word of the editor-in-chief]. Russia's strategy. 2: 3–6.
- Primakov E.M. 2014. Vyzovy i al'ternativy mnogopoljarnogo mira: rol' Rossii [Challenges and alternatives of the multipolar world: the role of Russia]. Ed. P.A. Tsygankov, I.I. Kuznetsov; Author of the entry. art. A.Yu. Shutov; Comp. A.V. Topychkanov. M.: Moscow University Publishing House: 320 p.
- Ryhtik M.I. 2020. Biovlast': gosudarstvennaja politika s uchetom biopoliticheskogo faktora [Bio-power: state policy taking into account the biopolitical factor]. In: Power in the XXI century. Sociocultural aspects of political processes. Under the general editorship of M.I. Rykhtik, A.N. Fortunatov. Nizhny Novgorod: Publishing House NNGU: 24–36.
- Sergeev S.A. 2014. Regional'naja jelita Respubliki Tatarstan: smena liderov – smena pokolenij [Regional elite of the Republic of Tatarstan: change of leaders – change of generations]. In: History and Politics: Regional integration, regional identity and sustainable development in a comparative perspective: proceedings of the IX International Symposium. May 27–29, 2014 N. Novgorod, NIU RANHiGS: 18–20.
- Solov'ev A.I. 2021. «Dokazatel'naja politika» i «politika dokazatel'stv»: dilemma postsovetskih obshhestv [«Evidence policy» and «evidence policy»: the dilemma of post-Soviet societies]. Contours of Global Transformations: Politics, Economics, Law. Vol. 14. 5: 61–80.
- Chelovecheskij kapital rossijskih politicheskikh jelit: politiko-psihologicheskij analiz [The human capital of Russian political elites: a political and psychological analysis]. 2012. Edited by E.B. Shestopal, A.V. Selezneva. Moscow., ROSSPAN, 341 p.
- Burns J.M. 2003. Transforming leadership: A new pursuit of happiness. New York, Atlantic Monthly Press, 319 p.
- Hogg M.A. 2006. Social identity theory. In Contemporary social psychological theories. P.J. Burke (Ed.). Palo Alto, Stanford University Press: 111–136.
- Political and civic leadership: A reference handbook. 2010. Ed. by Richard Couto. Vol. 1. Los Angeles, SAGE publications.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Казakov Михаил Анатольевич, профессор кафедры политологии института международных отношений и мировой истории, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Лысцев Михаил Сергеевич, доцент кафедры методологии, истории и философии науки института экономики и управления, Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева, г. Нижний Новгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Kazakov Mikhail Anatolyevich, professor of the Department of Political Science, Institute of International Relations and World History, National Research Nizhny Novgorod State University N.I. Lobachevsky, Nizhny Novgorod, Russia

Lystsev Mikhail Sergeevich, associate professor, Department of Methodology, History and Philosophy of Science, Institute of Economics and Management, Nizhny Novgorod State Technical University R.E. Alekseev, Nizhny Novgorod, Russia

УДК 327

DOI 10.52575/2687-0967-2022-49-1-217-226

Об эволюции российско-абхазских отношений в 1990-е – начале 2000-х годов

Рыжов И.В.¹, Старкин С.В.¹, Соколов Р.Н.²

- ¹⁾ Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Россия, 603005, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, 2;
- ²⁾ Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, Россия, 603155, г. Нижний Новгород, ул. Минина, 31а
E-mail: ivr@fmo.unn.ru, starkinserge@mail.ru, romasokolov777@gmail.com

Аннотация. Кризисные явления последних лет существования СССР и последующий распад государства активизировали центробежные тенденции, приведшие к нескольким этнополитическим конфликтам и возникновению непризнанных государств. Одним из таких стала Абхазия, отстаивавшая свою независимость от Грузии. Россия в период 1990-х – первой половины 2000-х гг. старалась придерживаться многовекторного подхода к ситуации на Южном Кавказе, не занимая позиции Тбилиси или Сухума. Несмотря на большое количество работ, затрагивающих российско-абхазские отношения, в большинстве своем они посвящены роли России в урегулировании грузино-абхазского конфликта и преодолении его последствий либо развитию российско-абхазских отношений после августа 2008 г. Целью данного исследования является анализ российско-абхазских отношений в период между завершением активной фазы грузино-абхазского конфликта и признанием Россией независимости Абхазии. Авторами описаны основные этапы в развитии сотрудничества между двумя странами. Основной акцент сделан на эволюции политики Российской Федерации в отношении данного государства, выразившейся в развитии стратегического партнерства в политической, экономической, социальной и культурной сферах. Стратегия российского политического влияния на государство Абхазия в рассматриваемый период претерпевала определенные изменения на фоне развития отношений между данными странами, с одной стороны, и Грузией – с другой. Полученные результаты позволяют сделать выводы как о поступательном развитии российско-абхазских отношений, так и о попытках российского руководства лавировать между интересами Грузии и Абхазии с целью недопущения нарушения баланса сил на Южном Кавказе.

Ключевые слова: Абхазия, Россия, Грузия, Южный Кавказ, международные отношения, стратегическое партнерство, международное посредничество, чеченские кампании

Для цитирования: Рыжов И.В., Старкин С.В., Соколов Р.Н. 2022. Об эволюции российско-абхазских отношений в 1990-е – начале 2000-х годов. *Via in tempore. История. Политология.* 49 (1): 217–226. DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-1-217-226

Evolution of Russian-Abkhaz relations in the 1990s – early 2000

Igor V. Ryzhov¹, Sergej V. Starkin¹, Roman N. Sokolov²

- ¹⁾ Lobachevsky State University of Nizhnii Novgorod,
2 Ulyanov St., Nizhny Novgorod 603005, Russia;

- ²⁾ Linguistics University of Nizhny Novgorod,
31A Minin St., Nizhny Novgorod 603155, Russia

E-mail: ivr@fmo.unn.ru, starkinserge@mail.ru, romasokolov777@gmail.com

Abstract. The crisis phenomena of the last years of the existence of the USSR and the subsequent collapse of the state intensified centrifugal tendencies, which led to several ethno-political conflicts and the emergence of

unrecognized states. One of these was Abkhazia, which defended its independence from Georgia. Russia in the period of the 1990s – the first half of the 2000s tried to adhere to a multi-vector approach to the situation in the South Caucasus, without taking the position of Tbilisi or Sukhum. Despite the large number of works that affect Russian-Abkhaz relations, most of them are devoted to the role of Russia in the settlement of the Georgian-Abkhaz conflict and overcoming its consequences, or the development of Russian-Abkhaz relations after August 2008. The purpose of this study is to analyze Russian-Abkhaz relations in the period between the end of the active phase of the Georgian-Abkhaz conflict and the recognition of the independence of Abkhazia by Russia. The authors describe the main stages in the development of cooperation between the two countries. The main emphasis placed on the evolution of the Russian Federation's policy towards this state, expressed in the development of a strategic partnership in the political, economic, social and cultural spheres. The strategy of Russian political influence on the state of Abkhazia during the period under review underwent certain changes against the background of the development of relations between these countries, on the one hand, and Georgia, on the other. The results obtained allow to draw conclusions both about the progressive development of Russian-Abkhaz relations and about the attempts of the Russian leadership to maneuver between the interests of Georgia and Abkhazia in order to prevent an upset of the balance in the South Caucasus.

Keywords: Abkhazia, Russia, Georgia, the South Caucasus, international relations, strategic partnership, international mediation, the Chechen campaigns

For citation: Ryzhov I.V., Starkin S.V., Sokolov R.N. 2022. Evolution of Russian-Abkhaz relations in the 1990s – early 2000. *Via in tempore. History and political science*, 49 (1): 217–226 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-1-217-226

Введение

После распада СССР произошли существенные трансформации в геополитическом ландшафте и расстановке сил на международной арене. Это было связано, в первую очередь, с появлением на постсоветском пространстве новых независимых государств, осуществление которыми полноценной и грамотной внешней политики в значительной степени затруднялось рядом внутривосточных трудностей, а также борьбой за приграничные территории. В контексте выстраивания внешнеполитического курса Россией как правопреемницей Советского Союза во взаимодействии с новыми государствами особого внимания заслуживает анализ взаимоотношений с Абхазией.

Оба государства обладают тесными историческими связями. Так, во время правления императора Александра I в 1810 г. Абхазское княжество было присоединено к Российской империи, что послужило стимулом для развития дальнейшего сотрудничества двух стран в экономической сфере и взаимопроникновения их культур. Уже более двухсот лет Абхазия представляет собой важнейший в стратегическом плане для России регион Южного Кавказа. Выход к побережью Черного моря в значительной степени повышает стратегический морской потенциал региона, а также его привлекательность с рекреационной точки зрения в силу расположения в нем морских курортов. После прихода к власти в России В. Путина в декабре 1999 г. произошло заметное укрепление партнерства двух стран в культурной, социальной и экономической сферах. Россия играла важнейшую роль в обеспечении гармоничного развития государства Абхазия и являлась посредником в выстраивании им взаимоотношений с ведущими игроками международной арены. Однако ошибочно рассматривать весь комплекс российско-абхазских взаимоотношений лишь с точки зрения сотрудничества во всех областях, так как до президентства В.В. Путина РФ занимала совершенно противоположную позицию в отношении Абхазии.

Объекты и методы исследования

Объектом исследования выступает комплекс взаимоотношений России и Абхазии в период нахождения у власти в Абхазском государстве В.Г. Ардзинба. Методологической основой данной работы является системный подход, который позволил получить целостную кар-

тину взаимоотношений между Абхазией и Россией в рассматриваемый период. Кроме того, данный подход стал основанием для детального описания трансформации внешнеполитического курса Российского государства по отношению к Абхазии в период президентства Б.Н. Ельцина по сравнению с курсом, выработанным нынешним главой РФ В.В. Путиным. Для достижения поставленной цели и решения обозначенных задач при проведении исследования также были использованы такие общенаучные методы, как анализ, синтез, индукция и дедукция. Для анализа различной документации, на основании которой выдвигались тезисы работы, касающиеся сотрудничества РФ с Абхазией и выработки особой стратегии в отношении сотрудничества с Россией В. Ардзинба, применялся контент-анализ.

Результаты и их обсуждение

До 1920 г. Абхазия была де-факто независимым государством до вхождения в состав Грузии во время нахождения у власти в СССР И.В. Сталина [Achba, 2016, с. 97]. По итогам Всесоюзного референдума о сохранении СССР, состоявшегося 17 марта 1991 г., в целом Абхазия показала желание сохранить собственный статус союзной республики и, следовательно, выступала за сохранение Советского Союза как геополитической реальности [Петрова, 2011, с. 266]. Однако стоит подчеркнуть, что абхазское население уже не было столь солидарно в вопросе, касающемся референдума 31 марта 1991 г. о восстановлении независимости Грузии. В этом случае мнения в стране разделились: большинство населения Абхазии, представленное преимущественно самими абхазами, не выказало особого интереса в его разрешении, в то время как так называемое картвельское население государства было целиком и полностью вовлечено в участие в референдуме [Лакоба, 2001, с. 13]. Проведя всенародное голосование в рамках всего государства, она подтвердила, таким образом, свою позицию в первую очередь по вопросу о сохранении СССР как геополитической державы. Но с такой установкой была не согласна Грузия, чье правительство расторгло все имевшиеся договорённости с советскими республиками, в том числе и с Абхазией, а сама страна вышла из состава СССР [Петрова, 2011, с. 267]. Стоит отметить, что в этот период новые участники международных отношений направили основные усилия на сохранение и укрепление своей независимости и территориальной целостности. Данная внешне- и внутривосточная цель лежала в основе грузино-абхазского конфликта и войны, длившейся с 14 августа 1992 г. по 30 сентября 1993 г. и закончившейся победой Абхазии и обретением ею независимости от Грузии [Гицба, 2016, с. 57]. Стоит иметь в виду, что ряд исследователей воспринимают данные военные действия как конфликт между двумя странами, с одной стороны, и РФ, с другой [Цыганок, 2011, с. 10].

Построение независимого государства после распада СССР представлялось первоочередной задачей абхазского правительства, направленной на сохранение идентичности населения страны, и она была выполнена. Однако стоит отметить, что, несмотря на обретение Абхазией возможности построения суверенного государства в новом геополитическом климате, страна вступила в стадию кризиса после разрушительной и кровопролитной войны. В результате войны произошел не только упадок ее экономики и рост социальной напряженности, но также усугубились противоречия во внешнеполитической сфере во взаимодействии с ключевыми акторами мирового сообщества [Гицба, 2016, с. 57].

Большую роль в возрождении государства, безусловно, сыграла Россия, которая была одним из первых мировых акторов, высказавших намерение оказать Абхазии помощь в обретении внутренней и внешней стабильности [Гончарова, Садикова, 2012, с. 61]. 1 декабря 1993 г. при посредничестве России между Абхазией и Грузией был заключен меморандум о взаимопонимании, по которому обе стороны приняли на себя обязательство о взаимном неприменении силы и немедленном обмене пленными [Лакоба, 2001, с. 86]. Важно подчеркнуть, что поддержка со стороны России была необходима государству. Это было связано с тем, что, с одной стороны, между двумя странами была возможна доста-

точно эффективная кооперация в сфере торговли, а с другой стороны, РФ как мировая держава, обладающая огромным военным потенциалом, могла выступать гарантом безопасности абхазских границ [Петрова, 2014, с. 360]. Тем не менее решение об оказании подобной поддержки было принято лишь после нескольких лет активного вмешательства российской стороны в процесс разрешения грузино-абхазских противоречий, в котором российское руководство более благосклонно было настроено по отношению к Грузии.

Россия, будучи влиятельной мировой державой, имеющей большое влияние на расстановку сил на международной арене, все же преследовала в первую очередь собственные интересы и на фоне грузино-абхазских противоречий видела главной целью грамотное политическое лавирование между обеими странами. Для недопущения эскалации конфликта Российская Федерация как правопреемница СССР инициировала переговорный процесс между Грузией и Абхазией, состоявшийся зимой 1994 г. в Женеве [Лакоба, 2001, с. 86], в ходе которого очевидным успехом российской дипломатии стало решение о введении в мае 1994 г. российских миротворческих формирований на территорию Абхазии. Однако данная мера не принесла больших успехов, так как в этом же году на границе между Грузией и Абхазией был введен режим «особого положения», что вновь усугубило отношения между российской и абхазской сторонами [Тужба, 2015, с. 265]. В то время российское правительство было всерьез обеспокоено дестабилизацией обстановки на Южном Кавказе за счет организации Абхазией определенной пропаганды среди населения региона, которая могла в значительной степени угрожать геополитическим интересам России. На фоне накалявшейся обстановки происходило ухудшение внутривосточной ситуации в Грузии, как никогда нуждавшейся в поддержке со стороны Российской Федерации, которая продолжала следование стратегии лавирования между двумя странами [Morrow, 1994]. В этой связи важно отметить подписание Россией и Грузией договора о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве в ходе визита Б. Ельцина в Грузию 3 февраля 1994 г., в соответствии с которым на грузинской территории предполагалось расположение российских военных подразделений, а также предусматривалось установление контроля России на границе Грузии и Турции. В результате Грузия, воспользовавшись значительным сближением с Российской Федерацией, решила возобновить военные действия и открыла огонь по Абхазии. Это, в свою очередь, послужило препятствием для запланированного обмена беженцами между обеими сторонами, и Абхазия выступила с обвинением Грузии в попытке очередного вторжения на абхазскую территорию и нарушения ее суверенитета [Лакоба, 2001, с. 88].

Безусловно, для России вопрос установления стабильных отношений между обоими государствами Кавказа представлял чрезвычайную важность, так как Российская Федерация была наиболее авторитетным посредником переговорного процесса между ними. Российское руководство, используя весь спектр дипломатических методов и средств, своими действиями сумела привести оба государства к частичному примирению, о чем свидетельствует ряд заключенных при ее посредничестве двусторонних соглашений между Грузией и Абхазией. Так, во-первых, 4 апреля грузинской и абхазской сторонами были подписаны документы, касавшиеся урегулирования конфликта между ними. Первое соглашение закрепляло наличие у Абхазии собственных, независимых внутренних органов, осуществлявших управление страной, которые фактически признавались грузинской стороной как законные и определяющие суверенитет государства на международной арене. В документе также были очерчены контуры двустороннего взаимодействия государств, включая сферу экономических контактов и работу пограничных служб. Во-вторых, между Грузией и Абхазией было подписано соглашение, предусматривавшее взаимный обмен беженцами и лицами, совершившими военные преступления на территории обеих стран в ходе конфликта. И, в-третьих, в мае того же года государства подписали соглашение о взаимном прекращении огня и перемирии, в соответствии с которым Россия вновь была объявлена ООН главным посредником в миротворческом процессе по преодолению последствий грузино-абхазского конфликта [Лакоба, 2001, с. 91].

26 ноября 1994 г. была принята Конституция Республики Абхазия, а на пост Президента государства вступил В.Г. Ардзинба. С началом его президентства связан этап активизации российского влияния на ход грузино-абхазских переговоров. Российская позиция в данном случае была ориентирована на вовлечение Грузии, внутри которой все более очевидным стало возрастание прозападных настроений, в сферу своих интересов, чего, по мнению руководства Российской Федерации, можно было добиться главным образом путем наложения на Абхазию информационных санкций и пресечения коммуникации государства с участниками международного сообщества. Такая позиция оценивалась как наиболее эффективная и действенная, так как Грузия, наблюдая за созданием Россией подобной блокады Абхазии, должна была видеть союзника в лице российской стороны. Россия действительно оказывала большее содействие грузинской стороне в ходе переговоров, в результате чего под сомнение был поставлен вопрос о беспристрастности ее позиции, несмотря на тот факт, что до момента принятия Конституции Абхазии российская сторона активно участвовала в бомбардировках Грузии [Тужба, 2015, с. 263]. Так, миротворческими войсками Российской Федерации, образованными по условиям грузино-абхазского соглашения, была предпринята попытка оказания давления на Абхазию в вопросе обмена беженцами и военнопленными с грузинской стороной. По сути, это являлось прямым нарушением договора, заключенного под эгидой ООН, предполагавшего поэтапное решение данного вопроса без применения насильственных мер со стороны России. Ситуация усугубилась также попыткой грузинских диверсантов установить контроль над грузино-абхазской границей, что еще больше осложнило российско-абхазские отношения [Гицба, 2016, с. 58]. Также Грузия впоследствии отказалась от признания заключенного в апреле четырехстороннего соглашения с Абхазией, что привело к очередной конфронтации в их взаимоотношениях [Лакоба, 2001, с. 90]. В целом грузино-абхазский конфликт 1990-х гг. показал неспособность России выработать комплексный и грамотный подход к налаживанию связей с обоими государствами и урегулированию противоречий между ними. Это было связано, в первую очередь, с внутривнутриполитическим кризисом в стране, сопровождавшимся нарастанием противоречий между двумя политическими силами – демократами, высказывавшими недовольство в отношении идеи о присоединении Абхазии к Грузии, и националистами, которые видели будущее Абхазии лишь в составе Российской Федерации [Тужба, 2015, с. 263]. Россия, действия которой по выполнению условий заключенных соглашений дискредитировали ее правительство в глазах абхазского населения, оказалась в ситуации политического тупика и нуждалась в скорейшем преодолении накопившихся трудностей и противоречий.

Выход из данной ситуации, который казался правительству Б. Ельцина наиболее оптимальным, заключался в сближении с Грузией и оказании ей значительной поддержки в давлении на Абхазию. Российская Федерация видела в Грузии стратегического партнера в условиях возникавшей напряженности в Кавказском регионе, в связи с чем они заключили ряд соглашений о взаимопомощи, которая особенно нужна была России в рамках проведения военной акции в Чечне, а Грузии – в вопросе возвращения контроля над абхазской территорией. Придерживаясь подобной стратегии, российское руководство произвело блокаду российско-абхазской границы зимой 1994 г., за которой последовало наложение экономических санкций на государство, сопровождавшееся вводом войск во все объекты стратегического значения страны, включая сухопутное и морское базирование. Вплоть до 1996 г. Абхазия была подвергнута давлению со стороны Грузии и России, которые, по мнению экспертов, готовы были открыть огонь. Последней каплей в данном контексте стало развертывание российской стороной своего рода акции против прохода судов иностранных государств через акваторию Абхазии без контроля Российской Федерации. Она привела к прямому столкновению двух государств 20 марта 1996 г. при задержании Россией украинского судна в абхазской бухте, после чего Абхазия окончательно убедилась в приверженности России позиции Грузии [Лакоба, 2001, с. 96]. Противостояние между

двумя государствами продолжалось вплоть до 1998 г., объявленного грузинскими властями годом возвращения Абхазии. Грузия предпринимала попытки разрешить конфликт с большой выгодой для себя, стремясь провести операцию по принуждению к миру на абхазской территории в ходе очередной военной акции против данной страны, вошедшей в историю под названием Шестидневной войны между Грузией и Абхазией. Россия вновь сыграла роль миротворца в серии данных столкновений, сорвав планы Грузии по подчинению абхазской территории.

Качественно новый этап взаимоотношений России и Абхазии принято датировать 1999 г., когда Президентом Российской Федерации стал В.В. Путин и страна выработала особую стратегию во взаимоотношениях с данным государством. Новый президент поставил задачу восстановления отношений с Абхазией, а также репутации России на международной арене, которая оказалась в глубокой политической изоляции в результате проведения неудачной Чеченской кампании. Грузия не рассматривалась более в качестве главного союзника в Кавказском регионе, так как произошла переориентация данного государства на запад. Этот год характеризовался значительным охлаждением российско-грузинских отношений и в то же время восстановлением связей между Россией и Абхазией на фоне развивавшейся второй чеченской кампании [Лакоба, 2001, с. 101].

9 сентября была возобновлена радио- и телефонная связь Абхазии с другими государствами, в чем большая заслуга именно российского правительства. Россия официально отменила возложенные ранее на Абхазию санкции, что способствовало смягчению пограничного режима между двумя странами и проявлением абхазского населения интереса к получению загранпаспортов Российской Федерации. Данные шаги обуславливали стремление Российской Федерации вернуть прежнее влияние на Южном Кавказе, где Абхазия воспринималась центральным актором, отражающим российские геополитические интересы [Лакоба, 2001, с. 97]. В октябре был принят Акт о государственной независимости Абхазии, после чего в государстве более активно стали обсуждать вопрос об ее политическом статусе [Гицба, 2016, с. 59]. С этого момента российская сторона также начала активно проводить миротворческую деятельность в республике, что сыграло важную роль в снижении риска возобновления военных действий в регионе, а также в выработке перспективы для нормализации отношений между Грузией и Абхазией. Особое место в российской политике в отношении Республики Абхазия занимает социальный аспект, и повышенное внимание руководства страны к данной сфере объясняется наличием большого числа российского населения, проживавшего на абхазской территории. Важно подчеркнуть, что уже в начале 2000-х гг. Российской Федерации удалось снизить степень его дискриминации, а права российских граждан во всех областях общественной жизни были значительно расширены [Рыжов, Бородин, 2017, с. 429]. В большей степени это касалось культурной сферы, так как русский язык стал вторым официальным языком в государстве [Gerrits, 2016, с. 300]. Данное обстоятельство снискало широкую поддержку абхазского руководства, воспринимавшего его как один из главных механизмов для развития тесных связей с большим числом акторов международной арены. И именно поэтому возможность предоставления Абхазии полной независимости рассматривалась исключительно при условии сохранения тесных связей с Российской Федерацией во всех сферах жизни [Boden, 2014, с. 300].

Начало президентства В.В. Путина совпало также с определенным накалом в отношениях между Абхазией и Россией во многом вследствие непродуманных на первом этапе шагов, предпринятых Россией для выстраивания связей с обеими странами. В частности, значительное ухудшение социально-экономического положения граждан Абхазии, возникшее в результате длительной политической и экономической изоляции государства, вызвало у руководства страны сомнения по поводу эффективности предпринимаемых Россией мер для преодоления грузино-абхазских противоречий. В то же время значительно ухудшились взаимоотношения Российской Федерации и Грузии из-за неодобрения Россией поддержки грузинской стороной чеченских беженцев и их готовности к предо-

ставлению им убежища в ходе второй чеченской кампании [Гицба, 2016, с. 58]. Это, в свою очередь, способствовало изменению Россией ее классической позиции по отношению к Абхазии и создало благоприятную почву для развития их сотрудничества в разных сферах. 26 августа 2008 г. Российская Федерация признала независимость Республики Абхазия [Гицба, 2016, с. 59]. Все это, в свою очередь, привело к появлению возможности построения конфедеративного союза между двумя государствами и оформления прочной базы для их дальнейшего сотрудничества. Абхазия перестала восприниматься мировым сообществом в качестве территориальной составляющей Грузии и была официально признана им в рамках международной арены [Скаков, 2013, с. 190].

Заключение

В целом, несмотря на ряд трудностей в развитии отношений между Россией и Абхазией на рубеже XX–XXI веков, оба государства были настроены на выстраивание прочных связей в торговле и товарообороте, культурной сфере, а также в политико-административной области. Примерно с 2009 г. Абхазию ежегодно посещают более миллиона российских туристов, а после ухудшения отношений Российской Федерации со странами Запада в 2014 г. их число превысило миллион человек. О заинтересованности российской стороны в налаживании партнёрства с государством Абхазия свидетельствуют результаты социологических опросов, согласно которым более половины опрошенных высказались за вхождение Абхазии в состав Российской Федерации на правах автономной республики. Что касается взглядов абхазской стороны, они также выражали приверженность государства укреплению связей с Россией в перечисленных областях, и такая позиция объяснялась мощным военным потенциалом Российской Федерации, которую Абхазия воспринимала в качестве гаранта мира и безопасности в кавказском регионе. Именно поэтому В.Г. Ардзинба выступал с инициативой о возможности размещения Россией на абхазской территории ее военных баз для обеспечения защиты мирного населения.

Анализ развития взаимоотношений между Российской Федерацией и Абхазией показал, что первая на протяжении президентства в Республике В. Ардзинба проводила политику «двойных стандартов» в отношении данного государства, выступая против нее в коалиции с Грузией и в то же время участвуя в восстановлении ее разрушенной экономики. Тем самым Россия добивалась наиболее благоприятной расстановки сил в стратегически важном для нее регионе. Важно отметить, что развитие взаимоотношений между двумя странами в целом характеризовалось развитием тенденции, непосредственно связанной с трансформацией в расстановке политических сил на международной арене, а именно с ростом влияния стран прозападной ориентации на события, происходящие на Южном Кавказе, и вместе с тем – с ослаблением позиции России в регионе. Это в значительной степени ставило под угрозу вопрос суверенитета Абхазии в связи со склонностью западных стран к рассмотрению Абхазии в составе Грузии. При этом важно учитывать очевидное желание абхазской стороны развивать и укреплять отношения с Россией, так как она являлась наиболее сильной стороной в посредничестве в разрешении грузино-абхазских противоречий и выступала единственным гарантом территориальной целостности Абхазии, а также относительной внутренней стабильности в государстве. Таким образом, в настоящее время построение отношений между Россией и Абхазией происходит на основе принципов международного права, и связи между ними имеют ряд перспектив для дальнейшего развития.

Список литературы

- Гицба Х.Д. 2016. Развитие российско-абхазских отношений в период с 1993 по 1999 гг. Успехи современной науки и образования, 7 (10): 57–61.
- Гончарова А.В., Садикова А.К. 2012. Состояние и перспективы развития взаимоотношений России и Абхазии. Общество: социология, психология, педагогика, 2: 61–65.

- Лакоба С. 2001. Абхазия – де-факто или Грузия де-юре? О политике России в Абхазии в постсоветский период 1991–2000 гг. В кн.: Sapporo: Slavic Research Center. Hokkaido University: 109.
- Лиляк В.Б. 2011. Перспективы конфедеративного союза России и Абхазии. Пробелы в российском законодательстве, 2: 31–33.
- Петрова С.В. 2011. Российско-абхазские отношения в контексте современных реалий. Известия Алтайского гос. ун-та, 4–1: 264–268.
- Петрова С.В. 2014. Республика Абхазия в контексте геополитических процессов кавказского региона. Теория и практика общественного развития, 1: 359–361.
- Рыжов И.В., Бушуева С.В., Бородин М.Ю. 2019. Особенности положения черкесской диаспоры в ближневосточных государствах в XXI веке. Регионы мира: проблемы истории, культуры и политики. Сборник статей. Сост. и гл. ред. А.А. Корнилов, отв. ред. А.А. Сорокин. Нижний Новгород, ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 168–176.
- Рыжов И.В., Бородин М.Ю. 2017. Черкесская диаспора в ближневосточных государствах: история и современность. Труды Института востоковедения РАН. 5. М., Институт востоковедения РАН, 423–436.
- Скаков А.Ю. 2013. Ученые записки Центра изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья ИВ РАН. Том I: Абхазия. М., Институт востоковедения РАН, 230.
- Тужба Э.Н. 2015. Постсоветская динамика российско-абхазских отношений. Современные исследования социальных проблем, 3: 261–272.
- Цыганок А.Д. 2011. Война на Кавказе 2008: русский взгляд. Грузино-осетинская война 8–13 августа 2008 года. М., АИРО-XXI, 352.
- Чайкина В.А. 2014. Российско-абхазские отношения в оценках МИДа в 2008–2013 гг. Гуманитарные и юридические исследования, 4: 79–84.
- Achba A. 2016. Abkhazia – Russia’s tight embrace. URL: https://www.ecfr.eu/article/essay_abkhazia_russias_tight_embrace (accessed: 17 September 2021).
- Boden D. 2014. The Russian-Abkhaz Treaty: new tensions in the South Caucasus. Friedrich-Ebert-Stiftung, 1–4.
- Carter A., White J. 2001. Keeping the Edge. Cambridge, MIT Press, 287.
- Doyle M. 2003. Empires. Ithaca: Cornell University Press.
- German T. 2016. Abkhazia and South Ossetia: Collision of Georgian and Russian interests. Institut Français des Relations Internationales, 11: 1–17.
- Gerrits Andre W.M. 2016. Russian patronage over Abkhazia and South Ossetia: implications for conflict resolution. East European Politics, 32 (3): 297–313.
- Morrow James D. 1994. Game Theory for Political Scientists. Princeton, Princeton University Press, 354.
- Relations of Russia, Abkhazia, South Ossetia are those between sovereign states. 2014. URL: <https://tass.com/russia/765353> (accessed: 23 September 2021).

References

- Gitsba Kh.D. 2016. Razvitie rossijsko-abhazskih otnoshenij v period s 1993 po 1999 gg. [The Development of the Russian-Abkhazian Relations from 1993 to 1999]. Uspekhi sovremennoy nauki i obrazovaniya, 7 (10): 57–61 (in Russian).
- Goncharova A.V., Sadikova A.K. 2012. Sostoyanie i perspektivy razvitiya vzaimootnoshenij Rossii i Abhazii [Status and Prospects of Development of the Relations between Russia and Abkhazia]. Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika, 2: 61–65 (in Russian).
- Lakoba S. 2001. Abkhaziya – de-fakto ili Gruzija de-yure? O politike Rossii v Abkhazii v postsovetskiy period 1991–2000 gg. [Abkhazia – de facto or Georgia de jure? On Russian policy in Abkhazia in the post-Soviet period 1991–2000]. V кн.: Sapporo: Slavic Research Center. Hokkaido University: 109.
- Liliyak V.B. 2011. Perspektivy konfederativnogo soyuza Rossii i Abhazii [Prospects for a Confederate Union of Russia and Abkhazia]. Probely v rossiyskom zakonodatel'stve, 2: 31–33.
- Petrova S.V. 2011. Rossijsko-abhazskie otnosheniya v kontekste sovremennyh realij [The Russian-Abkhazian Relations in the Context of Modern Realities]. Izvestiya Altayskogo gos. un-ta, 4–1: 264–268 (in Russian).

- Petrova S.V. 2014. Respublika Abkhaziya v kontekste geopoliticheskikh processov kavkazskogo regiona [Republic Abkhazia in the Context of Geopolitical Processes in the Caucasian Region]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, 1: 359–361 (in Russian).
- Ryzhov I.V., Bushueva S.V., Borodina M.Yu. 2019. Osobennosti polozheniya cherkesskoj diasporы v blizhnjevostochnykh gosudarstvakh v XXI veke [Features of the Position of the Circassian Diaspora in the Middle Eastern States in the XXI Century]. *Regiony mira: problemy istorii, kul'tury i politiki. Sbornik statej. Sost. i gl. red. A.A. Kornilov, otv. red. A.A. Sorokin. Nizhnij Novgorod, NNGU im. N.I. Lobachevskogo*, 168–176.
- Ryzhov I.V., Borodina M.Yu. 2017. Cherkesskaya diaspora v blizhnjevostochnykh gosudarstvakh: istoriya i sovremennost [Circassian Diaspora in the Middle Eastern States: History and Modernity]. *Trudy Instituta vostokovedeniya RAN. 5. M., Institut vostokovedeniya RAN*, 423–436.
- Skakov A.Yu. 2013. *Uchenye zapiski Tsentra izucheniya Tsentral'noy Azii, Kavkaza i Uralo-Povolzh'ya IV RAN. Tom I: Abkhaziya. Moscow, Institut vostokovedeniya RAN*, 230.
- Tuzhba E.N. 2015. Postsovetskaya dinamika rossiysko-abkhazskikh otnosheniy [Post-Soviet Dynamics of Russian-Abkhaz Relations]. *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem*, 3: 261–272.
- Tsyganok A.D. 2011. Voyna na Kavkaze 2008: russkiy vzglyad. Gruzino-osetinskaya voyna 8–13 avgusta 2008 goda [War in the Caucasus 2008: Russian view. Georgian-Ossetian war August 8–13, 2008]. *Moscow, AIRO-XXI*, 352.
- Chaykina V.A. 2014. Rossiysko-abkhazskie otnosheniya v ocenках MIDa v 2008–2013 gg. [The Russian-Abkhazian Relationship in Estimates of the Russian Foreign Ministry in 2008–2013]. *Humanities and law research*, 4: 79–84 (in Russian).
- Achba A. 2016. Abkhazia – Russia's tight embrace. Available at: https://www.ecfr.eu/article/essay_abkhazia_russias_tight_embrace (accessed: 17 September 2021).
- Boden D. 2014. The Russian-Abkhaz Treaty: new tensions in the South Caucasus. *Friedrich-Ebert-Stiftung*. 1–4.
- Carter A., White J. 2001. *Keeping the Edge. Cambridge, MIT Press*, 287.
- Doyle M. 2003. *Empires. Ithaca, Cornell University Press*.
- German T. 2016. Abkhazia and South Ossetia: Collision of Georgian and Russian interests. *Institut Français des Relations Internationales*, 11: 1–17.
- Gerrits Andre W.M. 2016. Russian patronage over Abkhazia and South Ossetia: implications for conflict resolution. *East European Politics*, 32 (3): 297–313.
- Morrow James D. 1994. *Game Theory for Political Scientists. Princeton: Princeton University Press*, 354.
- Relations of Russia, Abkhazia, South Ossetia are those between sovereign states. 2014. Available at: <https://tass.com/russia/765353> (accessed: 23 September 2021).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Рыжов Игорь Валерьевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и политики России, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, старший научный сотрудник международной междисциплинарной научно-исследовательской лаборатории «Изучение мировых и региональных социально-политических процессов», Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, г. Нижний Новгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Igor V. Ryzhov, Head of the Department of History and Politics of Russia of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Senior researcher at the international interdisciplinary research laboratory «Study of World and Regional socio-political processes» of the Nizhny Novgorod State Linguistic University named after N.A. Dobrolyubov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Nizhny Novgorod, Russia

Старкин Сергей Валерьевич, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, старший научный сотрудник международной междисциплинарной научно-исследовательской лаборатории «Изучение мировых и региональных социально-политических процессов», Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, г. Нижний Новгород, Россия

Соколов Роман Николаевич, младший научный сотрудник международной междисциплинарной научно-исследовательской лаборатории «Изучение мировых и региональных социально-политических процессов», Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, г. Нижний Новгород, Россия

Sergej V. Starkin, Head of the Department of Politology of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Senior researcher at the international interdisciplinary research laboratory «Study of World and Regional socio-political processes» of the Nizhny Novgorod State Linguistic University named after N.A. Dobrolyubov, Doctor of Political Sciences, Professor, Nizhny Novgorod, Russia

Roman N. Sokolov, Junior researcher at the international interdisciplinary research laboratory «Study of World and Regional socio-political processes» of the Nizhny Novgorod State Linguistic University named after N.A. Dobrolyubov, Nizhny Novgorod, Russia

УДК: 327

DOI 10.52575/2687-0967-2022-49-1-227-238

Создание договоров в Британском Содружестве и Содружестве Независимых Государств: теория и практика

Медведев И.В.

Тверской государственный университет,
Россия, 170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33
E-mail: ilya13092@yandex.ru

Аннотация: Исследование посвящено обзору и сравнительному анализу создания договоров в Британском Содружестве наций и Содружестве Независимых Государств. Обе организации имеют непростую историю создания и взаимоотношения между их участниками. Задумываясь как «институты развода»⁷² в рамках процессов дезинтеграции национальных экономик, эти наднациональные институты имеют под собой много общего. Разрушение и упадок Британской колониальной империи, равно как и распад СССР, требовали тотального пересмотра всех сфер вновь созданных национальных экономик и создания новых институтов регулирования отношений между новыми суверенными государствами. В настоящее время эти наднациональные организации стали не просто «временным» решением возникших проблем, но и получили свое дальнейшее развитие как полноправные субъекты международного права. Целью работы является поиск точек соприкосновения между организациями, которые будут полезны для улучшения качества формальных институтов, регулирующих интеграционные процессы между национальными экономиками. Теоретической основой исследования является анализ организаций с помощью институционального подхода в рамках интеграционных процессов между государствами. В качестве источников исследования были использованы научные труды ученых-экономистов в области международной интеграции, ученых-правоведов в сфере международного права, ученых-историков и политологов, исследующих развитие объединений и колониальный вопрос в различные периоды времени.

Ключевые слова: международное публичное право, институты интеграции национальных экономик, Содружество, СНГ, ЕАЭС, Россия, «институты развода» национальных экономик

Для цитирования: Медведев И.В. 2022. Создание договоров в Британском Содружестве и Содружестве Независимых Государств: теория и практика. *Via in tempore. История. Политология.* 49 (1): 227–238. DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-1-227-238

Treaty Making in the British Commonwealth and the Commonwealth of Independent States: Theory and Practice

Ilya.V. Medvedev

Tver State University,
33 Zhelyabova St., Tver 170100, Russia
E-mail: ilya13092@yandex.ru

Abstract: The study is devoted to a comparative analysis of international law in the British Commonwealth of Nations and the Commonwealth of Independent States. Both of these

⁷² Механизм, обеспечивающий наиболее цивилизованное выделение из единого государства (вне зависимости от его устройства) новых суверенных государств и государственных образований.

organizations have a difficult history and relationships between its members. Conceived as institutions of «Divorce» within the framework of the disintegration of national economies, these supranational institutions have much in common. The collapse and decline of the British colonial empire, as well as the collapse of the USSR, required a total revision of all spheres of the newly created national economies and the creation of new institutions for regulating relations between the new sovereign states. At present, these supranational organizations have become not just a «temporary» solution to the problems that have arisen, but also received their further development as full-fledged subjects of international law. The aim of the work is to find common ground between Organizations that will be useful for improving the quality of formal institutions that regulate integration processes between national economies. The theoretical basis of the study is the study of Organizations using an institutional approach to the study of integration processes between states. The research sources were the scientific works of economists in the field of international integration and legal scholars in the field of international law.

Keywords: public international law, institutions for the integration of national economies, the Commonwealth, the CIS, the EAEU, Russia, divorce institutions of national economies

For citation: Medvedev I.V. 2022. Treaty Making in the British Commonwealth and the Commonwealth of Independent States: Theory and Practice. *Via in tempore. History and political science*, 49 (1): 227–238 (in Russia) DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-1-227-238

Введение

История развития наднациональных образований, регулирующих деятельность отдельных национальных экономик, всегда являлась актуальным направлением исследования. В предыдущих работах автором были рассмотрены теоретико-экономические положения интеграции национальных экономик в формате СНГ, ЕАЭС, БРИКС и т. д. Проблема становления и развития формальных наднациональных институтов экономической интеграции очень тесно связана с вопросами международного права, которое регулирует отношения между участниками любого интеграционного объединения. Являясь своего рода «надстройкой», без которой невозможно было бы представить экономические связи между национальными экономиками, международные договоры являются крайне важным формальным институтом экономической интеграции.

Британское Содружество и СНГ представляют собой яркий пример, как решить общеизвестную неразрешимую коллизию между принципом нерушимости государственных границ и правом на самоопределение народов [Мутагиров, 2015]. Естественно, что существование подобных коллизий требовало создание механизма, который мог бы контролировать процессы дезинтеграции в прошлом единых государств наиболее цивилизованным образом. Такими институтами регулирования в свое время стали Британское Содружество, а позже и СНГ. В отличие от истории Европейского экономического сообщества и Европейского Союза, который был призван интегрировать национальные экономики в единое экономическое, политическое и транспортное пространство, СНГ и Британское содружество имели задачи разграничить вновь созданные суверенные государства без ограничений их прав как субъектов международного права.

В разное время форма и цели этих организаций постоянно менялись. Это выражалось как в попытках реинтеграции экономических, политических и культурных связей, так и в функционировании объединений как «институтов развода» национальных экономик. Разберем путь преобразования и основу функционирования этих организаций на примере анализа создания договоров в Содружестве наций и СНГ.

Британское Содружество: правовые аспекты и историческое основание

Особенностью Британского Содружества или Содружества наций является неоднократное реформирование организации [Акчурина, Демидов, 2017]. Процессы дезинтеграции Британской империи конца XIX и начала XX веков требовали создания «институтов развода» национальных экономик. После потери ряда американских колоний, а также Канады, Индии и некоторых владений в Вест-Индии было положено начало Содружества первого основания в 1887 году. В первом основании организации за наиболее экономически развитыми колониями был закреплен статус автономных квазигосударственных образований. Второе основание организации произошло после конференции стран Британской империи в 1926 году. После принятия Декларации Бальфура произошло правовое закрепление равного государственного статуса доминионов и Великобритании. Окончательное создание правовой базы организации произошло после третьего основания в 1931 году, после принятия Вестминстерского статута. Этот парламентский акт наделил юридической силой Декларацию Бальфура о полной самостоятельности колоний, однако Великобритания по-прежнему оказывала сильное влияние на внешнюю политику доминионов. Новые реформы организации произошли после окончания Второй мировой, на фоне экономического спада экономики Великобритании и начала национально-освободительных движений привело к отказу доминионов признавать британского монарха главой союза, что повлекло изменение структуры организации и ее переименование в Содружество наций в рамках четвертого основания в 1949 г.

Как до Второй мировой войны, так и после нее соглашения, существовавшие внутри Содружества наций, не являлись договорами в рамках международного публичного права, и, таким образом, любые споры между странами-участниками Содружества были вне юрисдикции Международных организаций наподобие Совета безопасности ООН. В результате правовой статус Содружества являл собой «серую зону»⁷³ между муниципальным и международным публичным правом. В качестве примера может служить конституция Австралии образца 1910 года, которая не «имела юридической силы в области заключения договоров» [Zelman, 1965], однако после окончания Второй мировой войны юридический статус доминионов стал трактоваться по-иному, так, являясь доминионами, Австралия и Канада ставили отдельные подписи в качестве основателей ООН, а позже Австралия и Новая Зеландия как полноправные участники наравне с Великобританией приняли участие в Организации Договора Юго-Восточной Азии [Dale, 1982] и тем самым де-факто стали субъектами международного права.

Вопросы юридической силы договоренностей между доминионами внутри Содружества велись со времен первого основания организации. Главным темой этих споров являлась международная правосубъектность доминионов в сфере торговли и международных отношений. Так как субъектом международного права была только Великобритания, это требовало некоторого разграничения, которое преобразовало договора Великобритании в Имперские договоры для доминионов и Индии, которая обладала особым статусом [Wheare, 1953]. В результате по закону в рамках этой системы доминионы являлись субъ-

⁷³ Под серую зону попадают неурегулированные отношения, которые могут иметь двусмысленное толкование. В качестве примера можно привести торговые отношения, затрагивающие регулирование параллельного импорта. Сам параллельный импорт, по сути, это механизм дистрибуции товара независимыми импортерами без прямого разрешения правообладателя из страны, где оригинальный товар был введен в гражданский оборот, в третьи страны. Естественно, данный факт создает ряд проблем, связанных с законностью и степенью легальности использования параллельного импорта [Медведев, 2018].

ектом международного права, и имперские договора распространялись на всей территории Содружества.

Тем не менее подобный подход к правовому статусу бывших колоний Британских империй не решил проблему «дискриминации» торговли, о которой писали многие ученые-экономисты, изучающие вопросы экономической интеграции [Machlup, 1977]. Например, договора о торговле с Бельгией и Германским таможенным союзом предполагали преференции и режим наибольшего благоприятствования именно для Британских (не имперских) товаров. В результате основным требованием доминионов в рамках договоренностей внутри Содружества было распространить преференциальный статус и на товары бывших колоний [Keith, 1938], что исключило бы эффект дискриминации в торговле между странами.

В случае успеха инициативы доминионов, которая представляла собой всемирный режим наибольшего благоприятствования, создание экономического союза наподобие ЕС случилось бы на много десятилетий раньше. Однако предложение доминионов было вредоносным для национальной экономики Великобритании, и в долгосрочной перспективе эта позиция могла привести к новой волне протекционизма в отношении общих товаров Великобритании и доминионов. По этой причине в начале XX века произошло четкое разделение страны происхождения товара на британские и иностранные (т. е. товары доминионов).

Это стало возможным благодаря консенсусу, при котором колониям было отказано в автономии при заключении договоров, однако в то же время доминионам разрешалось заключать отдельные договора при содействии Великобритании и местных представителей колонии. В отдельных случаях представители доминионов могли выступать главными переговорщиками до тех пор, пока право подписи (ратификации) оставалась исключительно у Великобритании. При этом полная ратификация подобных договоров происходила только в случае одобрения Британии и доминиона. Основной зоной ответственности доминионов при таком подходе было обеспечение имплементации договора в национальное законодательство. В качестве примера подобной системы заключения договоров является локальный договор между США и Канадой о промысле тихоокеанского палтуса в 1923 г. Главным переговорщиком и представителем с правом подписи от лица империи выступала Канада [Palmer, 1934].

В дальнейшем автономия колоний только усиливалась, что можно проследить на примере подписания представителями доминионов договора о членстве в Лиге Наций. Вопросы о постепенном приобретении международной правосубъектности доминионами поднимались в рамках имперских конференций 1923 и 1926 годов [Dawson, 1937]. Основными положениями, которые выносились на рассмотрение, были: «Положения о переговорах», «Положения о подписании договоров» и «Положения о ратификации договоров». Наиболее проблемные вопросы закономерно были вынесены в «Положения о подписании договоров» по причине того, что сложившиеся в то время автономность доминионов в сфере заключения договоров определялась правом подписи, исключительное право на которую было у Британской империи. Также любые переговоры доминионов должны были согласовываться с другими участниками Содружества для соблюдения принципа информации и консультирования. По результатам конференции 1923 года, под «договором» имелось в виду соглашение, заключенное в соответствии с «обычной дипломатической практикой» между главами государств и подписываемое полномочными представителями, наделенными полномочиями, которое было санкционировано главой государства.

Что подразумевается под формулировкой «обычной дипломатической практики» является открытым вопросом и попадает под «серую зону» регулирования международных отношений между Содружеством и третьими странами [Berman, 2015]. Так как конферен-

ция 1923 не была полностью ратифицирована и, подтверждая факт расплывчатой формулировки, был добавлен раздел об отдельных договорах, которые не «являются необычными» и которые носят обычно технический и/или административный характер. Таким образом, основной целью конференции 1923 года было урегулировать «технические и административные» соглашения в соответствии с принципами об информации и консультации, где это было необходимо. Результаты конференции 1923 года оказались скромными, однако многие положения этой конференции перешли в доработанную конференцию образца 1926 года.

В Имперской конференции 1926 года был учтен опыт взаимодействия Содружества с Лигой Наций, который оказался крайне полезным при разработке соответствующих положений. Особо стоит выделить «положения о многосторонних договорах». В этом положении наиболее ясно раскрываются сложности с международным статусом доминионов. Так, при подписании договоров соблюдалась в целом неудовлетворительная практика, которая связана с использованием слов «Британская империя», а потом перечнем всех доминионов. Подобная ситуация вносила неясность и непонимание относительно того, кто является субъектом международного права, так как Британская империя не была разграничена отдельно на Великобританию, Индию и другие доминионы. В отличие от Версальской формулы договоров, Имперская конференция 1926 года ввела разграничение между странами Содружества. В результате из Британской империи были выделены Великобритания и Северная Ирландия, а доминионы были наделены тем же статусом, что и Великобритания. Однако формула преамбулы к договорам осталась неизменной, и Великобритания с доминионами располагались вместе с единым блоком для подписи.

Имперская конференция 1926 года признала существование межправительственных соглашений на уровне доминионов, однако доминионам все еще предстоял долгий путь к обретению юридической правосубъектности, так как, с одной стороны, доминионы получили большую автономию, но для Великобритании данная практика была нежелательной. Хорошим примером может служить позиция Д.О. Чемберлена на Совете Лиги Наций о возврате к старой практике к подписанию договоров от лица главы объединенных государств и от имени короля «как символа особых отношений между различными частями империи» [Chamberlain, 1927]. По мнению Д.О. Чемберлена, «подобная практика должна была облегчить принятие договоров под эгидой Лиги Наций внутри сообщества по конституционным причинам, которые, однако, не должны беспокоить Совет Лиги Наций». Это политическое заявление имело свой успех, и договор об отказе войны в качестве инструмента национальной политики вернул старую практику заключения договоров, которую защищал Д.О. Чемберлен. До начала Второй мировой войны страны Содружества заключали договора на основе положений конференции 1926 года с небольшими изменениями и дополнениями в соответствии с принципами «договоренностей между собой» или «*inter se doctrine*» [Fawcett, 1958] в рамках Содружества. Формула 1926 года применялась и к договорам об отмене капитуляции в Египте 1937 года, и к Лондонским военно-морским договорам 1930 и 1936 годов.

После Второй мировой войны проблема юридической правосубъектности и заключения договоров доминионами исчезла. Бывшие доминионы стали активными участниками Устава ООН уже в качестве суверенных государств. Правовой статус бывших колоний как новых суверенных государств был закреплен в конституциях о независимости британских колоний, что наделяло новые государственные образования полными полномочиями в сфере заключения договоров. Полное закрепление статуса новых суверенных государств произошло после принятия Венской конвенции о праве Международных договоров. Таким образом, вопрос о договорах был полностью снят с

повестки дня в рамках встреч премьер-министров стран Содружества [Степанова, 2014].

Несмотря на то, что в рамках ООН удалось произвести разделение доминионов от Британской империи, существовало множество проблем, связанных с форсированием процессов дезинтеграции национальных экономик. Наиболее ярким примером могут служить национально-освободительные движения за национальную самоидентичность в Африканских странах и Юго-Восточной Азии, которые зачастую носили разрушительный характер и приводили к сильнейшему упадку экономик данных стран [Marie-Aude, 2016]. Некоторые процессы дезинтеграции наций оказались катастрофическими, как, например, отделение Пакистана от Индии в 1947 году.

Таким образом, можно сделать вывод, что более совершенные наднациональные институты регулирования деятельности новых суверенных государств не всегда способствуют улучшению качества экономических связей между национальными экономиками. В случае с Содружеством в период после Второй мировой войны можно наблюдать проблему форсирования процессов обретения полной независимости доминионами. Особо разрушительной деформации подверглись экономические связи на африканском континенте, где находились наименее развитые доминионы Британской империи. Также необходимо обратить внимание на опыт выделения национальных государств из Британской империи в рамках Содружества, что является уникальным явлением, так как оно происходило на стыке разрушения старых и создания новых современных институтов регулирования международных отношений. Это позволило провести апробацию многих положений, которые были включены в Венскую конвенцию о праве международных договоров 1969 года. В настоящий момент современной основой работы Содружества наций является «Декларация о принципах Содружества Наций, действующего на принципах консенсуса», которая определяет Содружество как объединение, действующее на добровольной основе и занимающееся вопросами консультационного и информационного взаимодействия между его участниками.

Правовые аспекты реинтеграция в СНГ

СНГ в сравнении с Содружеством наций является сравнительно новым наднациональным образованием, которое сложилось в рамках действующей международной правовой системы. Это определило дальнейший путь развития этой организации. Главной особенностью организации является ее направленность на реинтеграцию технологических связей, оставшихся после распада СССР, что привело к образованию новых суверенных государств на постсоветском пространстве [Доленко, Кониченко, 2010]. Здесь можно наблюдать параллели с попыткой Британской империи сохранить контроль над доминионами путем планомерного разграничения бывших колоний и метрополии. В случае с интеграцией на постсоветском пространстве наличие единого технико-экономического комплекса, оставшегося после СССР, требовало создания формата сотрудничества, отвечавшего объективным требованиям экономик, которые бы входили в новое образование. Правовая база СНГ начала оформляться в рамках уже действующей международной правовой системы, что на первых этапах позволило сформировать прочную нормативную правовую базу для углубления экономической интеграции между участниками [Цыкунов, 2015]. Переход на рыночную основу интеграции новых суверенных национальных экономик должен был реинтегрировать производственные цепочки на постсоветском пространстве. Рыночная основа интеграции экономической интеграции в рамках здоровой конкуренции и взаимодополняемости национальных экономик на постсоветском пространстве рас-

сматривалась как фундамент, на котором в дальнейшем происходила бы экономическая интеграция, связанная с формированием единого экономического пространства, созданием общих рынков, проведением единой кредитно-денежной политики, появлением единой валюты и созданием наднациональных органов, регулирующих функционирование интеграционного объединения [Медведев, 2020a].

На базе СНГ было создано большое количество договоров, касающихся взаимодействия СНГ с международными организациями и интеграционными объединениями в рамках соглашений: от 16 марта 1994 года «Об обеспечении взаимодействия СНГ и СБСЕ», от 9 октября 2008 года «Об информации Исполнительного комитета СНГ о сотрудничестве структур СНГ с другими региональными организациями и интеграционными объединениями», Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/48/237 от 24 марта 1994 года «О предоставлении СНГ статуса наблюдателя»; Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН в 2020 году «О Взаимодействии Исполнительного комитета СНГ с рабочими (исполнительными) органами международных организаций и т. д.

Как и в Содружестве первой половины XX века, фундаментом, на котором были предприняты попытки реинтегрировать новые суверенные государства постсоветского пространства, является принцип «inter se doctrine». Так, до начала сотрудничества СНГ с международными наднациональными организациями были приняты основополагающие соглашения о взаимодействии между участниками организации. Особо стоит выделить инициативы России, Белоруссии и Украины о включении в соглашение СНГ от 8 декабря 1991 года положений о «совместной деятельности, реализуемой на равноправной основе через общие координирующие институты СНГ», «сотрудничество в формировании и развитии общего экономического пространства, общеевропейского и евразийского рынков в области таможенной политики», «сотрудничество в развитии систем транспорта и связи».

Многие из этих положений перешли в Алма-Алтинскую декларацию от 21 декабря 1991 года, которые потом были закреплены в уставе СНГ. В частности, указанные положения были оформлены в «Заявлении о координации экономической политики в сфере создания единого экономического пространства». Это заявление являлось первым этапом на пути преобразования СНГ из способа развода национальных экономик в Экономический союз суверенных государств [Моисеев, 2020], которая имела прочный правовой фундамент. Основой нового Экономического Союза должны были стать договор между участниками СНГ «Об общих условиях поставок товаров» от 20 марта 1992 г.; «О порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности» от 20 марта 1992 г.; «О сотрудничестве в области внешнеэкономической деятельности» от 15 мая 1992 г. и т. д.

Правовой основой углубления интеграции СНГ в полноценный Экономический союз является «Договор о создании Экономического союза» от 24 сентября 1993 года. Данный документ носил комплексный характер и предполагал поэтапную реинтеграцию экономических связей. На базе указанного договора стали создаваться надгосударственные экономические органы СНГ, в частности стоит выделить «Соглашение о создании Межгосударственного экономического комитета (МЭК) Экономического союза». Несмотря на неодобрение Узбекистана, Туркменистана и Украины, МЭК продолжил свою работу в качестве основного института интеграции СНГ вплоть до его преобразования и реорганизации в Экономический совет СНГ в 1999 году.

В настоящее время наличие сформированной правовой базы и экономических предпосылок к углублению интеграционных связей между участниками СНГ так и не дошло до своей практической реализации. Юридическими и политическими причина-

ми этой неудачи, по мнению председателя интеграционного комитета СНГ Н.К. Исингарина, является недостаток политической воли и желания правящих элит в странах СНГ к созданию такого союза. Также к причинам неудачи СНГ Н.К. Исингарин относит отсутствие координирующего органа, который бы обеспечивал интерес национальных экономик, входящих в данное объединение. Последней причиной является недостаток времени (временной период в 3–5 лет) для реализации общих решений [Исингарин, 1998].

По мнению автора, к экономическим причинам неудачи СНГ по реинтеграции экономических связей можно отнести: во-первых, изначальное неравенство экономик стран-участниц организации; во-вторых, отсутствие механизма перераспределения выигрыша для стран СНГ. Например, в случае ЕврАзЭС (в дальнейшем Таможенного союза, который был преобразован в ЕАЭС) был учтен опыт СНГ, связанный с отсутствием экономического интереса стран СНГ в углублении интеграции. В результате Таможенный союз смог предложить интеграцию с экономическим компонентом на полурыночной основе, где наиболее развитая национальная экономика предоставляет льготы интегрирующимся странам Таможенного союза. В исследуемом примере такой страной стала Российская Федерация, которая использует механизм перераспределения ресурсной ренты, благодаря чему страны ТС/ЕАЭС получают энергоресурсы по ценам, которые значительно ниже среднемировых [Медведев, 2019]. В этом случае соблюдается интерес российских корпораций, которые получают доступ к рынкам сбыта своей продукции, а страны-партнеры по ТС/ЕАЭС получают льготы при торговле внутри объединения при интеграции на базе указанного формата [Медведев, 2020б]. Последней причиной является деформация экономических связей внутри СНГ. Данная деформация возникает по причине несоответствия институциональной базы с реальным уровнем развития интеграционных связей между странами СНГ. Указанную проблему можно наблюдать на примере подхода к договорам о создании зон свободной торговли (ЗСТ) в СНГ образца 1994 и 2011 годов. В первом случае соглашение о ЗСТ так и не было подписано, а во втором случае, несмотря на согласие 8 из 11 стран, данные соглашения были ратифицированы только между Россией, Белоруссией, Арменией, Молдавией и Украиной в 2013 году.

Выводы

Содружество наций и Содружество Независимых Государств являют собой два наглядных примера «институтов развода» национальных государств. Обе организации в попытках реинтегрировать старые экономические связи столкнулись с проблемами согласованности в проведении интеграционной политики. Период развития Содружества наций пришелся на формирование новых наднациональных институтов, регулирующих международные отношения, что не позволило провести апробацию многих положений, которые были разработаны в первой половине XX века. Основной причиной неудачи реинтеграции экономических связей в формате Содружества является наличие большого числа участников со слишком разным уровнем экономического развития и малое количество времени на апробацию программ выравнивания национальных экономик. Подобную проблему можно было наблюдать при сравнении договоров Содружества наций образца 1887, 1926, 1931, и 1949 года, где виден переход от попыток реинтеграции к разводу национальных экономик из единого государства. Вторая половина XX века, а позже и начало XXI века показали несостоятельность Содружества именно как экономического союза – так, как бывшие доминионы Британской империи стали активными участниками узкоспециализированных форматов экономической интеграции. Так, бывшие доминионы Юго-Восточной Азии являются активными

участниками интеграции в рамках АСЕАН [Медведев, 2016а]. На африканском континенте идут активные процессы интеграции в формате САДК, SACU и БРИКС [Медведев, 2016б]. Бывшие доминионы Южной и Северной Америки интегрируются в форматах МЕРКОСУР [Медведев, 2015] и НАФТА. Экономическая интеграция Великобритании происходила в рамках создания и становления Европейского экономического сообщества и Европейского Союза.

Правовая основа интеграции СНГ фактически повторила весь путь Содружества наций. Обладая хорошей правовой базой и действуя в рамках современной международной правовой системы, указанный институт интеграции постепенно преобразовывался именно в «институт развода» национальных экономик. Попытки реинтегрировать старые хозяйственные связи столкнулись со слишком большим разрывом экономического развития участников. Отсутствие консенсуса по дальнейшему развитию организации не позволило довести правовые основания интеграции в рамках СНГ до практической реализации. Как и в случае бывших доминионов, новые суверенные государства стали участниками специализированных форматов экономической интеграции. Так, опыт и апробация положений об экономической интеграции в СНГ позволили создать Таможенный союз, который в первую очередь опирался именно на экономический аспект интеграции национальных экономик, что нашло свое отражение в правовой базе указанного объединения. Страны СНГ, которых не устраивал Таможенный союз/ЕАЭС, стали участниками интеграции в рамках ЕС и других интеграционных объединений. Таким образом, Содружество наций и СНГ в настоящий момент являются добровольными объединениями, существующими на добровольной основе и основной ролью которых является консультационное взаимодействие между участниками внутри организаций.

Список литературы

- Акчурина О.С., Демидов С.В. 2017. От Британской Империи к Содружеству Наций. Вестник Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина, 4 (57): 81–85.
- Мутагиров Д.З. 2015. Правовые коллизии современных этнополитических кризисов. Вестник СПбГУ, 6 (1): 14–20.
- Доленко Д.В., Кониченко Ж.Д. 2010. Россия с СНГ: интересы, цели политики и проблемы взаимоотношений. Инженерные технологии и системы, 3: 55–59.
- Исингарин Н.К. 1998. Проблемы интеграции в СНГ. Алматы: Атамура, 215 с.
- Медведев И.В. 2015. Выход России на рынок Бразилии в рамках сотрудничества стран БРИКС. Финансовая аналитика: проблемы и решения, 44 (278): 58–64.
- Медведев И.В. 2016. Перспективы интеграции ЕАЭС и АСЕАН в формате взаимодействия стран БРИКС. Финансы и кредит, 41 (713): 29–37.
- Медведев И.В. 2016. Перспективы региональных объединений САДК, SACU и БРИКС в контексте развития экономики России. Финансовая аналитика: проблемы и решения, 21 (303): 53–60.
- Медведев И.В. 2018. Параллельный импорт в ЕАЭС. Общество и экономика, 5: 68–78.
- Медведев И.В. 2019. Теоретические и методологические основы экономических интеграционных процессов на постсоветском пространстве в рамках ЕАЭС. Вестник Тверского государственного университета. Серия: Экономика и управление, 4 (48): 183–191.
- Медведев И.В. 2020. Роль российских компаний в экономических интеграционных проектах «Один Пояс – Один Путь»: Теоретические и методологические основания. Вестник ИЭ РАН, 4: 185–201.
- Медведев И.В. 2020. Экономико-теоретические проблемы исследования экономических интеграционных процессов на постсоветском пространстве на примере СНГ. Теоретическая экономика, 2 (62): 60–66.

- Моисеев Е.Г. 2020. Истоки Евразийского экономического союза. Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 6 (10): 73–81.
- Степанова Н.А. 2014. Великобритания в содружестве наций: прошлое настоящее будущее. Вестник МГИМО университета, 4 (37): 214–220.
- Цыкунов Г.А. 2015. Содружество Независимых Государств у исторической черты. Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение, 11: 52–59.
- Berriedale A. Keith. 1938. *The Dominions as Sovereign States: Their Constitutions and Governments*. Macmillan and Co, 769 p.
- Berman F. 2015. Treaty-Making Within the British Commonwealth. *Melbourne University Law Review*, 38 (3): 898–920.
- Dale W. 1982 Is the Commonwealth an International Organization. *The international and Comparative Law Quarterly*, 31. 451–473.
- Fawcett J.E.S. 1958. *The Inter se Doctrine of Commonwealth Relations*. Athlone Press: London, 48 p.
- Gerald E.H. Palmer. 1935 *Consultation and Co-operation in the British Commonwealth: A Handbook on the Methods and Practice of Communication between the Members of the British Commonwealth of Nations*. *International Affairs*, 14 (1): 133–134.
- Machlup F. 1977. *A History of Thought on Economic Integration*. Palgrave Macmillan UK, 323 p.
- Marie-Aude F. 2016. Film as archive: Africa Addio and the ambiguities of remembrance in contemporary Zanzibar. *Social Anthropology*, 1: 82–96.
- MacG R. 1937. Dawson. The Imperial Conference. *The Canadian Journal of Economics and Political Science*, 3: 23–39.
- Sir Chamberlain A. 1927. Form of Treaties to Be Negotiated in Future under the Auspices of the League of Nations. League of Nations. HANSARD. URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/people/mr-austen-chamberlain/1927> (дата обращения: 17.03.2022).
- Wheare K.C. 1953. *The Statute of Westminster and dominion status*. Oxford University Press, 347 p.
- Zelman C. 1965. *The British Commonwealth of Nations in a Changing World*. Law, Politics & Prospects, 118 p.

References

- Akchurina O.S., Demidov S.V. 2017. Ot Britanskoi Imperii k Sodruzhestvu Natsii [From the British Empire to the Commonwealth of Nations]. *Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta imeni S.A. Esenina*, 4 (57): 81–85.
- Mutagirov D.Z. 2015. Pravovye kollizii sovremennykh etnopoliticheskikh krizisov [Legal collisions of modern ethno-political crises]. *Vestnik SPbGU*, 6(1): 14–20.
- Dolenko D.V., Konichenko Zh.D. 2010. Rossiya s SNG: interesy, tseli politiki i problemy vzaimootnoshenii [Russia with the CIS: Interests, Policy Goals and Relationship Problems]. *Inzhenernye tekhnologii i sistemy*, 3: 55–59.
- Isingarin N.K. 1998. *Problemy integratsii v SNG [Problems of integration in the CIS]*. Almaty: Atamura, 215 p.
- Medvedev I.V. 2015. Vыход России на рынок Бразилии в рамках сотрудничества стран BRICS. *Finansovaya analitika: problemy i resheniya [Russia's entry into the Brazilian market within the framework of cooperation between the BRICS countries]*, 44 (278): 58–64.
- Medvedev I.V. 2016. Perspektivy integratsii EAES i ASEAN v formate vzaimodeistviya stran BRICS [Prospects for the integration of the EAEU and ASEAN in the format of interaction between the BRICS countries]. *Finansy i kredit*, 41 (713): 29–37.
- Medvedev I.V. 2016. Perspektivy regional'nykh ob"edinenii SADK, SACU i BRICS v kontekste razvitiya ekonomiki Rossii [Prospects for regional associations SADC, SACU and BRICS in the context of the development of the Russian economy]. *Finansovaya analitika: problemy i resheniya*, 21 (303): 53–60.

- Medvedev I.V. 2018. Parallel'nyi import v EAES [Parallel imports in the EAEU]. *Obshchestvo i ekonomika*, 5: 68–78.
- Medvedev I.V. 2019. Teoreticheskie i metodologicheskie osnovy ekonomicheskikh integratsionnykh protsessov na postsovetskom prostranstve v ramkakh EAES [Theoretical and methodological foundations of economic integration processes in the post-Soviet space within the framework of the EAEU]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika i upravlenie*, 4 (48): 183–191.
- Medvedev I.V. 2020. Rol' rossiiskikh kompanii v ekonomicheskikh integratsionnykh proektakh «Odin Poyas – Odin Put'»: Teoreticheskie i metodologicheskie osnovaniya [The role of Russian companies in the economic integration projects «One Belt – One Road»: Theoretical and methodological foundations]. *Vestnik IE RAN*, 4: 185–201.
- Medvedev I.V. 2020. Ekonomiko-teoreticheskie problemy issledovaniya ekonomicheskikh integratsionnykh protsessov na postsovetskom prostranstve na primere SNG [Economic and theoretical problems of the study of economic integration processes in the post-Soviet space on the example of the CIS]. *Teoreticheskaya ekonomika*, 2 (62): 60–66.
- Moiseev E.G. 2020. Istoki Evraziiskogo ekonomicheskogo soyuza [Origins of the Eurasian Economic Union]. *Vestnik universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA)*, 6 (10): 73–81.
- Stepanova N.A. 2014. Velikobritaniya v sodruzhestve natsii: proshloe nastoyashchee budushchee [Great Britain in the Commonwealth of Nations: Past Present Future. Bulletin of MGIMO University]. *Vestnik MGIMO universiteta*, 4 (37): 214–220.
- Tsykunov G.A. 2015. Sodruzhestvo Nezavisimykh Gosudarstv u istoricheskoi cherty [Commonwealth of Independent States at the historical threshold]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedenie*, 11: 52–59.
- Berriedale A. Keith. 1938. *The Dominions as Sovereign States: Their Constitutions and Governments*. Macmillan and Co, 769 p.
- Berman F. 2015. Treaty-Making Within the British Commonwealth. *Melbourne University Law Review*, 38 (3): 898–920.
- Dale W. 1982 Is the Commonwealth an International Organization. *The international and Comparative Law Quarterly*, 31. 451–473.
- Fawcett J.E.S. 1958. *The Inter se Doctrine of Commonwealth Relations*. Athlone Press: London, 48 p.
- Gerald E.H. Palmer. 1935 *Consultation and Co-operation in the British Commonwealth: A Handbook on the Methods and Practice of Communication between the Members of the British Commonwealth of Nations*. *International Affairs*, 14 (1): 133–134.
- Machlup F. 1977. *A History of Thought on Economic Integration*. Palgrave Macmillan UK, 323 p.
- Marie-Aude F. 2016. Film as archive: Africa Addio and the ambiguities of remembrance in contemporary Zanzibar. *Social Anthropology*, 1: 82–96.
- MacG R. 1937. Dawson. The Imperial Conference. *The Canadian Journal of Economics and Political Science*, 3: 23–39.
- Sir Chamberlain A. 1927. Form of Treaties to Be Negotiated in Future under the Auspices of the League of Nations. League of Nations. HANSARD. URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/people/mr-austen-chamberlain/1927> (accessed: 17.03.2022).
- Wheare K.C. 1953. *The Statute of Westminster and dominion status*. Oxford University Press, 347 p.
- Zelman C. 1965. *The British Commonwealth of Nations in a Changing World. Law, Politics & Prospects*, 118 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Медведев Илья Витальевич, аспирант кафедры экономической теории института экономики и управления, Тверской государственный университет, г. Тверь, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ilya V. Medvedev, graduate student, Department of Economic Theory, Institute of Economics and Management, Tver State University, Tver, Russia